

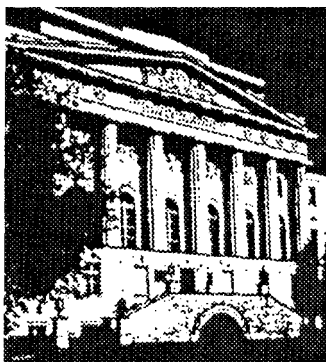
КЛАССИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТСКИЙ УЧЕБНИК

Серия основана в 2002 году по инициативе ректора

МГУ им. М.В. Ломоносова
академика РАН В.А. Садовниченко

и посвящена

250-летию
Московского университета

КЛАССИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТСКИЙ УЧЕБНИК

Редакционный совет серии:

Председатель совета
ректор Московского университета
В.А. Садовничий

Члены совета:

О.С. Виханский, А.К. Голиченков, М.В. Гусев,
В.И. Добреньков, А.И. Донцов, Я.Н. Засурский,
Ю.П. Зинченко (ответственный секретарь),
А.И. Камзолов (ответственный секретарь),
С.П. Карпов, Н.С. Касимов, В.П. Колесов,
А.П. Лободано, В.В. Лунин, О.Б. Лупанов,
М.С. Мейер, В.В. Миронов (заместитель председателя),
А.В. Михалев, Е.И. Моисеев, Д.Ю. Пушаровский,
О.В. Раевская, М.Л. Ремнева, Н.Х. Розов,
А.М. Салецкий (заместитель председателя),
А.В. Сурин, С.Г. Тер-Минасова,
В.А. Ткачук, Ю.Д. Третьяков, В.И. Трухин,
В.Т. Трофимов (заместитель председателя), С.А. Шоба

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

А.И. Антонов

МИКРОСОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

Учебник

Второе издание

*Допущено Учебно-методическим объединением
по классическому университетскому образованию
в качестве учебника для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальности 020300 «Социология»*

Москва
ИНФРА-М
2005

УДК 316.3/4.(075.8)

ББК 60.5я73

А72

Рецензенты: д-р философ. наук, проф. *В.Г. Виноградский*;
д-р философ. наук, проф. *Э.И. Фетисов*

Антонов А.И.

А72 Микросоциология семьи. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 368 с. –
(Классический университетский учебник).

ISBN 5-16-002250-3

В книге изложены основные теоретические подходы и перспективы микросоциологии семьи, методологические принципы исследования семейной структуры и динамики. Критически рассматриваются методы сбора и анализа данных о семейных событиях, циклах, сетях и линиях семейного поведения. Автор на базе собственных многолетних исследований анализирует методики и тесты семейной и супружеской совместности, раскрывает широкие возможности техники семантического дифференциала.

Рекомендуется студентам и аспирантам, преподавателям социологических, демографических, экономических и психологических факультетов, всем, кто интересуется конструированием и интерпретацией социологических данных.

ББК 60.5я73

ISBN 5-16-002250-3

© А.И. Антонов, 2005

© МГУ им. М.В. Ломоносова,
художественное оформление, 2003

Редактор *И.И. Шановалова*

Корректор *Л.С. Куликова*

Оригинал-макет подготовлен в Издательском Доме «ИНФРА-М»

Художественное оформление серии выполнено Издательством Московского университета и издательством «Проспект» по заказу Московского университета

ЛР № 070824 от 21.01.93 г.

Сдано в набор 13.08.2004. Подписано в печать 26.11.2004.

Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Newton». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 23,0. Уч.-изд. л. 24,34. Тираж 3000 экз.

Заказ № 0415200. Цена свободная.

Издательский Дом «ИНФРА-М»,

127214, Москва, Дмитровское ш., 107.

Тел.: (095) 485-71-77. Факс: (095) 485-53-18.

E-mail: books@infra-m.ru

<http://www.infra-m.ru>

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Уважаемый читатель!

Вы открыли одну из замечательных книг, изданных в серии «Классический университетский учебник», посвященной 250-летию Московского университета. Серия включает свыше 150 учебников и учебных пособий, рекомендованных к изданию Учеными советами факультетов, редакционным советом серии и издаваемых к юбилею по решению Ученого совета МГУ.

Московский университет всегда славился своими профессорами и преподавателями, воспитавшими не одно поколение студентов, впоследствии внесших заметный вклад в развитие нашей страны, составивших гордость отечественной и мировой науки, культуры и образования.

Высокий уровень образования, которое дает Московский университет, в первую очередь обеспечивается высоким уровнем написанных выдающимися учеными и педагогами учебников и учебных пособий, в которых сочетаются как глубина, так и доступность излагаемого материала. В этих книгах аккумулируется бесценный опыт методики и методологии преподавания, который становится достоянием не только Московского университета, но и других университетов России и всего мира.

Издание серии «Классический университетский учебник» наглядно демонстрирует тот вклад, который вносит Московский университет в классическое университетское образование в нашей стране и, несомненно, служит его развитию.

Решение этой благородной задачи было бы невозможным без активной помощи со стороны издательств, принявших участие в издании книг серии «Классический университетский учебник». Мы расцениваем это как поддержку ими позиции, которую занимает Московский университет в вопросах науки и образования. Это служит также свидетельством того, что 250-летний юбилей Московского университета — выдающееся событие в жизни всей нашей страны, мирового образовательного сообщества.

*Ректор Московского университета
академик РАН, профессор*

В. Садовничий
В. А. Садовничий

Содержание

Предисловие	9
Глава 1. Введение в микросоциологию семьи	13
1.1. Микросоциология семьи в системе социологического знания	14
1.2. Феноменологический (социально- символический) и инструментальный подходы к изучению семьи	21
1.3. Объект и предмет микросоциологии семьи	28
1.4. Социологическое измерение фамилистических феноменов	37
1.5. Проблемы конструирования социологических теорий	43
Глава 2. Теоретические истоки микросоциологии семьи	61
2.1. Типология теоретических подходов к изучению семьи	62
2.2. Символический интеракционизм	69
2.3. Теория обмена	70
2.4. Этнометодология, феноменологическая социология	73
2.5. Психоанализ, психодрама и социометрия	77
2.6. Русская социология семьи	85
Глава 3. Стратегия применения методов опроса, наблюдения и контент-анализа к изучению семьи	101
3.1. Социологическое исследование семьи как способ реализации системного подхода	102
3.2. Взаимодействие условий и объекта исследования в микросоциологии семьи при опросе, наблюдении и контент-анализе	117
3.3. Специфика изучения формирования и выражения мнений при использовании опроса в области семейного поведения	124
Глава 4. Методы исследования жизненного цикла семьи	144
4.1. Методология изучения стадий семейного цикла ...	148
4.2. Неполнота жизненного цикла семьи	161
4.3. О применении концепции семейного цикла к изучению образа жизни посредством семейных бюджетов	177

4.4. Методы анализа структур социокультурных ролей семьи и родства (свойства)	189
4.5. Методы генеалогического исследования семьи	201
4.6. Методы изучения семейных биографий и линий жизни	214
Глава 5. Методы социологического исследования семейного поведения	236
5.1. Исследование диспозиций семейного поведения ...	239
5.2. Методика изучения совместимости потребностей супругов	244
5.3. Изучение диспозиций брачного поведения	249
5.4. Тесты по измерению удовлетворенности браком ...	259
5.5. Методы измерения репродуктивных установок и мотивов, потребности в детях, ценности семьи и детей	265
5.6. Исследование социализационного (родительского) поведения	304
5.7. Методы изучения самосохранительного поведения, ценностных ориентаций, установок к здоровью и продолжительности жизни	320
Глава 6. Социометрия супружеской совместимости и семейных отношений	341
6.1. Социологический подход к изучению взаимоотношений в семье	342
6.2. Исследование супружеской совместимости на основе межличностного восприятия семейных ролей	345
6.3. Измерение сходства и различия ролевых представлений супругов посредством техники «семантического дифференциала»	350
6.4. Тест ролевой совместимости супругов	354
6.5. Принципы разработки компьютерных вариантов ТИРС	358
Заключение	368

Предисловие

«Микросоциология семьи» создана на основе курсов лекций, прочитанных автором в разные годы на социологическом, философском, экономическом и психологическом факультетах МГУ им. М.В. Ломоносова по методам социологических исследований семьи, методологии социологического объяснения и понимания, по технике и процедурам социологического измерения фамилистических¹ феноменов. Книга знакомит в первую очередь с распространенными методиками исследования в трех основных областях микросоциологии семьи и лишь во вторую очередь — с особенностями применения социологических методов опроса, наблюдения и анализа документов в такой специфической области социологии, как изучение семьи.

Здесь обсуждаются методы конструирования и объяснения данных относительно всех видов: а) семейного поведения; б) внутрисемейных взаимоотношений; в) событий семейного цикла жизни. Наличие большого эмпирического материала в социологии семьи позволяет проиллюстрировать авторский взгляд на достоинства и недостатки разных методик и процедур многочисленными примерами из исследовательской практики.

В учебном пособии раскрывается ведущая роль теории в конструировании методик и измерительных процедур, в получении и разработке результатов исследований, в обосновании выводов. Данная направленность подчеркивается подзаголовком, и это значит, что автор не ставил перед собой задачи дать развернутую характеристику основных направлений микросоциологии семьи. Вместе с тем невозможно при обсуждении исследовательских процедур не касать-

¹ Слово «фамилистический» производно от латинского *familia* — семья, и является синонимом всего семейного. Фамилистикой иногда называют комплекс наук о семье. Термин «фамилизм» употребляется для характеристики просемейных систем ценностей, где наивысшее значение по сравнению с остальными благами жизни придается семье и детям. Фамилизм применительно к индивидуальной системе ценностных ориентаций означает устремленность индивида на достижение семейного благополучия, следствием которого оказывается индивидуальное благополучие.

ся содержательных аспектов измеряемых явлений. Поэтому в книге по ходу изложения появляются иногда теоретические комментарии или краткие отступления, необходимые для уяснения сути того, что измеряется с помощью тех или иных методик.

Учебное пособие, посвященное обобщению опыта в области методов исследований семейного цикла, поведения и семейных взаимоотношений, не может быть свободно от авторских предпочтений. Внимательный читатель заметит, сколь сильны симпатии автора к критическим приемам феноменологической социологии и этнометодологии. И это не случайно, ибо сосредоточенность на анализе повседневных интерпретаций семейной жизни и их влиянии на познавательную деятельность социолога особенно важна при изучении семьи.

Тезис о необходимости четкого формулирования ученым исходных предпосылок должен стать нормой социологического исследования прежде всего в тех областях, где личный опыт специалиста особо значим для выводов о всеобщем. В сфере семейного поведения из-за ее тесной сопричастности самооценкам Я и МЫ весьма много иллюзий, стереотипов и предрассудков, которые с трудом поддаются осознанию и кажутся тем правдоподобнее, чем менее альтернативен свой семейный стиль жизни. Требование феноменологического осознания этих скрытых, латентных оснований наших семейных мнений является чрезвычайно актуальным для специалистов, занимающихся исследованиями семьи.

Нельзя не согласиться с Л. Иониным и Г. Осиповым — авторами «Вступительной статьи» и редакторами русского перевода своеобразной энциклопедии феноменологического анализа, когда они пишут, что «методологическая деятельность, состоящая в проведении этого требования, превращается в своего рода «микросоциологию познания», обнаруживающую содержательные социальные критерии обоснованности социологических объяснений и обеспечивающих саму эту обоснованность»². Одна из целей «Микросоциологии семьи» и состоит в обучении навыкам этой исследовательской саморефлексии.

В отечественной литературе можно пересчитать по пальцам учебные пособия по социологии семьи. Данная книга восполняет этот пробел, особенно в части, касающейся социологических методов исследования фамилистических структур и процессов. В ней не дается поэтому содержательной характеристики макросоциологических теорий фамилистических изменений (об этом говорится в коллективном учебнике «Социология семьи» под редакцией А.И. Антоно-

² Новые направления в социологической теории. М., 1978. С. 17.

ва, подготовленном для издания в 2004 г., знакомство с которым позволит лучше понять фамилистический подход к макросоциологическому изучению семейных изменений, лучше уяснить специфику теории институционального кризиса семьи)³.

Расположение глав в настоящем учебном пособии не случайно: сначала идут главы, вводящие в предмет микросоциологии семьи и знакомящие с ее теоретическими истоками (гл. 1 и 2). Затем в главе 3 дается общая методология микросоциологического исследования семьи, раскрывается стратегия в области применения методов опроса, наблюдения и контент-анализа к изучению семьи. Далее в главах 4, 5 и 6 обсуждается применение основных методологических принципов микроанализа семьи на примере конкретных методик, распространенных в отечественных и зарубежных исследованиях семьи. Структура объекта микросоциологии семьи отображается в логике заключительных глав: все связанное с измерениями семейного цикла рассматривается в 4 главе, семейного поведения⁴ — в 5 главе, и в 6 главе описаны проективные методики исследования межличностных отношений супругов.

Работа над этой книгой вдохновлялась надеждой, что новые коргорты социологов, овладевая опытом выработки и интерпретации научных данных, смогут избежать позитивистского догматизма, увлечения измерительным жонглированием, «квантофренией». Хочется верить, что новые социологи не потеряют интереса к судьбе института семьи в обществе XXI в., «поскольку в науке, — по остроумному замечанию Питера Бергера, — как в любви: концентрация на технике ведет к импотенции»⁵. По мере своих сил автор стремился показать, что в социологических и демографических исследованиях семьи акцент на методах и технике не является самодовлеющим, а разработка инструментария подчиняется доказательству гипотез, определяемых в конечном счете одной из двух противоборствующих сегодня парадигм — прогрессистского развития семьи либо кризисного хода семейных изменений.

³ См. также: *Андреева Т.В.* Семейная психология. СПб., 2004; *Саралиева З.Х.* Семья — клиент социальной работы. Н. Новгород, 2003; *Карцева Л.В.* Социология семьи. Казань, 2003; *Черняк Е.М.* Социология семьи. М., 2003.

⁴ Термин «семейное поведение» служит для единого обозначения основных разновидностей его: как-то брачного, репродуктивного, социализационного и самосохранительного поведения.

⁵ *Бергер Питер Л.* Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива. М., 1996. С. 20.

По глубокому убеждению автора, первая из них — парадигма, описывающая исторический переход к нуклеарной эгоцентристской семье и утверждающая спонтанное укрепление «современной» семьи по мере улучшения условий жизни, исчерпала себя. Она не объясняет роста разводов и нерегистрируемых браков, массовой одиозности семьи и девиантности новых поколений, не исследует понимание бракоразводного, социализационного и репродуктивного поведения участниками событий и потому вынуждена отождествлять стереотипные интерпретации с подлинными мотивами действий. Возникшая для описания перехода от «традиционной» семьи к «современной», она выполнила свое предназначение и не может ничего сказать о перспективах семьи сегодняшней, оставаясь ныне всего лишь частным случаем парадигмы семейных изменений, ценностного кризиса семьи как института.

Предлагая читателю «Микросоциологию семьи», автор не противопоставляет ее макросоциологии институциональных изменений семьи, а пытается показать, что полнокровное осмысление семейного измерения социального мира невозможно без социологического объяснения того, что делается, и социологического понимания значений происходящего для самих актеров жизненной драмы и комедии.

Глава 1

ВВЕДЕНИЕ В МИКРОСОЦИОЛОГИЮ СЕМЬИ

Вещи бывают великими и малыми
не токмо по воле судьбы и обстоятельств,
но также по понятиям каждого.

Козьма Прутков

Краткое содержание

Разделение на макро- и микросоциологию семьи относительно, и тем не менее необходимо, когда критерием становится различие макро- и микрообъектов исследования, а не уровней обобщения и анализа. Семья как макрообъект — это социальный институт, изучаемый в контексте социетальных процессов во взаимодействии с другими институтами общества и в масштабах исторического времени. Семья как микрообъект — это малая группа отдельной семьи со своей семейной биографией или историей, с учетом приватного характера семейного «климата». Микросоциология семьи изучает семейные интеракции, во-первых, с точки зрения их инструментальности, достижения тех или иных результатов семейного поведения, этапов жизненного цикла семьи; во-вторых, в терминах социологии понимания, восприятия «субъективных» значений обиходной семейности. Особая тема микросоциологического подхода — проникновение общежитейских интерпретаций в научные объяснения семейных ситуаций и действий, в социологические теории. Это — область феноменологической социологии семьи, которая привле-

кает внимание к строгому соблюдению требования о четкой формулировке исследователями исходных предпосылок. Техника и процедуры социологического измерения семьи — важная часть микросоциологии семьи, исходящей из единства, а не противопоставления количественных и качественных методов.

1.1. Микросоциология семьи в системе социологических дисциплин

Идеал науки традиционно отождествляется с бескорыстным и беспристрастным поиском истины. Социология не является исключением, но в данном случае реализация этого вечного идеала затруднена своеобразием изучаемого объекта. В естествознании объект исследования находится вне человека, и представления о нем в меньшей мере, чем в социальных науках, зависят от методов и средств измерения. В социологии принципиально иное положение, и особое внимание к этому обстоятельству и составило славу русской социологии как субъективной школы в мировой социологической мысли.

Н.К. Михайловский (1842–1904), выдающийся представитель школы субъективной социологии, полагал, что в познании человека в отличие от познания природы приходится иметь дело с явлениями, наделенными целями, и поэтому необходимо применять разные методы: в изучении природы — «объективный», а в изучении человеческих отношений — «субъективный». «Правда» всегда субъективна, а должна быть «правдой-справедливостью», т.е. корректироваться идеалом «общей справедливости»⁵. Социология исследует общественные отношения исходя из конечного идеала развития всех сил и способностей человека. Это предполагает перестройку групповых целей индивида под общественный идеал. Поскольку люди некритически отдаются во власть групповой стихии, то их поведение подчиняется «идолам», а не «идеалу общей справедливости». Люди сами себя обманывают социальными миражами, извращенными обобщениями, поэтому и социология переполнена «неправдой», псевдоистинами. Таким образом, *субъективный метод*, по Н.К. Михайловскому, предполагает критическое отношение к разного рода мистификациям, что оказывается своеобразным предвосхищением метода понимания, «понимающей социологии».

Поиск истины в социологии тяжок, хотя нам в наследство от отечественных первопроходцев достался замечательный субъективный метод. Однако его применение на практике зачастую оказывается довольно затруднительным делом. Субъективный метод требу-

ет больше скепсиса по отношению к теоретическим объяснениям, больше самокритики. «Разоблачительная» суть социологии возрастает, когда мы переходим к социологии семьи. Здесь сцепленность объекта с методами наблюдения и вовлеченность самого ученого через личный опыт семейной жизни непосредственно в объект исследования заставляют обратить чрезвычайное внимание на познавательную работу социолога. Это чаще всего невидимая работа, скрытая от глаз потребителя социологической продукции, но по своему влиянию на конечные выводы весьма весомая. Вместе с тем это не значит, что в микросоциологии семьи все исследования сводятся лишь к методологии и методике. Признавая важность измерительных процедур, нельзя до бесконечности увлекаться усовершенствованием техники исследований и постоянно протирать очки, забывая, как ядовито заметил американский социолог Т. Шибутани, водрузить их на нос.

Разумеется, в изучении такой приватной сферы жизнедеятельности, как семья, особое внимание должно постоянно уделяться инструментарию, надежности и обоснованности измерения семейных, фамилистических феноменов. Но дело не только в том, что люди, столкнувшиеся с интересом социологов к их личному бытию, не горят желанием тут же «вывернуться наизнанку». Конечно, исследователю надо придумывать изощренные средства проникновения в «тайный мир» каждого. Люди могут скрывать мысли и чувства, а могут и не подозревать о подлинных мотивах своих действий и устремлений.

Индивидуальный опыт семейной жизни самого ученого в еще большей степени, чем неискренность и самозащита респондентов, препятствует беспристрастному изучению семейных отношений. Социолог всегда рискует стать сторонником тех теорий, в которых отображается привычный ученому семейный образ жизни.

Социологу, изучающему семью, призванному профессионально открывать людям глаза на всем давно известные феномены, не просто предпринять путешествие по собственному дому. При этом трудно не оказаться в шоке от социологических наблюдений, которые, по мнению американского социолога Питера Бергера, «как правило, оскорбляют моральные чувства»⁶.

Поэтому первый методологический принцип фамилиста — перешагнуть через самого себя, через конвенциональность своего пола⁷, преодолеть личный опыт семейной жизни и принять этические нормы профессионала, которые конечно же легче сформулировать, нежели осуществить на практике. Социолог, специалист по исследованию семейных изменений должен уметь провести границу между профессиональным интересом к семье вообще и личной жиз-

нию — уж коли своя семья неизбежно становится частью предмета исследования. Чтобы уберечься от коварного импульса подстраивать научные истины под свое повседневное бытие, надо ухитриться, подобно гоголевскому кузнецу из «Вия», очертить вокруг себя мелом спасительный круг сциентизма.

В области социологии семьи, как ни в какой другой, справедливо звучат слова английского социолога А. Гидденса о том, что освоение социологии, особенностей социологического подхода неизбежно предполагает постепенный отказ от личного взгляда на мир. Профессиональные знания о социологической реальности, накапливаясь, образуют систему отсчета, в которой мир здравого смысла, данный нам в непосредственных ощущениях и принимаемый как самоочевидный, на глазах разваливается.

Важно понять ведущую роль теории в интерпретации изучаемых фамилистических явлений и вместе с тем уяснить конвенциональную обусловленность научных трактовок семейных изменений. Однако все, что мы знаем и узнаём о семье, в значительной степени определяется тем, как извлекаются или конструируются эти знания. Разночтения одного и того же факта зависят не только от концептуальных подходов, но и от своеобразия применяемых в исследованиях методов и процедур.

Безусловно, при исследованиях измерительные средства и технические приемы обладают определенной спецификой и автономией по отношению к тем теориям, которые их порождают. Собственно говоря, процедура удостоверения в обоснованности измерения при помощи какого-либо инструмента, «изготовленного» исходя из определенной теории и как бы в «угодую ей», заключается в сравнении с данными, полученными с использованием другого инструмента. Совпадение результатов измерений по разным методикам свидетельствует о надежности примененных процедур в той сфере исследований, которую можно именовать «микросоциологией семьи».

Когда идет речь о микросоциологии семьи, появляется искушение отождествить данный подход с социально-психологическим, т.е. с исследованием малых групп и семейных взаимоотношений, межличностной сплоченности. Однако это всего лишь одна часть объекта исследования наряду с изучением семейного цикла и разновидностей семейного поведения. Вместе с тем сравнение макросоциологии семьи с микросоциологией семьи показывает несводимость последней к социально-психологическому измерению внутрисемейных интеракций.

Изучение семьи как института в ряду других структур общества находится на макроуровне, тогда как исследование структуры и ди-

намики отдельных семей относится к микроуровню социологии семьи. Микро- и макрообласти анализа разделяются не только в социологии, но и в физике, биологии и других науках, и это связано прежде всего с различием уровней объекта исследования. Макросоциология семьи изучает социальные изменения, фокусируя внимание на социальном институте семьи, на вкладе институциональных изменений семьи в общесоциальную динамику. Осуществляя фамилистическое измерение социально-исторических процессов, макросоциология семьи объясняет социальную дифференциацию, индустриализацию и урбанизацию в контексте воспроизводства социальной структуры общества, сохранения и модификации социальных институтов, системы их взаимосвязей. При этом в центре анализа — условия сохранения института семьи как важнейшего посредника во взаимосвязи личности и общества. Исследование посреднической роли института семьи и ее социальных проявлений составляет предмет макросоциологии семьи.

Выяснение взаимодействия механизмов стабилизации института семьи дает возможность понять, как общество балансирует между двумя социальными крайностями — тенденцией общества к тоталитарности и тенденцией личности к индивидуалистической анонии. Упадок посреднической роли семьи вызывает двойную невосприимчивость — нереспонсивность и общества и личности по отношению к семье. Не откликаясь на нужды семьи как социокультурной целостности, общество и личность остаются один на один с их взаимоисключающими тенденциями, так как оказываются лишенными своей амортизационной опоры.

Цель макросоциологии семьи — исследовать, каким образом институциональный кризис посреднической функции семьи устраняет социокультурное предназначение семьи — быть надежной крепостью на пути антиэкзистенциальных сил, обнажающих антагонизм общества и личности. Социальная реальность изначально устроена так, что именно институт семьи может противостоять тоталитаризму и индивидуализму. Поэтому в укреплении семьи обоюдно заинтересованы личность и общество.

Социолог исследует, как строй жизни поддерживает или разрушает ценность семьи и детей, ценность семейной преемственности поколений и передачи семейного капитала: экономико-профессионального, культурного и т.д. При этом возникает ряд вопросов: какие факторы изменяют систему приоритетов общества и иерархии ценностей личности; каким образом возникают социально-исторические факторы, направленные против семьи с несколькими детьми, насколько продолжительно их действие; связаны ли они с пред-

намеренным умыслом людей, с вмешательством социальных институтов и государства или это фатальное следствие социально-экономического развития либо — итог принципиально непредсказуемых влияний человеческой деятельности. Ответы на эти и аналогичные вопросы предполагают учет данных истории, антропологии, биологии и медицины, психологии, демографии, экономики, культурологии, права, политологии и других дисциплин. Но это становится возможным лишь в едином контексте объяснения и интерпретации глобальных социальных изменений, составляющих, по мнению польского социолога П. Штомпки, основное содержание предмета социологии⁸.

Таким образом, макросоциология семьи специально не изучает законы развития и историю отдельной семьи. Она ищет принципы, раскрывающие суть изменения и движения всей массы семей в социальном пространстве — времени при взаимодействии с остальными элементами социальной макроструктуры. Микросоциология семьи сосредоточивается на жизненном цикле семьи, на возникновении — функционировании — распаде отдельных семей. Рассмотрению «под микроскопом» подвергается жизненная история или биография отдельной семьи, ее становление и старение, укрупнение и дробление, сплочение и отчуждение, распад и разложение в связи со смертью всех ее членов.

Микросоциология семьи имеет дело не с одной семьей, а с отдельной семьей, изучаемой на миллионах примеров в контексте старта — финиша и в связи с семейными событиями, имеющими свойство повторяться в массе случаев. Одни семьи существуют десятилетия, другие — месяц, неделю, день. Понятие жизненного цикла семьи предполагает циклический разворот семейных событий во множестве семей, а не в отдельной семье, где наблюдается хронологическая последовательность тех или иных действий. Разумеется, можно говорить о «серийном браке», о серии браков-разводов, но это уже характеристика поведения отдельных индивидов, а не семей.

Бывает, что отдельный человек многократно вступает в брак и разводится, но семья, однажды созданная, способна лишь противостоять разрушению. Вопрос в том, будет ли конец семьи преждевременным или своевременным, быстро наступающим или отсроченным на десятилетия. Конкретная семья не возрождается из пепла развода, а всегда создается заново. Серийность или цикличность браков-разводов может наблюдаться лишь в крайне редких случаях разъединения-воссоединения одной и той же пары супругов. Цикличность семейных событий происходит также при рождении нескольких детей в отдельной семье, хотя, строго говоря, каждое рождение сугубо уникально, ибо различается во времени.

Микросоциология семьи, используя биографический подход и анализируя семью по стадиям ее полного цикла, проявляющегося во всей совокупности семей, способна обнаруживать отклонения от идеальной модели семьи, в которой последовательно осуществляются все фазы семейного бытия. При этом описания отдельных случаев складываются в эмпирические обобщения типовых траекторий семейной жизни. Во множестве семейных историй вырисовываются наиболее повторяющиеся и распространенные конфигурации.

В конечном счете сочетание социологических и статистических данных представляет всю картину разнообразия семейных судеб и позволяет определить вероятность наступления таких событий, как развод, несчастный случай, вынужденная разлука и т.д. При этом возможно рассчитать стаж или среднюю продолжительность семейной жизни, заканчивающуюся разводом или смертью одного или обоих супругов либо прерываемой стихийными событиями, войнами и др. Изучение жизненного цикла семьи позволяет представить совокупность семей в городе, регионе или стране во всем многообразии жизненных проявлений и отклонений от магистральных направлений семейной динамики.

Но именно внимание к социальным характеристикам этих магистральных линий семейного цикла образует своеобразный мостик между микро- и макроанализом семьи, подчеркивая относительность различия этих уровней анализа. Тем не менее правомерность таких дисциплин, как макро- и микросоциология семьи, сохраняется, если помнить, что граница между ними проводится по объекту исследования и что микрообъектом является динамика отдельной семьи, а макрообъектом — изменения института семьи.

Отдельно взятая семья в контексте жизненного цикла — лишь одна из трех сторон микрообъекта исследования. Вторая сторона, не менее важная и сложная, заключается в изучении поведения семьи. Существует традиция именовать микросоциологическим исследованием любое обращение к индивидуальному и групповому поведению. Так, например, американский социолог П. Лазарсфельд относит к микросоциологии все, что имеет дело с человеческим поведением в современных ситуациях, и все исследования, использующие количественные методы везде, где это возможно, и стремящиеся систематизировать качественные процедуры, где они необходимы⁹.

Из всех видов социально значимого поведения семьи микросоциологию интересуют лишь специфические виды семейного поведения, т.е. экзистенциально важные для функционирования и самого конституирования семьи как автономной целостности. Это

прежде всего действия, связанные с рождением и воспитанием детей, репродуктивное и социализационное поведение семьи. Сюда относится также заключение брака, функционирование супружества и разрушение его. Эти формы семейной жизни обычно называют брачным или матримониальным поведением, причем в него включают не только поведение, связанное со вступлением в брак, но и с разъединением супругов, с разводом.

Еще одна разновидность общесемейного поведения, редко упоминаемая в научных монографиях и учебниках, но подлежащая микросоциологическому исследованию, относится к прекращению существования семьи в связи со смертью ее членов. Смерть одного из супругов делает другого вдовым, а детей сиротами; смерть детей возвращает семью на предшествующие стадии или редуцирует к браку. Данная разновидность поведения семьи не имеет устоявшегося наименования, но связана с комплексом действий по поводу смерти, умирания, похорон, траура и т.п. По-видимому, можно говорить в связи с этим о танатологическом поведении, ведущем зачастую к исчезновению семьи и брака, к формированию «осколочных» форм семьи, семейных группировок. Следует различать прекращение брака и исчезновение семьи. Семья как единство супружества-родительства-родства исчезает, если выпадает хотя бы один из этих элементов. Однако распад брака-супружества может сохранить родственно-родительские контакты, тогда как гибель всех членов семьи, допустим нуклеарной, свидетельствует о полном ее крахе¹⁰.

Разумеется, семьи заботятся о собственном самосохранении, т.е. о поддержании физического существования своих членов. Поэтому наряду с танатологическим поведением, характеризующим установки личности к смерти и отношения в семье по поводу смерти ее членов, следует выделять самосохранительное поведение.

Этот термин стал употребляться в социологии и социологической демографии с начала 1970-х гг. для описания готовности личности к сохранению собственной жизни и здоровья, к продлению существования вплоть до глубокой старости. О самосохранительном поведении личности говорят, когда хотят подчеркнуть воздействие самого человека на сроки жизни, причем выделяют физическое, телесное самосохранение, затем психологическое сохранение своего Я и социальное самосохранение личности в определенном социальном статусе или положении.

В понятии «самосохранительное поведение» не фиксируется направленность на укрепление здоровья и сохранение жизни других членов семьи — детей, инвалидов и престарелых. Забота матери и отца о детях или детей о родителях — это, скорее всего, разновидность альт-

руистического поведения. Вместе с тем в ходе социализации под влиянием семьи у детей формируются определенные навыки, паттерны самосохранительного поведения, поэтому здесь мы наблюдаем явное пересечение с социализационным поведением семьи.

Исследования самосохранительного и танатологического поведения (наряду с остальными видами семейного поведения) показывают, как формируются основные результаты и события семейного цикла. Вместе с тем эти результаты — не просто регистрация происходящего, они имеют глубокий социально-символический смысл, поскольку характеризуют степень семейной сплоченности и солидарности. Но именно непосредственный анализ семейной устойчивости образует *третью сторону* объекта микросоциологии семьи. Взаимоотношения членов семьи в контексте достижения семейного единства, межличностные факторы укрепления или разрушения семейной целостности — вот главные темы этой важнейшей сферы микросоциологического исследования семьи.

Таким образом, изучение семейного цикла жизни, семейного поведения и семейных взаимоотношений исчерпывает микрообъект исследования. Следует обратить внимание также и на то, в каких двух теоретико-методологических измерениях возможен анализ объекта микросоциологии семьи. Семья в микросоциологии измеряется, во-первых, в координатах структуры и динамики, и во-вторых, в терминах феноменологического и инструментального подходов.

1.2. Феноменологический (социально-символический)

и инструментальный подходы к изучению семьи

Микросоциология семьи не может ограничиться лишь методами исследования семейной динамики и структуры — как правило, в этих координатах изучаются бракоразводные и репродуктивные виды поведения, а весь анализ сводится к инструментальному определению результатов семейного поведения.

Структурная ось микросоциологии семьи связана с инструментальным выяснением статуса семьи среди групп микросреды, социальной принадлежности личности. Положение института семьи в обществе, среди других социальных институтов — это структурный аспект макросоциологии семьи. К нему относится также социокультурная динамика — межпоколенная трансляция семейных норм и традиций.

Динамическое измерение семейного цикла и межличностного «климата» столь же инструментально, как и анализ динамики семейного поведения. Само по себе обращение к исследованию се-

мейных процессов НЕ ведет к постановке задач феноменологического характера. Поэтому возникает необходимость выделения самостоятельной оси микроисследования семьи, введения новой социально-символической координаты, направленной не на выяснение того, что делают участники семейной драмы и к каким это ведет последствиям, а как они сами себе объясняют смысл происходящего, каково их понимание — пусть алогичное, непоследовательное, иллюзорное — всего того, что составляет мир семьи.

Субъективные представления и мнения каждого семейного Я важны сами по себе, но еще более как часть семейного Мы. Знания о них нужны не только для уразумения причин тех или иных действий, а прежде всего для проникновения в смысл, придаваемый этим действиям их участниками. Ориентация на подобное изучение этого смысла оказывается еще одной составной частью предмета микросоциологии семьи. Следовательно, «понимающую» социологию семьи можно рассматривать как автономную область, использующую специальные методы расшифровки внутрисемейной символики. Разумеется, символические системы при всей их устойчивости и инерционности изменяются с течением времени, причем символические конструкции имеют разную длительность существования. Как известно, символика родственных отношений, например, сохраняется столетиями и, может быть, тысячелетиями. Она отстает от изменений практической жизни семьи — так, нынешняя однодетность элиминирует многие из родственных уз. Тем не менее символическая система родства продолжает существовать вопреки фактическому устранению двоюродных и прочих отношений.

Динамическое измерение сугубо инструментально — выясняет все обстоятельства, ведущие к конечному результату. Это заметнее всего при изучении семейного поведения и событий жизненного цикла семьи. Фактически схема осуществления семейного цикла и регуляции поведения членов семьи нацелена на достижение определенного результата и представляет собой технологию приведения в действие необходимых для этого средств. Поэтому иногда социальное поведение называют целеустремленным или целенаправленным¹¹.

Структурное измерение семьи столь же инструментально, так как результаты семейного поведения отдельных семей складываются в тенденции, фиксируемые статистикой браков, разводов и всех событий семейного цикла. Семейная структура — это своеобразная «фамилиография» (по аналогии с социографией), описывающая в данный момент «поперечный срез» строения системы социально-семейного действия или же семейного поведения. Семейная структура пересекается с демографической структурой, поэтому часто в

социологических исследованиях под рубрикой «социально-демографические данные» фигурируют переменные пола, возраста, семейного состояния, этнического статуса, профессиональной занятости, квалификации, образования и др.

Системный подход позволяет объединить при микросоциологическом изучении семьи структуру и динамику семейного поведения точно так же, как в макросоциологии совмещаются аналитические системы социального действия и социальной структуры. Инструментальный характер системного конструирования социальной реальности прозрачен: оперирование переменными действиями или процессов позволяет объяснить изменения структуры. В свою очередь, оперирование переменными структуры показывает, как складываются результаты действий и тенденции наблюдаемых процессов. Взаимосвязь динамики и структуры в системе микросоциологии налицо, поэтому нельзя не согласиться с утверждением ряда ученых об искусственном, «вымышленном» противопоставлении, говоря словами французского социолога П. Бурдьё, друг другу «структуралистской» и «интеракционистской» точек зрения (схема 1.1).

Схема 1.1. Социологический анализ семьи в единстве структурных и динамических координат

Интересен в связи с этим пример демографии, где взаимное влияние процессов рождаемости и смертности на демографическую структуру по полу, возрасту и семейному состоянию нашло отражение в разработке целого ряда математико-статистических показателей и моделей, особенно моделей режима воспроизводства населения. Многие коэффициенты рождаемости определяются под воздействием структуры населения, и демографы ломают голову, как «очистить» измерение интенсивности процессов рождаемости от «искажающих» воздействий структуры. Например, рост общего коэффициента рождаемости может быть связан с увеличением числа браков или снижением возраста матери в момент рождения первенца при неизменной интенсивности рождаемости.

Формальная демография, совершенствуя математическо-статистические методы исследования взаимообусловленности переменных демографических процессов и переменных структуры, «выжимает» из инструментального подхода все мыслимое и немислимое, являя собой идеал для позитивистски ориентированных социологов.

Скрупулезно оттачивая свои измерительные инструменты, формалисты-демографы ограничивают демографию описанием взаимосвязей между структурными и динамическими переменными и поэтому обречены заимствовать объяснения корреляций между индексами динамики и структуры населения лишь из здравого смысла. Если, по их признаниям, условность демографических показателей не позволяет точно сказать, снижается рождаемость или повышается, высока или низка разводимость, сколько семье достаточно иметь детей, чтобы считать репродуктивную функцию выполненной, тогда и в самом деле придется для объяснения демографических явлений брать теорию займы или напрокат у собратьев-экономистов, или у биологов, или даже у физиков, любознательно распространяющих законы термодинамики на браки и разводы¹². Прибегая же к обиходным стереотипам (типа «браки заключаются по любви», «алкоголизм — причина разводов», «рождаемость снижается из-за ухудшения условий жизни», «многодетность — признак бескультурья»), формалисты-демографы подменяют научное изучение человеческого поведения фольклорным.

Разумеется, дело не в отдельных демографах. Здесь поучительный урок — нельзя в социальной науке, даже самой «точной» (т.е. наиболее математически оснащенной), вывести за пределы ее предмета все, что не фиксируется статистическим учетом и переписями населения. Нельзя вынести за скобки «строгой научности» все предметно либо в числовой форме неосязаемое и именуемое социальным действием или поведением (и их элементами). Нельзя огра-

ничить изложение демографических сюжетов и предмета демографии в социальных науках — социологии, психологии, истории — одними описаниями «объективных фактов»: рождений, браков, разводов, смертей, распределения людей по полу, возрасту и др.

Реальность этих житейских событий вовсе не «самоочевидна». Подобные «факты» — итог обыденной типизации, осуществленной в соответствии со здравым смыслом и принятой на веру формальными демографами в качестве «объективной реальности», т.е. такой, где демографические явления представляют собой, «как всем известно», то, что они есть «на самом деле». А есть обычно всего-навсего личный опыт семейного жития-бытия, который подспудно диктует каждому повседневные интерпретации «причин» снижения числа детей, повседневную классификацию (типизацию, категоризацию) окружающего мира по внешне осязаемым фактам рождений, браков и т.д. Возникает задача — исследовать работу самого здравого смысла по конструированию общежитейских интерпретаций демографической реальности, которые на поверку оказываются скрытыми, латентными обоснованиями лишь личного опыта.

На это в свое время обратил внимание английский социолог-феноменолог Д. Уолш: «Обычно характеристики явлений, исследуемых демографией (возрастная структура, размер семьи, миграция, численность населения), представляются так, будто это строго объективные данные. Однако анализ показывает, что и для их объяснения необходима интерпретация связанных с ними социальных значений»¹³. Другими словами, мало включить в анализ человеческое поведение, ведущее к внешним результатам, фиксируемым статистикой. Современная методология требует учесть и «внутренние» результаты — изменение мнений, мотивов, установок, ценностных ориентаций, причем не только в инструментальном аспекте достижения цели или удовлетворения потребности.

Было бы неверно ограничивать микрообъект исследования семьи лишь структурой и динамикой ее жизненного цикла, межличностных отношений, семейного поведения, поскольку поведенческие регуляторы — мотивы и установки — нельзя рассматривать только как части механизма, как шестеренки технологии по производству действий. Пример с формальной демографией показал недостаточность рассмотрения демографических явлений изолированно от контекста познания, как бы существующих независимо, «объективно», «реально», т.е. якобы в отрыве от представлений о них, в том числе представлений общежитейского толка. Важно не упустить из поля зрения при изучении такого микрообъекта, как семья, внеинструментальный аспект семейной жизнедеятельности, обыденные интерпретации семейной реальности.

В связи с этим английский социолог феноменологической ориентации Д. Силвермен пишет, что задача социологии «состоит в поисках обыденных, рутинных форм интерпретации и деятельности, в которых воплощается “обычная семья”, “типичная” семейная жизнь для самих ее участников, и в выяснении того, каким образом эти схемы интерпретации... основываются на их (участников) собственных представлениях о социальной структуре»¹⁴.

В расшифровке, понимании обыденных значений или интерпретаций членами семьи их семейного поведения, собственно, и заключается социально-символический аспект микросоциологии семьи, не отменяющий, а дополняющий инструментальный подход. Расшифровка или установление, анализ общежитейских объяснений стереотипных семейных ситуаций составляет основную задачу феноменологического подхода. При этом нет специальной ориентации на поиск причин действий, нет также стремления выявить неискренность или обманной характер этих интерпретаций — важно понять их самих по себе, т.е. каков социально-символический смысл, придаваемый участниками семейного взаимодействия своим поступкам и намерениям.

Рассмотрим пример феноменологического анализа стереотипа в случае бездетности. Расхожая трактовка «синдрома старой девы» приписывает бездетность лишь женскому полу вопреки статистическим данным о равной вероятности бесплодия обоих полов. Стереотипом «старой девы» лишь одинокие женщины наделяются привязанностью к кошкам и собакам в качестве компенсации отсутствующей любви или секса. Кстати, эта иллюзия здравого смысла возведена в ранг теоретического объяснения психоанализом, утверждающим, будто любовь одиноких людей к домашним животным является сублимацией неудовлетворенной сексуальной потребности.

В этом стереотипе все ложно: любовь к собачкам и кошечкам присуща не только одиноким людям, но и семейным; привязанность к животным замещает не отсутствие секса, а отсутствие детей в семьях, причем не из-за сексуальной недееспособности и не из-за бесплодия всех видов либо смерти детей, а по причине элиминирования любви к детям, исторического исчезновения (ослабления и угасания) человеческой потребности в нескольких детях. Обзаведение домашними животными в современных городах есть следствие распространения малодетности (прежде всего — однодетности) семьи, а также опустошения семейных «гнезд» — отделения взрослых детей от родителей, т.е. следствие нуклеаризации семьи.

Данный стереотип ложен и с точки зрения инструментального объяснения причин распространения в городах домашних живот-

ных, тем не менее он интересен социологу как факт мира символических значений. Если феминисты возмущаются этим стереотипом как «оскорбляющим» гендерную честь женщин, а члены Общества охраны животных негодуют из-за «неуважения» к чистоте их помыслов, то социолог исследует стереотип как обыденную трактовку сложившегося малодетного образа жизни горожан. В стереотипе законсервирован существующий образ мыслей, «заморожены» общепринятые значения привычного мира, быта. Сегодня здравый смысл продолжает связывать привязанность к собакам с одиночеством, с изоляцией от сексуальной практики или неспособностью к ней. Следовательно, в общественной психологии остается мощным по своему влиянию на повседневность определение деторождения как следствия проявления сексуального инстинкта. Иначе говоря, «сексуальность» по-прежнему остается «причиной рождаемости».

Укоренелость стереотипа в массовом «сознании» показывает, что его символика выполняет определенную экзистенциальную (важную для самого существования, выживания) функцию, способствует интеграции людей в разного рода социокультурные общности. Однако экзистенциально-интегративная функция стереотипа, раскрывающая сохранение значимости его смыслового содержания в сменяющихся друг друга поколениях, не тождественна тем пружинам действий, что обнаруживаются в рамках инструментального подхода. Секс не является «причиной» высокой или низкой рождаемости, рождения того или иного числа детей в семье.

Апелляция к сексуальности не заменяет инструментального действия потребности в детях как подлинной причины уменьшения числа детей в семье — она служит иной цели. Ссылка на стереотип «сексуального инстинкта» активизирует понятный для большинства язык обсуждения какой-либо проблемы, делает каждого участником дискуссии, обеспечивает эффект его присутствия, вовлеченности в общее дело. Функционирование стереотипов не изолирует индивида от остальных, не делает его посторонним или немым свидетелем. Знакомство со стереотипами обеспечивает каждому сопричастность с другими, соединенность отдельного Я с общим Мы. Отсюда следует ожидать, что символика стереотипных трактовок будет использоваться в качестве точки отсчета во всех ситуациях, где возникает задача инструментального определения причин поведения, особенно массового поведения.

Таковы истоки широкого распространения инстинктивизма в истолковании стремлений к рождению детей, живучести мифологических представлений о «естественной природе» человеческих побуждений к «размножению», к рождаемости, понимаемой как «распло-

жение», и т.п. Предрассудок о физиологическом стремлении — через сексуальное влечение — к рождению сколь угодно большого числа детей подкрепляется смежными стереотипами, полный перечень которых и предстоит выявить феноменологической или «понимающей» социологии семьи. Популярность представлений об «инстинкте размножения» среди представителей естествознания, особенно среди биологов, говорит о силе проникновения инстинктивистских стереотипов здравого смысла в общественное мнение. Более того, функционирование «научно-популярных слухов» о тенденциях рождаемости, размера семьи и численности населения имеет место и среди социальных ученых. Даже у специалистов — социологов и демографов семьи можно встретить расхожие трактовки семейных коллизий, заимствованные из обыденных интерпретаций рождаемости и подкрепляемые личной практикой малодетной жизни.

Поэтому столь настоятельно стоит задача по включению данной сферы в предмет микросоциологии семьи. Требуется систематическое, а не эпизодическое исследование социально-символического мира семейной жизни; необходим феноменологический анализ повседневных значений, используемых членами семьи и проникающих в научные интерпретации, современных тенденций брачного, репродуктивного, социализационного поведения; изменений семейного цикла жизни. Феноменологическое изучение семьи только начинается, впереди — масса исследовательской работы по составлению перечня или реестра всех встречающихся в семьях общежитейских трактовок типичных ситуаций проблемного и рутинного характера (относящихся к заключению брака, разводу, смерти, рождению детей, прерыванию и предупреждению беременности, усыновлению, адюльтеру и т.д. и т.п.).

1.3. Объект и предмет микросоциологии семьи

При сохранении единого социологического подхода к изучению социума различие между макро- и микросоциологией семьи проводится по объекту исследования. В первом случае это институциональные изменения семьи в контексте всей социальной системы, во-втором — отдельная семья и ее жизненная история, отдельные виды семейного поведения и их элементы, взятые как самостоятельные системы с еще более микроскопическими подсистемами и частицами, каждая из которых, в свою очередь, вновь может рассматриваться как автономная подсистема. Можно представить следующим образом три составные части объекта микросоциологии семьи или три основные области изучения, а также связи микросоциологии семьи со смежными дисциплинами и с макросоциологией (схема 1.2).

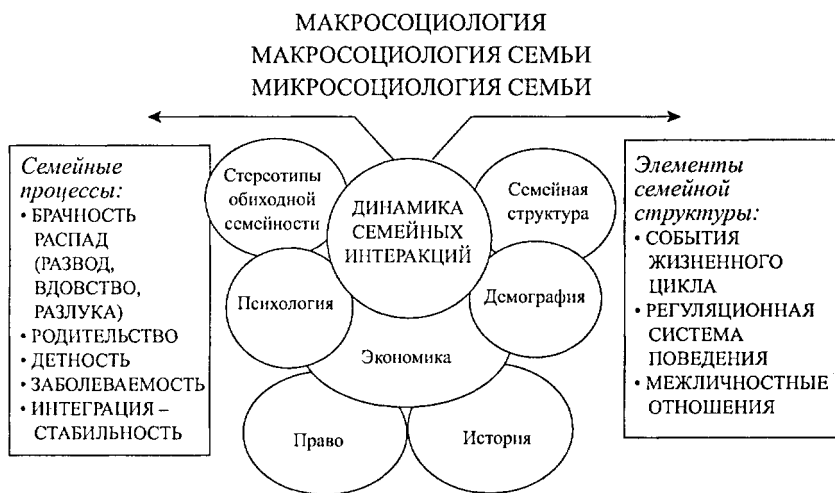

Схема 1.2. Объект микросоциологии семьи

Разумеется, разлагая структуру объекта «семья», семейного действия и взаимодействия на составные части и подчасти, можно убедиться, что «семейный атом» столь же неисчерпаем для социологического познания, как и атом в физике, проникающей в структуру протонов и электронов, в сложное строение элементарных частиц. Беря семью как целое, как социокультурное поле семейных взаимодействий, интеракций, социолог изучает социально значимые единицы этих интеракций, а не единицы в буквальном смысле — не индивидов. Если, например, в фокусе оказывается «семейное поведение», то сначала единицами считаются отдельные виды семейного поведения — брачное, репродуктивное и т.д. Затем, если выделить только брачное поведение, ими будут элементы его регуляционной структуры: потребность в браке и брачном партнере каждого из супругов, степень согласованности индивидуальных потребностей, оценка возникающих жизненных ситуаций не с позиции отдельного Я, а исходя из супружеского Мы, и наконец, результаты поведения брачной диады, воплощающие собой реализацию или парных, или же эгоцентристских решений. Чем больше в брачном поведении признаков того, что супружеское ядро действует как нечто целое, тем более оно оказывается брачно-семейным, а не «индивидуальным». Несогласованность индивидуальных линий поведения супругов, разъединение их характеризуют дезинтеграцию брачного

поведения, поведения брачной пары; сведение или редукцию к индивидуалистическим траекториям, т.е. исчезновение брачного поведения как такового — как подлинного объекта микросоциологического исследования супружества.

Семья и семейное поведение не есть сумма индивидуальных линий поведения, и если социолога интересует семейный индивид, то в качестве члена семьи, семейного Мы, элемента семейных взаимодействий. Вопрос о соотношении семьи и личности в социологии семьи имеет смысл, когда объектом изучения является семья, а не индивид — в последнем случае исчезает то, что, собственно, исследуется социологией семьи.

Подобная подмена объекта часто наблюдается не только в социологии семьи. Это происходит и в других социологических отраслях, когда вольно или невольно поведение групп, разного рода общностей и организаций редуцируется к индивидуальному поведению. По свидетельству французских социологов Д. Берто и И. Берто-Вьям, «первые социологи, которые стали конкретно работать над вопросами социальной стратификации, в качестве базового элемента выделяли не индивида, а семейную ячейку. Однако с введением техники репрезентативной выборки, основу которой составлял индивид, этот социологический подход был забыт. Можно лишь сожалеть, что таким образом техническая детерминированность предала забвению целое теоретическое направление»¹⁵.

Конечно, в выборочном исследовании технически удобнее работать с индивидом и как с единицей отбора, и как с первоэлементом социальности в смысле типизации, формирования разного рода социальных категорий — по профессии, образованию, доходу, месту жительства или работы и т.д. Подобная социография, объединяющая людей по избранным признакам в зависимости от целей ученого, может «кромсать» социальную реальность как угодно, конструируя агрегаты любителей пива, болельщиков «Спартака», членов профсоюза, владельцев овчарок и т.п.

Однако это классифицирование было облегчено долгой историей дробления общества на части, социальной дифференциацией на многочисленные институты, общности и организации, разделением труда, быта и отдыха. Именно такая тенденция дифференциации в Средние века приблизилась к порогу расширенного семейного домохозяйства, когда завязалась борьба между семейной экономикой и нарождающейся рыночно-наемной индустриализацией. Борьба, которая усугублялась ожесточенной конкуренцией государства и церкви за влияние на индивида, все более и более эмансипируемого от семьи¹⁶. Прежнее центральное положение семьи как ба-

зовой единицы общества пошатнулось, стало слабеть влияние на отдельную семью семейного родства и рода. Резко усилилось влияние на семью крепнущих новых институтов образования, здравоохранения и др., причем первоначальная концентрация внешних по отношению к семье институтов на главе семьи постепенно расщеплялась, сменяясь воздействием отдельно и на мужа, и на жену, и на их детей; затем — уже в современную эпоху — обнаружилось мощное воздействие на отдельное «ЭГО» со стороны государства.

Смещение внимания с традиционной семьи на семью нуклеарную и в конечном счете на индивида представлено на схеме 1.3, построенной на основе разработок английского культуролога Джона Дэвиса¹⁷. На рис. 1.3.1 показано первоначальное внешнее воздействие на расширенную семью, осуществляемое через ее главу; затем процесс нуклеаризации делает объектом влияния главу нуклеарной семьи — мужа (поэтому система родства на рис. 1.3.2 отнесена к внешним воздействиям, а на остальных рисунках устранена как потерявшая свое значение вообще). На рис. 1.3.3 все воздействия на нуклеарную семью в индустриальном обществе идут уже через пару «муж–жена». На четвертом рисунке социальные воздействия направлены на отдельное «ЭГО», т.е. отдельно на мужей, на жен и на ребенка. Следует обратить внимание, что на первых двух рисунках влияние общества в целом является ведущим, а на двух последних воздействие государства становится самым важным.

В схеме Дж. Дэвиса выделяется ориентация современного государства (выражающего преимущественно интересы наемно-индустриального производства) не на «равноправную пару», а на мать с ребенком. Причем произошедшее на наших глазах «выманивание»

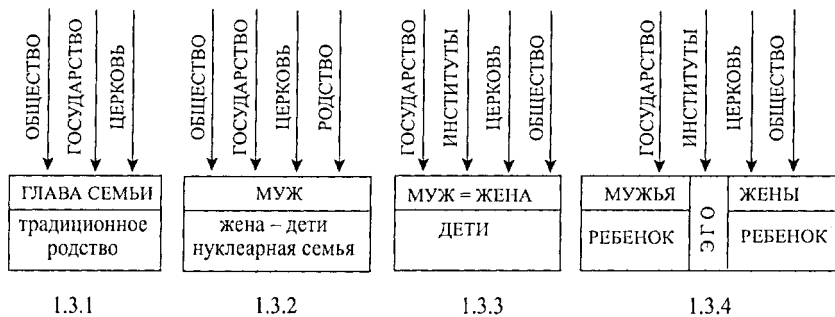

Схема 1.3. От семьи к индивиду

матери из семейно-домашнего производства в рыночную систему с индивидуальной оплатой труда заложило основу конкуренции жен и мужей, создало материальную базу для разводов и для распространения после- и внебрачных матерей-одиночек. Компенсируя некоторым образом занятость жен вне дома и частично же облегчая совмещение работы с материнством, подобная «охрана материнства» стимулировала внесемейные ориентации и установки на рождение одного-двух детей, на малодетную семью. Вся эта «забота» о матерях и детях подспудно, имплицитно оттесняла отца от отцовских функций. Фактически государство, беря эти функции на себя, разрушало мужскую роль семьянина. Подобная склонность к государственному патернализму, замещающему фигуру отца, граничит с вмешательством в приватный мир семьи.

Ориентация в современных условиях всех социальных институтов и всего строя жизни на индивида-одиночку в связи с системой индивидуальной зарплаты ведет к тенденции рассматривать семью не в целом, а по агрегативным категориям. Отдельно от семьи классифицируются дети, но не как сыновья-дочери, а как дети вообще, при этом часто употребляется понятие «ребенок» (по типам: больной — здоровый, благополучный — неблагополучный и т.д.); также отдельно рассматриваются мужья, но типологизируемые не как «отцы», а просто как «мужчины»; и наконец, отдельно от семьи классифицируются матери, жены (но уже как «женщины»: занятые — незанятые, работающие — неработающие и т.п.). Другими словами, социально значимая занятость в семье исключается при агрегативно-индивидуальном подходе из понятия «работы», стаж работы по дому исключается из «трудового стажа», родительский труд не подпадает под категории найма, не учитывается при исчислении пенсий.

Подобная «индивидуализация» объекта исследования в социологии семьи совершенно неприемлема, ведь данные о категориях мужчин или женщин используются для обобщений о семье и браке в целом. Подмена семьи индивидом искажает информацию о семье, нельзя судить о семейном положении по мнениям отдельных категорий людей, так как за скобки выносятся феномен взаимодействия, специфика семейных интеракций. По этому поводу основатель социометрии Якоб Морено писал, что «социальный атом — это наименьший социальный элемент, но это не индивид»¹⁸.

Человеческое существование и общение — всегда «со-человеческое». Обособленный индивид — это социальная фикция, поскольку социальный «атом» человека включает все многообразие отношений с окружающими. Если продолжить эту физическую метафору, то семья окажется своеобразной молекулой — системой систем

межличностных взаимоотношений. Поэтому редукция семьи к социальному атому индивида, и тем более к личности как агрегативной единице (понимаемой в качестве элементарной части какого-либо агрегата, конгломерата произвольно соединенных элементов), и впрямь лишает микросоциологию ее объекта изучения.

Склонность к подмене объекта «семья» индивидом вызывается не только удобством проведения исследований — построения выборки, обработки данных и пр. Расширяется практика социальной работы, социальной заботы и помощи, психотерапии, т.е. «медиализации» в связи с этим брака и семьи. Социальная работа, возникающая в индустриальном обществе в целях налаживания «человеческих отношений» прежде всего на производстве, по-видимому, направлена на компенсацию исчезнувших человеческих качеств этих отношений, которые были присущи экономике на стадии семейного производства. Не случайно основоположник теории человеческих отношений американский психолог Элтон Мейо пытался анализ производственных отношений строить по образцу семейных¹⁹. Однако свелось все это на промышленном производстве к психотерапии, направленной на индивида; как сказано в профессиональном кодексе Национальной ассоциации социальных работников США, «индивид является объектом первостепенной заботы общества».

Социальная работа с семьей или семейная терапия является составной частью этого вида деятельности, но чаще всего сводится к материальной помощи отдельным категориям индивидов. Исследования в разных странах показывают, что с уменьшением доходов и распространением бедности происходит обострение семейной дезорганизации. Иногда бедность считают причиной «основных семейных проблем — безработицы, дезорганизации семейных отношений, роста разводов и неполных семей, инцеста, депрессии, насилия, алкоголизма, наркомании и токсикомании, финансового стресса...» В соответствии «с индивидно-разъединительной методологией» объявляется, что эти проблемы затрагивают не семью в целом, а «больше всего детей, и всю тяжесть ответственности несут обычно женщины»²⁰.

Здесь не место полемизировать с вышеприведенными мнениями, преувеличивающими роль бедности, особенно «бедности женщин», в социальной патологии разного рода. Важно другое — какова ориентация социальной работы с семьей, призванной в идеале активизировать потенциал самой семьи в решении острых вопросов. Налицо «индивидуальная ориентация» — на заботу о детях разных категорий и о женщинах, находящихся в различных жизненных об-

стоятельствах и классифицируемых в соответствии с ситуациями, характерными для одиночек, а не для семей. В подобных условиях необходимость теоретических обоснований практики социальной работы с семьями, имеющими ребенка-инвалида, подростка-правонарушителя, наркомана и т.п., усиливает «медикализацию» самой социологии семьи.

Терапевтический подход, усиливающий апелляцию к индивиду и ведущий к типологизации семей по категориям индивидов, нуждающихся в заботе и лечении, не просто расширяет «медикализацию» социальной работы с семьей. При этом индивидуальная терапия помещается в центр интересов социологии семьи, превращая ее в социальную психологию личности, которая попеременно то обретает семейный статус, то отказывается от него.

Английский социолог Д.Н. Морган из Манчестерского университета понимает под «медикализацией» семьи «широкий процесс усвоения медицинской модели в отношении к институту брака и семьи». Фамилистская ориентация заменяется ориентацией на те или иные категории индивидов, теряющих к тому же свойство целостной, полноценной личности в связи с реификацией (овеществлением, материализацией) болезни и нездоровья в разного рода административно-технологических средствах (мистифицирующих значимость медицинских профессий, специализирующихся на лечении в ущерб остальным медицинским службам охраны и профилактики здоровья).

Рост популярности слова «терапия» говорит не просто о модном увлечении медициной, а о качественном изменении общественной атмосферы, отражающейся и на научных исследованиях. Сосредоточенность на «семейной терапии», на медицинских аспектах брачно-семейных отношений отдаляет понимание межличностных процессов в семье от широкого социального контекста. Все это ведет к деполитизации проблем семьи и принимаемых в связи с этим решений, к смещению интереса с семейной политики, изменяющей положение семьи среди других социальных институтов, на интерес к манипулированию «внутренними изменениями», межличностными взаимодействиями в семье с помощью социальной работы разного рода²¹.

Схема «общество — семья», при которой семья выступает в двух ипостасях социального института и малой социальной группы, в случае смещения исследовательских акцентов с семейного Мы на отдельное Я превращается в схему «общество — индивид, диада, неполная семья». Растворение семейного в индивидуальном, разумеется, обусловлено историческим ослаблением посреднической роли

семьи²². Однако важно отметить с точки зрения методологической, что при фокусировке на индивиде и его семейном окружении появляется риск потерять определенность предмета социологии семьи.

Социологический подход к семье реализуется, когда удается через посредничество семьи проследить, как индивиды мотивируются к удовлетворению потребностей общества и как одновременно государство становится восприимчивым к запросам личности. При обоюдной заинтересованности личности в семье и детях, а также общества и государства в укреплении института семьи достигается взаимная респонсивность (отзывчивость) личности и общества. Предполагается, что социологические данные на макроуровне отношений семьи с государством и другими социальными институтами, свидетельствующие о подчиненном положении семьи среди институтов, об ущемлении ее нужд и интересов, должны коррелировать с данными о невыполнении семьей социетальных функций по рождению, содержанию и воспитанию новых поколений.

На микрогрупповом уровне семьи следует ожидать проявления ее макроинституционального неблагополучия с помощью социологических данных о сокращении полноты и длительности жизненного цикла, о деформации семейных взаимоотношений и о том, что семья и дети перестают быть объектом удовлетворения потребностей индивида. Эмпирические данные о снижении личной ценности брака и родства, среднедетного родительства (3–4 ребенка в семье) показывают появление других, более значимых, чем семья, посредников, ведущих к взаимной респонсивности личности и общества. Отсутствие таких посредников, впрочем как и самой этой респонсивности, говорит о том, что взаимная невосприимчивость индивидов и государства при прочих равных условиях обусловлена крахом ценности семьи, детей и родительства.

Конечно, трактовка предмета социологии семьи сквозь призму соотношения интересов семьи с противоборствующими интересами личности и общества (соотношения, изменяющегося по своей силе в разные эпохи и в разных типах общественных систем) может вызвать возражения. Однако вышеизложенная версия конструктивна, так как позволяет заняться понятийно-концептуальным аппаратом, соединяющим микроисследование с макроисследованием семьи²³. Четкая определенность макро- и микрообъектов изучения семьи позволяет избежать подмены институционального исследования семьи групповым, а семейно-группового — индивидуально-агрегатным.

Чтобы навести методологический мост между уровнями исследования семьи, недостаточно создания познавательных средств, от-

слеживающих на общенациональном уровне результаты семейного поведения и на микросоциальном уровне, фиксирующих воздействия общества на жизненные ситуации семьи, их восприятие и оценку. Крайне важно придерживаться определения семьи как малой группы с присущими ей свойствами, несводимыми к свойствам индивидов или пар. Если считать, как Ян Щепаньский и многие социальные психологи, группой лишь такую, которая характеризуется определенной насыщенностью взаимных контактов, наблюдающихся, начиная с трех человек²⁴ (в паре всегда всего одна интеракция), тогда нельзя будет удовлетвориться дефинициями семьи, прокламируемыми некоторыми экономистами, включающими в нее домохозяйства одиночек. Также неприемлемы дефиниции семьи, где два индивида, один из которых зависим от другого и в социальном, и в экономическом смысле (например, мать с ребенком), считаются минимальной границей семьи. Таков подход американского социолога Д. Попеное²⁵, который стремится выделить (после краха расширенной семьи в ее преемнице — нуклеарной семье) минимальный остаток, разрушение которого, в свою очередь, позволяет говорить уже и об упадке нуклеарной семьи. Подобные попытки могут предприниматься и далее, по мере обострения институционального кризиса семьи, т.е. невыполнения ее специфических функций. Массовое распространение однодетности, рост разводимости и падение брачности ведут к преобладанию осколочных форм семьи над основной формой нуклеарной однодетной семьи. Об этом можно точно судить по числу нуклеарных позиций: если их меньше трех (отец-муж, мать-жена, ребенок — сын или дочь), то это означает крах нуклеарной семьи. Отсюда следует ожидать в дальнейшем поиск новых, смягченных критериев определения семьи во имя ее «спасения», объявление семьями тех «осколков», которые состоят из двух нуклеарных позиций.

Методологическое требование четкого проведения различий между макрообъектом и микрообъектом исследования позволяет избежать отождествления семьи как института с семьей как малой группой, а также с индивидами или парными формированиями индивидов, остающихся после распада полной семьи. Может возникнуть вопрос: а достаточно ли микросоциологию отличать лишь по объекту и не следует ли иметь в виду уровень обобщения анализа? Что если микросоциология семьи всего лишь описание данных исследования, тогда как макросоциология дает объяснение?

По мнению Г.М. Андреевой, тут правилен ответ «нет», даже если связывать микроисследование с объяснением фактов, а макроисследование с объяснением законов. Объяснение фактов — резуль-

татов выборочных исследований требует апелляции к законам, установления места социологического факта в рамках той или иной теории, имеющей дело с социологическими законами, раскрываемыми на уровне макрообъектов. Научное объяснение есть процесс перехода от объяснения фактов к объяснению закона. Включение социального факта в систему социологического знания не может быть осуществлено без его интерпретации на основе теории. Описание фактов дает лишь эмпирические обобщения, нуждающиеся в теоретическом объяснении. Различение макро- и микросоциологии по уровню объекта предполагает и иерархию соответствующих методов познания. Переход от микрообъекта исследования к макрообъекту «в конечном счете соответствует переходу от объяснения, построенного на основе эмпирического обобщения, к объяснению в рамках теории»²⁶.

1.4. Социологическое измерение фамилистических феноменов

Иногда макро- и микроисследования различают по преимущественному использованию количественных либо качественных методов. Однако в социологии и демографии семьи в последнее время количественный и качественный подходы противопоставляются друг другу в ином смысле. Массовая однодетность семьи активизирует принцип «лучше меньше, да лучше» по отношению к количеству и качеству детей в семье. Обиходная теория утверждает «железный закон» одномыслия: «лучше один ребенок, но лев, чем дюжина зайчат». Или — «побеждают не числом, а умением». Эта модель поведения, конвенционально исходящая из улучшения «качества» при сокращении «количества» и наоборот, как «самоочевидная» включается в научные концепции, например социализации детей. Там она уже может служить основой для изучения уровня интеллекта детей для того, чтобы успешно «самоподтвердиться» в эмпирических данных, так как *IQ* детей из бедных многодетных семей, как правило, оказывается несколько ниже, чем коэффициент интеллекта детей, растущих в более состоятельных, но малодетных семьях. В такого рода исследованиях обычно нет сопоставления интеллектуальных способностей детей из семей с одинаковым числом детей, а также из разнодетных семей, но выравненных по уровню благополучия. Здесь вновь проявляется не «злой умысел» ученых, а влияние обыденной интерпретации, принятие «обычной семьи» (согласуемой с личным опытом малодетности) на основе представления о доступности окружающего мира познанию. Семейная реальность

с включенным в нее заранее положением об интеллектуальном превосходстве единственных детей мыслится как независящая от процесса изучения, тогда как для социологической феноменологии само это житейское восприятие кажется проблемой. Семейный мир конструируется как «объективно» заданный, в том числе с удивительным свойством «повышения качества детей при уменьшении их количества». Это обыденное рассуждение конвенционально (в согласии с собой и с другими) используется учеными в терминах «анализа операциональных данных» (статистических и любых иных). По словам специалиста в области феноменологии А. Сикурела, оно неизбежно порождает «круг самообоснования», возникающий из-за того, что «применяемая нами для описания мира интерпретация с необходимостью подтверждает наш способ видения мира»²⁷.

Прямое противопоставление количественного и качественного подходов в науке встречается все реже²⁸. Однако имплицитное (не формулируемое непосредственно) неприятие модели семьи с несколькими детьми выражается косвенно через сомнения в применимости количественного измерения к результатам человеческого поведения, связанным с обзаведением детьми. Об этом очень хорошо сказано в книге немецкого социолога Элизабет Ноэль «Массовые опросы». Фрагменты из нее, приводимые ниже, являются прекрасной иллюстрацией подобного предубеждения.

Неприятнь к множественному числу. «В Ветхом Завете есть указание на то, что применение статистики к людям следует считать опасным. За проведение по распоряжению царя Давида переписи Бог покарал людей чумой, унесшей 70 тыс. жизней. Количественное обобщение, вероятно, всегда было привилегией Бога или королей либо воспринималось как своего рода рискованное вмешательство в божественный порядок. В исламе и в первобытных религиях также имеются подобные свидетельства примерно следующего содержания: нельзя считать вместе верующих и неверующих, праведников и неправедных, счастливых и несчастных, потому что это может привести к неверию или навлечь беду. Со времени упадка Римской империи до начала XVII столетия общие переписи почти не производились. Еще в 1753 г. в Англии было отвергнуто предложение о проведении переписи, так как-де подобное мероприятие являлось греховным... Первые сведения о явлениях, относящихся к сфере статистики, имеют трехсотлетнюю давность. Речь идет об обнаружении странной регулярности, с какой из года в год происходит одинаковое количество смертей... Впечатление странности возникает здесь уже в силу противоречия между не поддающимся предвидению фактом смерти и явной закономерностью количества смертей...»²⁹

Элизабет Ноэль обращает внимание на то, что даже наиболее обрцованным слоям населения связь между статистическими тенденциями, возникающими на общенациональном уровне, между законом больших чисел и свободой воли отдельного человека, неясна. Публике больше импонируют призывы ставить в центр даже экономических рассуждений «человека», а не «цифры». Под лозунгом «не поддающийся учету человек» сегодня подпишутся многие, особенно представители наук о культуре и духе, культурологи. Отсутствие у философов интереса к статистике вообще и к моральной статистике в частности само по себе является любопытным и не сводится к антипатии, наблюдающейся у многих гуманитариев, к цифрам и таблицам.

«Наряду с безучастностью философов, — продолжает Элизабет Ноэль, — бросается в глаза и странное равнодушие социологов. В работах, где рассматриваются понятия и проблемы социологии, понятие «моральная статистика» искать, как правило, бесполезно. Правда, эта странность наблюдается не у всех. Подробный анализ можно найти у Дюркгейма в его исследованиях самоубийств, где в числе прочего проводится параллель с близкими моральной статистике явлениями эпидемий. Следствием этого анализа является дюркгеймовская концепция «социального потока», принуждающего определенное количество людей к самоубийству»³⁰.

Дюркгейм о моральной статистике и о различиях подходов социолога и клинициста. «Число самоубийств, совершающихся в каждый данный момент, определяется моральным состоянием общества. У каждого народа есть коллективная сила, обладающая определенной энергией, которая толкает людей на то, чтобы они сами себя убивали. Душевные движения, совершаемые несчастным, которые на первый взгляд кажутся лишь выражением его личного темперамента, в действительности являются следствием и продолжением состояния общества, внешним проявлением этого состояния». Дюркгейм недвусмысленно обращает внимание на различия между мышлением в сфере целостности и в сфере отдельных признаков: «Вот чем объясняется большая разница между точкой зрения клинициста и социолога. Первый сталкивается только с частными случаями, изолированными друг от друга. Он констатирует, что очень часто жертва была неврастеником или алкоголиком, и объясняет совершенный акт тем или другим из этих психологических состояний. В известном смысле он прав, ибо если покончил самоубийством именно этот человек, а не его сосед, то это часто происходит по указанной причине. Однако это не объясняет вообще существование людей, которые сами себя убивают, и, главное, тот факт, что в каж-

дом обществе определенное число людей в определенный период времени кончат самоубийством. Причина, вызывающая это явление, неизбежно ускользает от того, кто наблюдает только за индивидами, ибо она находится вне индивидов. Чтобы выявить ее, нужно подняться над конкретными случаями самоубийства и увидеть то, что их объединяет»³¹.

Понятие социального порядка или социальной структуры призвано охватить на социетальном уровне состояние социума, которое изменяется в масштабах социального времени государств, народов, обществ. Действующие в истории социальные силы проявляются в судьбах поколений, семейно-родственных кланов, отдельных людей. Исследование индивидуальных ценностей и мотивов позволяет понять, например, вступление в брак какого-либо человека, тогда как изучение индустриализации, рынка труда и образования, социальной мобильности и т.д. объясняет тенденции брачности.

В конце XVIII — начале XIX в. начинают применяться и получают распространение первые опросы населения. Они всколыхнули очередную волну неприязни к множественному числу, к пугающе-таинственной связи между статистическими тенденциями и индивидуальным поведением. Психологически каждый человек стремится выделиться среди остальных, и это питает представление об уникальности каждого. Однако, особенно в политически тяжкие времена, каждому выгодно раствориться в толпе, стать безликим, дабы остаться неузнанным. Между этими двумя полюсами располагается континуум, диапазон реакций, и в вольнолюбивые периоды неприязнь к цифрам может усиливаться. Антипатия к статистике, по мнению Элизабет Нозль, возникла под влиянием неприязни к множеству, множественному числу.

Говоря о ком-либо в доброжелательном, возвышенном смысле, люди обращаются к единственному числу — «человек добр», тогда как для осуждения подходящим кажется множественное число — «люди—звери». Где-то здесь истоки общежитейского отвращения к понятиям сферы народонаселения, отождествления «населения» с «перенаселенностью», недоверия к «рождаемости» как якобы синониму «размножения». Отсюда и нелюбовь к многодетной семье и одобрение однодетности, наличия единственного ребенка в семье. Иногда эмоции подобного рода в шутливой форме выплескиваются на страницы даже социологических фолиантов. Вот пример научного юмора: «Как добиться 25 000 долларов в год? Обзаведитесь женой и 12 детьми. Рассчитайте среднегодовой доход американца (в 1957 г. он равнялся 1750 долларов. — А.А.). Умножьте его на 14 (Вы, Ваша жена и 12 детей), и Вы получите искомое ($14 \times 1750 = 25\,000$)»³².

Распространение выборочных исследований обнаруживает новые пласты общежитейских интерпретаций социальных феноменов, включающих парадоксы статистической взаимосвязи общего и индивидуального. Во-первых, с точки зрения здравого смысла сомнительно, что частица общества или группа лиц может выражать мнение всех, что факты, полученные применительно к выборочной совокупности, репрезентативны по отношению к целому, к социуму. Во-вторых, повседневный человек, привыкнув к статистике фактов, событий (но не смирившись с ней), при расширении сферы опросов восстает против статистики мнений. В обоих случаях в основе лежит своеобразный бытоцентризм, желание воспринимать все по меркам личной практики («эгобытоцентризм»).

«Рядовой критик, по-видимому, рассуждает примерно так: меня не опрашивали, так что о моем мнении вообще ничего не известно... Свой опыт в сфере индивидуального он как нечто само собой разумеющееся переносит на сферу статистики. Согласно его опыту никто не может знать его мнение, не опросив его самого... При этом действенность принципа выборки по отношению к *ВЕЩАМ*... эмоционально не оспаривается. Недопустимым и невозможным считается перенос этого принципа на *ЛЮДЕЙ*. Основную трудность, решающий момент здесь следует усматривать в оскорблении чувства собственного достоинства людей...»³³

В области естествознания подобный обман чувств даже согласуется со здравым смыслом, противоречие между личным опытом и объективным положением дел вызывает любопытство, так как при этом не затрагиваются жизненно важные интересы отдельных людей. Напротив, социальная статистика, а особенно статистика брачности, разводимости, рождаемости и т.п., как бы перечеркивает полностью личный опыт и вызывает ощущение утраты индивидом свободы воли. Чтобы защитить свое собственное достоинство, «человек с улицы» борется с «ветряными мельницами», как Дон-Кихот. «Зациклившись» на личном, на микроскопическом опыте, повседневный человек, не отрицая макроскопического уровня, отказывается воспринимать макрологику. Найдя точку отсчета в эгобытоцентризме, невозможно уже мысленно не перекраивать макромир в соответствии со своими представлениями. Причем здесь нет специальной подмены одного уровня другим, нет желания объяснять макромир в каких-то иных терминах. Просто индивидуально-бытовое восприятие проецируется, переносится на все остальные явления, и тем самым специфика макроявлений аннулируется, объявляется абстракцией, абсурдом. «Неправильное понимание метода опросов и его результатов возникает, согласно Э. Ноэль, из-за переноса пред-

ставлений, мыслительных привычек, опыта и ожиданий, относящихся к сфере индивидуального, на статистическую сферу или сферу признаков, или — в результате объяснения явлений, свойственных сфере признаков, понятиями, взятыми из сферы индивидуального»³⁴.

Бытующее, особенно в интеллигентских кругах, предубеждение против статистики требует специального анализа, но, по-видимому, с одной стороны, является гипертрофированным выражением эгоцентризма — тут явно абсолютизируется неповторимость отдельного Я, — но не вообще, а представителя определенной страты. С другой стороны, это может быть реакция на тоталитарные давления институтов и организаций, стремящихся «стричь всех под одну гребенку». Возможно, это своеобразная сублимация, неприятие того строя жизни, где человеческое достоинство измеряется лишь счетом в банке. Подобная склонность, сформировавшись, будет заявлять о себе в самых разных областях жизнедеятельности, в том числе и в области рождаемости.

Практикуя любовь к одному-двум детям, трудно смириться с наличием многодетных семей, опровергающих всю философию собственного быта. Однако прямые санкции в отношении многодетных, существующие в быту, неизбежно трансформируются на уровне общественного мнения и могут косвенно отражаться в науке различным образом. Упор на автономность эмоций и страстей в зависимости от численного состава семьи, признание независимости любви и счастья от цифрового подхода к ним или даже мнение о невозможности количественного измерения их — вот некоторые формы противопоставления качества и количества.

Данная тенденция как бы связывает по рукам и ногам исследователя и, разумеется, не способствует совершенствованию измерительных процедур и средств. Получается, что нельзя не только заниматься определением «оптимального» числа детей в семье как некоего компромисса между потребностями общества и личности; нельзя также изучать влияние численности семьи как малой группы на ее функционирование. В отечественной литературе не найти работ по исследованию воздействия очередности рождения на поведенческие характеристики человека, а также книг по изучению истории поколений с учетом состава семей и их судеб. К сожалению, никто не пытается сравнить жизненные коллизии «одинок» и семейных людей, линии жизни разных семей.

Изучая взаимообусловленность динамики и структуры семьи и одновременно внеинструментальные, социально-символические аспекты семейного поведения, можно добиться сбалансированно-

го сочетания количественных и качественных методов исследования. Такое сочетание возможно, хотя анализ семейного символизма в большей мере окажется качественным, тогда как изучение семейной цикличности — количественным. Наметившееся в последние годы возрождение качественных методов социологических исследований не следует рассматривать с точки зрения их противопоставления количественным вообще. Надо лишь учесть тот бум опросов населения (в связи с избирательными кампаниями и увлечением маркетингом), который редуцирует социологию до «вопросомании», а социолога сводит к «анкетчику», к учетчику мнений «обо всем».

Именно этот «коленный рефлекс» социолога — профессионального «задавателя» вопросов — часто вызывает нарекания, а не якобы «усталость» от оперирования статистическими данными и обобщениями. Нужно не усиление внимания к микроскопическому, уникальному, отдельным «деревьям», из-за которых всегда «леса» не видно, а увеличение числа индивидуально-монографических исследований и методов наблюдения. Эти трудоемкие виды качественного анализа возрождаются как реакция на засилье массовых выборочных опросов, как желание дополнить упрощенно-схематическое представление об индивидуальном чем-то живым и полнокровным. По-видимому, за разговорами о ценности качественных методов стоит именно это обстоятельство. Потребность в адекватном объяснении социума через дополнение знаний о технологии социальных действий сведениями, расширяющими понимание всех значений жизненных обстоятельств, относящихся к результатам или последствиям действий, стремление к полнокровному объяснению явлений движет в конечном счете сторонниками качественных методов.

1.5. Проблемы конструирования социологических теорий

В социологии нет никакой «количественной» парадигмы и, следовательно, не может быть перехода к «качественной», о чем говорят некоторые ученые. Научное развитие идет не по пути количественного накопления данных и затем постепенного обобщения их в теории. Теория всегда задавала тон в социологии, и задача исследователя заключалась в операционализации основных тезисов и терминов, т.е. в переводе теоретических положений и гипотез на язык измерительных средств³⁵. Конечно, предпринимались попытки исследований «наобум», без опоры на какую-либо теорию ввиду отсутствия таковой, но в подобном случае колоссально возрастала роль

обиходных концепций, имплицитного использования при разработке инструментария общежитейских интерпретаций изучаемого феномена.

Как бы ни была развита социальная статистика, ее данных всегда недостаточно для анализа социологических явлений. Отдельные отрасли социологии могут отличаться друг от друга объемом статистических показателей (особенно «повезло» тут демографии, меньше — социологии семьи), но выявление побуждений к каким-то социальным действиям, как правило, не подлежит статистическому учету. Социологам приходится самим создавать собственную статистику, но ограниченную размером выборочной совокупности респондентов или какого-то массива документов. Измерение ценностных ориентаций, установок и мотивов не имеет численно определяемых признаков и поэтому относится к измерению такого качества, которое в отличие от событий и фактов не характеризуется количественной определенностью.

Основная трудность для социолога заключается в необходимости каждый раз заново при операционализации теоретических терминов придумывать индексы, позволяющие осуществлять количественные манипуляции. Опасность операционализации в том, что разрабатываемые операции по приспособлению исследуемого «качества» к индексированию могут увести от измерения требуемого объекта и привести к измерению какого-то другого, но выдаваемого за искомый. «На этом пути, — отмечает Г.М. Андреева, — легко отвлечься от содержательного анализа, предлагаемого социологической теорией, так что итог окажется неудовлетворительным и филигранная техника математического аппарата придет в противоречие с произвольно интерпретированными переменными»³⁶.

Разителен контраст между шлифовкой социологических инструментов и пренебрежением теорией. Иногда складывается впечатление, что поглощенность техникой исследований, успех при разработке все более изощренных методик служат как бы доказательством профессионализма, но, увы, ложного, понимаемого лишь как получение «права на выдумку» любых истолкований социологического содержания изучаемых явлений. Разумеется, многозначность социальных феноменов ведет к плюрализму концепций, а сложность верифицируемости (проверяемости) их якобы оправдывает обособленное существование самих по себе социальных явлений и теорий их развития. Действительно, социологу легче добиться признания среди специалистов благодаря успехам в методике, чем в теории — в первом случае есть критерии оценок, есть «твердая почва» под ногами, а не «трясина» гипотетических построений. Во всяком слу-

чае, по отношению к собственным теориям не наблюдается такой же требовательности к деталям, что и при разработке технических приемов.

В социологии и демографии семьи тщательность и скрупулезность в отладке даже мельчайших деталей инструментария соседствуют парадоксальным образом не просто с невниманием к теоретическому аппарату, а с игнорированием критического подхода к процедуре научного анализа. В этом следует видеть опять же влияние личной семейной жизни ученых, представляющих, как правило, средние классы общества. Бытующие в этой среде трактовки обыденных семейных действий с необычной легкостью становятся постулатами теорий, приобретающих попутно концептуально-технологическое «оперение». Поэтому должна всячески приветствоваться любая попытка привлечь внимание к процессу выработки содержательных выводов, к необходимости совершенствования всех узлов и звеньев познавательного механизма, к строгому соблюдению правил построения теории.

С этой точки зрения трудно недооценить имеющиеся в отечественной науке единичные работы подобного типа. К ним относится замечательная книга М.С. Мацковского по проблемам систематизации переменных, соотнесения теоретического и эмпирического уровней при развертывании социологического объяснения в рамках специальных теорий брака и семьи, но, к сожалению, она оказалась невостребованной в атмосфере попустительства «ползучему эмпиризму». В демографии такая же судьба постигла фундаментальную работу В.А. Борисова «Перспективы рождаемости», где автор проявляет обостренный интерес к языку междисциплинарного исследования, к концептуальному аппарату, способному продуцировать социолого-демографические объяснения обратных корреляций между условиями жизни и числом рождений в семьях³⁷.

В зарубежной социологии семьи, прежде всего в американской, с конца 1950-х гг. благодаря усилиям крупнейших социологов Р. Хилла и У. Гуда началась систематическая разработка теории. Более того, под влиянием идей Г. Зеттерберга по конструированию теорий³⁸ в социологии семьи сформировалось целое направление, возглавляемое Р. Хиллом, а И. Най совместно со своими учениками применил технику конструирования теории в трех областях социологии семьи: в объяснении ранних браков, семейной стабильности, размера и численности семьи³⁹.

Наметившаяся тенденция к тщательному продумыванию терминологического аппарата и концептуальных связей, к осмыслению процедур социологического объяснения не затронула конвенцио-

нальных основ семейных теорий. Склонность к объективизму, к инструментально-позитивистскому взгляду на мир семейности не сопровождалась феноменологическим осознанием роли представлений в формировании теорий разводимости, заключения брака, планирования семьи и т.п. По свидетельству Д. Томаса и Джин Уилкос — соавторов тысячестраничной энциклопедии по социологии семьи в США, «в то время как в философии и социологии науки совершился переворот от объективистского подхода к теории, теория семьи парадоксальным образом продолжала двигаться в противоположном направлении»⁴⁰.

В 1960-е и 1970-е гг. — время бурного развития социологической герменевтики и этнометодологии⁴¹, популярности и даже моды на феноменологическую критику основ традиционной социологии — американские социологи семьи, находившиеся в гуще этого теоретического бума, продолжали с удивительным постоянством держаться подальше от очередного увлечения своих коллег. Для студентов, интересующихся историей социологии, это очень интересная и совершенно неизученная тема.

Единственная работа Р. МакЛайна и А. Вейгерта с призывным заглавием «Вперед к феноменологической социологии семьи»⁴² не нашла отклика в 1980-е гг., и только на исходе 1990-х гг. можно сказать, что дело сдвинулось с мертвой точки и расцвет анализа истории жизни семей, современного семейного фольклора, разного рода семейных архивов и т.д. предвещает в будущем появление новой фамилистической социологии, не замутненной пятнами домашней премудрости.

Таким образом, микросоциология семьи не редуцируется к количественному подходу, не предлагает лишь описания статистических, документальных данных и объясняет не только «эмпирические факты», полученные в исследованиях, а и соотносит в рамках теории исследовательскую информацию с гипотетически интуитивной. В пределах ее предмета нет «низших» или «высших» теорий, нет обобщений сугубо «эмпирических» либо «теоретических», в ней конструируются и средства (инструменты, методы) исследования, и теории исследуемых объектов.

Внимание к процедурам конструирования познавательных средств и объяснительных приемов позволяет произвести «очищение» концептуального аппарата от всего наносного, предвзятого, обиходного. Если измеряемые признаки фамилистических явлений образуются в ходе операционализации терминов, то ступени объяснения семейных явлений соответствуют уровню объекта изучения. Одно дело — объяснение внутрисемейных взаимоотношений, веду-

щих к устойчивости или распаду семьи, и другое дело — объяснение роста разводимости, включающее внутрисемейную дезорганизацию как звено в цепи объяснений, учитывающих рост профессиональной занятости женщин, изменение жилищного законодательства и другие обстоятельства.

Микромир семьи специфичен, обладает параметрами, которые неуместны или незначимы в макромире социальных институтов. Частный мир семьи, становящийся, увы, доступным взглядам посторонних, особенно представителей разного рода служб и организаций, т.е. делающийся все менее приватным, все более открытым внешнему миру, нуждается в своего рода приватизации, если не желает раствориться вовне. Именно это качество внутрисемейных отношений, называемое иногда «интимностью»⁴³, и характеризует специфику объекта микросоциологии семьи, той его части, которая больше относится не к инструментальным аспектам, а к социально-символическим значениям семейности.

Микромир семьи основан на непосредственных контактах, в каждой ситуации наблюдается уникальное своеобразие участников. Мир близких людей построен на первичности отношений в отличие от контактов на улице, транспорте, где вторичное общение ограничивается интеракциями ролей, взаимодействием функций или функционеров. Проникновение в приватную среду, так сказать, без приглашения осуждается, официальные лица несут за это ответственность.

Социологи в соответствии с профессиональной этикой не могут не учитывать того, что многие социокультурные нормы как бы отменяются в лоне семьи и дома и что тут возникают правила для своих и чужих, социально контролируемые⁴⁴. В культуре особая роль гостя, сопровождаемая повышенным вниманием к нему со стороны домочадцев, почетное место, отводимое посетителю, являются общекультурным поощрением главы семьи, остающимся хозяином дома независимо от высоты социального положения гостя. Однако защита культурой приватной жизни не смогла противостоять вмешательству государства и социальных институтов в семью.

Собственно говоря, микроисследование семьи не может проходить мимо подобного вмешательства, хотя иногда само социологическое изучение приватного семейного «климата» рассматривается, увы, как форма вторжения. Следует отметить, что аморальным является не научное исследование микромира семьи, а такое практическое использование знаний, которое может привести к манипулированию поведением семей. Социолог обязан постоянно помнить о приватности микромира семьи, поэтому важно различать

«инструментальную» социологию, сосредоточенную на «механизме» возникновения результатов действий, и «понимающую» социологию семьи, стремящуюся действительно объяснить особый мир приватного с помощью специальных методов.

Научное познание условно, конвенционально, относительно. Инструменты исследования влияют на получаемые результаты, сам по себе объект изучения — абстракция, наделяемая свойством реального, объективного существования. Социология семьи не изучает отдельные единичные роды, рождения, браки, разводы. Она исследует динамику этих событий, соотносенных с параметрами времени, пространства и совокупности событий. В зеркале социологии отражаются процессы рождаемости, детности, брачности и т.д., тенденции их изменений, факторы направленности этих процессов, соотношение семейных и одиночно-холостяцких элементов современного образа жизни. При этом различие макро- и микрообъекта исследования весьма относительно. Например, «причины» семейных изменений можно исследовать лишь в рамках методологически сложно структурированной процедуры социологического объяснения.

Детальный анализ микро- и макропеременных взаимно дополняется в единой системе объяснения — логически непротиворечиво фиксирующей связи между субъективной и объективной реальностью семьи. Наличие множества мини-теорий семьи предполагает поэтому в учебных пособиях изложение не одной, а нескольких теорий той же, к примеру, нуклеаризации, дабы убеждение в правильности какой-либо точки зрения строилось не на вере, а на сопоставлении «аргументов и фактов».

Итак, различия макросоциологии и микросоциологии семьи относительно, и как бы они ни объяснялись, в исследованиях эти отличия дополняют друг друга. Если предметом анализа становятся приватные семейные интеракции, то результаты их ведут к коллективным, макросоциологическим нормам поведения. Одновременно статистические тенденции семейных макропроцессов находят объяснение лишь в сопоставлении с феноменами микроориентаций, установок, мотивов семьи, семейного Мы.

Это нераздельное сочетание макро- и микроуровней объекта изучения свидетельствует о том, что семья не является простым промежуточным элементом в обществе, проводником общественных влияний. Само общество, если видеть посредническую роль семьи, всего лишь поле пересечения миллионов семейных волей. Хорошо сказал об этом известный французский социолог Луи Русселлем: «...существует вымышленное противопоставление тех, кто считает, что отношения между супругами отражают только влияния обще-

ственных структур, тем, кто полагает, что все определяется частными интеракциями. Тогда бы не было противопоставления макро-социологии и микросоциологии. Это два пути, ведущие к одному и тому же перекрестку: анализ взаимодействия обнаруживает “правила игры”, находящиеся вне семьи, тогда как изучение общественных норм и регуляторов поведения приводит к способам их микро-восприятия и осуществления в семейной жизнедеятельности»⁴⁵.

Тем не менее различие макро- и микрообъекта при социологическом изучении семьи облегчает применение феноменологического подхода и, привлекая внимание к символике семейности, вскрывает типичные интерпретации семейных событий, проникающие из повседневности в научные объяснения и в обоснования тех или иных методов исследований. Другими словами, соблюдение современных требований и канонов социологического анализа предохраняет, по мнению П. Бергера и Т. Лукмана, от искажающих воздействий «как социологизма, так и психологизма»⁴⁶, а эта «двойная угроза» в сфере фамилистики весьма ощутима. Структуралисты ныне уповают на социальный *perpetuum mobile*, который якобы спасет от кризисных тенденций, а психологизаторы⁴⁷, размывая границы семьи до «влечения сердец», убеждают себя в сверхценности многообразных форм «осколочной семейности».

Есть еще одно преимущество рассмотрения семьи как под микроскопом — углубление в диспозиционную регуляцию⁴⁸ семейного поведения очерчивает диапазон взаимовлияний природного и социального. Например, анализ рождаемости на макроуровне по схеме «стимул—реакция», минуя репродуктивное поведение, как правило, ведет к инстинктивизму, когда высокая или низкая рождаемость связывается с отсутствием либо наличием «инстинкта размножения». Обиходная интерпретация репродуктивных мотивов как «естественно природных», т.е. неизменных, вечных и т.п., исключает ведущую роль социального.

Микроскопическое исследование скрупулезно в том смысле, что четко устанавливает взаимосвязи репродуктивного, контрацептивного и сексуального видов поведения и показывает, что биологически возможное для индивида и пары (плодовитость⁴⁹) оказывается социально неприемлемым для личности и семьи. Реализация плодовитости поэтому всегда неполная, так как сокращение числа детей вплоть до бездетности не таит угроз телесному самосохранению индивида. Добровольная и безопасная для личности бездетность, раскрываемая на микроуровне, создает исследуемую на макроуровне возможность конструирования доселе неведомой человечеству социальной реальности — нового феномена массовой бездетности.

Социальная организация семьи как нечто целостное может пониматься подобно микромиру, отражающему макромир социума. В человеческом опыте постоянным является взаимопроникновение этих миров, и социологу, чтобы разобраться во всем этом, надо держать в уме двойственное проявление феномена, именуемого семьей. Однако не все так просто с этой двойственностью.

Питер и Бриджит Бергер в своем учебнике по социологии⁵⁰ приводят любопытную притчу о пьянице, который, сидя на тротуаре возле урны, долго старался обхватить ее руками. Наконец ему это удалось, и он расплылся в улыбке. Но торжество затем сменилось растерянностью и, не разжимая рук, он прошептал почти с ужасом: «Люди. Я окружен!»

Человек, подобно этому пьянице-философу, держит в руках вселенную, мыслями-молниями мгновенно проникая на столетия в прошлое и будущее. Но ему все время почему-то кажется, что он микроскопическая часть того, что поддерживается его же руками.

Основные положения главы 1

1. В социологии семьи объект изучения зависит от познавательных средств исследования и от вовлеченности самого социолога через личный опыт семейной жизни в собственно объект исследования. Это заставляет обратить внимание на «внутреннюю лабораторию» ученого, скрытую от потребителей его продукции и зачастую от него самого.
2. Освоение социологии семьи предполагает постепенный отказ от личного взгляда на мир семьи. Первая заповедь фамилиста — категорически запретить себе проецирование своей частной позиции на сферу профессиональных интересов. Отсюда высокая роль теории и методологии исследования в социологии семьи.
3. Макро- и микросоциология семьи подразделяются прежде всего по уровню объекта изучения. Макросоциология семьи изучает социальный институт семьи со стороны эффективности выполнения им функций по отношению к обществу. Она исходит из посреднической роли семьи в конфликте личности и общества, в «профилактике» индивидуализма и тоталитаризма. В сохранении семьи, обоюдной заинтересованности в ней личности и общества социология видит средство от сползания к тоталитарности и эгоцентризму.
4. Микросоциология семьи фокусируется на уровне семейно-групповом. Семья берется как малая группа, но не одна какая-либо

семья, а семья отдельная. Микросоциолог, как анатом, препарирующий отдельный организм и получающий представление о строении и функционировании данного вида, также пытается найти нечто общезначимое в жизненных историях семей, в многообразии семейного поведения. Используя биографический подход, можно анализировать семью по стадиям ее жизненного цикла от возникновения до распада, но в контексте всей совокупности семей. Описание отдельных случаев при такой перспективе, когда одновременно учитывается все пространство семейных событий от «старта до финиша», позволяет определить весь спектр семейных судеб и статистически выявить наиболее типичные конфигурации жизненных историй семей.

5. Анализ жизненного цикла и выявление тем самым магистральных направлений семейной динамики — одна сторона микросоцологии семьи. Другая — изучение семейного поведения (брачного, репродуктивного, социализационного и самосохранительного).
6. Исследование динамической оси (семейного цикла жизни) и структурное измерение семьи (структура результатов семейного поведения) не исчерпывают собой всего объекта микросоцологии семьи в силу их инструментального характера. Представление о технологии осуществления действия, семейной интеракции оставляет в тени огромную зону неинструментальных явлений, социально-символических интерпретаций семейной жизнедеятельности, бытующих в практическом, обиходном бытии.
7. В расшифровке обыденных интерпретаций членами семьи их семейного поведения заключается социально-символический аспект микросоцологии семьи. Подобный анализ направлен не на выяснение причин действий, а на понимание самих по себе мнений респондентов. Феноменологическая критика стереотипов здравого смысла, относящихся к рождению детей, вскрывает популярность инстинктивистских представлений и их влияние через общественное мнение на исследователей семейных отношений.
8. Объект микросоцологии семьи состоит из динамики семейных интеракций и семейной структуры (инструментальный аспект) и из стереотипов обиходной семейности (символический аспект). Количественные методы исследования чаще ассоциируются с инструментальным аспектом, а качественные — с символическим, но это неверно. Например, феноменологический анализ стереотипов предполагает не только качественный, но и количественный подход — статистическую оценку распространенности тех или иных иллюзий.

9. В микросоциологии семьи существует опасность подмены ее объекта — семьи, семейных интеракций и структур — единицей категориальной, агрегативной — индивидом. Редукция семьи к индивидам — престарелым, инвалидам, больным и т.п., особенно в связи с необходимостью их социальной защиты и поддержки, невольно способствует «медикализации» социологии семьи. В связи с этим обостряется вопрос о самом определении семьи, тем более что некоторые экономисты и юристы начинают сводить семью к «домохозяйству одиночек», а социологи — к «двум индивидам», один из которых зависим от другого (мать с ребенком). Но нуклеарная семья в принципе не может иметь меньше трех нуклеарных позиций (мать-жена, отец-муж, ребенок — сын или дочь), и поэтому даже арифметически семья не может состоять меньше чем из трех человек, т.е. однодетная семья — это предел количественного «сжатия» семьи.
10. Противопоставление количественного и качественного подходов взамен их применения по принципу дополнительности не способствует установлению истины. В социологии и демографии семьи иногда количество членов семьи, детей противопоставляется «качеству» семейных отношений либо «качеству» воспитания детей. Вопреки данным социальной психологии по изучению малых групп обиходный стереотип «лучше меньше, да лучше» в теориях семьи возводится в ранг самоочевидной истины («лучше один ребенок, но лев, чем много детей-зайчат»). Однако неприязнь к многодетной семье питается присущей людям неприязнью к множеству вообще. Боязнь обезлички сказывается на отрицательном отношении людей к статистике и к выборочному методу, что хорошо показано во фрагментах из работы Э. Ноэль.
11. Возросший в последние годы в науке интерес к качественным методам следует рассматривать не в контексте противопоставления количественному подходу, а в связи с бумом социологических опросов и «анкетоманией». Вместе с тем акцент на качественном анализе семейных биографий усиливает значение теории. Что, в свою очередь, предполагает последовательное проведение принципа феноменологической редукции, ибо исследование отдельных жизненных историй семьи может быть связано с подспудной эксплуатацией здравого смысла.
12. В зарубежной, и в том числе американской, социологии семьи акцент на теории, на, так сказать, технике конструирования теорий, особенно в области брачного выбора и стабильности семьи в 1960-е гг., не сопровождался, увы, феноменологическим

осознанием роли обыденных представлений о семейности. При резком повороте социологии науки и теоретической социологии от объективизма и позитивизма в сторону социологической этнометодологии можно было бы ожидать появления «феноменологической социологии семьи»; семейная теория, как заметил кто-то из комментаторов, «продолжала двигаться в обратном направлении».

13. Микросоциология не редуцируется к количественному анализу, не дает лишь описания статистических, документальных данных. Здесь объясняются не только эмпирические «факты», полученные в исследованиях, но и «законы», а также соотносится в рамках теории (феноменологически «очищаемой» от житейских стереотипов) исследовательская информация с гипотетически интуитивной. Микросоциология семьи должна конструировать и средства (инструменты, методы) и теории исследуемых явлений. Внимание к процедурам конструирования познавательных средств и к объяснительным приемам позволяет избавиться от всего наносного, предвзятого, обиходного в концептуальном аппарате.
14. Поскольку измеряемые признаки фамилистических явлений образуются в ходе операционализации терминов — элементов тех или иных теорий (включающих в себя обыденную символику), то звенья или ступени объяснения семейных явлений соответствуют уровню объекта изучения. Одно дело, например, — объяснение внутрисемейных отношений, ведущих к распаду семьи. Другое дело — объяснение роста разводимости, включающее внутрисемейную дезорганизацию как звено в цепи объяснений, учитывающих рост профессиональной занятости жен-матерей, изменение жилищного законодательства и другие обстоятельства.
15. Важно различать инструментальную социологию семьи, сосредоточенную на механизме возникновения результатов семейной жизнедеятельности, и понимающую социологию семьи, стремящуюся действительно понять особый мир приватного «домоубежища» с помощью теорий и методов, приспособленных к своеобразию объекта. Частный мир семьи, делающийся все менее приватным из-за вторжения разного рода служб и организаций, все более нуждается в подлинной приватизации. Тем не менее приватный характер семейных отношений образует специфику объекта микросоциологии семьи в отличие от макрообъекта (институциональные изменения семьи).
16. Различение макро- и микрообъекта исследования в единой социологии семьи относительно. Оно служит поиску причин се-

мейных изменений в рамках методологически сложно устроенной процедуры социологического объяснения, в контексте иерархии концептуально-терминологических связей между переменными семьи институционального, группового и индивидуального уровней.

17. Вместе с тем различие макросоциологии и микросоциологии семьи необходимо для углубления знаний о феномене семьи и о самом обществе, во избежание как социологизма, так и психологизма.

Ключевые термины

Автономизация индивида	<i>социологов и социологического метода с критикой социальной системы</i>
Биографический подход	Самосохранительное поведение
Брачное поведение	Семейная терапия
Выборочные исследования	Семейное поведение
Выборочный метод	Социализационное поведение
Инстинктивизм	Социализация и приватизация семьи
Инструментальный подход	Социальная демография
Интерпретационная социология	Социальная дифференциация
Качественный и количественный подходы	Социальная работа с семьями
Конвенциональные интерпретации — <i>в согласии с другими людьми, учеными или воззрениями и концепциями произведенные суждения</i>	Социально-символический подход
Конструирование теорий	Социологизм
Макросоциология семьи	Социометрия семьи
Матримониальное поведение	Субъективная социология
Медиализация микросоциологии семьи	Терапевтический подход
Метод понимания	Фамилизм — <i>термин, обозначающий направленность системы взаимосвязанных ценностей на семью и семейный образ жизни; на уровне общества, социальных институтов, общностей, групп, индивидов характеризует приоритет ценности семьи и детей перед всеми остальными ценностями</i>
Микросоциология семьи	Фамилистика — <i>общая наука о семье и семейных феноменах, общее обозначение всех наук, исследующих те или иные аспекты</i>
Нуклеарная позиция	
Обыденные интерпретации	
Психологизм	
Репродуктивное поведение	
Респонсивность — <i>восприимчивость, отзывчивость</i>	
Рефлексивная социология — <i>соединяющая самокритику</i>	

фамилистических явлений. В узком смысле — дисциплина, занимающаяся изучением фамилизма

Фамилистическая культура — *просемейная или же «семецентристская» культура, цивилизация; в этом смысле также говорят*

о просемейных, фамилистических движениях, партиях, ассоциациях и т.п.

Феноменологическая социология семьи —

Формальная демография

Контрольные вопросы

1. Существует ли семья? Может быть, «семья» — лишь слово, удобное для объединения разного рода образов и представлений, связанных с браком, рождением детей и разводом? Семья — чем она является на самом деле, действительно ли семья — специфический объект изучения в социологии? Семья в прошлом, настоящем и будущем — это одно и то же или речь идет о разных сущностях? Является ли объединение людей в семью специфическим по форме и характеру ассоциации, т.е. отличающимся от других объединений и групп, не сводимым к каким-либо уже имеющимся типам и видам социальных общностей? Если это так, то какие специфически семейные различия не сводятся к социальным различиям «мужчина — женщина», «взрослый — ребенок» и т.п.?
2. Какое семейное сходство не укладывается в близость по социальному классу, статусу, образованию и т.д.? Можно ли выводить из специфики выполняемых семьей в обществе функций специфику самой семейной ассоциации?
3. Если общая социология изучает роль семьи в социуме и социальной структуре, нужно ли тогда выделять особую социологию семьи?
4. Если сплоченность семьи подчиняется тем же законам, что и совместимость членов рабочих бригад, экипажей самолетов или футбольных команд, то стоит ли говорить о микросоциологии семьи? Если же семейные взаимодействия нельзя свести исключительно к групповым интеракциям, тогда выходит, что только микросоциология семьи не отражает общую социологию?
5. Должна ли микросоциология применяться лишь к изучению традиционной семьи и традиционного брака, если заключение брака и брачных отношений регулируется «институционально», т.е. как бы без учета чувств, решающей роли сердечных влечений, и в соответствии с институциональными нормами и процедурами, присущими обществам прошлого?

6. В каком смысле можно говорить о макро- и микроуровнях анализа семьи, о макро- и микротеориях?
7. Какая дисциплина может считаться идеалом инструментального подхода? Возможна ли самостоятельная наука, сознательно прибегающая к заимствованиям из других наук для объяснения причин изучаемых ею явлений исходя из принципиальной неспособности собственных познавательных инструментов и средств для этого?
8. Являются ли стереотипные интерпретации семейных событий по сути своей «инструментальными»?
9. Может ли индивид считаться единицей анализа семьи? Как можно схематически представить историческое смещение внимания социальных институтов с традиционной семьи на нуклеарную, на супружескую пару и т.д.?
10. Что предлагается методологией науки взамен противопоставления количественного подхода качественному?
11. В чем различие подходов социолога и клинициста?
12. Какова суть социологического измерения семейных явлений?
13. Возможна ли феноменологическая социология семьи?
14. Соблюдение каких методологических требований позволяет избежать крайностей в объяснении семейных феноменов?

Литература

- Андреева Г.М.* К вопросу об отношениях между микро- и макросоциологией // Доклад VII межд. соц. конгр. Изд. ИСИ АН СССР. 1970; Ее же: О соотношении методов количественного и качественного анализа в эмпирической социологии // Социальные исследования. М., 1965. Ее же: Современная буржуазная эмпирическая социология. М., 1965. О соотношении микро- и макросоциологии // Вопросы философии. 1970. № 7.
- Антонов А.И.* Социология рождаемости. М., 1980.
- Антонов А.И., Сорокин С.А.* Судьба семьи в России XXI века. М., 2000.
- Бергер И.* Приглашение в социологию. М., 1996.
- Бергер Питер, Лукман Томас.* Социальное конструирование реальности. М., 1995.
- Бауман З.* Мыслить социологически. М., 1996.
- Борисов В.А.* Перспективы рождаемости. М., 1976; Его же: Демография. М., 2003.
- Гидденс Э.* Социология. М., 1999.
- Голофаст В.Б.* О взаимосвязи подходов в изучении семьи // Социологические проблемы семьи и молодежи. Л., 1972; Его же: Из-

- менение семьи при капитализме // Семья как объект философского и социологического исследования. Л., 1974.
- Гримен Х.* Теория научных революций Томаса Куна // Теория и методы в социальных науках. М., 2004.
- Добренков В.И., Кравченко А.И.* Социология. В 3 т. М., 2001.
- Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П.* Начала практической социологии. М., 2001.
- Мацковский М.С.* Социология семьи: проблемы теории, методологии и методики. М., 1989.
- Новые направления в социологической теории. М., 1978.
- Нозль Элизабет.* Массовые опросы. М., 1978.
- Пэнто Р., Гравитц М.* Методы социальных наук. М., 1972.
- Рицер Дж.* Современные социологические теории. СПб., 2002.
- Смелзер Н.* Социология. М., 1999.
- Социология семьи / Под ред. А.И. Антонова. М., 2004.
- Щепаньский Ян.* Элементарные понятия социологии. М., 1969.

ПРИМЕЧАНИЯ

⁵ См. подробнее об этом: *Голосенко И.А., Козловский В.В.* История русской социологии XIX–XX вв. М., 1995. С. 85–91.

⁶ *Бергер Питер.* Приглашение в социологию. М., 1996. С. 29.

⁷ Фамилист в отличие от феминиста (а также «маскулиниста» и «детоцентриста») изучает социум не с точки зрения половозрастной, не с позиции женской, мужской или детской, а исходя из интересов семьи как целого. Фамилист видит, но не «выпячивает» половозрастные различия; преодолеть женский либо мужской взгляд на мир можно, лишь зная, в чем специфика той или иной гендерной точки зрения.

⁸ *Штолика Петр.* Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. М., 1996.

⁹ Цит. по: *Андреева Г.М.* К вопросу об отношениях между микро- и макро-социологией // Доклад на VII межд. социол. конгр. М., 1970. С. 4. См. также: *Андреева Г.М.* О соотношении методов количественного и качественного анализа в эмпирической социологии // Социальные исследования. М., 1965. С. 192.

¹⁰ Нуклеарная семья исчезает после гибели ее «ядра» (отсюда само наименование семьи как нуклеарной) — родителей и детей. Определить крах расширенной семьи, состоящей из нескольких нуклеарных семей, не так просто. Процесс нуклеаризации сводит генеалогическое древо семьи всего-навсего к одной линии, «веточке», тогда как распространение малолетности и одиозности прерывает нить преемственности поколений.

¹¹ *Наумова И.Ф.* О системном описании целенаправленного поведения человека // Системные исследования: методологические проблемы. Ежегодник, 1979. М., 1980. С. 230–241. Ее же: Психологические механизмы свобод-

ного выбора//Системные исследования: методол. проблемы. Ежегодник 1983. М., 1983. С. 197–221. См. также: *Акофф Р., Эмери Ф.* О целеустремленных системах. М., 1974.

¹² См. уже ставшие историческими примеры «вторжения» физиков в социологию семьи и демографию: «Литературная газета». 1976. № 37 – статья Г. Наана «Он, она и второй закон термодинамики»; см. также упоминание о «демографических» прогнозах астрономов Ф. Хойла и др. в книге У. Салливана «Мы не одни». М. 1967. С. 335. Любопытно, что Ф. Хойл, игнорируя научные данные о распространении контрацепции и аборт, предрекает человечеству еще 5000 лет мучений от «перенаселенности», пока люди не научатся подавлять свой «инстинкт размножения».

¹³ Новые направления в социологической теории. М. С. 103.

¹⁴ Новые направления в социологической теории. С. 36.

¹⁵ *Берто Д., Берто-Вьям И.* Наследство и род // Вопросы социологии. 1992. № 2. Т. 1. С. 106.

¹⁶ См.: *Allan Carlson.* From cottage to work station. San Francisco. 1993; *Карлсон А.* Общество – семья – личность / Под ред. А.И. Антонова. М., 2003.

¹⁷ *J. Davies /ed./* The Family: is it just another lifestyle choice? London. 1993, p. 100.

¹⁸ Цит. по: *Лейтц Г.* Психодрама: теория и практика. Классическая психодрама Я.Л. Морено. М., 1994. С. 38–39.

¹⁹ Цит. по: *Эпштейн С.И.* Индустриальная социология в США. М., 1972. С. 20.

²⁰ *Саннс М., Уэллс К.* Опыт социальной работы. Введение в профессию. М., 1994. С. 81. Авторы в соответствии с феминистской ориентацией делают акцент на ухудшении положения женщин (а не семьи в целом) и потому приводят цифры среднегодового дохода мужчин, превышающие на 10 тыс. долл. доход работающих женщин. Однако интереснее сравнить доходы семей с двумя работающими супругами и семей, где жена не занята в наемном труде. В 1987 г. превышение на 14 тыс. долл. было в пользу «двухгендерной» зарплаты; в 1992 г. эта цифра выросла до 19 658, а пропорция доходов дву- и однозарплатных семей была 1,65. Ожидался рост этого индекса в США к 2000 г. до 1,75 (в соответствии с темпами роста в 1960–80-е гг., обусловившими падение брачности и рождаемости). Максимальное значение 2,0 характеризует двойное превышение доходов в семьях с двумя работающими супругами над семьями с одним работником. См. об этом подробнее статью А. Карлсона в: *Семья в России.* № 3–4. 1995. С. 140–141, а также: *Карлсон А.* Общество – семья – личность. С. 114. Таким образом, в США семья с 2 работающими супругами и с меньшим числом детей оказывается в привилегированном положении по сравнению с однодоходной семьей, имеющей большее число детей.

²¹ *Morgan D.H.J.* The Family, Politics and Social Theory. London. 1985, p. 34.

²² См. подробнее об этом: *Антонов А.И.* Социология рождаемости. М., 1980. С. 211.

²³ Об интеграции этих подходов см.: *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. СПб., 2002.

²⁴ *Щепаньский Ян.* Элементарные понятия социологии. М., 1969. С. 118.

²⁵ *Попеное Д.* Упадок американской семьи (1960–1990): обзор и оценка // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. № 3. 1996. С. 61, 65.

²⁶ Андреева Г.М. Указ. соч. С. 13.

²⁷ Новые направления в социологической теории. С. 38.

²⁸ Самое известное высказывание такого рода принадлежит А.Г. Вишневскому: «...важно не то, сколько детей в среднем рождает женщина, а то, насколько число рожденных ею детей...суть результат ее (или обоих супругов) СОЗНАТЕЛЬНО ПРИНЯТОГО РЕШЕНИЯ». – Цит. по: Антонов А.И. Социология рождаемости. С. 73. Предполагается, что «сознательный выбор», учитывающий все «за» и «против», связан с ограничением многодетности и применением контрацепции. Соответственно, отказ от этого ограничения и от контрацепции имплицитно означает «бессознательное» рождение детей. Зона рутинного («бессознательного») поведения, не связанного с рациональным выбором из альтернатив, как раз больше в малодетных семьях, а не в многодетных. О различии рутинного и проблемного поведения см. гл. 5, а также: Антонов А.И., Медков В.М., Архангельский В.И. Демографические процессы в России XXI века. М., 2003. С. 50.

²⁹ Поэль Элизабет. Массовые опросы. С. 28–29.

³⁰ Там же. С. 33.

³¹ Поэль Элизабет. Указ. соч. С. 34.

³² Horton P., Leslie G. The Sociology of Social Problems., N.Y. 1960, p. 61. Интересно, сколько еще потребуются десятилетий, чтобы последствия краха института семьи стали очевидными и чтобы просемейная политика сделала этот юмористический расчет реальной возможностью?

³³ Поэль Э. Указ. соч. С. 36–37.

³⁴ Там же. С. 41.

³⁵ См. гл. 13, а также: Лекции по методике конкретных социальных исследований / Под ред. Г.М. Андреевой. МГУ, 1972. С. 4–55; Курриян А.П. Методологические проблемы социального эксперимента. МГУ, 1971. С. 6–12; Ядов В.А. Социологическое исследование. Из-во Самарского ун-та, 1995. С. 20–79.

³⁶ Андреева Г.М. Указ. соч. С. 16.

³⁷ Мацковский М.С. Социология семьи. Проблемы теории, методологии и методики. М., 1989; Борисов В.А. Перспективы рождаемости. М., 1976.

³⁸ Zetterberg H. On theory and verification in sociology. N.J. 1965; см. также: Хилл Р. Современные теории в исследовании семьи // Социальные исследования. М., 1970.

³⁹ Цит. по: Handbook of Marriage and the Family. M. Sussman, Suzanne Steinmetz. NY – London, 1987, p. 81.

⁴⁰ Handbook of Marriage and the Family, p. 88.

⁴¹ Герменевтика – искусство интерпретации: этнометодология – стратегия изучения привычного, как будто это совершенно чужой, незнакомый мир. Этнометодолог не может уподобляться путешественнику, тычащему пальцем в разные предметы и получающему на вопрос «что это?» один и тот же ответ, означающий на туземном языке «палец».

⁴² McLain, R. & Weigert. Toward a Phenomenological Sociology of Family. – «Contemporary theories about the Family». Vol. 2. Ed. W. Burr a.o. New York, 1979.

⁴³ Голод С. Социально-психологические и нравственные ценности семьи// Молодая семья / Ред.-сост. А.И.Антонов. М., 1977. С. 52.

⁴⁴ Рапопорт С. О системе норм семейного поведения // Молодая семья. С. 57.

⁴⁵ *Roussel L.* La famille incertaine. Paris. 1989.

⁴⁶ *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 299.

⁴⁷ Психологизация социологии семьи отмечается некоторыми теоретиками феминизма. Например, Мэри Осмонд подчеркивает решающую роль макросоциетальных факторов, внешних по отношению к семье, и показывает свертывание «конвенциональной социологии семьи» до рамок социально-психологического подхода: *Handbook of Marriage and Family*, p. 119.

⁴⁸ См: *Ядов В.А.* О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975. С. 93.

⁴⁹ *Борисов В.А.* Перспективы рождаемости. С. 19. Рождаемость есть реализация плодovitости; снижение рождаемости происходит при неизменно высоком ее потенциале, но под влиянием ослабления потребности в детях, сверхнизких установок на число детей.

⁵⁰ *Berger Peter and Berger Brigitte.* *Sociology: A biographical Approach.* Penguin Books, 1976, p. 13.

Глава 2

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ МИКРОСОЦИОЛОГИИ СЕМЬИ

Взирая на высоких людей
и на высокие предметы,
придерживай картуз свой за козырек.

Козьма Прутков

Краткое содержание

Истоки микросоциологического исследования семьи идут от работ французского социолога Фредерика ле Пле (XIX в.) и американского социолога Эрнста Берджесса (XX в.). Основные социологические теории можно применить к изучению семьи следующим образом: теории конфликта и структурного функционализма относятся к макросоциологии семьи, а символический интеракционизм, этнометодология, теория обмена, психоаналитическая теория и социометрия — к микросоциологии семьи. Две последние теоретические традиции являются также признанной основой практической работы по изменению семейных отношений, тогда как первые три подхода сосредоточены в основном на объяснении семейных процессов, причем феноменологическое направление пытается izbavit анализ от искажающего воздействия обыденных интерпретаций, продуцируемых повседневностью семейной жизни. В русской социологии семьи ощутимы семена интеракционизма, социологии понимания и психоанализа, особо следует отметить влияние марксизма и марксистского феминизма на развитие отечественной социологии семьи в 1920–80-х гг.

2.1. Типология теоретических подходов к изучению семьи

Среди социологов, пожалуй, не найти тех, кто ни разу не упомянул бы по какому-либо поводу семью, тем не менее ученых, специализирующихся в области социологии семьи, не так-то много. Хорошо это или плохо? По-видимому, ответ зависит от роли семейного измерения общества. В XIX в., когда ключ к настоящему и будущему связывали с очень популярной тогда темой происхождения человечества, семья оказалась в центре внимания не случайно. Ф. Энгельс (1820—1895) посвятил марксистской трактовке происхождения семьи отдельную книгу. В первой половине XX в., стремясь понять, как устроено общество, социологи рассматривали семью как стабилизирующий механизм. Основатель структурного функционализма Т. Парсонс (1902—1979) неоднократно обращался к теме семьи и написал вместе с Р. Бейлзом работу по социализации семьи.

Однако если искать тех, кто положил начало собственно социологии семьи, то прежде всего следует назвать имена французского социолога Фредерика Пьера Ле Пле (1806—1882) и американского социолога Эрнста Берджесса (1886—1966), одного из первых президентов Американского Национального Совета по семейным отношениям.

Ле Пле поставил семью в центр интересов всей социологии, сделав ее независимой переменной по отношению к остальным социальным процессам. Более того, он единственный из социологов XIX в., кто восстал против либерально-демократической идеологии индивидуализма, эмансипировавшей индивида от семьи и превращавшей его в строительный блок государства⁵¹. Фундаментальным элементом общества, по Ле Пле, является семья, корневая семья (родительская семья плюс репродуктивная семья — как правило, старшего сына)⁵². Социальный порядок и подлинная свобода зависят от роли семьи в обществе, корневой семьи, которая исключает ригидность патриархальной семьи и «эгоистический атоанизм» современной, нестабильной семьи. Стремясь исследовать общество как естествоиспытатель, Ле Пле хотел понять причины социальных революций через «самоличное» изучение простейшей модели общества — семьи, через социальное возвышение и падение семей.

В разных странах Европы им были составлены монографии нескольких сот семей из различных слоев и классов. Анализ бюджета семьи, связанный с количественным выражением жизнедеятельности семьи, явился толчком к разработке индексов образа жизни. Эти

бюджетные обследования семей опирались на классификации семей от их возникновения до распада, т.е. предвосхитили концепцию жизненного цикла семьи как малой группы. Ле Пле уже как микросоциолог своими монографиями семей создал возможность разработки модели семейного поведения, позволяющей количественно фиксировать уровень жизни, использование социального времени и т.п.

О влиянии Ле Пле можно судить по следующему факту. Карл Циммерман, друг Питирима Сорокина по Миннесотскому университету (им принадлежит внушительный трактат по социологии села), в начале 1930-х гг. повторил бюджетные исследования, и хотя результаты не полностью совпали с данными Ле Пле, ему удалось установить, что система сельской семьи в силу ее близости к «традиционной» оказалась лучше адаптирована к эпохе Великой депрессии, чем урбанизованная семья⁵³. Следует к этому добавить, что, по мнению видного американского социолога и историка семейных изменений Аллана Карлсона, Ле Пле явился родоначальником интеллектуальной традиции Ле Пле — Карл Циммерман — Питирим Сорокин — Роберт Нисбет, которая усматривает истоки любых разновидностей тоталитаризма в упадке семьи и которая переориентирует социальную науку с «индивидуализма» на семью как исходную «клеточку» социума, относя семейные изменения к важнейшему фактору социальной истории⁵⁴.

Э. Берджесс, определявший семью как «единство взаимодействующих личностей» и увидевший в крахе «традиционной» семьи не институциональный кризис семьи вообще, а лишь «усиление» эмоциональных опор брака и тем самым института супружества как автономного от семьи социального образования, стал лидером социально-психологической перспективы в изучении семьи как микрогруппы.

Не без влияния Э. Берджесса все рутинное, безальтернативное в семье стало отождествляться с институциональным в смысле отсутствия свободы выбора, подчинения членов семьи диктующим им все действия социальным нормам-образцам. При этом нормы-принципы, предполагающие выбор поступков, имплицитно закреплялись лишь за «товарищеской» семьей с ее якобы преимущественно партнерскими отношениями. Надо заметить, что ликвидация семейного производства и производственной функции семьи отнюдь не означает одновременного «усиления» функции эмоциональной привязанности, «упрочения» семьи как «психологического убежища» — есть и другие точки зрения на сей счет. Переход к семье, где оба супруга работают не в семейном домопроизводстве,

а по найму, не ведет автоматически к «равноправию» супругов. Вместе с тем возможное изменение внутрисемейного «климата» не лишает межличностные отношения в семье их семейно-институционального характера.

Тезис Э. Берджесса о переходе семьи-института к супружескому партнерству и товариществу нельзя трактовать как переход от семьи-института к семье, переставшей быть социальным институтом. Речь идет об изменении в рамках семьи-института характера групповых взаимоотношений между супругами и всеми членами семьи. Таким образом, Э. Берджесс говорит о смене типов семьи как малой группы внутри социального института семьи. В этом смысле можно сказать, что было угадано возникновение нового стиля семейных отношений, новое распределение семейных ролей. Распространение семей с двумя работающими родителями сопровождалось изменениями в числе детей, в брачности и разводимости. Поэтому Э. Берджесс как бы предвосхитил обособление супружества в качестве потенциально нового института, что становится реальностью лишь в условиях кризиса и краха семьи как социального института.

Расщепление прежнего институционального единства родительства — супружества — родства на автономные от семьи и друг от друга части действительно связано с разрушением семьи как таковой. Разумеется, можно (как это и делается сегодня) бесконечно расширять границы семейности и смягчать научные критерии семьи (конституирующие семью по эффективности выполнения социетальных функций рождения и социализации детей), резервируя слово «семья» для обозначения «остатков, осколков» семейного образа жизни. И тогда супруги без детей, один родитель с ребенком, родная тетья с осиротевшим племянником, дедушка с внуком и т.п. могут зваться «семьей» в социальных науках, в том числе и в социологии семьи, давно уже перегруженной обиходными интерпретациями.

Во второй половине XX в. в социологии семьи благодаря стараниям Р. Хилла⁵⁵, направленным на создание системных теорий, учитывающих разные уровни изучаемого объекта, были предприняты попытки создания концептуально-терминологического аппарата, способного органично соединить исследование семьи одновременно как института и малой группы⁵⁶. Тем не менее продолжает сохраняться до сих пор подразделение всей имеющейся дюжины теорий на макро- и микросоциологические. К первым относят обычно структурно-функциональный анализ и теории конфликта, ко вторым — символический интеракционизм, теорию обмена и феноменологическую теорию (или этнометодологию). Перед тем как обратиться к рассмотрению (конечно, весьма сжато) микротеорий,

хотелось бы еще раз отметить, что выделение микро- и макросоциологических подходов конвенционально и что имеется множество иных классификаций.

Одна из них получила широкую известность и породила множество модификаций, в том числе и в области социологии семьи. Это — типология теорий американских социологов Г. Баррела и Г. Моргана, выделяющих четыре блока теорий в зависимости от ориентаций субъективистского и объективистского плана и от радикального или умеренного характера преобразований социума (схема 2.1). На схеме все теории подразделяются на те, в которых исходным является индивид как первичный элемент с его субъективной устремленностью, и те, которые исходят из социального мира, независимого от индивидов и от их субъективных интерпретаций.

Каждая из этих групп, в свою очередь, может состоять из теорий, ориентации которых тяготеют к радикальной перестройке социума и самих концептуальных парадигм, и теории, которые концентрируются на функционировании, стабильности, регулировании социума и на взаимной дополнительности (а не конкуренции, антагонизме) альтернативных подходов. По этой типологии вышеназванные микросоциологические теории попадают в разряд теорий, нацеленных на лучшее понимание статус-кво.

Феминистские теории, учитывая их внимание к социальным факторам, скорее всего, должны быть отнесены к радикальной социологии. Однако аксиоматическое восприятие реальности как проекции мужской картины мира и отсюда конвенциональное требование перестройки всего на женский лад заставляет учесть эту гендерно-индивидуальную революционность и отнести феминизм к группе

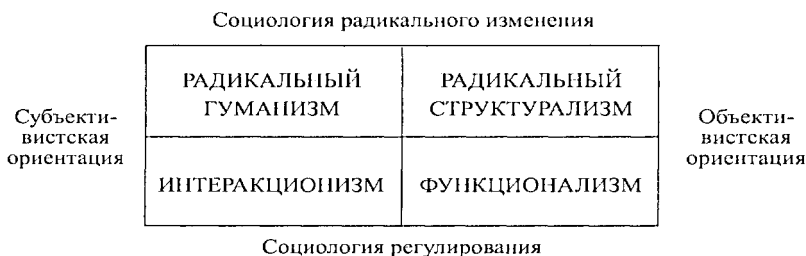

Схема 2.1. Типология теоретических парадигм Баррела и Моргана

Источник: Burrell G. and Morgan G. *Sociological Paradigms and Organisational Analysis*. L. 1979.

критической социологии (схема 2.2). Критическо-наступательный дух феминизма столь силен, что отодвигает на второй план его объяснительную (с позиции индивида-женщины), интерпретационную функцию.

Фамилистика, ставящая семью как институт в центр социального мира, альтернативна феминизму, сконцентрированному на гендерном конфликте и на таком разрешении его, когда женщины занимают положение мужчин. Отсюда «просемейная» (в смысле «за», а не «против») социология семьи должна располагаться среди объективистских (т.е. не «проженских» или «про мужских») теорий радикально-преобразовательного плана (радикальный структурализм в схеме 2.1 или радикальная социология в 2.2). Очевидная заостренность на конфликте института семьи с остальными институтами и государством разрешается в фамилистической социологии через просемейную политику, устраняющую подчиненное положение семьи в обществе. Радикально-преобразовательный импульс тут не менее мощный, чем в феминистической теории. Однако отсутствие индивидуально-гендерной субъективности в лоне самой теории подчеркивает объективистский взгляд фамилизма, ориентацию на радикальное преобразование социума.

Итак, с одной стороны, феминистическая социология эксплицирует «одногендерную» интерпретацию социального мира и в идее равноправия полов находит стимул к переподчинению, потенциально таящему сохранение прежнего строя жизни. С другой стороны, фамилистическая социология провозглашает внеиндивидуальный и внегендерный (ни женский, ни мужской) взгляд на устройство социума с его неблагоприятными для личности, семьи и всего общества тенденциями. Социология семьи видит причины их в подчиненном положении семьи среди социальных институтов. Равноправие всех институтов в результате семейной политики общества (не только государства) означает ликвидацию ущемления интересов семьи и благодаря этому — интересов личности (женщин — мужчин, стариков — детей, больных — здоровых, и т.д.), а также интересов самого общества.

Таким образом, фамилизм и феминизм как две альтернативные парадигмы предлагают два противоположных решения современной конфликтности социокультурных ролей женщины и мужчины. Фамилизм предлагает равноправие институтов в качестве средства от нереспонсивности личности и общества, личности-общества и семьи. Феминизм рекомендует борьбу женщин с миром, устроенным мужчинами для мужчин; с семьей, воспитывающей детей в духе неравноправия мужских и женских ролей; с асимметрией полов, ис-

кусственно конструируемой мужской культурой на основе якобы физиологической андрогинности человеческого тела.

По-видимому, надежду на устранение противостояния феминизма и фамилизма можно обрести, если методологический анализ этих парадигм обнаружит их различную теоретическую природу, принадлежность к разнокачественным классам теорий. В классификации теоретических подходов к изучению семьи, предложенной Мэри Осмонд (на основе типологии Баррела и Моргана — см. схему 2.2)⁵⁷, феминизм относится к субъективистским теориям, а фамилизм — к объективистским. Оба подхода ориентированы на радикальное преобразование общества, но один сосредоточен на перестройке отношений между социальными институтами, а другой — на перемещении точки отсчета или опоры.

При субъективистском взгляде носители конвенционально определяемой специфики самих себя (женственность) объявляют эту специфичность одновременно существенной для объяснения устройства мира и несущественной по отношению к другому полу, поскольку постулируется равенство полов. Важно, что декларируется специфическая определенность и что в терминах этой специфики интерпретируется весь социум, но не ради интерпретаций, а для превращения мужского центра отсчета в женский. При объективистском взгляде (как бы «очищенном» от человеческой предметности и конкретности) в центре внимания находятся социальные институты. Взаимоотношения между ними мыслятся без соотнесенности с какой-либо спецификой и уникальностью вовлеченных в эти ин-

	СУБЪЕКТИВИСТСКИЙ ВЗГЛЯД	ОБЪЕКТИВИСТСКИЙ ВЗГЛЯД
	на социальную реальность	
Ориентация на радикальное изменение	КРИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ Экзистенциализм Критическая социология Социология науки	РАДИКАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ Марксизм Радикальный структурализм Теория конфликта
Ориентация на регулирование	ИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ СОЦИОЛОГИЯ Этнометодология Символический интеракционизм Феноменология	ФУНКЦИОНАЛИСТСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ Теория социальных систем Структурный функционализм Теория обмена, теория ролей

Схема 2.2. Основные теоретические подходы к изучению семьи

ституты индивидов. Эта отстраненность от всего нерелевантного (личного, произвольного, корыстного, партийного и т.п.) также явно эксплицируется, для того чтобы особо отметить «объективный» характер происходящих изменений и принципиальную возможность преобразований.

И субъективисты, и объективисты тем не менее нуждаются в применении аналитических методов интерпретационной социологии. Этнометодологический анализ способен показать, как именно обиходные стереотипы, поддерживаемые личными обстоятельствами своей «гендерной жизни», определяют явные и латентные тезисы феминистской теории. В свою очередь, феноменологический подход к про- и контрафамилистическим силлогизмам способен обнаружить, в чем именно и каким образом проявляется воздействие частного семейного опыта на теоретические выводы ученых.

Таким образом, привлечение интерпретационной социологии к методам исследования семьи, практикуемым социологами феминистической и про- или контрафамилистической ориентации, дает ученым средство мирного разрешения антагонизма альтернативных теорий. Ведь суть интерпретационной социологии состоит в ориентации на «мирное» урегулирование, на поиск компромисса между конвенциональными основами «воюющих» парадигм. Одинаковая зависимость альтернативных теорий от стереотипов здравого смысла, демонстрируемая этнометодологией, показывает всю нелепость отказа от диалога, от взаимного дополнения достоинств одной концепции преимуществами другой. «Сжигание мостов» между противоположными взглядами умножает промахи и ошибки исследователей. Собственно говоря, данное обстоятельство раскрывает причины того пристального внимания к феноменологической социологии, которое присутствует, можно сказать, на каждой странице данной книги.

Классификация М. Осмонд позволяет обойтись без обращения к критерию уровня теорий, здесь нет макро- и микротеорий и нет также, что весьма конструктивно, и теорий среднего уровня (мидитеорий). Иерархическое структурирование теорий является, с одной стороны, данью системному анализу, занятому (в схоластическом варианте) бесконечным выяснением взаимосвязей между частями и уровнями, а с другой — нацелено на поиск всеобщей социологической теории, будь то «истмат» или какая-либо иная универсальная теория социальных систем.

Вместе с тем при выделении микрообъекта в изучении семьи возникает возможность отнесения микроскопического подхода к интерпретационной социологии. На этом уровне видна известная относительность любых классификаций, не учитывающих, что меж-

ду индивидом и обществом могут располагаться также посреднические группы разного рода. Тем не менее с учетом неизбежных несоответствий, возникающих при всяком классифицировании, будем считать макросоциологическими те альтернативные теории семьи, которые ориентированы на радикальное изменение сложившегося положения семьи в обществе или на постепенное регулирование его (чему соответствует применение к семье теории конфликта либо функционализма). Методологические требования интерпретационной социологии полезны в микроториях семьи, исследующих распространение обиходных интерпретаций, выводимых из индивидуального опыта и закрепляемых в межличностных и групповых интеракциях.

2.2. Символический интеракционизм

Символический интеракционизм является ведущим направлением в социологическом исследовании семьи. Сегодня невозможно представить разработку основополагающего раздела — социализации детей — вне перспективы символического интеракционизма независимо от того, признается этот вклад или отрицается. Не случайно в первом изданном на русском языке путеводителе по интеракционизму — книге «Социальная психология» американского социолога Тамоцу Шибутани⁵⁸ (блестяще переведенной В.Б. Ольшанским)⁵⁹ четыре главы посвящены социализации личности, а обращения к воздействию семьи на формирование личности детей являются постоянными.

Сущность символического интеракционизма четко изложена Г. Блумером, последователем основателя этого направления американского профессора Дж.Г. Мида (1863–1931). «Термин “символическая интеракция” относится к совершенно определенному, особому виду интеракции, которая осуществляется между людьми. Особенность этой интеракции заключается в том, что люди интерпретируют или определяют действия друг друга, а не просто реагируют на них. Их реакции не вызываются непосредственными действиями другого, а основываются на значении, которое они придают подобным действиям. Таким образом, интеракция людей опосредуется использованием символов, их интерпретацией или приданием значения действиям другого. Это опосредование эквивалентно включению процесса интерпретации между стимулом и реакцией...

...Социологические концепции не рассматривают социальные действия индивидов в человеческом обществе как конструируемые ими при помощи интерпретации. Вместо этого действие рассмат-

ривается как продукт факторов, которые воздействуют на индивидов и действуют через них. Если уделяется место “интерпретации”, то интерпретация рассматривается лишь как выражение других факторов (таких, как мотивы), которые предшествуют действию, и следовательно, интерпретация исчезает как самостоятельный фактор»⁶⁰.

Итак, любые действия в социальном контексте конструируются посредством интерпретации ситуаций, придания им значения. Близость этого подхода к феноменологическому — налицо. Все действующие извне факторы могут проявить себя лишь через специфику тех или иных семейных ситуаций, которые «субъективно» интерпретируются внутри семьи. Конструируемые затем действия соответствуют этим семейным определениям ситуаций и, в свою очередь, формируют через постоянно действующие сети интеракций новые результаты поведения, новые семейные ситуации.

Знаменитая и ставшая классической формула У.И. Томаса⁶¹: если ситуация определяется как реальная, она оказывается реальной по своим последствиям — хорошо раскрывает суть интерпретации интеракций. Символический интеракционизм опирается на теорию ролей, ключевым термином является «принятие роли» другого. Этот процесс позволяет описать, как возникает согласованное взаимодействие, в том числе в семье при социализации ребенка и формировании Я. Благодаря понятию «обобщенного другого» (генерализованного) возникает способность относиться к себе как к объекту (Я-концепция).

2.3. Теория обмена

Теория обмена представляет собой важное направление микро-социологического подхода и одновременно — сложный сплав психологии, экономики и социологии. Американский социолог и психолог Джордж Хоманс (1910–1989), создатель теории обмена, так излагает ее основные положения: «...Социальное поведение представляет собой обмен ценностями, как материальными, так и нематериальными, например знаками одобрения или престижа. Люди, которые дают много другим, стараются получить многое и от них, и люди, которые получают многое от других, испытывают с их стороны воздействие, направленное на то, чтобы они могли получить многое от первых. Такой процесс оказания влияния имеет тенденцию к обеспечению равновесия или баланса между обменами. То, что отдает человек, может быть для него стоимостью... а что он получает — вознаграждением, и его поведение меняется в меньшей сте-

пени, если выгода, т.е. вознаграждение за вычетом стоимости, сохраняет минимальное значение»⁶².

Интеракция состоит, по Хомансу, в обмене «деятельностями» и «сантиментами» и продолжается только в случае удовлетворяющих стороны исходов. При нарушениях «нормы обмена» взаимодействие оказывается конфликтным и прекращается⁶³. Этот момент очень важен и для понимания сути символического интеракционизма — обе теории не приспособлены к изучению конфликта отношений и отстаиваются, когда ожидания не оправдываются.

Не случайно применение теории обмена в социологии семьи не идет дальше моделирования брачного выбора. Поведение супругов в предбрачных ситуациях, нарушающих правило «распределенной справедливости», не поддается описанию, но именно посредством разрешения конфликтов и устанавливается семейное благополучие. Любопытно, что сам Дж. Хоманс признается в бихевиористском и экономическом редукционизме, что важно, так как применение этого подхода к браку и семье оставляет в тени технологии обмена всю область «социологического понимания». Дж. Хоманс пишет: «...из всех многочисленных подходов к изучению социального поведения чаще всего игнорируется тот, который рассматривает его с экономических позиций. Тем не менее это именно тот подход, которым мы повседневно пользуемся в нашей жизни — за исключением тех случаев, когда мы пишем труды по социологии»⁶⁴.

Анализ семейных отношений в терминах рынка характерен для целого ряда американских ученых. Среди социологов семьи прежде всего следует назвать Уильяма Гуда, а среди микроэкономистов — лауреата Нобелевской премии Гэри Беккера⁶⁵. Последний посвятил свою работу, во-первых, теории супружеского выбора, где брак рассмотрен через обмен партнерами своих выгод и издержек; во-вторых, теории репродуктивных решений, где дети рассматриваются в терминах рынка как «товары длительного пользования».

В репродуктивной теории предполагается неизменность желания иметь сколь угодно большое число детей, противоречащее данным социологических исследований об уменьшении социальных норм размера семьи и о преобладании социальной потребности семьи в одном-двух детях⁶⁶. Вместе с тем в модели Беккера на микроуровне семьи раскрыто своеобразие действия конъюнктуры рынка, когда повышение стоимости детских услуг и содержания детей, рост издержек перекрывают выгоды пользования детьми как «товарами» и ведут к отказу от полного удовлетворения имеющейся сегодня у семьи потребности в двух детях.

Микроэкономика Беккера описывает частный случай уменьшения (увеличения) числа детей в семьях в пределах имеющегося уров-

на потребности семьи в детях. При уменьшении издержек и наличии перевеса выгод от «пользования детьми» число имеющихся детей увеличивается до полной реализации потребности в детях, т.е. не бесконечно, а в рамках наличного уровня потребности семьи в детях. Нельзя ни в коем случае думать, будто рост выгод и сокращение издержек могут повысить сам уровень потребности в детях — такое использование концепции Беккера некорректно.

Следует отметить также рыночную условность модели Беккера, подменяющую «производство детей» в семье их метафорическим «приобретением». Фактически дети производятся семьей для их последующего (после совершеннолетия) длительного использования или потребления социальными институтами, в том числе экономической системой. Однако полная отмена социальными институтами рыночных отношений между ними и семьей оставляет семье лишь одну реальную возможность — беспрепятственного ослабления потребности в детях до потребности в одном-единственном ребенке и соответствующего этому сокращения числа детей.

Теория Беккера принимает как данное навсегда лишение института семьи ее рыночного права повышать цену за передаваемых ею государству и остальным институтам детей (выращенных в семье и подготовленных семьей в качестве новой рабочей силы) в зависимости от конъюнктуры рынка. Поэтому пропагандируемый Г. Беккером универсализм экономического подхода в его собственной теории оказывается фикцией. «Всеобъемлющий», по словам Беккера, экономический подход скромно отходит на второй план, уступая место морали, когда последовательное проведение рыночной парадигмы начинает требовать эквивалентного обмена между произведенным семьей продуктом — товаром «дети» и безвозмездно пользующимися потребительной стоимостью товара «дети» социальными институтами.

Здесь экономическая теория, осмелившаяся назвать детей «товарами», как бы поджигает хвост и не идет дальше переодевания детей в «товарную форму» ради всего лишь родительского «потребительства». В современных экономических теориях «взрослые» не создаются «из детей» семьей, а принимаются изначально как нечто данное в полном соответствии с положением вещей, существовавшим в докапиталистической экономике. Гармоническое слияние семейных ролей с производственными, присущее эпохе семейной экономики и семейного производства, вело к тому, что и роль ребенка включала в себя производственные функции.

Как показал выдающийся историк и демограф Ф. Ариес (1914–1984), само понятие детства и осмысление социальной роли ребен-

ка и детей появляется в качестве автономного словообразования не в момент наивысшей ценности детства и детей для общества и семьи, а когда развал семейного производства капиталистическим заходит столь далеко, что эта ценность детей и ребенка разрушается⁶⁷. Когда появляются иные ситуации, когда реально дети перестают быть центром семьи, уступая место новым символам престижа, тогда распространяются слова и словосочетания, характеризующие то, что было чрезвычайно ценным и безальтернативным в прошлом и потому не нуждалось в особом обозначении. Рост детоцентризма, ценности детей, таким образом, «молчаливо» происходил в докапиталистические времена, а заговорили о нем и приписали его другой эпохе, когда стало уменьшаться число детей в семьях и когда разъединение работы и дома потребовало в связи с занятостью отцов и матерей во внесемейном производстве обособления детей в детсадах и школах. Социальная роль ребенка как такового возникает при отчуждении его от занятых вне семьи родителей, от семьи. Следовательно, как писал в своих последних трудах Ф. Ариес, появление социальной роли ребенка отнюдь не означает «роста» ценности ребенка. Переход к капитализму, таким образом, требует от экономической теории наполнить новым — рыночным, «товарным» содержанием старую, используемую до сих пор трактовку роли детей, свойственную докапиталистическим временам.

2.4. Этнометодология, феноменологическая социология

Этнометодология является новейшей версией феноменологической социологии, которая обязана своим становлением австрийскому философу и социологу Альфреду Шюцу (1899–1959), применившему к социологии феноменологический подход Э. Гуссерля и, по мнению Л. Г. Ионина, специалиста в области понимающей социологии⁶⁸, опиравшемуся на концепцию понимания Макса Вебера. В последние годы жизни А. Шюц работал в США, занимая крупные посты в финансовых фирмах (о нем говорили: «банкир днем, феноменолог ночью»), и его влияние на американскую социологию существенно проявилось в гуманистической феноменологии Питера Бергера и Томаса Лукмана, авторов знаменитого трактата «Социальное конструирование реальности». Оно также сказалось на трудах группы социологов, объединившихся в 1960-е гг. в Лос-Анджелесе в Калифорнийском университете вокруг профессора Гарольда Гарфинкеля, выпустившего в 1967 г. «Исследования по этнометодологии».

Термин «этнометодология» не имеет ничего общего с этнографией и методологией социологического исследования. Он был предложен Гарфинкелем по аналогии с «этнонаукой», обозначающей «примитивные» научные представления и шаманские верования, свойственные «примитивным» обществам. Этнометодология изучает современность, современные верования и представления на уровне здравого смысла, так же как «этнонаука» изучает распространенные методы описания своей деятельности представителями «примитивных» культур. Другими словами, этнометодология требует отнестись к современности как к другой, незнакомой культуре.

Предметом этнометодологии становятся методы интерпретации своих и чужих действий, присущие представителям разных социальных групп, страт, общностей, организаций. Этнометоды присущи общественному мнению, общественным движениям и партиям, средствам массовой информации, искусству и науке. Сама социология рассматривается также как разновидность интерпретационной деятельности и включается в предмет этнометодологии наряду с обыденными объяснениями реальности. Этнометодолог должен занять позицию стороннего наблюдателя, отчужденного как бы от повседневности, т.е. осуществить этнометодологическую редукцию. Этот метод состоит в том, что этнометодолог «заключает в скобки» все свои знания, впитанные им как участником повседневности, все, что обычно берется на веру и считается «естественным признаком» обиходной жизни, стремясь обнаружить в последней бытующие интерпретации повторяющихся ситуаций. Метод этнометодологической редукции ориентирует на поиск маргинальных, пограничных, промежуточных состояний, процессов, событий.

В названной книге Г. Гарфинкеля одно из исследований относится к поведению людей, переживших свой пол. Гарфинкель при этом не интересуется спецификой операций по перемене пола и поведением транссексуалов, ему нужны гендерные особенности правил, регулирующих повседневные интеракции мужчин и женщин. Для каждого из полов эти правила столь привычны и естественны, что над ними не задумываются. Однако для человека, меняющего пол, и мужской и женский коды поведения являются более определенными, сопоставимыми между собой, и потому изучение подобных необычных случаев служит лучшему пониманию правил, действующих, так сказать, в норме. Отсюда этнометодологический подход крайне важен там, где специально подчеркивается гендерная принадлежность.

«Гарфинкелинг» — экспериментальный метод, направленный на выявление «фоновых ожиданий», т.е. принимаемых на веру «естест-

венных» основ повседневных решений и действий. Берутся обычные ситуации быта, и экспериментаторы (студенты-добровольцы) вносят нарушения в привычный ход общения. При этом конвенциональные предпосылки обнаруживаются, когда испытуемые пытаются восстановить обиходный алгоритм общения. Автор применял «гарфинкелинг» в тех интервью, когда выяснялась по каким-либо причинам невозможность стандартизированного разговора или когда возникало свободное время и надо было заполнить паузу. Чаще всего эта процедура была связана с несуразностями малолетнего образа мыслей. Вот пример привлечения внимания респондента к речевой неувязке ответа на вопрос, к противоречию между фактами бытия и их словесным обрамлением:

- У Вас есть дети?
- А как же, есть.
- Вы не могли бы сказать, сколько именно?
- А почему нет, могу.
- Так сколько же?
- Один.
- Всего один?
- Да.
- А я думал у Вас дети...
- Но разве ребенок не относится к детям?
- Однако у Вас не дети, а ребенок.
- Конечно, ребенок, и если он есть, нельзя ответить, что нет детей.
- Но у Вас в самом деле нет детей...
- Как нет? Есть один.
- Все-таки один — не дети.
- Дети! Дети!.. И один в поле воин.
- Простите, «один — дети»: как это понять?
- Чего уж тут понимать, один ребенок — и все.
- Но Вы говорили, что у Вас есть дети...
- Вот я и говорю — есть один ребенок.
- Пожалуйста, есть дети или есть ребенок?
- А Вам, собственно, что надо-то? Вы прикидываетесь или это розыгрыш какой-то... Я же Вам русским языком говорю — один ребенок.
- Мальчик?
- Почему мальчик, у меня дочь.
- Дочь — и ребенок... не вяжется как-то...
- Что опять не вяжется?
- Дочь — ребенок.
- А кто же дочь, если не ребенок?

- Дочь — она, ребенок — он.
- Так что же, по-вашему, только сын, что ли, ребенок?
- Я говорил о другом, что ребенок, если он один...
- (Перебивает) Прошу прощения, Вы действительно ученый?
- Да, социолог.
- И у Вас все такие, извиняюсь, вопросы задают?
- Это наша работа.
- Хорошо устроились!

Разумеется, эта сценка «один — дети» напоминает знаменитую «гарфинкелиаду» Аркадия Райкина про доцента, который тупой, и про студента, которого звали Аvas. Весь юмор тут основан на разрушении привычного, стереотипного, причем смешон не только испытуемый, ввергаемый в невероятную ситуацию, но и сам экспериментатор, «обалдевающий» от необходимости поддерживать им же уродуемую беседу.

Этот пример понадобился для того, чтобы показать, какова позиция социолога-наблюдателя при этнометодологической редукции. Отстранение от привычного не связывается с отгораживанием социолога от жизни, как можно подумать. Социолог не сидит, как Диоген, в бочке, напротив, «гарфинкелинг» предполагает включенность исследователя в ситуацию. Для прояснения данного обстоятельства и для демонстрации родства этнометодологии с символическим интеракционизмом придется привести цитату из Г. Блумера, столь же длинную, сколь и глубокую:

«...Символический интеракционизм требует от исследователя, чтобы он понял процесс интерпретации, при помощи которого действующие единицы поведения конструируют свои действия. Этот процесс нельзя понять, лишь обращаясь к условиям, которые предшествовали этому процессу... Его нельзя также понять, выводя его характер из открытого действия, которое является его результатом. Для того чтобы понять этот процесс, исследователь должен принять роль действующей единицы, поведение которой он изучает. Поскольку интерпретация осуществляется действующей единицей в терминах формирования значений, оценивания объектов, принятия решений, то процесс должен рассматриваться с точки зрения действующей единицы. Старание понять процесс интерпретации, оставаясь в стороне так называемым объективным наблюдателем и отказываясь принять роль действующей единицы, приводит к риску проявления наихудшего субъективизма — объективный наблюдатель склонен включить в процесс интерпретации свои собственные догадки, вместо того чтобы понять процесс так, как он происходит у действующей единицы»⁶⁹.

Воистину не может быть более яркой и убедительной речи в защиту метода включенного наблюдения! Но не надо понимать сие буквально — социолог всегда «включенный наблюдатель», находящийся в гуще наблюдаемых им событий. Следовательно, социолог всегда обязан находить в себе силы для этнометодологической редукции, для обнаружения тех процедур интерпретации, которые используются членами каких-либо групп, в том числе семей, для превращения специфических обстоятельств жизни в «естественные» для них, в «обычные» для своих и, наконец, в «известные» всем и каждому.

2.5. Психоанализ, психодрама и социометрия

ПСИХОАНАЛИЗ. Психоанализ оказал огромное воздействие на социологическую мысль и одновременно явился концептуальной основой психосоциальной терапии и социальной работы. Психоаналитическая социология (именно так именуется фрейдовский социологизм С.А. Эфировым в одном из трудов по истории социологии Института социологических исследований РАН) занимает особое место среди социологических парадигм — особое по тому чрезвычайному значению, которое придается семейным отношениям. Субъективистски и антипозитивистски ориентированная социология Зигмунда Фрейда (1856–1939) конструирует социальную реальность исходя из решающей роли детского опыта семейной социализации. Сложность семейных интеракций, лабиринты символики внутрисемейных взаимосвязей — все это недвусмысленно и явно кладется в основу теоретических построений. Фактически в соответствии с требованием феноменологической редукции повседневность микросреды становится моделью мира, социального порядка и структуры власти. Под огнем критики сразу же оказались эдипов комплекс (сексуальное влечение к матери), гиперсексуальность, агрессивность бессознательного, мифологизация патриархальности и патернализма, превращение механизмов психологической самозащиты в социокультурные механизмы функционирования социума и т.д. Другими словами, все, что составляло достоинство и заслугу подхода к остро поставленной проблеме антагонизма личности и общества, изучаемой не абстрактно, а на реальной почве семейного бытия, было объявлено критиками, особенно советскими, «анти-историческими изысканиями» и «социально-философскими спекуляциями». Но, приоткрыв завесу над приватной сферой семейности и попытавшись эксплицировать все подспудное для лучшего

понимания социального поведения, психоанализ с его своеобразной расшифровкой кодов семейной повседневности не постеснялся возвести в ранг высокой теории свои конвенциональные предпосылки, заимствованные из личного опыта семейных взаимоотношений. Разумеется, можно упрекать З. Фрейда за инстинктивистский редуционизм, за медиализацию социума и за многое другое, но гуманистическая и экзистенциальная перспектива социологии стала реальностью, когда не абстрактный и бесполой индивид, а семейный человек со всеми своими радостями и страхами, с болью и наготой быта проник в респектабельное общество «рациональных» личностей, «сознательно» рассчитывающих каждый свой шаг — экономический, политический и т.д. Следует учесть также, что психоанализ создавался в условиях распространенности расширенной многодетной семьи, когда институциональный кризис семейных ценностей еще не давал о себе знать и когда семьецентризм, фамилизм продолжал оставаться обиходной ориентацией даже среди высших страт. Поэтому семейная составляющая психоанализа по мере расширения малодетной семьи и малодетоцентризма стала подвергаться ожесточенной критике, усиливающейся с каждой очередной победой теоретического и практического феминизма.

Развал системы социокультурных норм семейного образа жизни при многодетности ослабил различные табу и запреты. В этих условиях стало возможным пропагандировать не только добрачные связи, но и одиночный стиль жизни, гомогенную сексуальность, в том числе гендерное своеобразие. Психоанализ З. Фрейда подвергся многочисленным нападкам как проявление сугубо «мужского мышления». Часто в связи с этим ссылаются на таблицу, составленную Карен Хорни, представительницей неопрейдизма, создавшую психоанализ женщин и для женщин и являющуюся, можно сказать, матерью феминистского психоанализа. К. Хорни взяла существующие в ортодоксальном психоанализе взгляды на представления мальчиков о девочках и сопоставила их с представлениями о женщине в психоанализе и продемонстрировала «маскулинность» психоанализа (табл. 2.1).

Психоанализ породил бурю негодования не призывами к переустройству общества — с методологической точки зрения представляет интерес реакция публики на введение в теорию всем давно известных положений из частного опыта, но их интерпретация оказалась совершенно необычной и, более того, перенасыщенной «неприличной» символикой. Откровенное протаскивание в психологическую теорию интимных подробностей семейной жизни, вселенское вынесение «сора из избы» плюс абсолютно «неповседнев-

ная» интерпретация этой интимности составляют достоинство психоанализа.

С социологической точки зрения важно и то, что З. Фрейд антагонизм личности и общества перенес (в связи с усилением индивидуализма и неспонсивности властных структур по отношению к личности) в структуру человека, обозначив конфликт между «оно» («ид») и «супер-ЭГО» как противостояние природного начала и социального контроля, находящее компромиссное решение в «ЭГО». Таким образом, сама структура человеческого Я оказалась изначально противоречивой, все агрессивное в человеке, вызванное влечением к смерти и не всегда поддающееся осознанию, нашло противодействие в самоограничении бессознательных импульсов «оно» под воздействием индивидуальных интерпретаций норм общества, т.е. под давлением «общества внутри себя». Социальный порядок вырастает в ходе борьбы «ЭГО», ориентирующегося на «супер-ЭГО» с импульсами «оно» («ид»). Эго сопротивляется социальному нажиму не без помощи барьеров, активизируемых бессознательным.

Таблица 2.1

Карен Хорни о «маскулинности» психоанализа

Представления мальчиков о девочках	Научные взгляды психоаналитика
1. Исходное предположение о том, что у девочки есть пенис	1. Оба пола придают важное значение только мужскому органу
2. Открытие того, что у девочки пениса нет	2. Открытие девочкой отсутствия у нее пениса
3. Открытие того, что девочки — это кастрированные мальчики	3. Вера девочки в то, что у нее был пенис, но он утрачен вследствие кастрации
4. Вера в то, что девочки понесли наказание, которое угрожает и мальчикам	4. Кастрация понимается девочкой как наказание
5. Девочки — низшие существа	5. Отношение девочки к себе как к низшему существу, зависть к пенису
6. Невозможно представить, как девочка может пережить свою утрату и преодолеть свою зависть	6. Девочка никогда не сможет преодолеть чувство собственной неполноценности и должна постоянно бороться с желанием быть мужчиной
7. Зависти девочек нужно бояться	7. Девочка всю жизнь хочет отомстить мужчине за то, что он обладает чем-то, чего она лишена

Источник: Теория и история феминизма: Курс лекций/Под ред. И. Жеребкиной. М.: Ф-Пресс, 1996. С. 23.

Терапевтическая сторона психоанализа связана с такой интерпретацией влечений, исходящих из «ид», которая затрагивает явные и подспудные проявления психодинамики, включая «толкования сновидений». В конечном счете психоаналитическая социология, фиксируя внимание на семье и внутрисемейных отношениях (вместе с проблемами пола, тела, сексуальности, болезни и смерти) предлагает метод экзистенциальной («выживательной») адаптации личности к сложившимся социальным структурам, метод переориентации ценностей индивида посредством переопределения прошлых ситуаций и состояний. В самом широком смысле психоаналитическая социология предлагает с помощью осознания внутриличностных конфликтов, понимания себя в мире других метод переоценки ценностей, метод изменения себя и общества посредством психоаналитической практики, подчеркивающей роль семьи в этом изменении. Упреки в «мужском взгляде» психоанализа на социум снимаются, поскольку фокусировка на семье заставляет учесть социокультурную взаимодополнительность мужских и женских ролей, выполняемых взрослыми и детьми.

Психоаналитическое направление в социологии многообразно. Но при всем различии школ семья и семейные отношения остаются излюбленной темой независимо от того, обсуждается ли структура власти либо символы сексуальности. К примеру, в транзактном анализе Эрика Берна фрейдовская структура личности модифицируется и становится еще более семейно-ролевой, так как в основу кладутся интеракции между родителем — взрослым — ребенком. Жак Лакан формирует структуру субъективности вне зависимости от биологических детерминант пола, т.е. как гетерогенную посредством расщепления Я бинарными структурами; мужское и женское — это трещина внутри субъективности, в Я изначально входит зеркальный образ «другого». На доэдиповой стадии развития ребенок не является ни феминным, ни мускулиным, и лишь позже структурируется идентичность, но не в соответствии с анатомической конструкцией, символически (это положение оказало большое влияние на феминистские теории).

Любопытно, что большой интерес к социологизации фрейдизма проявил создатель системы социального действия Т. Парсонс, возможно, в связи с проблемой мотивации в том числе защитных механизмов личности, поскольку из одних только ситуаций нельзя понять поведение человека.

Наиболее радикальные последователи психоаналитического социологизма, такие, как В. Райх, постарались дискредитировать социокультурное значение семьи, делая непомерный акцент на соци-

ально-репрессивной стороне семейной социализации, объявляя «патриархальную семью» ответственной за существование авторитарного социального порядка.

Производственно-технологические отношения, вплетенные в строй семейного хозяйства (и сопровождающиеся функциями управления и подчинения как неотъемлемыми атрибутами хозяйственного цикла), наделяются исключительной жесткостью, функцией подавления и принуждения и неправомерно приписываются не только патриархальной семье, но и семье вообще. В связи с этим следует сослаться на противоположные взгляды относительно природы патриархальной семьи и характера ее производственных отношений⁷⁰, в частности взгляды Элтона Мэйо, создателя знаменитой теории человеческих отношений. Результаты Хоторнских экспериментов, обычно связываемые с именем Мэйо, показывали недостаточность экономической теории, ее «абсурдность» в толковании эгоизма при рассмотрении стремления к вознаграждению как главного стимула поведения работника. Открытие неформальной группы в промышленности ее плодотворного влияния на отношение к труду, показало необычайную ценность «первичных отношений», складывающихся в семье, для системы безличных формальных отношений, присущих промышленным и прочим фирмам. Вся современная работа социологов и социальных психологов на разного рода промышленных предприятиях по налаживанию отношений сотрудничества обязана теории Э. Мэйо.

По мнению многих аналитиков, изучающих творчество Мэйо, им владел идеал традиционных уз стихийного сотрудничества в патриархальной семье⁷¹, разрушенной наемным трудом мужей и жен на фабриках. Подобная ностальгия по прошлому и породила теорию, фактически пытающуюся возродить прелесть первичных отношений семьи в новых внесемейных условиях производства. Насколько успешна практика налаживания человеческих отношений в фирмах — это особая тема исследования, но, кстати говоря, в связи с этим следует упомянуть американского футуролога А. Тоффлера, предрекающего неизбежность поворота всего строя жизни в будущем к семье, к соединению места работы и семьи воедино, к превращению семейного производства в центр социальной и экономической деятельности общества⁷².

Таким образом, попытки ряда ученых рассматривать патриархальную семью и семью вообще в качестве источника авторитарных отношений вступают в противоречие с противоположными интерпретациями роли семьи, в том числе среди последователей психоаналитической социологии.

Завершая тему психоанализа как одного из теоретических подходов, используемых в микросоциологии семьи, целесообразно привлечь внимание к тому обстоятельству, что фрейдистская парадигма благоприятствовала упрочению биографического метода в социологии. Ослабление во второй половине XX в. позитивистских традиций социологии с их статистическими процедурами (как бы мешающими за «лесом» разглядеть «деревья») способствует сближению социологии и психоанализа на почве интереса к «качественным» методам исследования, немислимым без достижений психоанализа в области понимания мотивов человеческих действий.

ПСИХОДРАМА и СОЦИОМЕТРИЯ. Создатель экспериментального метода в социальной науке, основатель психодрамы Якоб Морено Леви родился в 1889 г. в Бухаресте (или в 1890 либо в 1892 г. — дату указывают по-разному, как, впрочем, и место рождения). До 1925 г. он жил и работал в Вене, после переезда в США переименовал имя на Дж.Л. Морено. В 1936 г. он открыл клинику под Нью-Йорком, ставшую «Меккой» для социальных психологов и социальных работников всего мира вплоть до его смерти (1974). Когда Морено изучал медицину, Фрейд уже был прославлен, тем не менее молодой медик, поэт и режиссер импровизационного театра, точнее «зачинщик» групповой психотерапии, осмелился бросить вызов мэтру: «Я начинаю свой труд там, где вы, господин Фрейд, его заканчиваете. Вы встречаете людей в неестественной обстановке вашего врачебного кабинета, я же встречаю людей в их естественном окружении: на улице и в их квартирах. Вы анализируете сны людей. Я же хочу придать им мужество для новых сновидений. Я обучаю людей играть в Бога»⁷³.

Открытие терапевтического эффекта группы позволило сделать терапевтом каждого члена группы, групповая терапия явилась антитезой психоанализу с его акцентом на болезни, патологии. Теория Морено ориентирована на проблемы здоровых людей, на пробуждение творческой активности, спонтанности. Социометрия является основой групповой терапии и психодрамы, диагностика нацелена не на фиксацию, а на изменение межличностных состояний. Морено отвергал социологические опросы и наблюдение за людьми как оскорбляющие человеческое достоинство, как сводящие человека к средству, инструменту, объекту, а не субъекту действия. Исследуемые люди — не объекты интервьюирования, они участники «исследования действием», т.е. подобное исследование должно начинаться, проводиться и завершаться ими. Эта своеобразная социология участия шире участвующегося, включенного наблюдения и глубже любого «традиционного» социологического исследо-

вания, где простейший терапевтический эффект возникает у тех, кто становится «респондентом». Данная социология явно ориентирована на радикальное изменение лиц, действующих на сцене жизни и социодрамы, на изменение социума; она выходит далеко за пределы объяснения и понимания, полагая, что истинная интерпретация происходящего раскрывается в исследовании действием.

В изданной в России в 1958 г. «Социометрии» (и попавшей потом в спецхран из-за критики Маркса) Морено писал: «Для того чтобы изменить социальный мир, нужно так проектировать социальные эксперименты, чтобы люди сами были включены в действие. Нельзя изменить мир *ex post facto*. Это нужно сделать *здесь и теперь* с помощью и посредством народа. У Маркса не было найдено ни малейшего намерения разработать экспериментальный метод в социальных науках, но он был единственным досоциометрическим социологом, который приблизился к разрешению проблемы. Правда, социальные революции, к которым он подстрекал, закончились поражением в своих основных целях. Но это не противоречит тому факту, что его революционная теория была ближе всего к экспериментальному методу в социальных науках до появления социометрического метода в наше время. Как могут правительства и ответственные деятели принимать всерьез работу социальных ученых, учитывая незначительность их данных и бесцельность их экспериментальных проектов? Маркса, Энгельса и Ленина принимали всерьез, потому что они пытались изменить мир»⁷⁴.

Медикализация социологии у Морено иногда проявляется отчетливо, особенно в аналогиях. Если медицине удалось найти причины многих массовых эпидемий и заболеваний из-за определенных микробов, если удалось излечить макроскопические проявления болезни воздействием на микроорганизмы, то «социологическая медицина будущего, социатрия, извлечет ту же самую пользу из микроскопически направленного социометрического исследования, которое пытается изолировать “социальные” микроорганизмы социальной структуры при помощи социограмм, социоматриц и диаграмм взаимодействия»⁷⁵.

Исходя из этой логики, в социологии семьи следовало бы ожидать существенной минимизации разводимости, однако, даже если все супруги станут профессиональными психотерапевтами и смогут в ходе социометрического исследования действием снимать конфликты и повышать совместимость, тем не менее в условиях ценностного кризиса семьи причины, ведущие к развалу половины всех заключаемых браков, к нестабильности института семьи, будут продолжать работать на высокий уровень разводимости. Только ради-

кальная переориентация систем ценностей общества и личности на семью с детьми, возможно, повлияет на статистику разводов, однако вопрос, в какой мере достаточно для этого социометрических процедур, остается открытым.

Применение социометрии в области семейных отношений способно приводить в соответствие систему социокультурных ролей семьи с системой межличностных чувств и ролей членов семьи. Однако социометрическое действие (групповая психотерапия и социодрама), изменяя межличностные интеракции и уменьшая тем самым диссонанс между социальными и межличностными ролями, не в состоянии изменить сами социокультурные роли. Полный комплект этих ролей (12) исторически уменьшается в случае однодетной семьи (до 5 ролей), отсюда никакая психодрама не даст прибавления этих социокультурных ролей без обзаведения детьми (см. подробнее о структурах семейных ролей гл. 4). Следует учесть, что «социометрия действия», стремясь уменьшить разводимость и манипулируя чувствами, сближая супругов, в принципе не способна влиять на социальные роли, исполняемые мужьями и женами вне семьи, например на роли их в системе наемного труда, ставящие миллионы супругов в положение конкурентов на рынке индивидуальных зарплат.

Возможности социометрии семьи как области микросоциологии семьи не следует преувеличивать. Знания о тенденциях макрообъекта — института семьи, например знания об уровне разводимости, позволяют ожидать в очередном году, что на каждые 100 браков придется 51 развод и что средняя продолжительность брака, заканчивающегося разводом, составит около 9,6 года. Зная также, что в 1997 г. в России разведутся не менее 500 тыс. супружеских пар из нескольких десятков миллионов, можно ли определить, какие именно семьи окажутся среди неудачников? Вот так микросоциология семьи дополняет макросоциологию и определяет круг тех признаков, которые увеличивают вероятность развода.

Лишь в рамках понимаемого подобным образом содружества макро- и микроподходов, на основе принципа дополнительности знаний, полученных на макро- и микроуровнях, достигается полнота картины, относящейся к разводам. Разумеется, абсолютизация каждого из двух подходов искажает общую картину, поэтому отказ макросоциологов от психологических данных и страсть микросоциологов к конструированию социума из межличностных интеракций в одинаковой мере бесплодны. Социология семьи в отличие от остальных отраслевых социологий обладает недостаточно еще оцененным достоинством органично совмещать в единой системе объяс-

нения, данные о макро- и микрообъекте своего исследования. Особенно разработанной в этом отношении является та область изучения семьи, которая связана с рождением детей, — именно здесь имеется концептуально-понятийный аппарат, позволяющий увидеть нередуцируемость рождаемости и детности семей к поведенческим интеракциям, а также невыводимость из индивидуальных линий поведения тенденций рождаемости⁷⁶.

Наличие нередуцируемого до уровня группы остатка очерчивает специфику исследования семьи как института, как части социума. В том числе недостаточность микроповеденческих понятий для объяснения макропроцессов характеризует невыводимость институциональных явлений из межличностных и тем самым своеобразие семьи как автономной малой группы. Вместе с тем рассмотрение семьи как института и группы позволяет тщательно проследить их взаимовлияние, обладает конкретными возможностями раскрытия их дополнительности.

2.6. Русская социология семьи

Предыстоки современной отечественной социологии семьи — в позитивистской школе, строящей социологию по образцу естествознания, и в субъективистской школе, требующей особого метода изучения при исследовании особого объекта — человеческой истории, где действуют люди, стремящиеся к достижению своих целей.

Мало кто из социологов прошлого не упоминал семью, пытаясь объяснить, как устроена общественная система. Но мало и тех, кто посвятил семье, браку, родству и связанным с ними отношениям специальные работы. В этой книге уже упоминалось имя Н.К. Михайловского и его учение о семье и о возврате к простой кооперации, но на новом витке истории, возврате к такому типу семьи, какой гарантирует благополучие и самостоятельность личности⁷⁷.

Важно, что Н.К. Михайловский не идеализирует семью, она может с другими элементами среды накладывать оковы на личность, она в эмбриональном состоянии содержит все антагонизмы «сложной кооперации». Однако это не дает основания отвергнуть семью вообще как «патриархальщину», «борьба за индивидуальность» не исключает, а напротив, предполагает семью, которая если и не порождает альтруизм, то и не противоречит ему. Максим Максимович Ковалевский (1851–1916), выдающийся отечественный социолог, был в глазах Запада «символом русской науки в области социальных знаний». Профессор А. Мелле (Франция) назвал его «великим социологом», и безусловно, М.М. Ковалевский являлся ключевой фи-

гурой в русской и зарубежной социологии. Он был лично знаком со многими научными светилами. Два его секретаря и ученика стали украшением русской науки — П. Сорокин и Н. Кондратьев, получили известность его последователи К. Тахтарев, Г. Гурвич, Н. Тимашев.

М.М. Ковалевский внес большой вклад в разработку генетической социологии, отказывающейся искать единый, универсальный фактор истории и анализирующей взаимодействие и взаимовлияние социальных феноменов. Генетическая социология рассматривает все многообразие данных сквозь призму исходных элементов общества. В этом русле анализа генезиса институтов и общностей находится исследование происхождения и развития семьи, рода, племени. В 1895 г. вышла в свет классическая работа М.М. Ковалевского «Очерк происхождения и развития семьи и собственности», где показано, что нельзя смотреть на любое историческое явление как на уравнение с одним неизвестным, что семью нельзя понять через один какой-либо фактор. Следует учитывать физиологическую, психологическую, экономическую, социальную и пр. стороны, в частности важно изучить солидарность и способность к самопожертвованию малых семей, появляющихся после распада больших домохозяйств; «семья — великая школа альтруизма, которая спасет мир...»⁷⁸.

М.М. Ковалевский в 1887 г. был уволен из Московского университета ввиду «отрицательного отношения к русскому государственному строю» и на 18 лет покинул страну. Он читал лекции в европейских университетах и в США, был вице-президентом и президентом Международного института социологии. В 1901 г. он организует в Париже «Русскую школу общественных наук», а в 1908 г. при содействии В.М. Бехтерева в Психоневрологическом институте создана первая в России кафедра социологии, возглавленная М.М. Ковалевским. Одна из последних работ Ковалевского также имела отношение к семье — это «Происхождение семьи, рода, племени, собственности, государства и религии» (СПб., 1914).

Владимир Михайлович Бехтерев (1857—1927), выдающийся ученый, психиатр, психотерапевт, своеобразный «русский Фрейд», много внимания уделял социальным аспектам психических явлений, основал институт познания человека (психоневрологический). Он считал, что внушение, благодаря применению которого к нему пришла широчайшая известность, как «фактор заслуживает самого внимательного изучения для историка и социолога. Иначе целый ряд исторических и социальных явлений получает неполное, недостаточное и, быть может, даже несоответствующее объяснение»⁷⁹.

В.М. Бехтерев как психотерапевт много сделал для становления отечественной семейной психотерапии. Особенно значительны результаты работ по детской психологии, причем интересно, что ученый использовал наблюдения и над своими детьми в исследовательских целях.

Среди российских ученых немало тех, кто так или иначе касался проблем брачно-семейных отношений. Можно назвать, например, работы М. Туган-Барановского в области мотивов репродуктивного поведения и конечно же многочисленные труды Александры Коллонтай, самой знаменитой из отечественных феминисток. Ее вклад в социологию семьи противоречив. С одной стороны, обоснование необходимости развала семьи и ликвидации воспитания детей в семье на основе «принципа коммунизма», признающего, «что забота о подрастающем поколении должна быть делом не родителей, а государства». Интересно при этом, что обоснование отказа от семейной социализации производится с явно антиэкзистенциальной точки зрения и в интересах государства, государственного производства: «...Вынужденное совместительство — воспитание младенца и профессиональная работа — понижает трудовую энергию женщины... мать, обязанная тратить все свои свободные от профессиональной работы часы на ребенка, никогда не даст максимума производительности на профессиональной работе»⁸⁰.

С другой стороны, она дает четкий анализ социальной организации семьи, различий в организации семьи докапиталистической и семьи на стадии наемного труда при капитализме. «Базой дошедшей до нас формы семьи (это было написано в 1914 г.) служили определенные хозяйственные начала. В основе семьи лежали производственные отношения, сковывающие членов семьи прочнее, чем могли сковать их самые близкие узы крови... В те времена, когда семья представляла собой хозяйственную единицу... и притом не потребительскую лишь, а и производительную, творческую, семья... могла производить все необходимое для своих членов — забота о потомстве, содержание, воспитание. Обучение его входило в естественный круг ее неотъемлемых обязанностей. Семья для своего процветания — экономического и социального — нуждалась в новых членах, в постоянном притоке свежих рабочих рук. Нет ничего удивительного, что в то время ответственность за потомство ложилась на семью...»⁸¹. Вопрос об охране материнства и детства не возникал и не мог возникнуть, пока семья оставалась не затронутой капиталистической индустриализацией. А. Коллонтай уловила главное — при капиталистическом разделении труда с индивидуальной оплатой на долю семьи не выпадает никаких производственных

функций. Хотя остаются функции материнства, содержания и воспитания подрастающих поколений, т.е. функции, не подкрепленные новыми формами организации, коли старые оказались изжитыми. В системе капитализма, таким образом, «непрерывный приток свежих рабочих рук, который бы обеспечивал дальнейшее развитие производительных сил, нужен уже не семье, не замкнутой, мелкой, дробной единице, а всему общественному коллективу в целом». Поэтому в системе социализма заботу о материнстве и воспитании детей берет на себя общество, тогда как буржуазное государство... «стремится пользоваться готовыми рабочими руками... предпочитая навязывать частно-семейной организацией те обязанности, которые она несла когда-то на иной, более ранней ступени хозяйственного развития человечества»⁸².

Другими словами, рождение и воспитание детей осуществлялось в семье благодаря ее роли хозяйственно-производственной единицы. Исчезает эта роль — и в обществе пропадают стимулы к материнству и социализации детей. Поэтому эти функции должно взять на себя государство нового типа, так как буржуазное государство на это не способно. А. Коллонтай не видит возможности реанимации семьи, поскольку семья обречена на распад. Даже если повернуть историю вспять и конфликт между профессиональной и материнской ролью решить путем возврата женщины из всех областей хозяйственной жизни снова в дом, в семью, то все равно «меры эти были бы бессильны задержать процесс дальнейшего разложения семьи». Освобождение женщины и развитие ее личности несовместимы с функционированием семьи вообще, отсюда остается лишь один социалистический путь «государственного страхования материнства» и общественной социализации новых поколений⁸³.

В начале XX столетия парадигма социализма была очень популярна среди российской интеллигенции, среди ученых. На этом пути искали разрешения многих проблем, в том числе и проблем семьи. Не было исключением в этом отношении даже Питирим Александрович Сорокин (1889–1968), выдающийся социолог XX в., который в интересах «современной семьи» также видел «тормоз для проявления более высоких альтруистических порывов и поступков». «Семейный эгоизм» в прошлые времена объявлялся помехой альтруизму или сознательности, и в обобществлении семейных функций (т.е. в устранении института семьи) виделось средство перехода к новому обществу. Таковой была эпоха, и тем не менее П.А. Сорокину в 1916 г. удалось поставить точный диагноз кризиса семьи как ослабления союза родителей и детей, союза супругов, как распада хозяйственного союза⁸⁴.

Однако распад семьи, тщательно описанный на материале тогдашних данных, мыслился как «болезнь роста» всего уклада жизни, того роста, который несет с собой и новую форму семьи на смену отживающей. П.А. Сорокин как бы спорит с Г. Спенсером, «около 30 лет назад» отметившим «дезинтеграцию» семьи, зашедшую «слишком далеко», и поэтому следует «ожидать теперь движения по обратному направлению», и вероятно, по мнению Спенсера, семья, состоящая из родителей и детей, восстановится снова и даже подвергнется дальнейшей интеграции» (Спенсер. Основания социологии. Т. 2. СПб., 1898. С. 73–75). П. Сорокин, ссылаясь на осуществленный им анализ материалов, пишет: «Как видно из вышесказанного, действительность пока не оправдывает предположений Спенсера, разложение не остановилось, а чем дальше, тем идет быстрее и, по-видимому, в таком же направлении пойдет и в будущем, конечно, оно не ведет к гибели семьи вообще. Семья как союз супругов и как союз родителей и детей, вероятно, останется, но формы их будут иными»⁸⁵. Признается лишь распад хозяйственного союза и прогнозируется радикальное изменение внутрисемейных отношений, соответствующее по идее новому укладу жизни. Возможность исчезновения семьи вообще как социального института отрицается, так как на смену «современной» семье идет новая ее форма, построенная на новых ценностных основаниях:

а) на основе «свободного соглашения», а не принуждения;

б) на основе общественной педагогики, а не семейного опекуинства, которое прежде «смягчало чисто полицейскую, унтер-офицерскую систему государственной педагогики», — в новых условиях, когда «государство и общество забудут о своей роли полицейского, а будут педагогами», когда воспитание и обучение «будет поручено специалистам», при «правильной постановке дела» в принципе «нельзя не приветствовать вмешательства общества и государства в это дело»;

в) на основе общего блага, альтруистического поведения, направленного на пользу общечеловечности, а не только на семейную пользу.

«И нет сомнения, — завершает свой анализ П. Сорокин, — что в этом начавшемся единоборстве семьи и общества (вспомним «борьбу за индивидуальность» Н.К. Михайловского) организация современной семьи будет разрушена: общественные интересы — с одной стороны, интересы личности (обратная сторона общечеловечности) — с другой, победят и фактически уже побеждают. Расширившийся — и вглубь, и вширь — альтруизм (любовь к ближнему) и теперь уж требует... большего простора, чем узкие границы семейного альтруизма»⁸⁶.

Через пять лет П. Сорокину пришлось разочароваться в реальном социализме, и в работе «Современное состояние России» (1922), где подводятся итоги устрашающей эпохи войны и революции, он приводит слова французского психолога Г. Леббона (1841–1931) из книги «Психология социализма» о «заключении общества в смирительную рубашку», где среди безжалостных плодов «зверя революции» упоминается и «полиция у семейного очага»⁸⁷. Позднее в «Социокультурной динамике» П. Сорокин вернется к тезису о кризисе семьи, но в связи с его теорией кризиса чувственной, сенсорной или сенситивной культуры.

Большое значение для микросоциологии семьи имеют взгляды П. Сорокина на семью как на механизм социальной циркуляции и мобильности. Семья как «лифт», осуществляющий перемещения вверх и вниз по социальной лестнице, семейный статус как фундамент социального положения личности, «селекции и распределения индивидов» внутри различных социальных страт — вот предмет изучения семьи в терминах социальной структуры и социальной динамики. П. Сорокин говорит даже о «семейном тесте», о семье как средстве тестирования способностей и отмечает, что современная семья выполняет эту роль лишь частично, так как в обществе вертикальной мобильности «семейный тест» теряет свое исключительное значение и складывается норма оценки личности не по семейному положению и происхождению, а по личным качествам, тестируемым детсадами, школами и прочими новыми институтами селекции⁸⁸.

В теории кризиса чувственной культуры отмечена все возрастающая неспособность «эмпирицизма» управлять человечеством и ходом социокультурных процессов. Это следует рассматривать как реакцию на прежнее увеличение идеей революции, на прежние социалистические иллюзии по переделке мира. Вместе с тем с точки зрения теории и практики социальной работы с семьями стоит задуматься над предостережением этого великого русского социолога: «Чем больше экономистов вмешивается в экономику, тем хуже она становится; чем больше политологов участвует в реформировании, тем больше правительство нуждается в реформе; *чем больше социологов, психологов, антропологов и юристов вмешивается в дела семьи, тем больше семей разрушается...*»⁸⁹. Вмешательство, преследующее цель улучшения взаимоотношений семьи, имеет свои пределы, устанавливающиеся типом культуры, типами институтов, в том числе типом семьи. Терапевтическая работа может приносить эффект по очищению атмосферы отдельных семей, но она не в состоянии изменить самый тип семьи, соответствующий «чувственной культуре», постепенно уходящей с исторической сцены.

Завершая главу, следует сказать, что ее цель — дать краткий очерк теоретических истоков современной микросоциологии семьи. Поэтому здесь не ставилась задача охарактеризовать ведущие направления отечественной социологии семьи и фамилистики. В советский период социологические исследования были заморожены на целые десятилетия, и хотя эмпирические обследования семей отчасти продолжали проводиться медиками, этнографами, психологами и другими специалистами, тем не менее собственно социологический подход к анализу семьи как социального института и социальной группы стал возрождаться лишь в 1960-е гг. По мнению М.С. Мацковского, обобщившего примерно 3000 наименований фамилистических работ, опубликованных в 1968–1983 гг., до 1976 г. преобладали работы, которые можно было бы отнести к макросоциологическим, затем наметилось усиление микроисследовательской проблематики. Она составила примерно 30% и включала работы, относящиеся к социально-психологической перспективе, к анализу жизненного цикла семьи и стрессовых семейных ситуаций. В дальнейшем эта тенденция сохранилась, и в последние годы при свертывании фундаментальных исследований и росте политологических и маркетинговых опросов возобладала, особенно в связи с социальной защитой семей. Даже в исследованиях, проведенных при финансовой поддержке разного рода фондов, заметно сокращение исследований институционального плана, сворачивание работ в духе структурно-функционального анализа, теории конфликта, социально-классовой и ролевой перспектив. Ориентация на качественные методы анализа и на мини-выборки (в рамках выборочных опросов) превращает большинство исследований в поисковые, пробные. При этом иногда обнаруживается намерение исследовать макропроблемы средствами микроанализа, т.е. перегружать микросоциологию семьи несвойственными ей выводами, растворять социальную проблематику в психологической.

Строгое следование принципам методологии социологического исследования позволяет устранить опасность иллюзий и погрешностей, избежать подмены объекта изучения и тем самым повысить надежность анализа.

Основные положения главы 2

1. В микросоциологии семьи выделяются три ведущих теоретических подхода — символический интеракционизм, теория обмена и этнометодология, а также психоаналитическая теория и социо-

метрия как теоретическая основа психодрамы (два последних подхода явились основой практической социологии семьи, семейно-групповой терапии и социальной работы с семьями). В отличие от теорий структурного функционализма и теорий конфликта страт и классов, составляющих сердцевину макросоциологии семьи, микросоциологические теории сосредотачиваются на отдельных сторонах семьи как микрообъекта, т.е. на социальных взаимодействиях, интеракциях малой группы — семьи. Различие между микросоциологическими теориями проводится в зависимости от особенностей их объектов — по тем или иным аспектам семейного поведения, жизненного цикла семьи и психологического климата семьи.

2. Предтечей эмпирического, группового подхода к изучению семьи в XIX в. стал Фредерик Ле Пле, сосредоточивший внимание на том, что делает семья, и предложивший в качестве модели реального поведения семьи исследование жизненной истории и бюджетов семьи. Ле Пле первым из западных социологов обратил внимание на то, что либерально-демократическая традиция эмансипирует личность от семьи, тем самым способствуя тоталитаризму. Исходной клеточкой социальной науки должна стать семья, а не индивид. В XX в. Эрнст Берджесс определил семью как «единство взаимодействующих личностей» и выдвинул тезис о переходе семьи-института к семье-товариществу.
3. Макс Вебер, основатель символического интеракционизма, определял социологию как науку, имеющую своим предметом субъективные значения индивидов, их мотивы и личностные определения социальных ситуаций. Эта теоретическая парадигма противостоит подходу Эмиля Дюркгейма, прародителя структурного функционализма, утверждавшего, что социология должна изучать внешние по отношению к индивидам и их поведению социальные факты, а также подходу Карла Маркса, рассматривавшего общество в терминах отношений людей к средствам производства и в связи с вытекающими отсюда классовыми конфликтами. Символический интеракционизм фокусируется на действиях людей, на том, как они создают, используют и передают символы разного рода. Символы замещают определенные предметы и явления и в качестве значений человеческих действий служат основой общения, процесса интеракции. Дж.Г. Мид выделял игру ролей, принятие роли другого, значимого другого, генерализованного другого как ключевые моменты формирования Я, становления личности в ходе семейной социализации детей. Знаменитая формула У. Томаса «Если ситуация определяется как

реальная, она реальна по своим последствиям» раскрывает суть интерпретации межличностных взаимодействий, в том числе в семье.

4. Теория обмена позволяет рассматривать семейные процессы сквозь призму обмена ценностями. Можно социальный статус обменять на молодость (брак по расчету), любовь на уют, красоту на престиж и т.д. Дж. Хоманс подчеркивает, что теория работает, когда ожидания обменивающихся сторон оправдываются; если же они нарушаются, то возникающие конфликты не поддаются описанию. Поэтому данный подход применяется, как правило, к брачному выбору, в области мотивов супружества, брачного рынка и не может использоваться в анализе ситуаций развода и распада брака.

Г. Беккер попытался расширить зону приложения теории обмена в ее микроэкономической версии при анализе репродуктивных решений супругов. Но и здесь возможности оказались ограниченными, так как дети интерпретируются как «товары длительного пользования», приобретаемые на метафорическом рынке в зависимости от уменьшающегося постоянно соотношения издержек и выгод.

5. Этнометодология или феноменологическая социология требует отнестись к изучению современности как к исследованию иной, неведомой культуры с точки зрения анализа интерпретационной деятельности, существующей внутри этой культуры. В этом смысле сама социология семьи оказывается разновидностью интерпретации семейной реальности наряду с общежитейским ее толкованием. Метод этнометодологической редукции требует находить влияние стереотипов здравого смысла, например, в научных трактовках рождаемости. Экспериментальный метод «гарфинкелинга» направлен на привнесение в привычные повседневные ситуации того, что разрушает устоявшийся и потому незамечаемый ход общения.
6. В психоаналитической социологии помещение в центр внимания не абстрактного индивида — частицы социума, а сформированного семьей и живущего в семье семейного человека реализует гуманистическую ориентацию науки. Психоанализ вызвал при своем появлении негодование не призывами к революционной переделке общества, как это случилось с марксизмом, а теоретическим осмыслением всем давно известного из частного опыта, но в терминах «неприличной» символики. До сих пор остается воинственной критика психоанализа со стороны феминистической теории за его якобы сугубо мужской подход, хотя в основе этой критики лежит присущее психоанализу не «мужское»,

а семейное мышление, вызванное тем, что создание психоанализа пришлось на пору широкого распространения многодетной семьи и ведущей роли социокультурных норм семейности и семейного образа жизни.

Психоаналитическая социология сильна своей терапевтической стороной и в широком смысле может рассматриваться как база переоценки ценностей общества посредством переориентации индивидуальных ценностей. Большой интерес к социологизации фрейдовской теории проявил Т. Парсонс и другие ученые. Элтон Мейо, родоначальник современной «теории человеческих отношений» в индустриальном производстве, увидел именно в семейных отношениях традиционной семьи аналог той теплоты первичных связей и неформальных уз, которую он вознамерился внедрить в формальную организацию. Футуролог А. Тоффлер поместил в центр общества будущего семейное домопроизводство, электронную семью, соединяющую в себе благодаря компьютеризации место работы, учебы и отдыха.

7. Социометрия и психодрама, созданные Дж. Морено как научный метод преобразования социальных отношений в противовес революционному методу Маркса, фокусируются на активной роли людей и разрабатываются в пику социологическим опросам как якобы «оскорбляющим» человеческое достоинство, на «исследовании действием», на «спонтанности» участников социодраматического процесса. Психодрама и социодрама с помощью социометрической диагностики семейных отношений способны привести в соответствие систему социальных ролей семьи с системой межличностных чувств и ролей и тем самым уменьшить диссонанс между ними. Если медицине удалось найти причину эпидемий в опасных микробах, то и социологическая медицина, социатрия, благодаря микроскопически направленному социометрическому исследованию выявляет социальных «микробов» семейной структуры и посредством терапии укрепляет семейные отношения. Однако возможности социометрии действия не стоит преувеличивать даже, например, в профилактике разводов.
8. В русской социологии семьи можно проследить зачатки нынешних теорий макроскопического и микроскопического характера, и это наблюдается в работах ее наиболее ярких представителей: Н.К. Михайловского, М.М. Ковалевского, В.М. Бехтерева, А.М. Коллонтай и П.А. Сорокина, поставившего точный диагноз институту семьи еще в начале XX в. Кризис семьи как автономной целостности ведет к ее распаду на три части, на три сою-

за — родителей и детей, супругов и хозяйственного союза, каждый из которых ослабляется в связи с кризисом «чувственной культуры» нашей цивилизации. П.А. Сорокину удалось показать роль семьи как регулятора социальной мобильности и уменьшение значения «семейного теста» в связи с новыми институтами «селекции». В работах П.А. Сорокина много образцов мастерской типологизации изучаемых явлений и выделения их признаков, позволяющих осуществить эмпирический анализ.

Ключевые имена, термины

Карл Маркс (1818–1883), Эмиль Дюркгейм (1858–1917), Макс Вебер (1864–1920), Фредерик Ле Пле (1806–1882), Эрнст Берджесс (1866–1966), Дж. Г. Мид (1863–1931), У. Томас (1863–1947), Ф. Знанецкий (1882–1958), Дж. Хоманс (1910–1989), А. Шюц (1899–1959), Зигмунд Фрейд (1856–1939), Э. Мэйо (1880–1949), Дж.Л. Морено (1892–1974), Ф. Ариес (1914–1984), Т. Парсонс (1902–1979), Р. Хилл (1921–1985), Н.К. Михайловский (1842–1904), М.М. Ковалевский (1851–1916), В.М. Бехтерев (1857–1927), А.М. Коллонтай (1872–1952), П.А. Сорокин (1889–1968).

Баланс обменов	Метод этнометодологической редукции
Бессознательное	Микросоциология семьи
Биографический метод	Норма обмена
Бихевиористский редукционизм	Определение ситуации
Брачный рынок	Первичные отношения
Гарфинкелинг	Позитивистская социология
Генерализованный другой	Принятие роли
Генетическая социология	Протагонист
Доэдиповая стадия	Психоанализ
Значимый другой	Психоаналитическая социология
Игра ролей	Репрессивная социализация
Ид	Семейный тест
Инстинктивистский редукционизм	Символический интеракционизм
Интеракция — <i>взаимодействие, вызванное взаимной интерпретацией действий их участниками, а не реакциями на непосредственные действия друг друга</i>	Социатрия
Интерпретационная социология	Социометрия и психодрама
Исследование действием	Спонтанность
Либи́до	Структурно-функциональный анализ
Макросоциология семьи	Супер-эго
Медикализация социума	Теория конфликта
	Теория обмена
	Теория ролей

Терапевтический эффект группы
 Трансактный анализ
 Феноменологическая социология
 Эго
 Эдипов комплекс

Экзистенциальная социология
 Экономический редукционизм
 Этнометодология
 Я-концепция

Контрольные вопросы

1. Родоначалником какой интеллектуальной традиции является Ле Пле? Какой тип семьи был взят за основу в его концепции?
2. Можно ли считать, что тезис Берджесса о переходе к «семье-товариществу» не только связан с усилением эмоциональных уз супружества, но и с исчезновением институциональных отношений семьи? Правильно ли отождествлять «институциональное» с нормативностью, с чем-то безальтернативным, устраняющим свободу индивидуального выбора? Ослабление влияния семьи и родства на брачный выбор, широкое распространение фактического брака и сексуальная революция свидетельствуют о перестройке ценностно-мотивационной структуры брачного поведения либо это признаки кризиса брака и семьи?
3. В каких областях изучения семейной жизнедеятельности символический интеракционизм наиболее плодотворен и применяется чаще всего?
4. Приложима ли теория обмена к браку по любви — что здесь может и на что именно обмениваться? Кто и какими ценностями обменивается в рамках микроэкономического варианта теории обмена, применяемого в сфере репродуктивных решений о числе детей в семье?
5. Этнометодология — подберите из нижеследующих дисциплин ту, что явилась ее аналогом: этнография, методология, этнонаука? В чем суть метода этнометодологической редукции?
6. Можно ли с помощью «социометрии действия» ликвидировать разводы либо свести их к минимуму?
7. В какой сфере социологии семьи достигнуты наибольшие возможности совмещения исследований семьи как группы и как института, где реализуется принцип дополнительности подходов?

Литература

1. Антонов А. И. Социология семьи. Социология рождаемости // Энциклопедический словарь «Народонаселение». М., 1994.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
3. Гидденс Э. Социология. М., 1999.
4. Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX–XX вв. М., 1995.
5. Горностаева М.В. Смысл и социальная реальность: социология структурного психоанализа. М., 2003.
6. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000.
7. Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1996.
8. Карлсон А. Общество – семья – личность. М., 2003.
9. Кун Т. Структура научных революций. М., 1977//Предисловие. Введение. Глава IV. Нормальная наука как решение головоломок.
10. Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. Начала практической социологии. М., 2001.
11. Мацковский М.С. Социология семьи. М., 1989.
12. Миллс Ч. Социологическое воображение. М., 1998.
13. Монсон П. Современная западная социология. СПб., 1992. Гл. 3, 5, 7.
14. Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 258–260, 274–275, 282–288.
15. Новые направления в социологической теории. М., 1978.
16. Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002.
17. Соколова Г.В. История русской социологии семьи в XIX–XX вв. = Социология семьи / Под ред. А.И. Антонова. М., 2004.
18. Сорокин П.А. Кризис нашего времени (гл. 5 – Кризис семьи). Встречи с Питиримом Сорокиным. Из архива Г.В. Осипова. М., 2003.
19. Социология семьи / Под ред. А.И. Антонова. М., 2004.
20. Теория и история феминизма. Харьков: Ф-Пресс, 1996//Феминизм и психоанализ. С. 67–79. Семья и домашнее хозяйство как объекты экономического анализа. С. 205–214.
21. Тернер Дж. Структура социологической теории. М., 1985.
22. Томпсон Дж.Л., Пристли Джудит. Социология. М., 1998.
23. Филлипс Т.Ч. Феминизм и семья / Отв. ред. А.И. Антонов. М., 2003.
24. Хилл Р. Современные тенденции в теории семьи//Социальные исследования. Выпуск 4. М., 1970.

25. Handbook of Marriage and the Family. Eds. M. Sussman & S. Steinmetz. N.Y. — L. 1987.
26. Handbook of Marriage and the Family. Ed. H.R. Christensen. Chicago. 1964.

ПРИМЕЧАНИЯ

⁵¹ Отношение к семье «как школе деспотизма» (Дж.С. Милль), как к чему-то «реакционному» закладывалось также Т. Гоббсом, Дж. Локком, Жан Жаком Руссо — см. подробнее об этом: *Carlson Allan. Liberty, Order and Family — The Family: Is it just another lifestyle choice?* Jon Davis. London. 1993, P. 28; *Карлсон А. Общество — семья — личность*. С. 13, 75.

⁵² См. о влиянии идеи корневой семьи Ле Пле на американских социологов: *Carlson A. The Family is the fundamental unit of society. — Morning Address to the International Conference on the Family*. Melbourne. 1994.

⁵³ *Zimmerman C., Frampton M. Family and Society*. N.Y. 1935.

⁵⁴ *Carlson Allan. From cottage to work station*. San Francisco, 1993, P. 5.

⁵⁵ Рейбен Хилл (1921–1985), основатель единственного в мире факультета социальных наук о семье в Миннесотском университете (г. Миннеаполис и г. Сент-Пол, Миннесота, США), начиная с 1972 г. несколько раз побывал в России; вместе с видным ученым и первым редактором социологического журнала «Социологические исследования» А.Г. Харчевым (1922–1987) выступил с инициативой совместного проекта семейных социологов двух стран, успешно осуществленного в 1987–1994 гг. (см. книги, изданные участниками проекта: в США — *Family Before and After Perestroika*. N.Y. 1994 и в России — *Семья на пороге третьего тысячелетия — российская и американская перспективы* / Под ред. А.И. Антонова и М.С. Мацковского. М., 1995.).

⁵⁶ *Хилл Р. Современные тенденции в теории семьи. Социальные исследования*. Вып. 4. М., 1970.

⁵⁷ *Osmond Marie W. Radical-Critical Theories// Handbook of Marriage and the Family*, p. 109. Критический анализ феминистских установок к семье см.: *Карлсон А. Общество — семья — личность*. С. 166–185; *Филлипс Т.Ч. Феминизм и семья*. М., 2003.

⁵⁸ *Шибутани Т. Социальная психология*. М., 1969. На английском языке заглавие точнее передает содержание, а подзаголовок прямо указывает на интеракционистский подход: *Shibutani Tamotsu. Society and Personality. An Interactionist Approach to Social Psychology*. N.J. 1961.

⁵⁹ Успех этой книги, сразу ставшей бестселлером, обязан фактическому ее соавтору В.Б.Ольшанскому, вложившему душу в то, что в литературе именуется авторизованным переводом. Стилистика В.Б.Ольшанского через языковую раскованность, возмущившую «застойный» научный «истеблишмент», через терминологическую фривольность сделала невозможное — с каждой страницы «Шибутани — Ольшанского» повеяло духом свободного исследования. Я помню очереди, которые мгновенно выстраивались в магазинах при поступлении этой книги, продававшейся буквально за полчаса!

⁶⁰ *Блумер Г. Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология. Тексты*. М., 1984. С. 173, 176.

⁶¹ Уильям Томас (1863–1947), американский социолог, написавший совместно с Ф. Знанецким классическую социологическую работу «Польский крестьянин в Европе и в Америке» (в 5 томах, 1918–1920 гг.), повлиявшую на развитие техники социологического исследования, анализа личных документов — писем, дневников, автобиографий.

⁶² Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен // Современная зарубежная психология. Тексты. С. 90.

⁶³ Андреева Г.М., Богомолова Н.И., Петровская Л.А. Современная социальная психология на Западе. МГУ, 1978. С. 90.

⁶⁴ Хоманс Дж. Указ. соч. С. 91.

⁶⁵ Good W. The Family, N.Y. 1964, p. 30–34. Ученик У. Гуда — В. Фишер применил рыночную парадигму к анализу брачного выбора в СССР. — Fisher W. The Soviet Marriage Market, N.Y. 1980. См. переводы статей Г.С. Беккера: Экономический анализ и человеческое поведение. — Альманах THESIS. Зима 1993. Том 1. Вып. 1. С. 24–40.; Выбор партнера на брачных рынках. — Указ. альманах. 1994. Вып. 6. С. 12–36.

⁶⁶ На это своевременно обратила внимание Джудит Блейк, подробнее об этой полемике см.: Антонов А.И. Социология рождаемости. С. 52, а также: Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. С. 228–230; 243–260.

⁶⁷ Ариес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург. 1999. См. также характеристику взглядов Ариеса в: Социологическая энциклопедия. Т. 1. С. 66–67.

⁶⁸ Сочинения феноменологических социологов и этнометодологов весьма тяжеловесны, воспринимаются с трудом, поэтому знакомиться с ними сначала лучше по книгам: Ионин Л.Г. Понимающая социология. М., 1979; Его же: Социология культуры. М., 1996.

⁶⁹ Блумер Г. Общество как символическая интеракция. С. 178.

⁷⁰ К примеру, Луи Руссель в цитированной выше книге подчеркивает, что патриархальная семья была бастионом против поползновений государства на права личности.

⁷¹ См.: Эпштейн С. Индустриальная социология в США. М., 1972. С. 20.

⁷² Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 251, 274.

⁷³ Лейтц Г. Психодрама: теория и практика. М., 1974. С. 251.

⁷⁴ Морено Дж.Л. Социометрия. Экспериментальный метод и наука об обществе. М., 2004. С. 245.

⁷⁵ Цит. по: Американская социологическая мысль. М., 1994. С. 286.

⁷⁶ См. Антонов А.И. Социология рождаемости. М., 1980; Борисов В.А. Перспективы рождаемости. М., 1976.

⁷⁷ Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии семьи XIX–XX вв. С.93.

⁷⁸ Ковалевский М.М. Очерк происхождения семьи и собственности. СПб., 1895. С. 118.

⁷⁹ Губерман И., Бехтерев В. Страницы жизни. М., 1977. С. 87.

⁸⁰ Коллонтай А. Общество и материнство. М., 1921. С. 11.

⁸¹ Там же. С. 29.

⁸² Там же. С. 30.

⁸³ Коллонтай А. Общество и материнство. М., 1921. С. 33.

⁸⁴ Сорокин П.А. Кризис современной семьи. Ежемесячный журнал для всех. № 2 и № 3. 1916.

⁸⁵ Там же. С. 166.

⁸⁶ Там же. С. 171.

⁸⁷ Сорокин П. Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 4. С. 188–189.

⁸⁸ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 404–407.

⁸⁹ Там же. С. 487.

Глава 3

СТРАТЕГИЯ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ ОПРОСА, НАБЛЮДЕНИЯ И КОНТЕНТ-АНАЛИЗА К ИЗУЧЕНИЮ СЕМЬИ

Логика — искусство рассуждать
в строгом соответствии с несостоятельностью
и ограниченностью человеческого разума.

Амброз Бирс

Краткое содержание главы

Социологическое исследование семьи является системным: анализ жизненного цикла семьи, семейных взаимоотношений и семейного поведения предполагает применение статистического, этнографического, демографического, экономического, психологического, медицинского и других подходов. Задача состоит в совмещении данных о многообразии объекта в рамках единого объяснения наблюдаемых изменений семьи, что лучше всего достигается при проблемном подходе, т.е. при стремлении найти решение научной проблемы, минуя перегородки, устанавливаемые ревнителями «чистоты» отдельных дисциплин. Успех невозможен без полного описания всех условий исследования: метода, техники, отбора единиц наблюдения, особенностей обработки и анализа данных по предварительным разработанным гипотезам. В социологии объект исследования не является классическим, находящимся вне наблюдателя. Сами

условия наблюдения (теории, гипотезы, термины, индикаторы, технические инструменты и т.п.) воздействуют на изучаемый объект так, что он может восприниматься по-разному и быть не одной и той же сущностью при разных методиках и обстоятельствах социологического измерения. В связи с этим важно оценить степень искажающего влияния на объект условий исследования и самого исследователя при опросе, анализе документов и наблюдении. Интересно знать социальное взаимодействие социолога и респондентов в ситуациях опроса, интервью и наблюдения: особенности мотивации участников исследовательской ситуации и их микросреды могут существенно сказываться на качестве собираемых данных. Во всех случаях, когда выявляются мнения респондентов о каких-либо моментах положения семьи в обществе или их семейного поведения, следует определить все звенья сложной цепи формирования, выражения и фиксации мнений в ситуации опроса.

3.1. Социологическое исследование семьи как способ реализации системного подхода

Все, что мы знаем о семье, определяется тем, *как* удастся узнать то, что сегодня считается известным. В социологии вообще (а в фамилистической — в особенности), изучающей всем давно известное, даже банальности становятся научным фактом, если измерены надлежащим образом. Когда же удается найти нечто новое в привычном или разглядеть то, мимо чего всегда проходили, как сквозь стену, тут сразу возникают сомнения в достоверности суждений. И лишь социологически измеренное утверждение в строгом соответствии с канонами процедур надежности и обоснованности будет принято во внимание, в том числе и для критики или последующего опровержения теории, породившей именно эти, а не какие-либо другие измерительные процедуры. И тут вновь необходимо возвращение к началу — к теории, которая все менее, как говорится, идет от Бога и все более конструируется, и к инструментам познания, которые создаются все той же взятой за основу теорией и приспособляются «под нее».

Таким образом, независимость исследовательских инструментов от теоретических предпосылок, кажущаяся их вспомогательная роль налицо, и поэтому в противоположных концепциях разрабатываются различные шкалы и процедуры, служащие целям измерения тех феноменов, которые порождаются этими концепциями. Конечно, многие технические приемы автономны и могут непосредственно не производиться в рамках какой-либо из альтернативных теорий, хотя их возникновение объясняется господствующей в

науке постановкой проблем. Так, в социологической демографии семьи появление индикаторов предпочитаемого числа детей было вызвано сменой парадигм — старая, бихевиористская⁹⁰, исключая поведение семьи между стимулами (условиями жизни) и реакциями (числом детей в семье), стала «трещать по швам», уступая место новой, «поведенческой» или «социологической» парадигме. Однако интерпретация данных об установках на число детей продолжала различаться в противоположных концепциях. Сторонники «прямой связи» между условиями жизни и детностью стали иначе толковать «идеальное» число детей, чем представители «обратной связи». И в этом проявилось влияние каждой из альтернативных теорий на использование технического приема в исследовании.

Более того, данные по какому-либо индикатору, например по «идеальному» числу детей, могут завывшаться в конкретных исследованиях, проводимых в духе «прямой связи», из-за невнимания, допустим, к формулировкам вопросов, их расположению в анкете и т.д., в чем, собственно, и проявится подспудное и в известной мере неконтролируемое воздействие исповедуемой учеными теории. Однако, защищая полученные результаты опроса, ученые могут апеллировать к тому, что такова методика, что ее надежность не подлежит сомнению и поэтому полученные данные истинны и объективны. Их критики сосредоточат внимание на тех или иных особенностях методик и процедур, но, увы, разгоревшаяся полемика может оставить в стороне главное — принципиальное различие теорий. Поэтому основной интерес должен быть сосредоточен на самой теории, определяющей стратегию, тактику и детали организации исследования. В свою очередь, альтернативность макро- и микротеорий семейных изменений зависит также и от сложной сути самой семьи как объекта исследования.

Семья — системный объект, и поэтому в случаях расхождения объяснений тех или иных данных возникает соблазн искать причины в биологических, медицинских или психологических факторах. Рост разводов, к примеру, как социальный феномен может в случае психологической редукции объявляться итогом «несходства характеров», а многодетность семьи может считаться следствием «инстинктов». С методологической точки зрения трудность соблюдения дюркгеймовского требования объяснять «социальное социальным» связана со спецификой самой семьи. Применение же системного подхода позволяет адекватно отобразить в научных моделях системную природу семьи как объекта изучения и добиться в рамках социологического объяснения семейной динамики согласования медицинских, экономических, демографических, психологических и других данных.

Преимущество системного подхода к семье в том, что создается прежде всего возможность сосуществования множества теорий и концепций, конструируемых в рамках метатеории, каковой, по сути, оказывается системная теория, представляющая собой не что иное, как «межсистемный подход». Метатеория семьи, снимающая в пределах дихотомической оппозиции обособление субъекта и объекта, индивида и семьи, семьи и окружающих систем, оказывается своего рода методологическим мостом, связующим теорию личности и теорию семьи, теорию семьи и теорию социума, наконец, теорию семьи как института и теорию семьи как группы.

Целостность взаимодействия подсистемы семьи как малой группы с ее экосистемой — социальным институтом семьи — означает, что отдельная семья может быть понята диалектически лишь в связи с другими семьями-субсистемами, т.е. в соотношении с феноменом социального института семьи, а не сама по себе, не как изолированное нечто. Каждая субсистема семьи связана со всеми другими в определенной иерархической композиции преобразований и изменений так, что функционирование отдельного уровня опирается на предшествующий и детерминируется последующим. Например, изменения жизненного цикла отдельной семьи зависят не от самих по себе возникающих семейных событий, а от актуализации предшествующих ситуаций в связанном с ними социальном контексте, где происходят процессы, в том числе относящиеся к социальному институту семьи, т.е. эти изменения цикла находятся также под воздействием высшего уровня системы.

Другими словами, изменения семейного цикла жизни определяются не только предшествующими, но и последующими стадиями, которые еще не наступили в этой семье, но непременно произойдут, как они происходят и уже произошли в миллионах семей, принадлежащих к целому — социальному институту семьи. Подобная детерминация настоящего еще не наступившим будущим парадоксальна и непостижима, если ограничиваться изучением одной отдельно взятой и изолированной семьи, игнорируя системный и диалектический подходы. Но эта загадочная и тем не менее реальная ситуация существует. В одном из исследований московских семей применение системного подхода к ретроспективному выявлению жизненных путей, ведущих разные семьи к двухдетности, позволило предсказать точно, какие из жизненных линий приведут в дальнейшем к появлению третьего ребенка в семье, а какие нет⁹¹.

Следует отметить еще один аспект применения системного анализа семьи — познавательный. Признавая множество семейных систем в универсуме семейности, нельзя не признать и множества пу-

тей изучения этого мира семьи, множества конструкций семейной реальности. Но именно системный подход облегчает синтез и интеграцию этих различных интерпретаций благодаря присущей ему диалектике — умению «соединять несоединимое». Соединение разных взглядов воедино, но без единообразия (коллапса научного поиска) достижимо при обеспечении *взаимодействия* разнообразных перспектив. Системный подход дает возможность реализации принципа взаимной дополнительности научных школ и мнений, в том числе и реализации феноменологического анализа семьи.

Здесь опять же вырывает понимание диалектической взаимосвязи между онтологической реальностью семьи и ее одновременным конструированием как существующей реально. Экосистемный и одновременно диалектический подход избегает крайностей: он не трактует знание о социальной реальности семьи как «объективную истину» и как якобы «чисто субъективную» реальность. Просто между структурами познавательных актов и структурами реальности имеются корреляции. Задавая вопросы о семейной реальности и отвечая на них, ученые (впрочем, как и обыватели) объединяют эти структуры в единой перспективе взаимоотношения значений.

Онтологический статус, таким образом, придается значению, что создает возможность диалога между разумом и реальностью. Содержание различных «субъективных» интерпретаций, оказывающееся общезначимым, может рассматриваться (до очередной смены парадигм) в качестве истины, т.е. конвенционально, по некоему подразумеваемому согласию.

Системное исследование семьи претендует на изучение нелинейных взаимодействий, на учет целостных параметров семьи как института и группы. До сих пор остаются справедливыми сетования зарубежных и отечественных специалистов на бедность понятийного аппарата, описывающего семью как социальный институт, на нехватку понятий-связок, описывающих взаимодействия семьи с обществом. Термины « функция », « норма », « ценность » перегружены частым использованием, но их явно недостаточно. Получше обстоит дело с понятиями, описывающими семейные процессы на уровне группы, поскольку исследования такого рода сейчас составляют свыше двух третей всех работ. Однако столь же мало понятий, относящихся к семье как единству, целостности, как к подлинно групповому феномену, несводимому к свойствам индивидов. Поэтому большинство ученых вынуждено использовать при анализе семьи понятийный аппарат, предназначенный для характеристики поведения личности.

Недостаточно разработаны термины, способные охватить динамику семьи по стадиям жизненного цикла (здесь также заметна ре-

дукция к возрастному циклу индивида). Нет концептуальных средств, отличающих распад семьи из-за смерти ее членов от распада, вызванного социальной гибелью семейной целостности. Получше обстоит дело с понятиями, очерчивающими семейные взаимоотношения как таковые, в связи, по-видимому, с практикой групповой психотерапии и семейной психодрамой. Однако зачастую термины парного взаимодействия применяются для описания семейно-групповых интеракций.

Разумеется, системный подход в рамках какой-либо интегральной науки о семье (будь то фамилистика или иная дисциплина) не снимает сразу всех проблем, но он предоставляет возможность для творчества в данном отношении. Сточки зрения экзистенциальной, т.е. при анализе жизнеспособности экосистемы, важно определить «единицу выживания». Таковой может быть не сам по себе организм, изолированный индивид, а лишь некая система, обладающая силой и влиянием. Если это семья, внутри которой «борются за выживание» ее члены, тогда, разрушая свою среду существования (семейную целостность), они тем самым разрушают самих себя. Вместе с тем семья борется за свое сохранение в социуме и должна обладать потенциалом сопротивления вмешательству государства и других институтов. Семья как автономная система не может не характеризоваться средствами противодействия таким внешним влияниям, которые угрожают ее существованию.

Дихотомия понятий «власти» и «контроля», понимаемых как способность оказывать влияние (власть) и способность ограничивать это влияние (контроль), служит отражению отношений между системой и ее средой⁹². Семья как подсистема ограничивает влияние экосистемы общества на свое существование в качестве специфического института, т.е. стремится к сохранению своей автономии, суверенности.

Когда в системном взаимодействии общества и семьи начинают преобладать власть, стремление лишить семью ее своеобразия (процесс перехвата функций семьи другими институтами), баланс нарушается, так как отсутствует взаимный договор между сторонами взаимодействия. Однажды возникшее системное напряжение усиливает конфликты и конкуренцию. Чрезмерное вмешательство в семейную систему внешних систем ведет к возникновению нового образца интеракции между ними, что может привести в конечном счете к угрозе существования самого социума, к разрушению общества. Этот итог возможен и при усилении контроля над семьей со стороны отдельного социального института, например государства, присваивающего себе властные полномочия всего общества. При разработке программ

фундаментальных социологических исследований институциональных изменений семьи системный подход незаменим.

Проведение социологического исследования является трудоемкой и дорогостоящей разновидностью научной и социальной деятельности. Поэтому столь редки фундаментальные исследования семьи, а в прикладных исследованиях, ориентированных на выполнение какого-либо социального заказа, тем более не часто встретишь теоретические предпосылки решения поставленной заказчиком практической задачи. Это не значит, что они отсутствуют вообще, — так не бывает, просто не считается нужным выделять специальный раздел для формулирования исходных теоретических положений.

Обязательное требование составления программы проектируемого исследования, где неотъемлемой частью наряду с «анкетой», инструментарием, т.е. методическим разделом, должен присутствовать теоретический раздел, часто нарушается. Но даже простое перечисление исповедуемых автором исходных положений дает многое, тем самым очерчивается круг вопросов и ответов на них, как бы проясняется направленность поиска и контурно намечается возможный результат.

Одновременно становится ясной и родовая принадлежность данного исследования — относится ли оно к социологическим либо к социальным исследованиям. Вообще различие между этими типами исследований относительно.

Отнесение к социальным любых видов деятельности, где используется высказывание мнений, вполне допустимо, но как тогда квалифицировать суждения о холодильниках, космических ракетах или футболе? Статус социального исследования приобретает только тот опрос людей, когда определяется отношение к собственно социальным сферам деятельности и когда выясняется система ценностей и установок самих респондентов. Социологический опрос отличается при этом от криминологического, этнографического, экономического и т.д. согласно различию предметов социологии и этих социальных наук. Точно так же опросы в социологии семьи разнятся от опросов в юриспруденции, экономике и др. Таким образом, социологическое исследование семьи в целом (использующее не только опрос) отличается от социальных исследований семьи, проводимых в социальных науках, по своему предмету, а не по каким-либо специфическим методам.

В данном учебном пособии обсуждаются особенности применения социологических методов к исследованию семьи, особенности исследовательской деятельности, нацеленной на поиск ответов в связи с возникшими вопросами, на решение различных головоло-

мок теоретического и методического плана. В рамках полевых (т.е. не кабинетных) исследований трудно провести границу между теоретиками и эмпириками, прикладниками-экспериментаторами, особенно когда от начала до конца все исследование осуществляется одним коллективом. Поэтому ниже будет употребляться слово «исследователь» для обозначения всех видов деятельности, практикуемых в социологическом исследовании. При этом словом «социолог» можно пользоваться как синонимом слова «социолог-исследователь», хотя первое шире по объему — к социологам относятся также исследователи-методологи, анализирующие познавательную деятельность исследователей-теоретиков и прикладников. Социологи — это и преподаватели, и социальные менеджеры, и эксперты разного рода, не только участвующие в осуществлении специальной экспертизы, но также использующие свой профессиональный опыт исследования какой-либо проблемы для оценки каких-либо актуальных ситуаций или будущего хода событий.

Однако для специалистов, не занимающихся непосредственно исследованием социологических (социальных) проблем, слово «исследователь» (и в этом смысле «социолог») — неуместно. Для них больше подходит, и здесь нельзя не согласиться с известным демографом В.А. Борисовым, слово «ученый», «научный сотрудник» либо «сциентист», «публицист» и т.п. Разумеется, специалисты по истории социологии, посвятившие себя вторичному анализу или комментированию теорий и результатов исследований, в большей мере социологи, чем ученые-администраторы или юристы, физики и т.п., но в меньшей мере, чем те, из чьих рук они получают первичную информацию.

Самым главным этапом проведения социологического изучения семьи, как уже отмечалось, является разработка его теоретического раздела, а при создании программы исследования — это уточнение теории вопроса и концепции. Конечно, важно определить правильно объект и единицы наблюдения, а также в соответствии с правилами процедуры собрать данные и обработать их на компьютере. Наконец, велика роль завершающего анализа информации и составления научного отчета, его подготовки для публикации. Нужны все этапы, но всего нужнее самый первый по порядку и по смыслу — процесс работы над концепцией, поскольку потом, после пилотажной, пробной проверки инструментария и гипотез, уже ничего нельзя будет изменить. Видимо, при анализе данных можно о чем-то умолчать, что-то убавить, но, увы, невозможно прибавить к содержанию, заданному положенной в основу теорией, того, что отсутствовало в ней с самого начала.

Таким образом, рабочая теория задает диапазон содержательной информации и ее интерпретации, и поэтому сама работа над теоре-

тическим разделом программы исследования должна рассматриваться как творческий процесс, а не как формальность, позволяющая зафиксировать в письменном виде известные теоретические положения, но применительно к конкретным условиям осуществления заданного исследовательского проекта.

В теоретическом разделе важно оговорить исходные предпосылки исследователя и возможные воздействия на будущие результаты условий данного исследования. Другими словами, надо описать в программе меры по нейтрализации возможного искажения данных в связи с типом проектируемой выборки и спецификой метода сбора материалов. Каждый из социологических методов (наблюдения, анализа документов и опроса) характеризуется различными свойствами неконтролируемого взаимодействия объекта и условий исследования.

Учет данного обстоятельства при подготовке исследования и при заданных уже целях может существенно изменить всю организацию деятельности по осуществлению проекта. К сожалению, в учебниках трудно дать рекомендации относительно того, как при определенной цели исследования выбрать адекватный ей метод исследования с учетом имеющихся возможностей исследователей. Для этого необходимо знать конкретно очень многое, но в том-то и польза учебных пособий по методологии социологических исследований разных сфер социальной деятельности, что знание общих принципов дает способным исследователям мощное оружие — метод как искусство исследовательского «священнодействия» по решению злободневных социальных проблем средствами социологического исследования.

С точки зрения потенциальной деформации данных наиболее уязвимым является метод опроса, наименее — анализ документов, и среднее между ними положение «золотой середины» занимает метод наблюдения. На чем основано это суждение (разумеется, речь идет об изучении семейных отношений, о сравнительной ценности трех основных методов применительно к семейной сфере), что тут принимается прежде всего во внимание?

Важен учет степени «естественности» исследуемого материала в сопоставлении со степенью его «искусственности». При опросе сначала создается анкета или вопросник интервью, и потом эта хитро сплетенная сеть с приманками разного рода «набрасывается» на респондентов. Документы же разного рода (а в широком смысле все может именоваться документом) никогда не предназначаются для какого бы то ни было изучения, они плод спонтанных действий участников социальной пьесы.

В идеале социолог должен уметь так организовать свой поиск, чтобы свести к минимуму конструирование требующейся информации об объекте. Например, изучая социальную структуру и социальную мобильность семей можно обратиться к историям жизни, рассказанным представителями разных семейных поколений. При этом социолог свои вопросы к социальной реальности как бы переадресует выбираемым им собеседникам. Подобное переключивание забот «на чужие плечи» заметнее всего в разного рода опросах (анкетировании, интервью, тестировании и т.п.).

Если же воспользоваться тем материалом, который создавался в жизни, то тут, пожалуй, только в процедуре отбора скажется исследовательский «произвол». Можно взять для изучения семейные фотографии, письма, дневники и т.д. А можно, как это сделал кто-то из зарубежных исследователей, проследить социальную структуру семей по захоронениям на кладбище. Чем ближе семейная оградка к церкви — тем выше социальное положение семьи; чем больше мрамора, тем богаче семейный клан. Тут также уместны сомнения — насколько обоснован с точки зрения выяснения статуса семьи выбор столь необычных индикаторов, как захоронение, близость к церкви, измерение расстояний, число обследованных семейных оград и т.п.

Но важно другое: социолог взял в качестве документа реальность, существующую вне и независимо от каких-либо исследований. Поэтому этот материал в сравнении с рассказами о семейных историях надежнее. Любой рассказ — это уже интерпретация, но ориентированная на своих, на членов семьи (через письма и дневники), а не на исследователя и не на широкую публику (как это бывает в мемуарах). Рассказ о жизни семейных поколений по просьбе социолога — это другая интерпретация событий, ориентированная на «общество» в лице исследователя. Это, так сказать, «вторичная» интерпретация в отличие от «первичной», предназначавшейся для своих, лишь для членов семьи.

В свою очередь, размышления социолога — это уже «третичная» интерпретация того, что «первично» рассказывалось своим в качестве обыденной интерпретации и что было специально процежено сквозь сито «вторичной» интерпретации, приспособленной к ушам интервьюера. Пример с захоронениями ярко оттеняет социальную суть «естественного» документа — здесь нет даже «первичной интерпретации». Именно в этом принципиальная разница между методом анализа документов и методом анализа анкет или записей интервью.

Анкета — это всегда, как минимум, вторичная интерпретация, а документ, как максимум, первичная. В нашем примере с захоронениями конечно же можно рассматривать ограду, памятники, надписи на них и т.п. как символ семейной солидарности, как информацию для всех посетителей кладбища не только о семейной памяти, но и о социальном облике наследников умерших. В контексте культуры жизни и смерти эта символика говорит о многом, и в этом смысле допустимо трактовать подобные документы как несущие обыденную интерпретацию, как косвенное проявление первичной интерпретации.

Говорят, что Бехтерев не любил тесты. Когда его спросили, отчего эта нелюбовь, он высказался в том духе, что, дескать, зачем ему термометр, если он и так видит, какая на улице погода. Разумеется, психологов подобного класса единицы, но они, как сами собой настраивающиеся тесты, все о поведении людей узнают по видимым лишь им признакам. Они, как следопыты в тайге человеческого поведения, подмечают такое, что лучше не оставлять следов. Но дело в том, что для профессионала «следом» становится все — жест, взгляд, слово, улыбка и т.д. Действительно, тут уж не скроешься, потому что настоящий исследователь умеет извлекать и оценивать информацию, постоянно излучаемую каждым, но доступную избранным (правда, в последние годы что-то много развелось «избранных»: магов, экстрасенсов, ясновидцев, и это особая тема — массовая стрессогенность и потребность людей в психотерапии, увы, не удовлетворяемой существующей организацией здравоохранения).

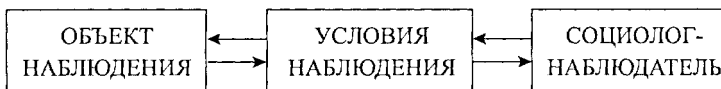
В социологии лишь мощь теории способна обеспечить «считывание» информации об изучаемой части социума. Благодаря теории появляются «следы», разного рода опознавательные знаки на трассе социологического поиска. Благодаря ей происходит превращение в сигнал, символ, значение любого штриха социальной интеракции. Теория — это кладезь, «тезаурус» символов и значений какого-то сегмента реальности, но это не склад тайнописи, а скорее клад, поскольку здесь хранятся ключи от шифров. Теория прежде всего дает умение расшифровывать любые коды социальных отношений, в том числе и семейного общения. Методология при этом раскрывает, как это делается, как удастся распределять по типам и классам символы и знаки, каковы правила считывания, перевода с одного языка значений на другие языки.

Методология показывает, как применяются теории в конкретных ситуациях, как возникают методики изучения тех или иных ареалов социума, т.е. взаимодействие рабочих концепций со свойственными каждой дисциплине методами конструирования и толкова-

ния фактов. Трудно представить, что социология возможна без «термометра» и чтобы узнать, какая в обществе «погода», достаточно будет просто выглянуть в окно, не прибегая к помощи теории и методологии. Значит, метод может стать той самой точкой опоры, которая позволит перевернуть мир?

Объект наблюдения и объект исследования. К изучаемым в социологии семьи объектам могут применяться при сборе информации методы анализа документов, наблюдения и опроса. Выше отмечалось, что в социологии любое изучение такого рода не свободно от неконтролируемых воздействий на результат со стороны социолога и методов, средств исследования. Все виды опроса (очное и заочное анкетирование, стандартизированное и свободное интервью, жизненные истории и углубленные интервью) связаны с получением информации, в значительной мере создаваемой исследователем. В этом смысле анализ документов менее уязвим, так как документ не создается социологом непосредственно. Статусом «документа» наделяется та часть социальной реальности, которая существует вне исследования. В отличие от документа анкета создается и существует в исследовании. Поэтому указывалось, что потенциал деформации данных об изучаемом феномене объемнее при опросе, чем при анализе документов.

Но и анализ документов как вид социологического исследования (наряду с опросом и наблюдением) подвержен искажению данных под влиянием исследователя, выбранной им теории и разработанных средств познания. В связи с этим, согласно И.С. Алексееву и Ф.М. Бородкину, следует различать «объект наблюдения» и «объект исследования». В ряде работ, а также в статье «Принцип дополнительности в социологии», опубликованной в знаменитом сборнике научных трудов по математике и социологии (ставшим знаменитым из-за нападок цэковских идеологов)⁹³, утверждается та мысль, что в социологическом исследовании объектом изучения становится взаимодействие в системе «объект — условия наблюдения». Или иначе — взаимодействие между «объектом наблюдения» в классическом смысле (в естествознании это реальность, функционирующая независимо от естествоиспытателя, наблюдателя) и «условиями наблюдения» (совокупность средств и методов измерения, включая исследователя). Схематически объект исследования в социологии можно изобразить так:

Теперь можно сформулировать различия между объектами наблюдения трех основных методов социологического исследования семьи. При анализе документов (семейных писем, фотографий, дневников и т.п. результатов семейного поведения) весь изучаемый материал создавался вне социолога и без его влияния, тогда как при опросе анкеты и вопросники либо схемы интервью конструируются социологом, и в этом смысле объект наблюдения уже не может считаться классическим, т.е. существующим вне социолога. Что касается собственно метода социологического наблюдения (включенного, когда социолог гостит в семье и наблюдает за семейными событиями, и невключенного, когда социолог наблюдает за поведением семей где-нибудь на улице, в кафе, в парке, на пляже и т.д.), то здесь объект находится вне наблюдателя, но феномены семейного поведения каким-то образом фиксируются (камерой, диктофоном, журналом наблюдения и т.д.). В любом случае имеется схема наблюдения, которая избирательно фиксирует данные, и в этом смысле материал непосредственных наблюдений несет в себе следы двойственности.

С одной стороны, в отличие от опроса социолог не обращается непосредственно к мнениям своих респондентов, но при включенном наблюдении он самим фактом своего присутствия влияет на все происходящее. При невключенном наблюдении методом скрытой камеры (или «подглядывания» в замочную скважину) социолог остается инкогнито для наблюдаемых, но отбор и считывание информации находятся опять же под влиянием схем наблюдения, концепции исследования и даже личностных установок наблюдателя. С другой стороны, в сравнении с анализом документов наблюдатель сам участвует в сотворении документов наблюдения, и поэтому искажающее воздействие конвенциональных предпосылок исследователя сильнее, чем при контент-анализе. Конечно, можно сказать, что собственно работа с документами также зависит от их отбора, схем кодирования, т.е. опять от теории и исследователя, его опыта и предпочтений. По-видимому, при включенном и участвующем наблюдении (когда социолог сам является участником событий и вольно или невольно влияет на них) отличие метода наблюдения от анализа документов наибольшее. Что же касается иных типов наблюдений — «неучаствующих», когда факт наблюдения остается неизвестным для наблюдаемых, то отличие от анализа документов тут весьма относительное. Другое дело, что обеспечить подобное наблюдение за семьями в естественной обстановке намного труднее, чем воспользоваться семейными фотографиями или письмами.

Таким образом, при сопоставлении объектов наблюдения трех методов сбора информации выяснилось, что все они не могут считаться независимыми от условий исследования и исследователя. Вместе с тем классическое понимание объекта наблюдения может, скорее всего, относиться к документу как безусловно находящемуся вне исследователя и создававшемуся до и безотносительно к какому-либо исследованию. Материалы самозаполняемых анкет и зафиксированные социологом бланки интервью вряд ли можно назвать существующими вне всякого исследования. Следует отметить, что вопрос о типах документов и их особенностях в рассматриваемом здесь смысле не обсуждается. Также хотелось бы подчеркнуть еще один момент — наше изложение касается только первого этапа социологического исследования, а именно этапа составления программы, разработки теоретического раздела. Последний этап анализа данных имеет дело со вторичной информацией, уже обработанной на компьютере и связанной с проверкой гипотез. Тут уже влияние метода сбора первичных данных не ощущается.

Однако разные виды документации (поскольку они составляются участниками интеракций) могут, в свою очередь, характеризоваться той или иной ориентированностью на возможное наблюдение со стороны участников взаимодействий, более того, преследовать цели воздействия на них, изменения их поведения. В этом отношении все виды документов оказываются учитывающими возможность исследования, поскольку любая обиходная интерпретация жизненных ситуаций предполагает наличие иных интерпретаторов.

С точки зрения феноменологической социологии любой документ есть продукт взаимодействия интерпретаций, взаимных исследований друг друга (будь то индивиды, партии или фирмы). Интерпретационная социология видит, конечно, разницу между непосредственными и косвенными интерпретациями, но объект наблюдения в любом случае оказывается не вне интерпретатора-исследователя. Социальная реальность, как конструируемая в ходе взаимодействующих интерпретаций и постоянно оставляющая овеществленные «следы» этих интеракций в виде тех или иных документов, не может быть вне наблюдателя. Даже если взять личные документы, личные дневники, создаваемые наедине с самим собой и как бы лишь для себя, надо помнить, что их авторы не могут не подлаживаться невольно под тех значимых других, которые всегда незримо присутствуют между исповедующимся и чистым листом бумаги. Пример отчаянья одиночек убеждает, что и они всегда действуют перед аудиторией, как бы оглядываясь на публику: предсмертные записки — это последний диалог со своей референтной группой.

Отмечая относительность обозначения документа как классического объекта наблюдения (лишь условно пребывающего вне исследования в широком смысле), тем не менее следует усвоить, что в сравнении с анкетой и материалами наблюдений это различие остается существенным. Поэтому данные архивов, статистики, справочников, словарей и другие овеществленные, реифицированные части социальной реальности, являясь сконструированными в феноменологическом смысле, будут считаться в узком смысле «естественными», специально не создаваемыми в угоду социологическим исследованиям.

Преимущества метода документов. В социологии семьи практически нет классических объектов наблюдения, находящихся *вне* социолога. Это не должно вести нас к агностицизму, к признанию невозможности познать что-либо. Напротив, понимание действительной сложности социального познания является мощным стимулом к научному поиску, стремящемуся преодолеть все каналы деформации данных.

Первый практический вывод отсюда — сократить до минимума анкетирование и интервьюирование, расширить исследовательскую работу с документами разного рода. Поскольку все может стать «документом» — письменным, словесным (вербальным), иконографическим (нарисованным или изобразительным), музыкальным, фотографическим, фонетическим, фольклорным и т.д., то следует вслед за корифеями семейной социологии изобретать все новые и новые виды семейных документов. Вслед за Ле Пле, который предложил наблюдать за бюджетами доходов и расходов (и что позже способствовало изучению бюджетов расходования времени), или вслед за канадским социологом и историком Филиппом Ариесом, который исследовал средневековую живопись на предмет оценки социальной роли детей и значимости семейного образа жизни⁹⁴.

Документ как отражение семейно-групповой жизнедеятельности (семейных циклов, тенденций поведения, ритуалов и церемоний) в большей мере выражает целостность семейного бытия, чем индивидуально заполняемые анкеты или бланки индивидуальных интервью. При опросе семей, как показывает практика разного рода «статистики мнений», в фокусе внимания постоянно оказывается индивид. В демографических опросах о числе детей и беременностей всегда источник информации — женщина, хотя рождаемость — итог репродуктивного поведения семьи.

Даже опросы супружеских пар редки, и то немногое, что делалось в этом направлении, обнаружило свою ценность, так как были выявлены существенные расхождения мнений мужей и жен и вы-

сокая прогностическая полезность согласованных установок супругов⁹⁵. Разумеется, сложность построения выборки семей (а не индивидов, как обычно делается) и трудоемкость проведения общесемейных опросов с учетом повышения стоимости такой работы отбивают охоту у большинства социологов к посемейным опросам. Но поэтому все более актуальной является перестройка на работу с документами, хотя это предполагает более высокую квалификацию социолога.

При опросе опытные социологи разрабатывают теоретический раздел и основы инструментария, передоверяя сбор информации, ее кодировку и обработку своим помощникам. При использовании метода документов высокая квалификация необходима для получения первичных данных. Извлечение искомой информации из документов, как бы ни был формализован этот процесс, по-видимому, самая ответственная процедура, ее новичкам или практикантам не доверишь. В этом еще одна причина недостаточной распространенности метода документов вообще в социологии.

Документ как источник первичной информации о семейных структурах и процессах весьма эффективен, даже если ограничиться поначалу одними письмами, дневниками, фотоальбомами, рассказами о семейной истории. Увлекательными головоломками становятся задачи по расширению круга разновидностей документов в социологических исследованиях жизненного цикла семьи, семейного поведения и семейных взаимоотношений.

О социографических параметрах. Следует внести уточнение вот еще в какое обстоятельство. Метод документального исследования не стоит путать с измерением *O*-параметров, т.е. таких социографических характеристик, которые И.С. Алексеев и Ф.М. Бородкин считают независимыми от способа измерения вообще (пол, возраст, место рождения, национальность; к этому можно добавить семейную принадлежность, цвет глаз, рост, вес и т.д.). Преимущества документа в сравнении с анкетой и схемой наблюдения выявляются при измерении *S*-параметров, т.е. таких характеристик, которые становятся измеримыми лишь в момент взаимодействия условий и объекта наблюдения. Сама мера этих параметров (элементов семейного поведения — мотивов, установок, ценностных ориентаций, элементов семейного цикла жизни и внутрисемейного «климата») возникает в зависимости от типа взаимодействия в системе «объект — условия наблюдения».

Социографические характеристики пола и возраста в социологии семьи не имеют самостоятельного значения, хотя и могут использоваться в комплексе с другими параметрами при описании жизненно-

го цикла семьи (например, продолжительность брака и стаж семьи могут определяться в годах в зависимости от среднего возраста членов семьи в моменты наступления тех или иных стадий цикла).

В демографии семьи характеристики пола и возраста являются одними из основных, отсюда постоянное тяготение демографов считать «объективными» (из-за практики оперирования ими, т.е. *O*-параметрами) все измерения «субъективных» параметров, но измеряемых числами (например, статистика мнений о числе детей в семье, средние числа детей — ожидаемые, идеальные, желаемые и т.п.). Возможность применения большинства математических процедур к числам детей и лет создает в демографии (благодаря манипулированию числами) иллюзию того, что измеряемая числами социальная реальность является классическим объектом наблюдения, как это принято в естествознании.

Число как составной элемент статистического наблюдения в демографии семьи может реифицироваться, овеществляться как самостоятельная, вне всякого социального исследования пребывающая сущность. Материалы подобных статистических наблюдений могут приравниваться по своему методологическому статусу к документу как источнику «объективной» информации о классическом объекте наблюдения.

Между тем документ, как отмечалось выше, хотя и создается и существует вне целей социологического исследования (в отличие от анкет, схем наблюдений и вопросников интервью), тем не менее не является методом измерения *O*-параметров или превращения в таковые всех тех феноменов, которые становятся «измеримыми» и «реальными» лишь в момент возникновения системы «исследователь — исследуемая реальность».

3.2. Взаимодействие условий и объекта исследования в микросоциологии семьи при опросе, наблюдении и контент-анализе

В микросоциологии семьи изучаются семейные структуры и процессы применительно к жизненному циклу семьи, внутрисемейным взаимоотношениям и семейному поведению. В социологическом исследовании при разработке теоретического раздела программы выбирается тип взаимодействия «условий и объекта наблюдения» (УН — ОН), а не определяется ОН и независимо от него УН. В социологии, как отмечалось выше, невозможно получить ОН как «объект в себе». «Изоляция социологического объекта от внешнего мира невозможна, так как связь с внешним миром будет осущест-

вляться хотя бы через наблюдателя (или средства наблюдения). Поэтому эксперимент (наблюдение) воспроизводим лишь на уровне системы “условия наблюдения — объект”»⁹⁶.

Именно свойство воспроизводимости данных заставляет усилить внимание в исследованиях семьи взаимодействию УН—ОН. Требование воспроизводимости результатов любого социологического исследования является обязательным, по крайней мере в фундаментальных проектах. Без описания УН это требование неосуществимо: располагая лишь опубликованными результатами и не зная методов сбора данных, инструментария, нельзя определить их обоснованность и надежность. Тем более, невозможно повторить исследование одного социолога другому. Если же УН даются фрагментарно, не полностью и без необходимых подробностей, то повторное исследование по своим данным окажется несопоставимым с первым.

О воспроизводимости и сопоставимости данных. Практически большинство публикаций о результатах проведенных исследований не содержит достаточной информации для их проверки, верификации или для осуществления сопоставимости данных двух или более исследований, сходных по своим целям и методам.

Для примера сошлемся на итоги реферирования М.С. Мацковским около 200 публикаций 1976—1983 гг., описывающих почти 50% эмпирических исследований брака и семьи тех лет (табл. 3.1).

Таблица 3.1

**Частота использования различных методов и процедур
сбора первичной социологической информации
в советских исследованиях по социологии семьи
(по данным М.С. Мацковского)⁹⁷**

№ метода и процедура	Число работ	% от общего числа работ
1. Опрос без указания процедуры	35	13,7
2. Интервьюирование	42	16,4
3. Анкетирование	86	33,6
4. Тестирование	8	3,1
5. Экспертный опрос	2	0,8
6. Анализ документов	34	13,3
7. Наблюдение	22	8,6
8. Эксперимент	3	1,2
9. Не указано	24	9,3
10. Итого	256	100,0

Таким образом, в 23% числа работ вообще не указан метод сбора данных, и читателям тем самым предлагается поверить описаниям результатов со слов авторов. Здесь рассуждения об особенностях ОН в связи с отсутствием описания УН бессмысленны и выдают обиходную веру ученых в наличие «объекта в себе», общежитийскую убежденность в «объективности данных».

М.С. Мацковский обнаружил, что в публикациях об итогах исследований собственно о методиках крайне мало сообщений. Остаются неизвестными процедуры разработки индикаторов и индексов разного рода, шкал и тестов, их валидности, обоснованности и устойчивости. Только в 3% публикаций аргументировался выбор методики и техники исследования, и лишь в 2% давались сведения об апробации методов и процедур в пробном, пилотажном исследовании. Не удалось найти ни одной работы, где приводилась бы оценка данных с точки зрения их надежности. Большинство исследований семьи проводилось в рабочее время по месту работы, а не на дому, причем опрашивались только одни женщины.

В большинстве публикаций не указан тип выборки (77%), не приведены расчеты выборочной совокупности, в 14% работ нет вообще численности выборки, единичны упоминания о применении более сложных методов обработки и анализа, чем простые распределения данных. В разных исследованиях для измерения одних и тех же переменных каждый раз заново изобретаются методики и приемы взамен уже апробированных, доказавших свою пригодность. Наконец, поскольку анализировались публикации, было замечено, что журнальные статьи часто не отвечают требованиям описания результатов социологических исследований, т.е. в них нет четкой структуры изложения: целей, теории, методов сбора и обработки данных, полученных результатов и интерпретации их⁹⁸.

Таким образом, практика отечественных исследований семьи была и остается далекой от идеала воспроизводимости и сопоставимости данных. Сохраняющееся методологическое невнимание к контролю системы взаимодействия УН—ОН оставляет место для произвольных интерпретаций. В сложившихся условиях мода на качественные методы анализа семейных феноменов и пренебрежение количественными методами могут усилить интерпретационный произвол. Качественные методики, ориентированные на анализ глубинных механизмов поведения, обычно противопоставляются накоплению статистических данных в социологических исследованиях⁹⁹.

Но именно претензии на анализ «причинно-следственных связей» и «процессуальных характеристик» изучаемых явлений требуют не только четкой фиксации УН, но и детального описания всех

характеристик взаимодействия УН—ОН. В свою очередь, это предполагает учет всех взаимодействий системы УН—ОН, даже неконтролируемых и необратимых. Принципиальная неполнота знаний делает это неосуществимым, и значит, сохранение неконтролируемых взаимодействий УН—ОН ведет в принципе к невозпроизводимости всех «качественных исследований» вместе и каждого из них в отдельности.

Как отмечают И.С. Алексеев и Ф.М. Бородкин, «основным требованием к любой теории, построенной на эмпирической основе, является возможность получения такой же теории на основе наблюдения, проведенного в другое время и в другом месте»¹⁰⁰. Невозпроизводимость системы УН—ОН (напомним, что в УН включен также социолог и что на самом деле речь идет о взаимодействиях (СН—УН)—(УН—ОН)) не дает надежды на сравнение данных двух и более исследований, превращая любое из них в исключительное, «эксклюзивное». Поэтому финал очевиден: социолог, работающий с такой «качественной» методикой, обречен на простой пересказ фактов и «пришивание» к ним выводов. Коли нет полного, статистического анализа УН—ОН, то нет и воспроизводимости исследований, сопоставимости данных и, следовательно, адекватности объяснения «причинных связей».

Теоретически есть путь разрешения этой ситуации посредством применения двух альтернативных теорий к информации, полученной без статистического описания всех деталей системы УН—ОН. Если, к примеру, гендерное исследование распределения семейных ролей между супругами с помощью качественных методов вышло на некий факт, отчего не применить для его объяснения не только феминистскую, но и противоположную, фамилистскую интерпретацию? Только в этом случае компенсируется невозпроизводимость «качественных» исследований, но, к сожалению, ничего похожего не встречается в нынешней практике тех, кто радеет о качественных методах в социологии семьи.

Вместе с тем проблема неполноты описания системы УН—ОН решается, как это и положено в социологии, благодаря применению статистических методов, адаптированных к вероятностному поведению социальных систем. Отказ от количественного подхода, как указывалось выше, лишает социологию фундамента и, по сути, ликвидирует ее как самостоятельную науку. Собственно говоря, поэтому в социологии интерес к качественным методам сопровождался заботой о статистической определенности «качественного» содержания. Так и возник «контент-анализ», направленный на выявление частоты тех или иных смысловых единиц текста, на интерпре-

тацию наиболее часто встречающихся единиц как значимых, репрезентирующих ценности разного рода, определенное «содержание».

Только статистический характер описания данных говорит о статистической же их воспроизводимости, хотя в социологии к тому же сама вероятностная природа интеракций социальных систем требует адекватного этой природе объяснения. В связи с этим еще одна цитата из Алексеева и Бородкина: «Для того чтобы когда-либо социология стала наукой сугубо аналитической, вообще не связанной со статистикой, необходимо, чтобы все люди обладали совершенно полным знанием обо всем. Но такое время никогда не наступит. Именно поэтому мы имеем все основания утверждать, что социологическая теория должна быть обязательно статистической...»¹⁰¹.

Типы взаимодействия условий и объекта социологического исследования. Социолог не выбирает объект исследования, его выбор всегда направлен на тип взаимодействия в системе СН–УН–ОН (социолог или наблюдатель — условия наблюдения — объект наблюдения). В принципе между всеми элементами системы есть обоюдные связи, но в разных типах взаимодействия связи элементов различаются.

На этапе разработки программы исследования в разных видах СИ (социологических исследований) можно найти разные типы взаимодействий. Создаваемая социологом программа исследования заставляет начать схематическое изображение с элемента СН, так как от него зависит все остальное: СН → (УН–ОН). Сравним типы взаимодействия при анализе документов и опросе. Социолог не создает документы, например письма солдата родителям и сестрам и их письма к нему, но он разрабатывает схему считывания, кодирования текста. Поэтому он как бы приспосабливается к специфике документа, в этом смысле текст сам влияет на него, на изошренность применяемых шифров и кодов. Это схематически изображается так:

$$\text{СН} \rightleftarrows (\text{УН} \leftarrow \text{ОН}), \quad (1)$$

т.е. ОН влияет на УН и СН.

Теперь возьмем изучение семейных отношений методом анкетирования. Разработка инструментария для проверки гипотез — это непрерывный процесс уточнений, когда приходится менять индикаторы и теорию, поэтому обратное воздействие на СН идет от всего блока, так как ОН еще не в контакте с анкетой:

$$\text{СН} \rightleftarrows (\text{УН} \rightarrow \text{ОН}). \quad (2)$$

Создание схем наблюдения приближается к схеме (2), ибо будущее поведение ОН неизвестно, и хотя схема (как и анкета) «навязывает» уже направленность ситуаций (ответов), тем не менее нет еще

ситуации наблюдения (или опроса). Это делает программу наблюдения гибкой, как бы настроенной заранее на непредвиденные моменты ОН. Разработка схем наблюдения напоминает сочинение анкет — тут уже конструируется сама ситуация наблюдения, составляется ее сценарий, и от будущего акта наблюдения ожидается, как на сцене от актеров, следование расписанным ролям. При подготовке к анализу документов социолог вступает в непосредственный контакт с документами, и в этой «игре» один игрок пытается раскрыть карты другого.

Взаимодействие (2) более удобно для социолога: он как бы творит все, что хочет, с инструментарием. Процесс разработки вопросников интервью, схем наблюдения, анкет тем интересен, что, выражаясь футбольным языком, «игра идет в одни ворота». В этом процессе создаваемый социологом продукт абсолютно пассивен — тут нет того чуда, которое происходит с поленом в руках папы Карло, когда вырезаемое личико Буратино тут же начинает строить гримасы.

Социолог в рамках требований к разработке анкет думает лишь о переводе своей любимой теории на язык эмпирических индикаторов, его беспокоит операционализация терминов, верификация гипотез, объем необходимой информации для демонстрации потом правильности своих идей. В этом нет ничего плохого, социолог весь поглощен проникновением в суть изучаемого. Но беда в том, что конструируемый им объект не может оказать никакого сопротивления произволу творца.

Напротив, метод документов тем и хорош, что специфика материала постоянно довлеет над социологом. Документ не просто сопротивляется желанию исследователя «объять необъятное». Он заставляет исследователя в процессе разработки сети по выуживанию «золотой рыбки» приспособлять «на ходу» УН и рабочую теорию к языку ОН. Следовательно, уже на стадии разработки инструментария всегда не укладывающаяся в рамки «живая жизнь» врывается в проекты и упорно навязывает себя. Неконтролируемое и необратимое влияние социолога — создателя познавательных средств и ситуаций — на модель изучаемого объекта (при опросе) получает при взаимодействии (1) отпор от документа, репрезентирующего социальную реальность.

Социолог при анализе документов неизбежно оказывается *исследователем* на всех этапах проведения социологического исследования, в том числе и на рассматриваемом этапе разработки кодов по считыванию информации, тогда как при анкетировании и интервью он *конструктор*, творец инструмента, не связанный по рукам и ногам сопротивлением материала. Социолог волен тут сконструировать любое подобие ОН, поскольку нет противодействия.

В этом секрет моды на опрос среди социологов, «анкетомании» — этого почти «коленного рефлекса» всех собирателей мнений.

Популярность опроса в сравнении с анализом документов связана также и с трудоемкостью последнего, хотя экономически опросы населения — более дорогое удовольствие (так как созданная в регионах сеть интервьюеров требует постоянно «подпитки», все новых и новых опросов). Для наглядности можно сравнить социолога-«анкетомана» с художником-абстракционистом, создающим на полотне свое видение реальности, а социолога-документалиста — с художником-авангардистом или модернистом, берущим материал прямо из жизни (окурки, банки, бутылки) и составляющим из него свои «натюрморты».

На этапе сбора данных появляется межличностный контакт между интервьюером (наблюдателем) и респондентами, причем СН как бы раздваивается: разработчик анкеты, как правило, уступает место раздатчику-сборщику заполненных анкет. Здесь уже сам процесс опроса, готовые вопросник и схема наблюдения воздействуют на респондента. Отступление от предусмотренных процедур недопустимо, тут царит стандарт, иначе данные анкет будут несопоставимы. УН прямо влияет на ОН, который, в свою очередь, из-за живого общения также оказывается связанным с неконтролируемым воздействием на собираемую информацию. В схеме (2) к прямой связи УН → ОН добавляется обратное влияние (УН \rightleftarrows ОН).

А что происходит на этом этапе с методом документов? Здесь по-прежнему отсутствует живой контакт (что снимает груз деформаций, неконтролируемых взаимодействий данного рода). Второе отличие — тот же самый социолог, придумавший систему кодирования документов, начинает сам извлекать требующуюся информацию (исключение составляет сложившаяся практика контент-анализа газет, где жесткие инструкции стандартизируют для кодировщиков считывание данных, хотя, по мнению опытных социологов, в ряде случаев содержание текста ускользает от тех, кто не участвовал в разработке кодов). Но даже для профессионала высшего класса анализ документов связан, во-первых, с привнесением в текст того, чего там нет, и, во-вторых, с пропуском имеющегося там содержания. Подобные «отсебятина» и «зевки», и «отсебятина» особенно часты при изучении семейных документов, ибо личный опыт кодировщика заставляет пропускать очевидное («семейная слепота») и приписывать «свое» чужому. Таким образом, схема (1) остается той же самой на этапе сбора документальных данных.

Живой контакт между социологом и членами семьи при опросе и наблюдении втягивает их в системы межличностных отношений

со всеми вытекающими отсюда последствиями для результатов опроса. Это значит, что возможно неконтролируемое взаимодействие даже при наличии стандартизированных бланков наблюдения и вопросников формализованных интервью. Непосредственное общение способно привносить особый смысл в восприятие и трактовку вопросов, сказываться на интерпретации ответов. К сожалению, это общение «лицом к лицу» трудно изобразить схематически, поэтому все вышеизложенное относительно сбора данных при опросе и наблюдении заставляет поменять местами УН и ОН в схеме (1), так что теперь взаимодействие выглядит следующим образом:

$$\text{СН} \rightleftarrows (\text{ОН} \rightleftarrows \text{УН}). \quad (3)$$

На этапе завершающего анализа данных по проверке гипотез исчезает живой контакт во всех типах социологического исследования. Вновь, как и на первом этапе, актуализируется блок СН–УН, но только с той разницей, что теперь социологу нельзя изменять УН (инструментарий и процедуры). Если какие-либо изменения все же происходят, то это уже прямая подтасовка данных. Здесь задают тон лишь УН, вобравшие в себя информацию об ОН и переадресующие ее аналитику. Полученный разными методами материал о подтверждении-опровержении рабочих гипотез может влиять на установки ученых, заставлять пересматривать свои теории в выводах (что случается огорчительно редко). Итак, тип взаимодействия становится совершенно другим из-за перестановки мест элементов схемы и в связи с противоположной направленностью воздействий:

$$(\text{ОН} \rightarrow \text{УН}) \rightarrow \text{СН}. \quad (4)$$

Таким образом, наиболее подверженными неконтролируемым влияниям оказались (2) и (3) типы взаимодействий, наименее — 1, что следует помнить при выборе методов реализации целей исследования. Анализ документов уменьшает потенциальное искажение данных благодаря сопротивлению самого материала и отсутствию живого контакта между исследователем и исследуемыми. Напротив, метод опроса удваивает и даже утраивает деформацию результатов.

3.3. Специфика изучения формирования и выражения мнений при использовании опроса в области семейного поведения

Распространенность опроса при повышенной его ненадежности может стать в социологии и демографии семьи лазейкой к просачиванию обиходных интерпретаций. Поэтому на этапе теоретичес-

кой разработки программ исследований следует четко оговорить все ожидаемые погрешности данных в связи с отмеченными особенностями 2-й и 3-й схемы взаимодействий в системе условий наблюдения.

Необходимо также рассмотреть в контексте этих особенностей ряд проблем, относящихся к сложности формирования, выражения и фиксации мнений при опросах разного рода. Фамилистические мнения бывают трех видов: 1) мнения об истории семьи, о своем семейном поведении, о семейных взаимоотношениях; 2) мнения о положении семьи в стране и в мире либо о региональной ситуации; 3) мнения о существующей или предлагаемой семейной политике государства, губернии, района или других стран, мнения о рекомендуемых респондентом мерах семейной политики.

Мнения могут выявляться у любых членов семьи: у родителей и детей, мужей и жен, братьев и сестер, а также у родственников по линии жены и мужа. Опрос может проводиться одновременно всех членов семьи или порознь. Наконец, мнения могут фиксироваться лишь у лидеров семейных мнений либо у индивидов, доминирующих в тех или иных семейных ситуациях, или у так называемых глав семьи (как это было прежде в ряде «всесоюзных» переписей населения). Чаще всего в опросах (социологических и демографических) обращаются к женщинам и крайне редко — к мужчинам и детям.

Социальная ситуация опроса является разновидностью социального поведения людей и строится по всем законам диспозиционной регуляции поведения (термин «диспозиция» означает предрасположенность к каким-либо ценностям, убеждениям, мнениям, действиям, поступкам)¹⁰². Диспозиции опосредуют взаимосвязь между возникающими ситуациями и иерархией потребностей личности, между ставшей актуальной в этой иерархии потребностью в связи с той или иной конкретной ситуацией. Схематически это выглядит так:

ПОТРЕБНОСТИ — ДИСПОЗИЦИИ — СИТУАЦИИ.

При опросе активизируются те или иные потребности личности, связанные с самовыражением, желанием как-то подчеркнуть свою принадлежность к каким-либо социальным группам и т.д. Мотивы участия в опросе могут быть разнообразными, сама ситуация опроса может интерпретироваться как угодно широко, и, разумеется, высказывание мнений будет зависеть не только от искренности или намерений респондента, но и от возможностей, создаваемых социологом, использующим условия и средства исследования, микроситуации самого интервьюирования или анкетирования. Центральным блоком является определение респондентом предла-

гаемых ему в анкете вопросов-ситуаций исходя из актуализированных мотивов, ценностных ориентаций, предпочтений своего Я. Схема 3.1 показывает процесс выработки и высказывания мнений, когда конечным результатом «респондентского поведения» оказывается целый ряд ответов-мнений. Задача социолога состоит в том, чтобы установить достоверность мнений о каких-то аспектах семейного поведения респондента. Важно, оказались ли эти мнения сформированными в процессе опроса или они выражают давно сложившиеся убеждения, либо в ответах содержатся уже измененные по сравнению с прошлым мнения. Схема также показывает, что в ходе опроса уже высказанные и зафиксированные в анкете мнения (как результаты поведения) оказывают, в свою очередь, воздействие на определение ситуации опроса, на интерпретацию вновь задаваемых в анкете вопросов.

В соответствии с данной схемой можно рассматривать не только поведение опрашиваемого, но и интервьюера, анкетера. Социолог работает в какой-либо организации, его мотивация профессиональна, он прямо заинтересован в проведении интервью. Мотивация респондента к участию в опросе не столь четкая, даже если это участие каким-либо образом оплачивается.

В теоретически ориентированных исследованиях обычно апеллируют к научной и социальной значимости выявляемых мнений, тем не менее полученное согласие на участие в опросе остается не-

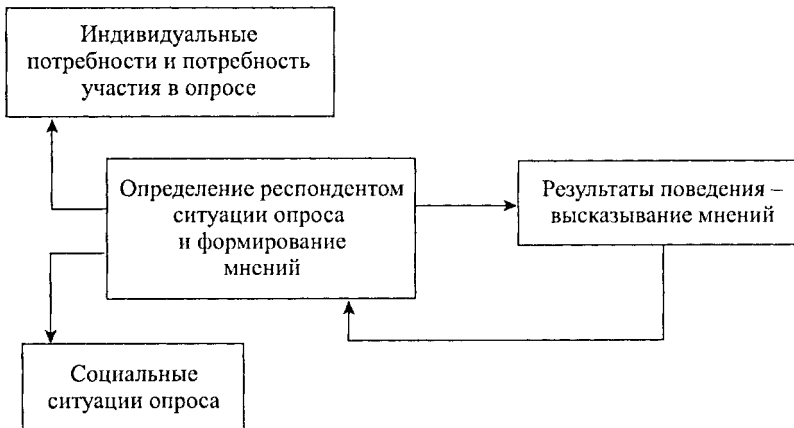

Схема 3.1. Диспозиционная регуляция поведения респондента при опросе

ясным по своим побуждениям. Социолог, «уговорив» человека стать респондентом, приступает к делу в надежде, что по мере заполнения вопросника кое-что прояснится. Обычно считают, что инициируют сама семейная тематика, желание человека поделиться наболевшим, поговорить по душам, исповедаться. Именно здесь возникает вопрос о месте проведения опроса — проходит он на дому или по месту работы. В советские времена по приказу начальства люди отрывались от работы, и независимо от того, выгодно это было лично или нет, им приходилось участвовать в опросах. Нужность этого мероприятия вышестоящим инстанциям определяла и ценность самого исследования, и отношение к ученым.

Опрос же на дому требует от социологов большей изобретательности в смысле уговаривания — ведь отнималось много времени от домашних дел, от заботы о детях (с которыми кто-то должен был заниматься, если это дошкольники), от ухода за больными и т.д. Но вместе с тем согласие участвовать в опросе в этих житейских обстоятельствах означает наличие мотивированности самих респондентов. Это подтверждается фактом более высокого процента заполнения и возврата оставлявшихся на дому анкет — в сравнении с заполнявшимися на работе. Таким образом, решение об участии в опросе есть итог действия механизма определения ситуаций, когда просьба социологов и какие-либо личные побуждения делают ситуацию опроса приемлемой (поскольку возможность отказа всегда имеется даже у тех, кто предпочитает подчиняться воле начальства).

В процессе заполнения анкеты диспозиционный блок принятия решений работает активно, так как не по каждому из задаваемых респонденту вопросов у него есть готовое, уже сложившееся мнение. А поскольку в анкетах требуется отвечать на все вопросы без пропусков, то, значит, приходится формировать некоторые мнения «на ходу». С этим связаны разного рода курьезы, когда респондентами начинают оцениваться несуществующие фильмы, книги, люди, товары и т.д. Включая подобные провокационные вопросы, социологи пытаются тем самым измерить степень осведомленности опрашиваемых. К примеру, поместив в список методов контрацепции не существующую «мерлиацию» и мало кому известную вазектомию, можно получить примерно одинаковые ответы об «эффективности» этих способов, последний из которых означает стерилизацию. В итоге выясняется картина слабой информированности населения о насущных проблемах, дополняемая представлением о действительно имеющем место процессе формирования мнений при заполнении анкеты.

Любая анкета представляет собой больший или меньший по объему свод головоломок, кроссвордов и ребусов, которые приводят в действие всю систему диспозиций, но прежде всего блок определения ситуаций, принятия решений о высказывании тех или иных мнений. Каждый вопрос — новая задачка, каждый ответ — результат решения, каждое мнение — продукт активизации установок и ориентаций личности. При опросе человек становится респондентом, т.е. исследователем экспериментальных ситуаций, «решателем» лабораторных задач. Исходя из сказанного, будем различать мнения, формируемые в ходе анкетирования, и мнения, уже сложившиеся до опроса.

В связи с этим инструментарий опроса следует оценивать по соотношению этих двух типов мнений. Чем больше в анкете вопросов о том, личное отношение к чему отсутствует, тем менее профессиональным является исследование. Если опрос направлен на выяснение мнений о демографической ситуации в стране и мире, о методах контрацепции или лечения бесплодия, то надо позаботиться об уменьшении головоломок. Многие не имеют своего суждения о тенденциях изменения института семьи, о демографическом положении страны, о требующихся действиях государства, поскольку это далеко от личного опыта или может даже противоречить ему. Если же изучается конкретное семейное поведение, в котором участники разбираются хорошо, то важно уметь зафиксировать установки и убеждения людей, смещенные в сторону их семейной практики, связанные с невольной защитой привычного опыта семейной жизни.

В социологических опросах на семейные темы следует создавать все возможности для высказывания респондентами имеющихся у них мнений. Сужение зоны этих возможностей вследствие дилетантизма или элементарной предвзятости существенно искажает результаты. На схеме 3.2 показано, что на пути получения надежной информации имеется много препятствий. Социолог должен уметь контролировать все этапы достижения достоверности мнений по степени их адекватности, искренности, возможности выражения и точности фиксации.

Схема 3.2 ориентирована на выявление самого сложного вида мнений — о своем собственном поведении в семье, о семейных взаимоотношениях и о жизненной истории семьи и семейных поколений. (Мнения о семейной политике исключены как менее сложные, поскольку через них не выявляются никакие иные поведенческие феномены.) В нижнюю часть схемы включается все то, о чем высказываются мнения. Этот блок схемы очерчивает семейную реальность, существующую вне всяких научных исследований, и там

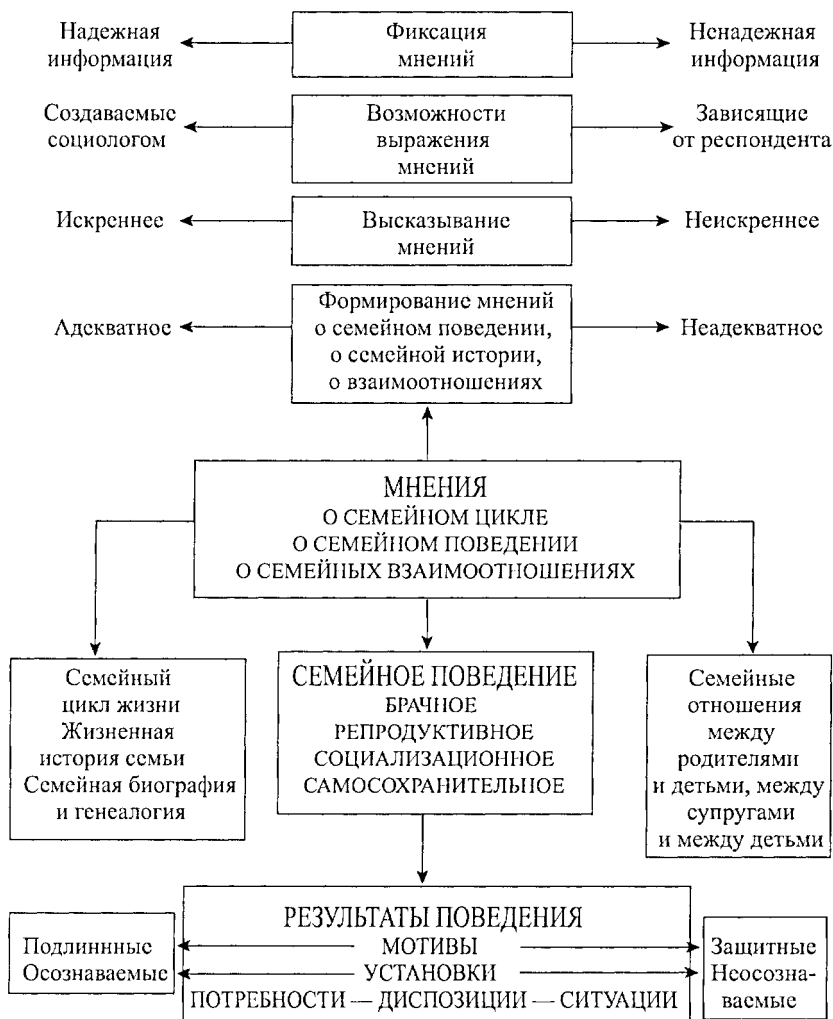

Схема 3.2. Достоверность выявления мнений при опросе

функционируют мнения членов семьи, высказываемые в общении друг с другом и не высказываемые вслух, умалчиваемые («подумал, но не сказал»).

Семья — арена непрерывных интерпретаций, никем специально не фиксируемых с точки зрения их адекватности реальному ходу событий. Проблема достоверности появляется только при специ-

альном исследовании, в жизни расхождение ожиданий с действительными ситуациями оборачивается стрессами, размолвками, конфликтами и т.п. Разумеется, подобный разнобой в интерпретациях лучше всего исследовать с помощью документов разного рода, так как мнения о взаимоотношениях и о своей роли в них смещены в сторону защиты своего Я.

Однако если задача состоит в изучении технологического процесса достижения того или иного результата, если исследовательская задача сугубо инструментальна, то возникает проблема достоверности высказываемых респондентом мнений о тех поведенческих феноменах, которые содействовали полученному результату. Если же стремиться к системному изучению семейных мнений, к выявлению всех мнений, в том числе и внеинструментальных (неверных с точки зрения отображения семейных событий, но интересных именно своей субъективностью), то рассмотрение подобных мнений по критерию достоверности и обоснованности отпадает. Эти мнения оказываются уже достоверными, так как сами по себе важны. Поэтому в схеме 3.2 к ним относятся лишь проблемы измерения по блокам надежности, возможностей выражения и высказывания мнений.

Блок формирования мнений и оценки их с точки зрения адекватности и обоснованности относится только к инструментальным исследованиям. В схеме различаются «защитные» и «подлинные» мотивы поведения. Их нельзя трактовать как ложные и истинные, это область глубинной психологии. Наибольший интерес вызывает при этом защитный мотив, который, согласно польскому психологу К. Обуховскому, содержит противоречие между провозглашаемой целью и применяемыми для ее достижения средствами, так что конкретные действия обнаруживают иную, часто скрытую от самого человека цель¹⁰³. Мотив как побуждение к некоему действию или результату всегда инструментален, и если результат явно отличается от ожидавшегося, то при отсутствии видимых препятствий или усилий по их устранению можно говорить о наличии подспудной цели.

К этому надо добавить, что выдвигаемая цель может быть сколько угодно ложной, иллюзорной, фантастической, но если она есть, провозглашается, то, значит, по успеху ее реализации положено оценивать предпринимаемые действия. Ясно, что, за исключением криминальных и патологических случаев, декларируются социально одобряемые цели (рационализации). Однако фактические действия на самом деле определяются другими целями, осуждаемыми или неприемлемыми лично. Арена семейных интеракций перегружена защитными мотивами и латентно (скрытно) действующими целями.

Поэтому любой опрос на семейные темы чреват столкновением с защитным поведением респондентов.

Например, в интервью о «причинах» различия чисел детей в семьях социолог столкнется с людьми, высказывающимися о своих репродуктивных мотивах защитного и подлинного характера. Как тут быть с адекватным формированием мнений? Возьмем интервью, ориентированное на анализ результата (инструментальная направленность). Здесь важно знать, что действительно побудило к итоговому числу детей в семье, и поэтому все уводящее в сторону следует устранить как неадекватное. Поэтому требуется оценить адекватность мнений о подлинных и защитных мотивах рождения, допустим, троих детей в семье. И необходимо уметь отличить от них неадекватные мнения о тех же подлинных и защитных мотивах.

Это не казуистика и не игра в слова: надо помнить, что не только в обиходе существуют защитные интерпретации, они создаются также ситуацией опроса. Если перед проведением социологического исследования было решено использовать *мнение* как источник информации о репродуктивной мотивации (а не разного рода документы), то, учитывая всю многозначность мнения, следует позаботиться об измерении через сию призму именно того, что надо измерить.

Мотивы выражаются в действиях, а мнения — в словах. Слова о собственных побуждениях не есть мотивы, это мнения о них. Слова о мотивах, написанные в анкетах социологами, — это также мнения, а не сами мотивы. Человек семейный, характеризующийся той или иной мотивацией, высказываемой или умалчиваемой им у себя дома, соглашаясь стать участником опроса, не просто начинает зваться респондентом, он начинает анализировать свое поведение, оценивать себя и членов своей семьи, высказывать мнения. Кто поручится, что мнения домашние и мнения для анкеты — всегда одни и те же? А если это разные в чем-то мнения, то как они различаются, как сделать так, чтобы социолог, продумывая заранее анкету и ситуацию опроса, постарался избежать сильного отклонения мнения анкетного от мнения домашнего об одном и том же предмете?

Понятие адекватности мнения специально вводится для оценки дистанции между формируемым под «ученого» анкетным мнением и домашним суждением. Чем меньше при анкетировании воздействий измерительных средств на респондента, чем меньше неконтролируемых влияний при общении опрашиваемого и опрашиваемого, тем адекватнее формируемое условиями опроса мнение тому, что существует в семье. Но если социолог не заботится об уменьшении деформации мнений под влиянием условий опроса, то как можно считать сформированные (сфабрикованные —

если это делается преднамеренно) ситуацией опроса мнения адекватными тем, что имеются на самом деле?

Обсуждаемая здесь проблема не имеет в социологии общепринятого решения, устоявшейся терминологии. Разные авторы употребляют различные словосочетания, зачастую одни и те же слова скрывают если не противоположное, то далекое от сходства содержание. Крупный специалист в области изучения общественного мнения Б.А. Грушин различает мнение высказанное и мнение действительное. Их несовпадение зависит, во-первых, от общественных условий и свободы выражения мнений в социальной ситуации опроса; во-вторых, от личных качеств респондента; и в-третьих, от возможностей, создаваемых самой процедурой социологического опроса¹⁰⁴.

Неизбежность отклонения мнений «для других» от мнений «для себя» заставляет включить в программу опроса измерение величины и характера этих отклонений. В большинстве учебных пособий по методам социологического исследования излагаются конкретные приемы подобного контролирования. Здесь не место для анализа всех деталей техники опроса, отметим лишь необходимость проведения «пилотажа», пробного или контрольного опроса на небольшой выборке для проверки инструментария. Только пилотаж как специальная форма верификации применяемых методик позволяет оценить (в целях последующей доработки) их надежность. Пилотаж, если угодно, — свидетельство профессиональной чести социолога, хотя, увы, иногда пилотажный опрос оказывается завершающим этапом исследования. Без контроля за воздействием условий анкетирования на сами результаты опроса ученый обречен на «сундучное исследование» — из сундука извлекается ровно столько, сколько вложено самим социологом.

От адекватности мнений следует отличать проблему обоснованности мнений о мотивации, которая связана с выявлением подлинных, а не защитных мотивов. Если социолог не различает защитных и подлинных мотивов, то рискует в своем теоретическом объяснении, к примеру, наличия троих детей в семье использовать защитные мотивы однодетных респондентов, близкие ему по личному опыту. Зная же об опасности применения защитных мотивов к инструментальному поведению, т.е. учитывая риск неверного объяснения результатов поведения, он будет думать о том, как исключить защитные рационализации из массы формируемых процедурой опроса мнений, как создать возможности респонденту для выражения имеющихся у него суждений относительно собственной мотивации (подлинной и мнимой). Другими словами, в опросах, связанных с

выявлением инструментальной мотивации, надо предусматривать процедуры по сортировке мнений, чтобы не вкралась в объяснение защитные спекуляции.

Следует подчеркнуть, что когда ставится культурологическая, экзистенциальная (а не инструментальная) задача изучения всех социально-символических значений, сопровождающих, предположим, репродуктивное поведение, тогда различие подлинных и защитных мотивов снимается. В этом случае любые трактовки своего семейного поведения интересны сами по себе. Если кто-то искренне убежден, что жаждет иметь пять детей, но прекрасно обходится одним, то важно исследовать, какую самосохранительную, экзистенциальную функцию для данного человека выполняет настойчивое декларирование этой цели, которая никогда не будет реализованной.

Феноменологическое или экзистенциальное исследование пытаются найти латентные функции, которые обслуживаются защитными мотивировками. В социологии семьи поиск подобных социально-символических утверждений важен, поскольку защитное поведение личности часто направлено на интеграцию с семьей, характеризуется адаптивной направленностью. Другое дело, что преобладание защитных аспектов поведения в каких-либо семьях может вести (в связи с ригидностью, негибкостью подобной адаптации) к их неустойчивости. Таким образом, в феноменологически ориентированном исследовании в отличие от инструментального совершенно иные цели — установить все феномены поведения в рамках предметной области исследования и определить по ним, какие именно экзистенциальные функции при этом осуществляются. Однако надежность фиксации мнений о данных феноменах контролируется точно так же, как и во всех остальных типах опроса. Между тем обоснованными измерениями мнений окажутся те, которые выявят любые символические феномены, включая и защитные.

Достоверность выявления мнений о самых приватных обстоятельствах человеческой жизни, о семейном поведении складывается из обеспечения социологом обоснованности измерения семейных феноменов, адекватности мнений, искренности их высказывания, возможности выражения и из надежности фиксации мнений. Контролирование всех этих моментов (самым легким из которых является контроль искренности высказываний) производится в соответствии с общесоциологическими требованиями, содержащимися во всех пособиях по методике и технике социологического исследования. Учитывая специфику фамилистических измерений в связи с чрезвычайной интимностью семейных феноменов, следует

привлечь внимание к тому виду измерительных средств, который в отличие от прямых вопросов не способен продуцировать активизацию стереотипно-стандартных ответов (типа «не сошлись характерами» при лобовой постановке вопроса о причинах развода).

Речь идет о проективной технике, о косвенных или обходных путях выявления мнений, минимизирующих самозащиту респондента. Проективные методики разного рода, включая тесты, применимые в выборочных опросах, — вот одно из средств повышения достоверности данных¹⁰⁵. Другое средство — проведение социологического эксперимента, когда он выступает как метод исследования и жесткого контроля одной или нескольких переменных¹⁰⁶. Примером такого рода эксперимента в социологии семьи является многофакторное исследование роли общения, коммуникации супругов в сфере «ограничения рождаемости», осуществленное в Пуэрто-Рико американскими социологами и демографами Р. Хиллом, Дж. Стикосом и К. Бэком (в США демография рассматривается как составная часть социологии, т.е. определяется по роду научного объяснения социальных процессов рождаемости и смертности, а не по методам исследования, как у нас)¹⁰⁷. Наряду с другими параметрами в этом эксперименте измерялось также (не очень успешно, правда, из-за недостаточной разработанности теории репродуктивного поведения семьи в конце 1950-х гг.) влияние инструктирования супругов по методам применения контрацепции на их практику в ходе осуществления эксперимента.

В заключение надо сказать, что практика опросов в социологии и демографии семьи полна примерами составления таких вопросов и вариантов ответов на них, которые провоцируют защитную мотивацию. В статистике мнений о числе детей в семье получили распространение и, невзирая на критику, продолжают широко использоваться так называемые вопросы о «помехах» к рождению детей. Под видом мотивов рождения детей в отчетах используются данные опросов о «причинах», мешающих якобы иметь социально одобряемое число детей в семье.

К сожалению, при этом не учитываются достижения психологии в области изучения мотивации и, в частности, теории «каузальной атрибуции» Фрица Хайдера, гласящей, что в повседневности люди воспринимают любое событие как причинное, т.е. как вызываемое ими самими или зависящее от воздействия окружающей среды. Благодаря трудам Гарольда Келли были выделены два класса атрибутивных ошибок, ошибочного приписывания причин появления каких-либо событий: мотивационные и фундаментальные. Мотивационные ошибки, которые сейчас обсуждаются, выражаются

«в пристрастности суждений личности, например в асимметричных приписываниях результатов деятельности: успех — себе, своим способностям и усилиям, неудачи — трудности самой задачи, обстоятельствам, невезению»¹⁰⁸. Задаваемые в анкетах «статистики мнений о рождаемости» вопросы о том, «что вам мешает иметь детей больше, чем есть», специально подталкивают респондентов признать, что они якобы хотят иметь больше детей и что обычные жизненные трудности будто бы «мешают» им в этом. Это типичная атрибутивная ошибка, вызванная недостаточным вниманием к сложностям мотиваций человеческих действий разного рода.

Кстати говоря, относительно недостоверности подобных вопросов имеются в социологической литературе по методике массовых опросов специальные разъяснения. Например, Элизабет Ноэль, объясняя неправильность постановки вопросов типа «Почему вы еще не купили телевизор?» или (что одно и то же) «Что вам мешает его приобрести?», пишет: «Однако таким образом нельзя получить правильный ответ. Здесь исследователь, чтобы выполнить свою задачу, не может предлагать опрашиваемому вопрос в такой форме. Не вдаваясь в подробности, можно сразу отметить следующие трудности для респондента: мотивы, о которых здесь спрашивается, многими людьми не осознаны, при этом предъявляются слишком высокие требования к наблюдательности и разговорчивости, возможно, затрагиваются также вопросы престижа. Следовательно, для решения задачи необходимо иначе сформулировать вопрос, причем в данном конкретном случае он потребует около 70 анкетных вопросов, которые в целях сравнения необходимо задать...»¹⁰⁹.

Эта цитата из раздела, посвященного тонкостям составления анкет, а именно — переводу исследовательского вопроса на язык респондента. Большинство теоретических задач, волнующих социолога при разработке анкеты, нельзя просто взять и переадресовать респондентам, даже если намечаемый опрос касается таких банальностей, которыми переполнена, например, семейная жизнь. Теоретический (целевой) вопрос не отождествим с анкетным, требуется перевод с языка исследователя на язык исследуемого. В книге Элизабет Ноэль приводится 12 правил, позволяющих избежать ошибок отождествления, но здесь в качестве своеобразного практикума приводится проверка лишь одного из вопросов по этим правилам; читатель сам сможет сформулировать их, анализируя нижеследующий пример. Задача опроса — установить, какая часть населения Гамбурга пользуется общественным транспортом и как часто.

Тут исследовательский вопрос касается известных фактов и легко проверяемых событий, такого типа вопросы не требуют перево-

да на анкетный язык, и потому на все 12 контрольных вопросов дан ответ «нет». Формулировка вопроса такова: «Относите ли Вы к той части населения Гамбурга, которая минимум один раз в месяц использует общественный транспорт — метро, автобус, трамвай?» (Отметим, что формулировка может быть любой и речь идет не о ней, а об удостоверении в том, что перевод исследовательского вопроса, приспособление его к языку респондента в данном случае не требуется.)

Проверка этого вопроса на наличие ошибок, требующих перевода на язык респондента (следует сформулировать 12 соответствующих правил):

1. Трудно понять смысл вопроса?	Нет
2. Вопрос слишком абстрактен?	Нет
3. Требуется слишком большое красноречие для ответа на вопрос?	Нет
4. Необходима значительная наблюдательность для ответа на вопрос?	Нет
5. Предъявляются слишком высокие требования к памяти?	Нет
6. Существует опасность утомления из-за большого объема вопроса?	Нет
7. Может ли возникнуть желание угодить кому-нибудь своим ответом?	Нет
8. Повлияют ли на ответ опасения, страх, недоверие?	Нет
9. Играют ли роль соображения престижа?	Едва ли
10. Носит ли вопрос интимный характер?	Нет
11. Есть ли вероятность конфликта с идеализированным представлением опрашиваемого о себе?	Нет
12. Касается ли вопрос неосознаваемых обстоятельств?	Нет

Практикум. Теперь читателю предлагается определить, какие из приведенных выше 12 вопросов могут получить однозначно ответ «да», если тема опроса будет связана с семьей (причем независимо от того, какие конкретно аспекты семейных отношений и семейного поведения изучаются).

Следующее задание связано с анализом фрагмента одной из анкет об образе жизни¹¹⁰. Первое, что требуется сделать, это оценить, в какой мере исследовательский вопрос переведен на язык респондента, т.е. оценить по 12 контрольным критериям. Далее надо определить, имеются ли в рассматриваемом закрытом вопросе атрибутивные ошибки в соответствии с теорией Хайдера — Келли. Нако-

нец, надо сгруппировать по типам варианты ответов, есть ли среди них те, что активизируют защитные мотивы. Ниже дан закрытый вопрос для оценки:

Если у Вас есть дети, то какие обстоятельства препятствуют увеличению их числа в вашей семье? Укажите от 1 до 3 мотивов:

- профессиональная деятельность
- учеба
- еще успеем приобрести
- матери приходится отставать от жизни
- жилищные условия
- несогласия в семье
- не остается свободного времени
- материальные затруднения
- не с кем оставить детей
- большая нагрузка по дому
- больше не хочу
- имеющимся детям надо дать хорошее воспитание и образование
- трудности с устройством детей в детские сады и ясли
- ухудшилось состояние здоровья
- в наше время не принято большое число детей
- супруг(а) чрезмерно употребляет алкоголь
- считаю себя слишком старой(ым)
- слабое здоровье имеющихся детей (ребенка)
- отсутствие супруга
- *другие мотивы (какие?)*

По теме соответствия исследовательских вопросов анкетным рекомендуется написать курсовую работу на основе отечественных опросов семьи 1960–80-х гг. и определить все встречающиеся «помехи», обобщив их по типам и выделив явно защитные, но также и те, что вызваны свойствами респондента.

Основные положения главы 3

1. Применение системного анализа в социологии семьи позволяет искать и находить системную интеграцию множества интерпретаций семейной реальности. Взаимодействие различных перспектив достигается с помощью принципа взаимной дополнительности научных школ и парадигм. Системный подход очерчивает границы использования понятийного аппарата, предназначенного для описания индивидуального поведения, к изучению семьи как целого.

2. Социологическое исследование является одной из форм реализации системного подхода к семье. Социологическое исследование как разновидность социального отличается от последнего не по каким-то особым методам, а по своему предмету. Для всякого социологического исследования обязательно измерение системы ценностей, потребностей, мотивов и установок респондентов. Теория задает диапазон собираемой и интерпретируемой информации, при работе над теоретическим разделом программы главная задача — описать возможную деформацию данных при выбранных целях и методах исследования.
3. С точки зрения потенциального искажения данных наиболее уязвимым является метод опроса, наименее — анализ документов, тогда как наблюдение занимает промежуточное положение. Социолог при опросе как бы конструирует через анкету изучаемый феномен, документ же существует в жизни и создан не для исследовательских целей. Документ, как максимум, является первичной интерпретацией, поскольку обращен создателем документа к кому-либо. Анкета, заполненная респондентом, и рассказ респондента о своей жизни — это уже вторичная интерпретация, ориентированная на «общество» в лице социолога. Трактовка этих материалов ученым — это уже третичная интерпретация. Методология показывает, как применяются теории в конкретных обстоятельствах, как возникают методики изучения, т.е. как происходит взаимодействие рабочей концепции с приемами конструирования и толкования фактов. Согласно И.С. Алексееву и Ф.М. Бородкину, в социологии, как и в физике, нет классических объектов наблюдения, не зависящих от наблюдателя и от применяемых им инструментов, поэтому в социологии объектом исследования всегда оказывается взаимодействие в системе «объект — условия наблюдения — наблюдатель».
4. При сопоставлении взаимодействий трех методов сбора информации выясняется, что объекты их наблюдения не могут считаться независимыми от условий исследования и исследователя. Вместе с тем классическая трактовка объекта наблюдения скорее относится к документу. В феноменологической социологии все документы есть реифицированные продукты обиходных интерпретаций, поэтому данные статистики, справочников, архивов и т.д. лишь в узком смысле могут считаться «естественными», несконструированными.
5. Следует различать *O*-параметры (явно не зависящие от способа измерения — пол, возраст, место рождения и т.п.) и *S*-параметры, становящиеся измеримыми лишь в момент взаимодействия

условий и объекта наблюдения (мотивы, установки, ценности и т.д.). В статистике мнений о числе детей в семье возможность оперировать цифрами создает иллюзию, будто измеряемая числом детей реальность является классическим объектом наблюдения.

6. В социологии семьи невозможно получить объект наблюдения (ОН) как «объект в себе», независимый от условий наблюдения (УН). Поэтому результаты опросов воспроизводимы лишь на уровне УН–ОН, отсюда описание всех условий исследования в отчетах и публикациях — единственное средство не только проверки, но и понимания анализируемых данных. Большинство отечественных публикаций об итогах исследований семьи не выполняют основного требования — создать возможность другим ученым в другое время и в другом месте получить те же данные и выводы.
7. Имеется четыре типа взаимодействия СН–УН–ОН, которые различаются в зависимости от метода исследования по степени неконтролируемости взаимовлияний и деформации данных. Эта неконтролируемость различна на этапе разработки теоретической программы. Социолог выступает в роли исследователя, так как имеет место наименее неконтролируемое взаимовлияние. При опросе социолог конструирует ОН, а неконтролируемость взаимовлияний и деформаций данных наибольшая. На стадии сбора данных при опросе и наблюдении в сравнении с контент-анализом появляется наиболее неконтролируемый. На стадии анализа данных необходимо соблюдать требование неизменности методик.
8. Наибольшая подверженность метода опроса искажениям данных заставляет понять ситуацию опроса как разновидность социального поведения, когда респондент в зависимости от собственного определения и восприятия исследовательской ситуации формулирует и высказывает мнения о своей семье и своем семейном поведении.

Ключевые термины

Адекватное и неадекватное формирование мнений
 Включенное и участвующее наблюдение
 Возможности выражения мнений
 Искреннее и неискреннее высказывание мнений

Исследовательский и анкетный вопрос
 Классический объект
 Невоспроизводимость системы УН–ОН
 Неконтролируемое взаимодействие объекта и условий наблюдения

Объект исследования	Социальное и социологическое исследование
Объект наблюдения ОН	Социолог-наблюдатель СН
О-параметры	S-параметры
Первичная и вторичная информация	Типы взаимодействий СН–УН–ОН
Первичная — вторичная — третичная интерпретация данных	Типы и виды мнений
Потенциальная деформация данных	Условия наблюдения УН
Проективные методики и тесты	Фиксация мнений

Контрольные вопросы

1. Можно ли считать социологическое исследование системным по своей сути? Системный подход к семье — это системное представление семьи как объекта изучения или это единая процедура интерпретации, согласования данных разных наук (истории, психологии, экономики, биологии и др.)? Если изменения семьи нельзя сводить к чисто биологическим, экономическим и т.п. причинам, то что именно делает объяснение этих изменений собственно социологическим?
2. Какие термины используются в системном анализе для описания семьи как социального института и как социальной группы? Парадокс детерминации настоящего еще не наступившим будущим — может ли он быть снят при использовании системного подхода к изучению семьи?
3. В чем проявляется неразработанность понятийного аппарата системного анализа семьи, почему применяются для описания институциональных феноменов понятия, относящиеся к индивиду или группе? Системное напряжение — что это такое?
4. Может ли оказаться социологическая теория как основа проведения социологического исследования источником деформации данных? Верно ли, что социология — это социологическое измерение реальности? Зависит или нет реальность от процедур социологического измерения?
5. Чем определяется при социологическом измерении естественность и искусственность исследовательского материала, самой реальности? При каком методе исследования конструирование реальности является наибольшим (наименьшим)? Существует ли в социологии семьи объект наблюдения в классическом смысле? При каком социологическом методе неконтролируемые воздействия на результаты исследования выше всего?
6. В чем сходство и различие социографических S- и O-параметров (дать примеры из социологии семьи). Четыре типа взаимо-

действия объекта и условий наблюдения — в каком из трех методов социологического исследования семьи надежность данных наибольшая?

7. Опрос как разновидность социального поведения подвержен больше всего деформации полученных данных, какие взаимодействия элементов диспозиционной регуляции делают метод опроса в социологии семьи самым популярным и ненадежным? Приватный характер семейных интеракций в схеме достоверности выявления мнений супругов ведет к наибольшему искажению информации — в каких блоках схемы? Ошибки атрибуции — что это такое, привести примеры из семейного поведения.

Литература

- Аванесов В.С.* Тесты в социологическом исследовании. М., 1982.
- Алексеев И.С., Бородкин Ф.М.* Принцип дополнительности в социологии // Моделирование социальных процессов. М., 1970.
- Антонов А.* Проблемы измерения репродуктивной мотивации // Развитие населения. М., 1974; Его же: Социологические методы // Демография. М., 1997.
- Бургос Мартина.* История жизни. Рассказывание и поиск себя // Вопросы социологии. Т. 1. № 2. М., 1992.
- Воронов Ю.П.* Методы сбора информации в социологическом исследовании. М., 1974.
- Девятко И.Ф.* Методы социологического исследования. М., 2003.
- Куприян А.П.* Проблема эксперимента в общественной практике. М., 1981.
- Мельникова О.Т.* Качественные методы // Введение в практическую социальную психологию. М., 1994.
- Муздыбаев К.* Психология ответственности. Л., 1983. С. 119–139, 156–181.
- Ноэль Э.* Массовые опросы. М., 1978.
- Обуховский К.* Психология влечений человека. М., 1972. Гл. 1 и 2.
- Плотинский Ю.М.* Теоретические и эмпирические модели социальных процессов. М., 1998, 2003.
- Пэнто Р., Гравитц М.* Методы социальных наук. М., 1972. С. 141–151, 197–247.
- Семенова В.В.* Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М., 1998.
- Страус А., Корбин Джульетт.* Основы качественного исследования. М., 2001.

- Толстова Ю.Н.* Социологическое исследование как измерение в широком смысле. Доклады II Всерос. социол. конгр. Российское общество и социология в XXI веке. Т. 1. М., 2004. С. 124.
- Томпсон П.* Голос прошлого. Устная история. М., 2003.
- Филипсон М.* Теория, методология и концептуализация // Новые направления в социологической теории. М., 1978.
- Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. Т. 2. М., 1986.
- Ядов В.А.* О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.

ПРИМЕЧАНИЯ

⁹⁰ Бихевиоризм — теоретическое направление в психологии, фиксирующее внимание на внешних проявлениях человеческих действий по схеме «стимул — реакция», т.е. исключающее внутренние «пружины» из специального рассмотрения. Предполагается, что различие реакций на один и тот же стимул полностью описывает поведение, и в этом смысле бихевиористский подход считается поведенческим. Здесь бихевиористскими именуется те концепции, которые исключают мотивацию, внутреннее многообразие интерпретаций одного и того же внешнего стимула в зависимости от ценностных ориентаций. Парадигма — термин, введенный Т. Куном для обозначения комплекса научных взглядов и обыденных представлений, присущих в определенные периоды отдельным научным сообществам. Смена парадигм диктует новую постановку проблем и порождает новые теории и подходы, как это, например, произошло с марксистской парадигмой в России в последние годы.

⁹¹ Семья и дети / Под ред. А.И. Антонова. МГУ, 1982.

⁹² *Maddock I.W.* Integrating dialectical and systemic approaches to family theory // Family process, 1988.

⁹³ *Алексеев И.С., Бородкин Ф.М.* Принцип дополнительности в социологии // Моделирование социальных процессов. М.: Наука, 1970.

⁹⁴ *Aries E.* Centuries of childhood. Penquin Books, 1973.

⁹⁵ *Антонов А.* Проблемы измерения репродуктивной мотивации // Развитие населения. М., 1974; Его же: Социологические методы // Система знаний о народонаселении. М., 1976; Семья и дети. М., 1982.

⁹⁶ *Алексеев И.С.; Бородкин Ф.М.* Принцип дополнительности в социологии. С. 43.

⁹⁷ *Мацковский М.С.* Социология семьи. С. 16.

⁹⁸ Там же. С. 14–19.

⁹⁹ *Мельникова О.Т.* Качественные методы // Введение в практическую социальную психологию. М., 1994. С. 183.

¹⁰⁰ *Алексеев И.С., Бородкин Ф.М.* Указ. Соч. С. 46.

¹⁰¹ Там же. С. 46–47

¹⁰² *Ядов В.А.* О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.

¹⁰³ Обуховский К. Психология влечений человека. М., 1972. С. 28–35.

¹⁰⁴ Грушин Б.А. Мнения о мире и мир мнений. М., 1967. С. 252.

¹⁰⁵ См., например: Аванесов В.С. Тесты в социологическом исследовании. М., 1982.

¹⁰⁶ См.: Куприян А.П. Методологические проблемы социального эксперимента. МГУ, 1971; Его же: Проблема эксперимента в общественной практике. М., 1981. С. 99.

¹⁰⁷ Hill R., Stycos J., Back K. The Family and Population Control: A Puerto Rican Experiment in Social Change. 1959. См. подробнее об этом главы по социологическим методам в книгах под редакцией Д.И. Валентя: Система знаний о народонаселении. М., 1976; Демография. М., 1997.

¹⁰⁸ Муздыбаев К. Психология ответственности. Л., 1983. С. 123, 121–125. См. также: Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. Т. 2. М., 1986; Майерс Д. Социальная психология. СПб., 1996. С. 101–115.

¹⁰⁹ Ноэль Э. Массовые опросы. М., 1978. С. 81.

¹¹⁰ Факторы и мотивы демографического поведения. Рига, 1984. С. 284.

Глава 4

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА СЕМЬИ

И мудрый Вольтер сомневался
в ядовитости кофе.

Козьма Прутков

Краткое содержание главы

Исследование жизненного цикла семьи является областью пересечения интересов двух дисциплин — микросоциологии семьи и демографии семьи. Общей задачей для них нельзя не признать разработку такого терминологического и концептуального аппарата, который адекватно представлял бы динамику движения семей от старта к финишу с учетом смерти и развода на всех стадиях цикла. Демографическая статистика стремится обеспечить статистически данными маргинальные, пограничные семейные события, обозначающие переход от одной стадии цикла к другой. Она дает статистическую картину движения всей массы семей (на общенациональном и региональном уровне), но подразделенной по типам, характерным для стадий семейной динамики. Демография семьи осуществляет анализ факторов наступления маргинальных событий, изменения длительности стадий и средней продолжительности всего цикла, создает модели линий или траекторий движения семей, в том числе имитационные, в целях определения тенденций и перспектив жизненного цикла семей. Социология семьи расширяет область анализа семейного цикла благодаря углубленным выборочным исследованиям продольного, или лонгитюдного, характера, направленным

на анализ движущих сил всего многообразия линий и траекторий семейного цикла. Социологический анализ дает социальный портрет наиболее типических форм полноты и неполноты семейного цикла. Социолог изучает судьбы семей в контексте всего жизненного цикла, определяя социальный потенциал расширенных и нуклеарных семей, многодетных и малодетных, стабильных и неблагополучных. Системный анализ реализации этого потенциала по стадиям цикла позволяет найти нормальные и стрессогенные переходы. Именно социологами начата работа по типологии неполноты семейного цикла: а) в связи со смертью членов семьи (вызывающей сиротство, вдовство, бездетность); б) распадом семьи из-за разводов, ведущих к депривации детей от родителей; в) в связи с семейными разлуками — с разделением супругов (вынужденным и добровольным) и с депривацией родителей от детей и детей от родителей, также вынужденной или добровольной. Метод семейных биографий, или жизненных историй, семей позволяет детально изучить причины и последствия той или иной степени полноты цикла, а также подробности жизни семейных поколений.

* * *

Семейные структуры и процессы многообразны, их можно описывать в зависимости от целей исследования и социологической моды как угодно — плюрализм типологий и классификаций бесконечен. Однако этот поток сознания «семьеведов» упорядочивается, когда в фокусе внимания будет жизненный цикл семьи, который как бы стягивает узлом все множество тем и сюжетов. Если семейный цикл оказывается центром микросоциологических исследований, тогда каждое ответвление обретает смысл относительно этого центра.

Сегодня микросоциология семьи тонет в микрокосмосе видов, типов и форм семьи. Какие только семьи не попадают в поле зрения доштных искателей истин — семьи людей различных профессий (геологов, рыбаков, шахтеров, и т.д.), с детьми — одаренными, отсталыми, инвалидами, делинквентами и т.д., с родителями — знаменитыми и не очень, разведенными, приемными, однополыми, верующими и атеистами, богатыми и бедными, наркоманами и алкоголиками и др. В этом перечне точку можно поставить лишь условно, так как критерии, по которым строятся классификации, никогда не иссякнут.

Взгляд на семью с точки зрения ее возникновения, функционирования и распада сразу позволяет обрести точку отсчета. При инструментальном подходе социолога интересует социально-временное пространство событий от начала до конца существования семьи, веер потенциальных путей, открывающихся перед вновь созданными семьями, и неизбежные крушения семейного поезда.

Учет всей массы семей в общенациональном масштабе с помощью статистики больших чисел позволяет не только узнать среднюю продолжительность семейного цикла и наиболее распространенные траектории семейных судеб, но и определить вероятности любых ответвлений, или конфигураций, семейного цикла.

Статистически наполненное знание о стадиях семейного цикла открывает законы микросемейных изменений, что делает будущее каждой семейной когорты (взятой по году заключения брака) в значительной мере предрешенным, поскольку известны все перипетии семейных судеб предшествующих когорт. В этой перспективе становятся более отчетливыми очертания возможных исходов жизненных ситуаций применительно и к отдельным семьям. Конечно, если известно, что половина всех заключаемых вновь браков подвержена разводу и что «период распада», как говорил выдающийся отечественный демограф Б.Ц. Урланис, составляет 10 лет, то это не значит, что из двух пар молодоженов, отправившихся вместе в свадебное путешествие, одна обречена 10 лет спустя раствориться в статистике разводов.

Так понимать статистику разводимости нельзя, и поэтому следует не винить, а изучать демографическую статистику. Знания о семейном цикле сегодня неполны, и ни в одной стране мира, даже с самой развитой статистикой, нет насыщенной демографическими и социологическими данными картины цикла микросемейных изменений. Теоретическая неразработанность концепции семейного цикла не способствует сбору эмпирической информации о всем многообразии цикла и не позволяет пока получить полную картину динамики семей, что было бы равносильно созданию своего рода таблицы Менделеева.

Феноменологический подход к изучению семейного цикла фиксирует внимание на преемственности, повторяемости шаблонов (образцов, паттернов) обыденных интерпретаций при смене семейных поколений. Другими словами, это то, что называют семейными традициями, но сюда надо добавить не только семейные ритуалы разного рода, но также стереотипы, предания, были, мифы и т.п. Следует подчеркнуть, что все неспецифические для семейного цикла аспекты образа жизни (т.е. внесемейные), но так или иначе связанные с циклом семьи, не подлежат анализу. Тем более не относятся к семейному циклу индивидуально-возрастные регулярности (нельзя отождествлять с семейным индивидуальным циклом жизни, даже учитывая семейную фазу бытия).

Примером изучения неспецифических аспектов является анализ социальной мобильности семейных поколений — одна из ос-

новых тем социологического исследования семейных историй. При всей своей важности это все-таки побочная тема по отношению к проблеме стабильности «ядра» семьи (родителей и детей) — его существования как целостности в стихии прибавлений-убавлений размера и состава семьи. В каждой семейной фамилии свой особый стиль общения, свои интерпретации общекультурных ролей, свой непередаваемый для непосвященных язык — именно это составляет предмет внеинструментального изучения семейных судеб. Разумеется, там, где это уместно и возможно, социально-символический анализ прибегает к количественным методам, но в целом феноменологический подход дополняет инструментальный.

Прежде чем перейти к обсуждению методик исследования семейных структур и процессов, следует остановиться вот еще на каком обстоятельстве. Во множестве работ по семейному циклу трудно найти объяснение тому, отчего для определенной последовательности семейных событий применяется слово «цикл», а не «траектория», «линия», «путь» и т.п.

Словарь Ожегова дает два значения слова «цикл»: во-первых, это законченный ряд чего-нибудь (например, цикл лекций или стихотворений), и во-вторых, это совокупность явлений, составляющая кругооборот в течение какого-то промежутка времени (годовой цикл вращения Земли и т.п.). В первом смысле законченного ряда событий семейный цикл изучается в демографии семьи, во втором смысле семейный цикл, если иметь в виду повторяемость событий, также мог бы рассматриваться в демографии, но не используется нигде, кроме, пожалуй, генеалогии семейного рода. Но именно в микросоциологии семьи цикличность фаз, или этапов, приобретает вес и даже прогностическую силу, однако при одном условии — когда семья рассматривается в контексте преемственности поколений и в массе семей. Общенациональный масштаб позволяет сопоставить продолжительность и структуру семейного цикла, допустим в начале и в конце XX в., и убедиться воочию в размахе процесса дробления, нуклеаризации семьи.

Вместе с тем в рамках отдельного семейного клана, рода, фамилии, т.е. в пределах расширенной семьи, можно говорить о цикличности семейных событий. Вновь возникающая в лоне расширенной семьи нуклеарная семья начинает повторять при своем функционировании все то, что уже довелось пережить ориентационной, родительской семье. Кругооборот семейных явлений в случае расширенной семьи налицо: повторяемость циклов «ориентационная — репродуктивная семья» неизбежна до тех пор, пока не прекращает свое существование сама расширенная семья, т.е. пока не обрыва-

ется нить рода-фамилии. Что же касается нуклеарной семьи, то цикла в смысле кругооборота событий тут не наблюдается, идет последовательная смена одних стадий другими, и поскольку известен весь ряд их, то можно ставить вопрос о степени завершенности, полноты таким образом понимаемого семейного цикла, но вовсе не о цикличности событий как повторяемости их в отдельно взятой семье.

4.1. Методология изучения стадий семейного цикла

Источником данных о семье служат переписи населения и текущий учет рождений, смертей, браков и разводов, миграции, а также выборочные обследования разного рода, включая микропереписи. Данные переписей о численности и составе семей являются для выборочных обследований основой оценки ошибок выборки, репрезентативности информации, полученной среди ограниченного объема семей, но распространенной на всю их совокупность. Органы госстатистики, опираясь на материалы переписей и текущего учета, ежегодно расчетным путем определяют численность населения по стране и регионам, состав по полу, возрасту, и др., но не по числу и составу семей: эти данные о семье можно получить только в годы переписей населения.

Перепись 1897 г. была первой и всеобщей переписью населения и находилась при ее подготовке и проведении в центре внимания общественности. Лев Толстой рассматривал перепись населения «как социологическое исследование, которое проводится для того, чтобы вывести законы социологии и на основании этих законов “учредить лучше жизнь людей”». В статье, посвященной московской переписи 1882 г. (с 1860 по 1889 г. было проведено 79 городских переписей), он писал, что для «общества интерес и значение переписи в том, что она дает ему зеркало, в которое, хочешь или не хочешь, посмотрится все общество и каждый из нас». Л.Н. Толстой участвовал в этой переписи и свои впечатления описал в книге «Так что же нам делать?». Большое значение придавал переписи населения 1897 г. великий русский ученый Д.И. Менделеев, который на ее основе написал книгу «К познанию России», опубликованную в 1906 г. и неоднократно переиздававшуюся. Выдающийся русский писатель А.П. Чехов непосредственно участвовал в проведении переписи 1897 г. — руководил группой счетчиков-регистраторов в Серпуховском уезде Московской губернии. Особенно значительной была роль в организации и проведении переписи 1897 г. известного русского ученого П.П. Семенова-Тян-Шанского, который в 1864—1875 гг. возглавлял Центральный ста-

статистический комитет, а в 1875–1897 гг. — Статистический совет Министерства внутренних дел, в ведении которого находилась статистика царской России¹¹¹.

Намеченная на 1915 г. вторая всеобщая перепись не состоялась из-за начавшейся Первой мировой войны. В 1916 и в 1917 гг. были проведены переписи сельскохозяйственного населения, и лишь в 1920 г. удалось провести всеобщую перепись, которая стала первой советской переписью (численность страны 137 млн чел., в том числе горожан — 21 млн). В 1923 г. вместе со Всесоюзной переписью городского населения проводилась также промышленная перепись, а в 1926 г. была проведена охватившая всю территорию Всесоюзная перепись населения (численность населения оказалась такой же, как и сейчас, в конце XX в., — 147 млн чел., тогда как горожан было лишь 18%, а не около трех четвертей, как ныне).

Материалы переписи 1937 г. были сожжены, поскольку численность страны составила 162 млн, а не 180 млн — величины, заранее заявленной Сталиным. Всесоюзная перепись 1939 г. выявила численность на уровне 168 млн чел. при резком скачке горожан с 26 млн (1926) до 56 млн. Такого темпа роста городского населения, вызванного ускоренной индустриализацией, не наблюдалось в Европе и в США (где для удвоения числа горожан потребовалось 60 и 30 лет соответственно). В подобных обстоятельствах возник кризис жилья, тормозивший нуклеаризацию семьи в городах и ускоривший падение детности (наряду с влиянием противосемейной идеологии государства и вопреки еще сохранявшейся у переселенцев из деревни общекультурной ценности семьи с несколькими детьми).

Всесоюзная перепись 1959 г., проведенная через 20 лет после самой разрушительной по людским потерям войны (и разрушительной для реальных, а также потенциальных семей), обнаружила колоссальную разницу в перевесе численности женщин над мужчинами (115 и 94 млн). Разница в 21 млн превысила довоенную (8 млн), причем 14,2 млн перевеса женщин над мужчинами пришлось на брачные возрасты 20–50 лет, что не могло не повлиять на снижение числа браков и семей и на структурное падение коэффициентов рождаемости¹¹². Это сужение возможностей вступления в брак для миллионов женщин не могло не отразиться на таком переопределении этой ситуации, которое сделало приемлемым и распространенным новые формы сексуального и репродуктивного поведения женщин (прежде всего имеется в виду феномен матери-одиночки).

Всесоюзная перепись 1970 г. выявила расширение брачных возможностей женщин (130 млн женщин и примерно 111 млн мужчин),

причем превышение на 18,9 млн уже не включало возрастные группы от 20 до 30 лет, а в возрастах 30–50 лет уменьшилось в 2,8 раза, сократившись с 13,6 млн (1959) до 4,9 млн¹¹³. Общее число семей в СССР в 1970 г. было примерно 59 млн против 50 млн в 1959 г. В общей совокупности семей около 80% состояли из одной брачной пары, причем примерно у пятой части последних не было детей; состояли из двух и более брачных пар 3,7% всех семей, и «осколочные» семьи, вообще не имевшие брачной пары, наблюдались среди 14,9% «семей»¹¹⁴.

Слово «семей» заключено в кавычки, поскольку «осколочные образования» представляли собой различные комбинации лишь из двух компонентов семьи (родительства и родства). Семей в переписях обычно считается «совокупность лиц, проживающих совместно, связанных родством или свойством и общим бюджетом», т.е. совместное проживание и общий бюджет добавляются к родству вместо супружества и родительства, которые как бы подразумеваются, но явно не формулируются. Из общего числа семей 35,4% имели одного ребенка, 26,4% — двоих детей, 17% — трех и более детей, 21,2% семей не имели детей вовсе (если учесть, что примерно 7–9% пар остаются бездетными к концу репродуктивного периода, то две трети бездетных — это еще не успевшие обзавестись детьми).

Перепись 1979 г. обнаружила замедление темпов роста общей численности, а также городского населения. В России увеличилась до 69% доля горожан в общей численности в сравнении с 52% в 1959 г. и 62% в 1970 г. (и до 74% в 1989 г.)¹¹⁵, что также через изменение стиля жизни не могло не сказаться на положении семьи и детей в общей иерархии жизненных ценностей. По переписи оказалось 36,7 млн российских семей со средним размером семьи 3,3 чел. (3,2 — в городе), причем средний размер семьи, имеющей детей меньше 18 лет, был 3,8. На 1000 женщин старше 15 лет приходилось в среднем 1859 рожденных детей, а на женщин, состоящих в браке, — 2038¹¹⁶. Этими показателями исчерпывается статистическая характеристика семей (за исключением данных по составу семьи), что свидетельствует о скудости информации советских переписей.

Перепись 1989 г. оказалась последней всесоюзной переписью, последней еще и в том смысле, что учитывались «семьи», а не «домохозяйства», которые впервые в России стали регистрироваться в соответствии с международной практикой в микропереписи 1994 г. Учет домохозяйств, а не семей позволяет включать в анализ одиночек, поэтому средний размер домохозяйства оказался меньше (2,84), чем средний размер семьи (3,2 в 1989 г.). С точки зрения социологической и демографической интересны семейные домохозяйства

с несовершеннолетними детьми. Таковых оказалось среди всех домохозяйств 46,6%, при этом на одно домохозяйство приходилось 1,6 ребенка¹¹⁷.

Специалисты, изучающие структуру семей с помощью статистических методов (это прежде всего демографы, экономисты и социологи), обращают внимание на важность концепции, положенной в основу той или иной типологии. Концептуальные различия ведут к разнообразию предлагаемых типов не только в выборочных обследованиях, но и в переписях. Первое и классическое обоснование принадлежит Н.И. Воробьеву, написавшему работу по материалам переписи городского населения 1923 г. в Нерехте — одном из городов Костромской области. Под семьей им понималась группа лиц, связанных кровным родством и общностью хозяйства, причем подчеркивалось, что изучать следует фактические семьи с фактически существующими отношениями между их членами. Вместе с тем предлагалось выделять и неполные семьи без одного и даже двоих родителей. Среди полных рассматривались простые семьи (нуклеарные, как сейчас говорят) с одной супружеской четой и сложные (расширенные) с двумя и более¹¹⁸. Демограф И.А. Герасимова считает, «что его тезисы об измерении возраста семьи длительностью брака супружеской пары, о выделении трех этапов развития полной простой семьи — роста, зрелости и распада — нашли подтверждение и развитие в последующих работах демографов»¹¹⁹. Идеи Воробьева оказали влияние на «методологию разработки семейных переписей», на программу переписи 1926 г., как признавал один из ее инициаторов. Наиболее важна мысль об учете динамики семьи, предвосхитившая жизненный цикл семьи.

Все последующие классификации состава семей исходили из попытки совмещения нескольких критериев, а именно супружества (супружеская пара), далее родства (супруги и их родители, дети, а также прочие родственники), наконец, родительства (супруги — дети своих родителей, одновременно сами имеющие детей). Разные конфигурации признаков по этим критериям образуют у разных авторов отличающиеся в деталях типы семей, но основная цель классификации одна: при переписи каждая семья должна быть учтена только один раз в одном из типов.

Важно подчеркнуть общность всех классификаций: за основу семьи принимается нуклеарная, а не расширенная семья (иногда специально оговаривается, что берется младшая супружеская пара), чем признается уход с исторической сцены расширенных многопоколенных семей. Предполагается также, что типология семей учитывает этапы их жизненного развития, поскольку все классификации

начинаются с супружеской пары без детей, потом добавляются дети, и при взрослении их и вступлении в брак появляются новые брачные пары, которые могут отделяться или нет от родительской семьи. Однако неизбежность учета в переписях одиночек и разного рода «осколочных форм», оставшихся после распада по разным причинам полных семей, ведет к тому, что в один и тот же тип могут попасть семьи или «осколочные формы» их, относящиеся к разным этапам семейного цикла. Поэтому при постановке задачи классифицирования семей по супружеским парам и по индивидам, оставшимся вне фактического брака, в каждый отдельный тип семьи попадают семьи разных стадий цикла, а не одной только стадии.

По-видимому, в подобном классифицировании нельзя совместить воедино два измерения — динамическое (семейный цикл) и структурное (состав семьи, определяемый по отношению к главе семьи с учетом пола, родства и брачно-родительского состояния). Здесь наблюдается случай *S*-параметров, невозможности одновременного измерения динамических и структурных характеристик семьи (так же как невозможно измерить одновременно и мотивы поведения, и результаты его). Дополнением к этому классифицированию семей могла бы стать разработка иной типологии семей, где за основу берется семейная динамика, а структурные признаки оказываются как бы вспомогательными.

В этом случае точкой отсчета будет старт семьи, вступление в регистрируемый или фактический брак; затем репродуктивное поведение супругов, предшествующее рождению первенца (протогенетический период, а не признак «супружеская пара без детей»); затем этап расширения семьи за счет рождения детей (репродуктивное формирование семьи по числу детей и интервалам между их рождениями), в дальнейшем расширение семьи за счет женитьбы выросших сыновей (дочерей) и обзаведения их своими детьми (образование расширенной семьи в связи с появлением новых репродуктивных семей и каких-либо родственников супруги(а)); далее стадия сужения в связи с разделением членов семьи: отделением взрослых детей, разводом, разлуками, смертью родителей и детей (финиш семьи). Эти стадии семейного цикла могут измеряться различным образом, но наиболее продуктивным и объективным является измерение по интервалам времени.

В основу изложенного выше подхода к исследованию семейного цикла средствами демографической статистики положено такое развитие семьи, когда из нуклеарной она превращается в расширенную и когда уход основателей расширенной семьи знаменует элиминирование родительской (ориентационной) семьи, т.е. первой из нескольких нуклеарных семей, составляющих сложную, расширен-

ную семью. Конец родительской семьи не означает конца расширенной системы семей. Поэтому имеет смысл различать два жизненных цикла семьи: родительской семьи и порождаемой ею расширенной семьи, которая, в свою очередь, может определяться относительно какой-либо из нуклеарных семей, рассматриваемой в качестве стержневой или корневой (семья сына или старшего сына, как это было в некоторых странах в прошлом). Таким образом, учитывается семейная преемственность, продление семейной фамилии в сменяющих друг друга семейных поколениях. Во всяком случае, в рамках динамического подхода создается возможность измерения семейного цикла как кругооборота семейных событий, а не как завершенного ряда событий отдельной семьи, изолированной от прошлого и будущего.

Однако общепринятое классифицирование состава семей в статистике, пытающееся учесть также стадии семейного цикла, имеет ту особенность, что берет за основу не полную нуклеарную семью, способную обнаружить цикличность, повторяемость семейных событий (т.е. не родительскую семью с детьми несовершеннолетними или вступившими в брак), а изолированную от семейного кругооборота отдельную семью с завершенным рядом нуклеарных событий. Такая семья как бы «застыла» на той стадии семейного цикла, которая была прервана каким-либо событием, связанным с исчезновением семейного ядра «супружества – родительства – родства». Под ядром здесь понимается то, что в статистике именуется брачной парой с детьми. Отсюда исключены пары без детей или же один из родителей с ребенком (детьми), а также все иные комбинации дробления неделимого семейного ядра.

И все, что остается от семьи в этом случае, видимо, уже нельзя именовать семьей или «семьей без семейного ядра». Это будут действительно «осколочные формы», так как полный цикл нуклеарной семьи, взятой за основу, уже закончился, оказался прерванным. Дальнейшая динамика «остатка» от семьи относится к линиям неполного семейного цикла. Если это маленькие дети, сироты, оставшиеся без родителей, то их усыновление образует новую семью. Если же это, допустим, совершеннолетний брат с сестрой-школьницей, то можно подобную остаточную форму рассматривать лишь как родственное домохозяйство. Но, строго говоря, нельзя называть это семьей, раз нет ее неделимого ядра и раз осталось одно родство, объединяющее брата с сестрой (отсутствуют конституирующие семью наравне с родством супружество и родительство, хотя и присутствуют неспецифические для образования семьи признаки совместного проживания и общего бюджета).

В классификациях семей, разрабатываемых для переписи населения, точкой отсчета является типология состава семей, причем динамика развития семьи играет вспомогательную роль. Этапы развития семьи рассматриваются как причины, вызывающие изменения ее состава (при акценте на цикличность стадии жизненного цикла важны сами по себе, а разновидности семей, образуемые при смене стадий, оказываются уже следствиями семейной динамики). Схема цикла нуклеарной семьи обычно такова: брачная пара без детей — с детьми — вновь без детей. Выделение одиночек как бы фиксирует предвосхищение брака и в то же время распад его, один из родителей с детьми подспудно предполагает разделение, развод или вдовство.

Таким образом, здесь названы 4 семейные группировки, пятая группа — это та, в которой члены не связаны прямым родством. Такова типология семей, разработанная И.А. Герасимовой, в которой 5 семейных групп образуют 15 типов семей, причем каждая из разновидностей семей может включать в себя семьи, находящиеся на разных стадиях семейного формирования¹²⁰. В демографии необходимость как-то отличать контакты родительской и репродуктивной семей, локализующихся по своим автономным жилищам и не проживающих вместе под одной крышей, привела к специальному термину (*семейными группами* обозначается подобный союз семей). Изучение семейных групп в Ленинграде обнаружило, что более чем три четверти их состоит из супругов с ребенком и из родителей одного из супругов¹²¹. А.И. Антонов за неимением подходящего словосочетания семейными *группировками* называет все те «осколочные формы», которые образуются при выпадении одного из элементов семьеобразующего ядра «супружества — родительства — родства»¹²².

Разумеется, возможны и иные подходы к классификации семей. К примеру, исходя из задачи жилищного расселения семей была разработана типология из 18 видов семей, где одним из важнейших признаков явилась возможность репродуктивного расширения семьи и где в отличие от переписных классификаций под ядром семьи понималось «воспроизводящее ядро», т.е. наличие брачной пары с репродуктивным потенциалом¹²³.

Исследование жизненного цикла семьи как самостоятельной области в отечественной науке привлекает внимание прежде всего демографов и социологов. Совокупность всех имеющихся семей обычно описывается средними числами размера семьи, пропорциями тех или иных типов в общей структуре и др., но действительно заманчивой является задача как-то охватить всю эту массу семей в целом, в динамике. Специалисты как бы интуитивно чувствуют, что поиск

измерительных средств цикла обещает возможность получения картины движения семьи, возможность определить направленность семейных изменений как института.

Разные авторы выделяют различные подходы к изучению семейного цикла. Так, например, статистик Э.К. Васильева рассматривает несколько путей анализа цикла. Первый путь связан с изучением функций семьи в воспроизводстве населения, формирования семьи; второй делает упор на изучение решающей роли начальных стадий в формировании семьи, третий путь сконцентрирован на прогнозировании семейной структуры, определении вероятности перехода семьи из одной стадии в другую с учетом всего развития семьи, наконец, четвертое направление характеризует собой использование этапов семейного цикла для анализа изменения экономического положения семьи, социальной мобильности и тому подобных неспецифических для самой семьи задач исследования¹²⁴.

И.А. Герасимова выделяет четыре этапа семейного цикла:

1) период роста семьи от образования брачной пары до последнего рождения;

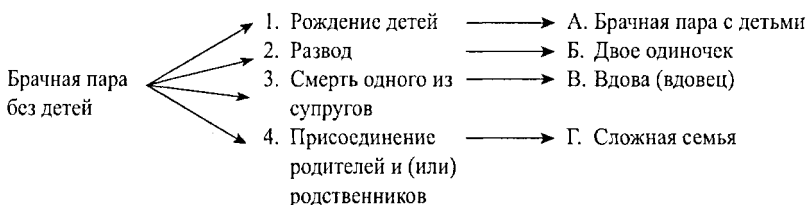
2) период стабильности от рождения последнего ребенка до выделения первого, ставшего взрослым, из семьи родителей;

3) период зрелости, в течение которого все дети выделяются из семьи родителей;

4) период «затухания» от момента выделения последнего из детей до смерти обоих супругов (последнего из них).

Эта модель нормального хода развития семьи наблюдается не у всех семей, и потому особо отмечаются отклонения от этой модели: а) бездетность супругов; б) смерти детей и мертворождения; в) распад супружеской пары из-за смерти или развода; г) образование сложных семей с родством по прямой или боковой линии (отклонением это является относительно взятой за основу нуклеарной семьи)¹²⁵.

Гипотетическая схема развития семьи, начиная с брачной пары без детей, определяется через возможные семейные события 1—4 переходом в соответствующие этим событиям типы А—Г:

Всего выделяется 15 типов, причем к собственно семейным относятся 4 типа на основе брачной пары с детьми (1), с родителями (2), с родственниками (3), с родителями и родственниками (4). Отделение взрослых детей ведет к комбинациям пары с родственниками, а развод и смерть образуют остальные «осколочные формы» семьи.

Разумеется, типологий семейного цикла в демографии имеется много, но проблемой полноты цикла не исчерпывается анализ — возникает вопрос о наличии данных, способных обеспечить картину развития семьи. Метод когорт (или когортный анализ), специально созданный для прослеживания линий изменения любой совокупности индивидов или групп, вступивших одновременно в какое-либо демографическое состояние (в брак, например), перспективен в исследовании семейного цикла. Иногда он называется методом реального поколения (подробно о нем можно узнать в учебниках по демографии, в демографических энциклопедиях и словарях, специальной литературе¹²⁶).

В идеале проведение продольных (лонгитюдных) исследований позволяет проследить всю историю брачной когорты от начала до конца. Но для этого наблюдение надо вести не менее 50 лет, а если взять несколько когорт или когорт нескольких десятилетий (что требуется для изучения семейного цикла в какой-то период времени на общенациональном уровне), тогда подобное исследование окажется неподъемным и для плеяды ученых. Обычно ограничиваются такими отрезками времени, в которых историю когорт можно изучить по семьям, индивидам, доживших до момента исследования. При анализе рождаемости недоучетом выбывших пренебрегают, но при изучении семейного цикла так поступать нельзя (исходя из самой задачи исследования). Поэтому информация о распавшихся браках может воспроизводиться ретроспективно, что накладывает ограничения на точность данных. Трудоемкость метода когорт делает его использование в идеальном виде при анализе семейного цикла практически невозможным.

Чаше всего берут вместо завершенного цикла одной когорты часть семейного цикла, но нескольких когорт и весь цикл реконструируется на основе собранных данных и под влиянием принятой рабочей теории¹²⁷. Подобная реконструкция, связанная с этими и другими ограничениями (например, неконтролируемое влияние миграции в выборочных обследованиях), непременно сказывается на интерпретации изучаемых процессов. Об этой возможности искажения данных важно помнить, ибо когортный метод в демографии иногда объявляется более надежным, чем метод условного поколения (когда данные, например о репродуктивном формировании семьи, усред-

няются и о тенденциях изменения числа детей судят не по реальным когортам браков, а условно по всей совокупности семей).

Однако никакой метод сам по себе (как бы он ни был хорош) не гарантирует обоснованности измерения изучаемых явлений. Только за процедурой теоретического объяснения остается последнее слово. Каждый раз, когда обсуждаются те или иные особенности какого-либо познавательного инструмента, приходится вновь и вновь убеждаться, что и самые надежные приемы имеют свою ахиллесову пятю.

К сожалению, мотивация научной деятельности в сфере изучения семьи и брака не учитывается, хотя стоило бы организовать несколько подобных исследований. Интересно было бы узнать специфику мотивации у представителей альтернативных теорий — и не только в плане материальном. Важно установить, чем определяется принадлежность отдельного ученого к теории большинства, к научной школе, контролирующей международные контакты, связи с правительственными организациями и общественностью. Также важно понять, в какой мере представители научного большинства и меньшинства проявляют интерес к методологии исследования, проверке надежности собираемых данных, обоснованию своей теории, — само количественное преобладание над меньшинством не служит доказательством очевидности пропагандируемых истин.

Если здесь было упомянуто репродуктивное формирование семьи, то следует сказать, что цикличность в смысле кругооборота репродуктивных событий не вызывает сомнений применительно к отдельной нуклеарной семье¹²⁸. Видимо, в связи с этим первые успешные попытки статистического исследования цикличности семьи оказались связанными с репродуктивным циклом, с повторяемостью событий, относящихся к чередованию «коитус — зачатие — роды». Идея исчисления продолжительности репродуктивного периода жизни в браке по возрасту матери в момент заключения брака и рождения детей позволила одному из основателей советской демографии (познавшему на горьком опыте и период ее гонений) харьковчанину М.В. Курману показать, как за 40 лет чрезвычайно резко сократилась длительность репродуктивного цикла семьи, что явилось косвенным свидетельством невероятного за этот промежуток времени видоизменения всей организации репродуктивного поведения. Фактически данные табл. 4.1 убеждают в том, что в условиях массовой малодетности семей (и преобладания однодетности при этом) репродуктивный цикл сокращается до стадии репродуктивного родительства, когда, как правило, рождение первого ребенка оказывается одновременно рождением последнего ребенка.

Таблица 4.1

**Некоторые характеристики стадии
репродуктивного родительства**

Индикаторы	1935– 1940 гг.	1975– 1979 гг.	1995 г.
Длительность стадии репродуктивного родительства от рождения первенца до рождения последнего ребенка	18,8	7,2	2,5
Средний возраст женщины при вступлении в брак	24,0	22,9	22,5
Средний протогенетический интервал	1,9	1,3	1,1
Средний возраст матери при рождении первого ребенка	25,9	24,2	23,6
Средний интергенетический интервал	5,5	4,2	2,6
Средний возраст матери при рождении последнего ребенка	44,7	31,4	26,1
Продолжительность репродуктивного периода от заключения брака до рождения последнего ребенка	20,7	6,7	3,6

Источник: Курман М.В. Динамика среднего числа детей в семье в СССР// Подрастающее поколение. М., 1981. С. 16. Средний возраст матери повысился в 2001 г. до 25,9, а средний возраст женщины при вступлении в первый брак — до 22,8 года.

Практикум: Данные таблицы позволяют самостоятельно определить, что такое «протогенетический интервал» и «интергенетический интервал». Попытайтесь также выяснить, чем отличается «репродуктивный период» от «стадии репродуктивного родительства». Как можно было бы назвать стадию, предшествующую появлению первенца; какие три семейных события позволяют выделить две первые стадии жизненного цикла семьи?

Семейный цикл можно конструировать по разным критериям, но более точно — по последовательности стадий родительства. Вот мнение американского демографа Пола Глика, одним из первых приступившего к использованию понятия жизненного цикла семьи: «От своего возникновения до своего распада семья проходит через ряд стадий... Как правило, семья возникает в момент заключения бра-

ка, семья растет с рождением каждого ребенка. От рождения последнего ребенка до того момента, когда первый ребенок покидает дом, величина семьи остается постоянной. В связи со вступлением в брак детей величина семьи постепенно уменьшается до исходной величины (два человека). Со смертью первого, а затем и второго супруга семейный цикл заканчивается»¹²⁹.

В статье Глика, появившейся в конце 1940-х гг., в эпоху перехода к новой, малодетной модели семьи в странах Запада, понятие семейного цикла относится исключительно к нуклеарной семье. «Именно эта работа Пола Глика, — отмечает американский ученый М. Мэрфи, — считается началом современного использования понятия “жизненный цикл семьи” в демографии и социологии. В своей публикации Пол Глик проанализировал календарь (тайминг) важнейших демографических событий на основе данных переписи населения США. Следует отметить, что идея циклического изменения по возрасту известна давно. Русские социологи-аграрники применяли идею жизненного цикла в изучении крестьянской семьи. К примеру, П. Сорокин выделял четыре стадии: 1 — брачная пара в момент образования; 2 — с маленькими зависимыми детьми; 3 — по крайней мере с одним взрослым ребенком; 4 — стадия отделения всех детей»¹³⁰.

Все вышесказанное позволяет выделить по крайней мере пять семейных событий (а именно заключение брака, рождение первенца и последнего ребенка, отделение от родителей взрослых детей или, что точнее, — рождение первого внука, смерть одного и другого супругов-прародителей), образующих, в свою очередь, четыре стадии семейного цикла. Если взять за основу формирования цикла возникновение брачно-репродуктивной пары, то рождение детей будет характеризовать расширение нуклеарной семьи, а отделение взрослых детей — сужение. Первую стадию вступления в брак и, как правило, зачатия первенца (в большинстве пар, кроме бесплодных) точнее именовать стадией предродительства, а не бездетности. Супруги готовятся стать родителями и сформировать семью в строгом смысле слова, ибо лишь рождение детей превращает брачную пару в семью, мужа и жену — в отца и мать.

На второй стадии появляется первый ребенок и возможно рождение второго и последующего ребенка — в зависимости от потребности семьи в детях. Это — стадия репродуктивного родительства, она может быть короче или длиннее в связи с числом рождений, но лишь в одном случае она не имеет никакой длительности — когда первый ребенок оказывается и последним. Ликвидация стадии репродуктивного родительства при однодетности семьи не означает исчезнове-

ния репродуктивного цикла, так как сводится к «контрацептивно-му циклу», т.е. к предохранению и прерыванию беременности, либо к попыткам лечения возможных нарушений плодовитости.

Вторая стадия дает начало третьей стадии — воспитания детей, которая для многих родителей не кончается никогда, но которую следует ограничить или достижением совершеннолетия (требующим выделения новой стадии цикла, что нецелесообразно), либо моментом отделения последнего из взрослых детей. Задержка этого отделения, допустим из-за отсутствия жилья, продлевает стадию социализации взрослых детей на неопределенный период (в течение которого они могут обзавестись своей собственной семьей).

Явление «затяжной социализации», когда взрослый человек остается холостяком, продолжая жить вместе со своими родителями, будет одной из характеристик этой третьей стадии. Видимо, надо отличать подобную «затяжную социализацию» от той «продолженной», когда из-за учебы или по иным обстоятельствам вступление в брак (рано или поздно наступающее) откладывается.

Появление первого внука превращает родителей-основателей в прародителей, в дедушку и бабушку, хотя это не означает прекращения стадии социализационного родительства, так как в семье могут быть еще несовершеннолетние дети. Этот «перехлест» стадий в связи с малодетностью семьи не может быть распространенным, и им также следует пренебречь. Однако в углубленных исследованиях семейного цикла возможно дробление каждой из стадий на более мелкие части, звенья и фазы. Последняя стадия прародительства длится до смерти супругов.

Описанный выше идеальный вариант семейного цикла лучше всего именовать полным циклом. Все пять событий полного цикла статистически измеримы, хотя это сделать труднее с отделением детей и смертью родителей. Однако приблизительные оценки осуществимы. К примеру, зная, что средняя продолжительность жизни мужчин в России — 59 лет и женщин — 72 года и что состоящие в браке живут дольше разведенных и одиночек, можно условно прибавить мужьям и женам еще 3 года. Тогда, вычитая из средней продолжительности жизни средний (округленный) возраст вступления в брак у мужчин 25 лет и 23 года у женщин, получим примерно 45 лет продолжительности полного цикла семьи. При этом длительность первой стадии 1,1 года, второй — 2,5 года, третьей — если считать до паспортного совершеннолетия от момента рождения первого ребенка, — 14,9 года, плюс период продолженной социализации до среднего возраста вступления в брак 24 года (для нашего условного, приводимого для иллюстрации примера) — 8 лет. Наконец, дли-

тельность четвертой стадии — 19,9 года (причем, начинаясь в среднем в 48–50 лет, прародительство у мужей длится 10–11 лет и у жен 25–26 лет, т.е. роль дедушки в сравнении с ролью бабушки короче в два с половиной раза). К сожалению, трудно оценить (даже очень приблизительно), сколько именно семей из нынешних 40 млн характеризуются полным циклом.

К сожалению, сегодня более половины вновь создаваемых семей неизбежно разведутся, и только одно это обстоятельство не дает основания российской семье в национальном масштабе считать благополучной. Это суждение, правда, распространяется и на некоторые другие страны. Тема развода позволяет далее рассмотреть те семейные события, которые ведут к неполноте семейного цикла. Не все семейные события, сокращающие длительность семейного цикла или влияющие на плюрализм линий семейной жизни, имеют хорошую статистическую базу. Разводы и смерти тут исключение, уже разного рода миграционные перемещения семей и членов семьи не все поддаются успешному статистическому учету. Что же касается многообразия видов и форм семейных разлук, то здесь только выборочные исследования социологов остаются доступным источником необходимых сведений.

4.2. Неполнота жизненного цикла семьи

Если философски взглянуть на события, формирующие семейный цикл жизни, то стадии цикла есть, по сути, экзистенциальные переходы из «ничто» в «нечто», из небытия в бытие и наоборот. Сотворение брака и его разрушение, создание и распад семьи, рождение и смерть — это пульсации жизни, где уходы и приходы наделяются символическим значением. Для многих верующих людей смерть есть всего лишь расставание с этой жизнью и прелюдия к встрече в ином мире. Но разлуки и свидания — не что иное, как ситуации начала и конца интеракции, взаимодействия, общения. Общение существует в чередовании контактов и коммуникаций, в прямых и косвенных актах соединения, близости и разъединения, изоляции. Непосредственное общение имеет колоссальное значение для бытия семьи, ее конституирования в качестве референтной (самой значимой) группы для всех ее членов, но прежде всего для детей.

Собственно говоря, понятие жизненного цикла фиксирует протяженность семейного общения, основной характеристикой которого является непосредственность контактов. Нельзя не видеть разницы между семьями с равным по длительности периодом социализации, но с длительным отсутствием отца в одной из них. Подобные

разлуки супругов могут вызываться самыми разными причинами (сезонная работа, длительные командировки, пребывание в больнице, тюрьме и т.д.) и должны учитываться при анализе семейного цикла. Разлуки и депривации (изоляция) при внешнем сохранении брака резко сокращают пространство контактов — к примеру, в демографии семьи и социологии рождаемости супруги, не состоящие в фактических брачных отношениях два — три месяца, исключаются из исследования. Но если необходимость учета разлук супругов в семейном цикле очевидна, то этого нельзя сказать о разлуках родителей и детей. Более того, подобные депривации в повседневной жизни часто приветствуются общественным мнением (в связи с учебой детей, например), и следовательно, учет таковых разлук на стадии социализации может вызывать сомнения. Тем не менее, для того чтобы довести до логического конца построение семейного цикла, фактически состоящего из разных по длительности стадий семейного общения или их отсутствия, нужно фиксировать долгие разъединения родителей и детей, безусловно сказывающиеся на качестве социализации.

Все семейные разлуки относятся либо к разъединению родителей и детей, либо к разделению супругов. В свою очередь, каждая из этих подгрупп делится на две части: разлуки добровольные и вынужденные обстоятельствами. Будем называть разлучения родителей и детей депривацией (изоляцией от семьи), а разлуки супругов — разделением. Задача состоит в том, чтобы в рамках полного семейного цикла проследить за наиболее распространенными разлуками, определить те неизбежные периоды, когда из непосредственного семейного общения выпадают ощутимо целые звенья. Речь идет о статистически значимых линиях семейной жизни, так сказать, о нормальном ходе событий — все в принципе возможные повороты судьбы не могут быть приняты во внимание.

Изучение неполноты цикла охватывает самые существенные для семьи явления. Ведь полный цикл — это условность, намеренное исключение не только разлук, но разводов и смертей, начиная с первого дня брака. Исследование реального, часто встречающегося развертывания событий требует учета этих феноменов на каждой стадии. В центре научного интереса находится не только та меньшая часть семей, где супруги не разводятся и не умирают ранее этапа отделения взрослых детей, но и та, где разрушительные для целостности семьи ситуации происходят. Вероятности разлук, развода и смерти различны, они меняются по этапам цикла.

Возьмем первую фазу предродительства. Бывает, что на следующий же день после свадьбы бегут разводиться или несчастный слу-

чай прекращает брак. Но вероятность и того и другого незначительна, тогда как на второй стадии цикла возрастает вероятность разводов — пик приходится на 3–4-й годы брака, после рождения ребенка из-за неготовности к новым ролям отца-матери. Вероятность смерти младенца (до года — младенческая смертность, после годовичного возраста — детская смертность, служащая эталоном низкой смертности для всех остальных возрастов) остается еще высокой в России в сравнении с европейским стандартом, тем не менее она ниже вероятности развода. На третьей стадии увеличивается вероятность смерти, особенно для мужей, и уменьшается в сравнении с предыдущей фазой вероятность развода. Наконец, на последней стадии, несмотря на небольшой всплеск разводимости пожилых супругов, начинает преобладать вероятность смерти мужей.

Разводы и смерти создают на разных стадиях многообразие «осколочных форм» семьи. Появляются:

на первой стадии одиночки, побывавшие в браке или овдовевшие;

на второй стадии эти же события формируют одиночек-родителей, но уже с детьми либо смерть детей отбрасывает супругов на дородительскую фазу, возвращая вновь к репродуктивному поведению или оставляя их бездетными и стимулируя (либо нет) усвоение;

на третьей стадии социализации дети по тем же причинам становятся сиротами или лишаются интенсивных контактов с одним из родителей либо, умирая, прекращают стадию социализации и делают невозможными последующие события цикла или побуждают супругов к новым рождениям, а также к разводам;

на четвертой стадии ожидается вдовство одного из супругов и смерть оставшегося, хотя возможны и разводы, и смерти взрослых детей (и даже внуков).

Подобная неполнота семейного цикла также может быть описана статистически и с привлечением данных выборочных исследований, поскольку имеющаяся статистика разводов и медицинская статистика отчасти обладают необходимой информацией (трудно лишь распределить ее по каждой из стадий). Причем события, вызывающие неполноту цикла, могут вести к повторному вступлению в брак или к нерегистрируемым формам брака либо к одиночному родительству. Эти события включаются, к примеру, американскими социологами и демографами в схемы и таблицы, характеризующие семейный цикл, наряду с новыми феноменами, порождаемыми кризисом ценностей семейного образа жизни (например, беременности подростков — тинейджеров, ведущие к рождению детей

либо к абортam). Эти разработки приводятся ниже (см. табл. 4.2 и схему 4.2), но, прежде чем перейти к вопросу воздействия разлук на неполноту цикла, важно подчеркнуть следующее.

Беременности тинейджеров, так же как первичное вступление в фактический брак (в сожителство при наличии детей или без них) и как вне брака осуществляемое матерью-одиночкой рождение или усыновление ребенка (и тому подобные феномены), нельзя считать производными от той или иной неполноты семейного цикла. Это процессы иного класса, характеризующие индивидуальное обесценивание брака и семейного образа жизни, и потому они должны рассматриваться в рамках жизненного цикла личности, а не семьи. Их включение в семейный цикл неправомерно и создает путаницу, так как, например, один и тот же по названию тип — «мать-одиночка» будет относиться и к вдовам, и к никогда не бывшим замужем.

Вышесказанное позволяет чисто теоретически представить схему неполного цикла с учетом воздействия семейных разлук. Разумеется, это усложняет работу, но важно довести до конца идею, положенную в основу жизненного цикла семьи, — идею чередования рождений и смертей, рождений семей и разрушений их, рождений людей и их уходов. Поскольку разлука — это временная смерть, а смерть — это вечная разлука, само временное представление истории семьи по временным отрезкам — стадиям — указывает на необходимость исчисления во времени пространства семейного общения. Оно сокращается при разлуках и прекращается из-за смерти, оно увеличивается в объеме при добавлении нового члена семьи, качественно трансформируется при новом рождении человека.

Именно непосредственность контактов, взаимодействия делает семью особой зоной приватного существования. Семьи, в которых кто-то из членов семьи, из родителей, из супругов постоянно отсутствует, являются семьями номинально. Это «осколочные формы» семьи, в которых временное воссоединение «депривантов» или мигрантов с остальными напоминает зеркало, склеенное из осколков. В мобильной стране выше доля подобных псевдосемей и среди них тех, где высокая частота разлук редуцирует семью до диады мать — ребенок.

На схеме 4.1, разработанной А.И. Антоновым, представлен в варианте А — полный семейный цикл с некоторыми статистическими характеристиками стадий, в варианте Б — неполный цикл в связи с разводами и смертью членов нуклеарной семьи и в варианте В — также неполный цикл, но под влиянием разлук: родителей и детей (депривация), супругов (разделение). В цикле Б неполнота может быть по физиологической причине (смерть) и по социальной (развод), причем эти события касаются всех членов семьи.

Неполнота цикла в варианте В связана с разлуками физиологического и социального свойства. Среди разделений супругов по физиологическим обстоятельствам надо отметить тяжелые заболевания, сопровождающиеся постоянным или временным (но периодическим) пребыванием в больницах. Это — вынужденные, недобровольные виды супружеского разделения, к которым относятся также тюремное заключение, отбывание воинской обязанности в мирное время и призыв в армию в военное время, разного рода эвакуации принудительного характера, например в связи с чернобыльской аварией, а также несчастные случаи, не связанные со смертью и заболеваниями (пропавшие без вести при землетрясениях, наводнениях, войнах и т.д.).

Добровольное разделение супругов характеризуется рядом разновидностей. Сюда включается добровольное разъединение без развода на разные сроки (мнимый или экспериментальный развод); дезертирство одного из супругов, длительные командировки либо сезонные работы и отхожие промыслы, разъединение на время обучения и прочие виды.

Депривация родителей и детей также может быть принудительной и добровольной. Изоляция при разводе добровольна, как минимум, для одного из супругов и вынуждена всегда для детей. Именно введение в семейный цикл депривации родителей и детей позволяет выразить последствия развода для тех, чьи права так часто декларируются, но чье право не только иметь обоих родителей, а жить с ними под одной крышей совершенно игнорируется законами многих, даже самых демократических, стран мира. Право свободы развода для одного из супругов, предпочитаемое законодательствами этих стран правам второго супруга и правам детей на семью, фактически исходит не из интересов семьи и даже не супружества, а из обеспечения индивиду возможности на любой стадии семейного цикла уйти от ответственности, взятой им лично при добровольном выборе супруга и свободно выбранном решении о рождении детей. Законодательное обеспечение свободы выбора любого действия без связанной с этим действием индивидуальной ответственности есть, по сути, законотворческая анархия, утверждаемая законом о свободе развода.

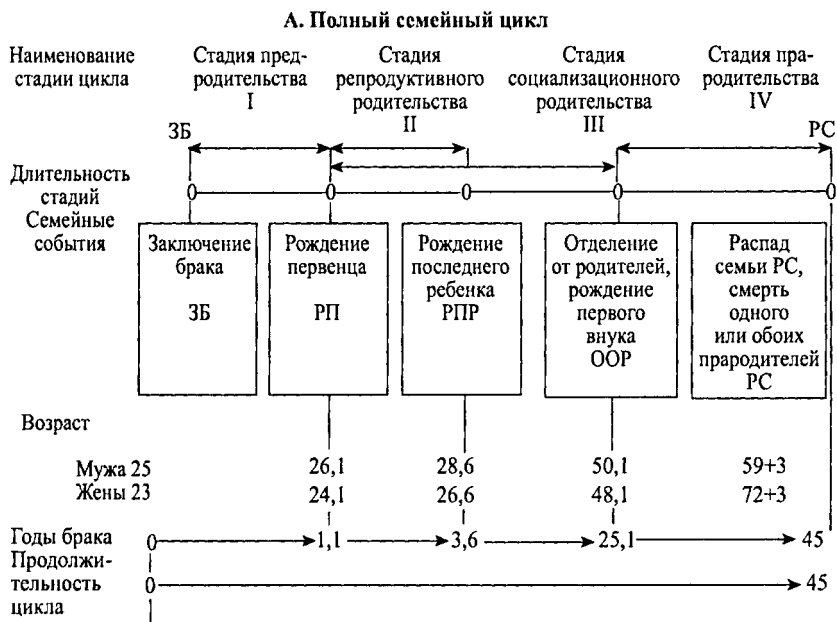
Некоторые зарубежные социологи в связи с этим придумали горькую метафору: в нашем обществе, иронизируют они, правит демократический индивидуализм в мотивах поведения и коммунистический коллективизм в перекладывании ответственности с себя на общество. По отношению к семье современный строй является строем «эгоцентрического социализма» или «коллективистическо-

го капитализма», т.е. каждый может поступать как хочет, а отвечать за это будет не он сам, а все вместе (общественные пособия на детей, содержание брошенных сирот и т.п.)¹³¹. Перекладывание ответственности с индивида по принципу «круговой поруки» на общество особенно заметно в семейном праве, защищающем свободу сексуального выбора не только одиночек или бездетных пар, но и супругов, уже ставших родителями. Алименты при этом выступают в виде штрафа, коим отнюдь не наказываются, а поощряется уставший от перегрузок малодетного родительства свободолюбивый индивидуум, причем в качестве охраняемого законом искателя свободной (от семьи и детей) любви. Защита законодательством открытого в этом смысле брака, а не интересов семьи с детьми, родительства и детства — вот что на самом деле составляет суть пропагандируемой политики «охраны прав ребенка», политики «ответственного родительства» и лишь словесной реализации «социальной защищенности семьи».

Добровольная депривация родителей от детей бывает семейной, не подлежащей учету (в связи с уходом родителей на работу и передачей детей яслям, детсадам, школам, няням, родственникам) и вне-семейной, подлежащей учету (когда родители помещают детей на длительные сроки в школы-интернаты, лицеи, суворовские училища и т.п., чтобы видеться с ними по выходным дням или реже). Еще один вид — учеба в другом городе, другой стране или переезд детей к бабушкам-дедушкам без непосредственного общения с родителями в течение нескольких месяцев и лет. Третий тип — долгая изоляция одного из родителей (или обоих) от детей по причине добровольного разделения супругов и других видов супружеской изоляции (командировки, отхожие промыслы и т.д.). Добровольная депривация детей от родителей имеет специфическую разновидность — побег из дома или дезертирство детей по разным причинам на долгие сроки, что связано, в свою очередь, с беспризорностью, правонарушениями и социальной патологией разного рода. Вынужденная депривация родителей от детей и детей от родителей из-за болезни, несчастных случаев, тюремного заключения и т.п. аналогична супружеской изоляции. На схеме 4.1 изображены все вышеназванные особенности неполноты семейного цикла.

Практикум. Составьте классификацию типов семей по схеме В с учетом описания видов депривации и разделений применительно к каждой стадии цикла. Наложите схему В на схему Б только по вынужденным видам семейных разлук. Укажите самые распространенные сочетания.

Гипотетическая картина изменения семейного цикла в зависимости от разводов и смертности может быть описана статистичес-

Б. Неполный семейный цикл

- Семейные события по стадиям цикла
- ЗБ – Смерть, распад семьи РС-вдовство 1-1
 - ЗБ – Развод, РС, жена беременная 1-2-1, нет беременности 1-2-2
 - РП – Смерть РС-вдовство 2-1, сиротство 2-1-1
 - РП – Развод РС-распад 2-2, депривация 2-1-2
 - РП – Смерть ребенка 2-3, бездетность
 - РПР – Смерть 3-1 вдовство, 3-1-1 сиротство
 - РПР – Развод 3-2, распад 3-2-1 депривация
 - РПР – Смерть ребенка 3-3-1, бездетность
 - РПР – Смерть одного из имеющихся детей 3-3-2
 - ООР – Смерть 4-1 вдовство, 4-1-1 сиротство
 - ООР – Развод 4-2 распад, 4-2-1 депривация
 - ООР – Смерть единственного ребенка 4-3-1
 - ООР – Смерть одного из детей 4-3-2
 - РС – Смерть мужа 4-4
 - РС – Смерть жены 4-5

Б. Неполный семейный цикл

Семейные разлуки:

Разделение супругов – РС, вынужденное – ВРС, добровольное – ДРС
 Депривация родителей от детей – ДЦ, вынужденная – ВДЦ, добровольная – ДДЦ

ДРС – ВРС ДДЦ – ВДЦ ДДЦ – ВДЦ ДДЦ – ВДЦ
 ДРС – ВРС ДРС – ВРС ДРС – ВРС ДРС – ВРС

ЗБ-----1-----РП-----2-----РПР-----3-----ООР-----4-----РС

Схема 4.1. Стадии и события полного и неполного семейного цикла

ки, что позволяет показать различия в семейных судьбах по декадам или по нескольким десятилетиям. Неизбежные различия судеб разных брачных когорт определяются влиянием эпох, которые они застают. Отчасти об этом можно судить по немногим исследованиям, посвященным анализу жизни тех или иных поколений людей. Пожалуй, единственной работой такого плана в отечественной литературе явилась книга Б.Ц. Урланиса «История одного поколения», где рассмотрена и семейная жизнь поколения 1906 г. рождения, к которому принадлежал и автор¹³².

В зарубежной литературе при построении схем семейного цикла и в табличном представлении семейной «карьеры»¹³³ учитываются характеристики полного цикла и неполного (по разводам, смерти, но без семейных разлук). Широкие программы переписей и масса выборочных опросов, например в США, дают возможность достаточно подробно описать на общенациональном уровне шесть обычно выделяемых стадий становления семьи, рождения детей (дошкольная семья, семья с детьми школьного возраста, семья с детьми юношеского возраста, семья с отделением старших детей, стадия построительства, стадия, когда родители остаются одни). Большую работу в этом отношении проделал Р. Хилл с коллегами, обобщив все имеющиеся в США и в мире теоретические достижения, связанные с разработками в области семейного развития и цикла. Была даже построена своеобразная генеалогия научных работ по пяти теоретическим школам: жизненного цикла, теорий человеческого развития, теории социальных систем, теории курса и продолжительности жизни, а также жизненных событий и кризисов¹³⁴.

О значимости разработок по определению модальной семьи с полным циклом стадий и связанных с ними семейных структур можно судить по табл. 4.2¹³⁵ и схеме 4.2¹³⁶.

Хочется обратить внимание на их насыщенность статистическими данными (к сожалению, в современной отечественной литературе, как и в трудах советских статистиков, нет ничего подобного). И дело не в «тощих» программах переписей (не только в закрытости информации вообще) — тут сказывается узкоприкладной либо чиновничий подход, когда теория самого семейного цикла никого не волнует. В приведенной таблице определена средняя длительность каждой стадии и указано число взаимных контактов, определяемых не только размером семьи, но и характеристиками межличностных взаимоотношений.

Большой интерес вызывает схема модального семейного цикла с указанием отклонений от «неповрежденной» семьи в связи с разводами, бездетностью и повторными браками. Такого рода когорт-

Таблица 4.2
135
Стадии семейного развития и связанные с ними изменения семейных структур и функционирования семьи

Наименование	1. Становление	2. Деторождение	3. Школьные годы	4. Юность	5. Переход к отделимому молодежи	6а. Постродительство	6б. Годы уединения
Возраст	М 22-23 Ж 20-21	О 24-30 М 22-28 Д 0-6 Д 0-4 Д 0-2	О 30-37 М 28-35 Д 6-13 Д 4-11 Д 2-9 Д 0-7	О 37-44 М 35-42 Д 13-20 Д 11-18 Д 9-16 Д 7-14	О 44-52 М 42-50 (Д 20-28ж) (Д 18-26м) (Д 16-24ж) (Д 14-22м)	М 52-65 Ж 50-64	М 66-69,3 Ж 64-77,1
Размер	2	3-5	5-6	6	6-2	2	2-1
Число взаимных контактов	1	3-10	10-15	15	15-1	1	1-0
Длительность стадии (лет)	1	6	7	7	8	14	3-13
Стаж брака	1	7	14	21	29	43	43-46
Семейные роли	М (муж) Ж (жена)	М-О (муж-отец) Ж-М (жена-мать) С-Б (сын-брат) Д-С (дочь-сестра)	М-О Ж-М С-Б Д-С	М-О Ж-М С-Б Д-С	М-О-дед Ж-М-баб. С-Б-дядя Д-С-тетя	М-дед Ж-баб.	М-дед Ж-баб.
Задачи развития ЗР — ролевые и возрастные	ЗР мол. взрс.	ЗР родительства ЗР мал. ребенка ЗР ребенка ЗР предотрочест.	ЗР родительства ЗР мал. ребенка ЗР ребенка ЗР тинейдж.	ЗР родител. ЗР ребенка ЗР предотр. ЗР мол. взрослых	ЗР праародит. ЗР родител. ЗР тинейдж.	ЗР построд. ЗР праарод.	ЗР праарод. ЗР старых
Основная цель семьи	Адаптация к жизни брачной пары	Реорганизация пары вокруг нужд малыша и дошкольника	Реорганизация семьи к расширению связей детей со школьниками	Перестройка семейных уз на большую свободу и ответственность	Реорганизация семьи в союз равных	Реорганизация семьи вокруг забот брачной пары — стратегия отчуждения	Ослабление связанности с другими

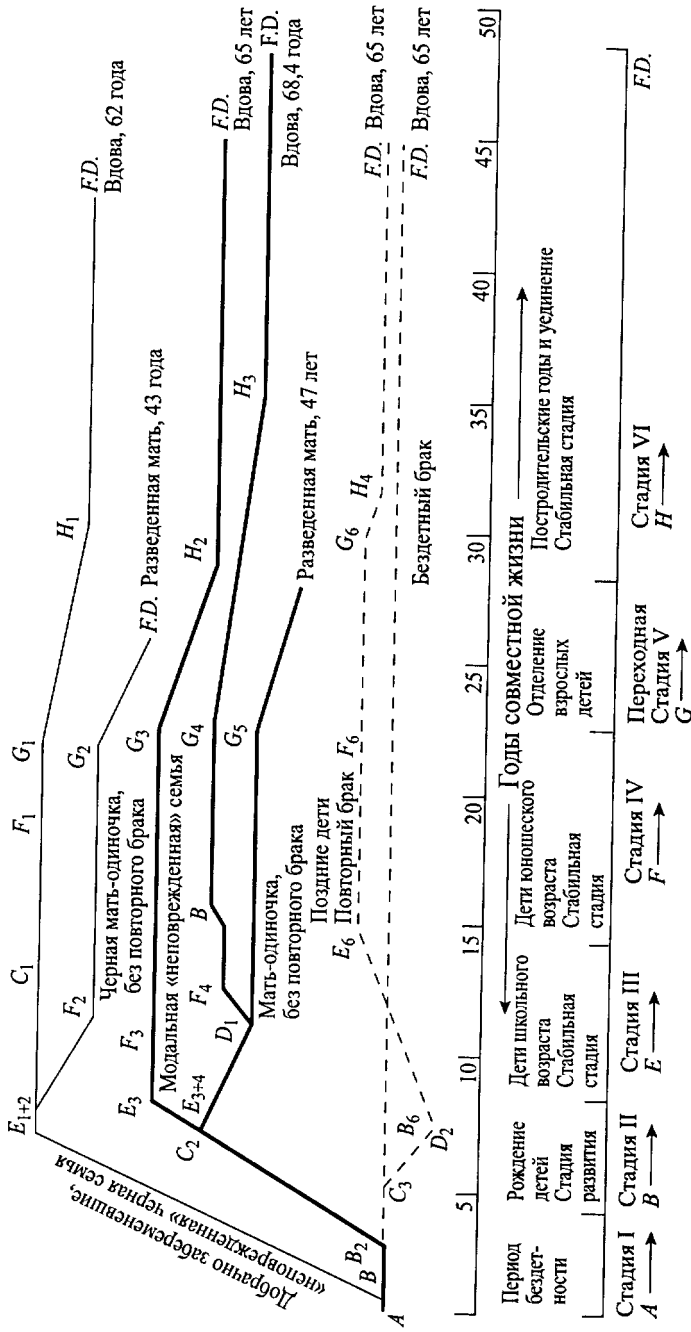

Схема 4.2. Фазы семейного развития модальной («неповрежденной») семьи и нескольких дивергентных типов по данным репродуктивных когорт женщин 1900–1949, США (согласно Р. Хиллу и П. Мэттигну)¹³⁶

ный анализ позволяет зафиксировать многообразие семейных изменений, цикличность «семейного развития». Согласно Хиллу и Мэтгисиху, семейное развитие есть процесс структурной дифференциации и трансформации, осуществляющийся в ходе всей истории семьи и относящийся к активному основанию или избирательному отвержению ролей, порождаемых семейными позициями в зависимости от успеха реагирования на функциональные требования системы семьи и от адаптации к жизненным стрессам, вызываемым семейной цикличностью. В этой дефиниции подчеркивается, во-первых, организационная, интеракционная суть семейного развития, во-вторых, связанность всех проявлений семейного поведения через семейную карьеру или историю, в-третьих, указаны источники семейных изменений: функциональные требования системы (задачи семейного развития) и цикличность жизненных стрессов¹³⁷.

Следует пояснить, что организационные свойства семейного развития — это способность семьи как системы дифференцировать свою структуру с течением времени в связи с возникающими ролями и изменениями потребностей семьи на каждой стадии. Три элемента семейной организации появляются или исчезают в ходе осуществления семейной истории или карьеры: люди, роли и паттерны (образцы) организации или взаимодействия. Образцы взаимодействия семейного цикла лучше именовать образцами транзактного (переходного от стадии к стадии) изменения, так как они воплощают в себе ту или иную приспособленность, готовность к изменениям в связи с требованиями семейных членов и общества, но в строгом соответствии с имеющимися у семьи ресурсами на каждой стадии цикла.

Задачи семейного развития как первый источник смены стадий включают в себя задачи, связанные с физическим и моральным сохранением, социализацией, социальным контролем, а также с появлением или выбытием членов семьи. Второй источник — это преодоление стрессов, неизбежно возникающих при осуществлении цикла, это кризисы семейного развития в точках перехода, смены стадий, требующие перегруппировки семейных ресурсов, активизации действий семьи как целого. Стрессовое событие снижает уровень достигнутой устойчивости семьи и восстановление этой стабильности за счет внутрисемейных трансформаций наличных ресурсов. Транзактные стрессы сопряжены с тремя исходами: с возвращением на прежний уровень устойчивости, с переходом на более высокий или пониженный уровень стабильности. Социолог Рона Раппопорт еще в 1963 г. ввела понятие «нормально-критические переходы», когда семейный цикл развертывается через последова-

тельность кризисных событий вхождения в брак, первого родительства, депарентализации (прекращения родительства), отделения детей, отчуждения стареющих родителей, их отстраненности и распада семьи.

Именно рост стрессогенности в связи с этими семейными событиями на фоне других, менее напряженных, оказывается дополнительным, если не основным, аргументом придания этим событиям статуса пограничных, маргинальных между соседними стадиями цикла. Конечно, с точки зрения семейного стресса подобных событий можно выделить больше и сам выбор этих «болевых» точек вызывает сомнения. Например, почему выделяется только первое родительство, а не второе, третье — не совсем ясно, хотя что подразумевается при этом, понятно (как в одном бытовом анекдоте из семейной жизни: когда первенец проглотил вишневую косточку, родители бросились в больницу промывать ему желудок, а когда второй чуть не подавился, они даже не обратили внимания на это). Однако вышеназванный перечень кризисных событий в основном совпадает с теми, что отделяют одни стадии от других. Вместе с тем в пределах отдельной стадии возможен целый ряд стрессовых ситуаций. Ниже приводится их список, полученный в одном из исследований, и студентам предлагается в порядке практического задания определить стрессы, относящиеся к семье, и сгруппировать их по стадиям цикла.

Практикум. Шкала уровня социальной реадaptации (стрессовые ситуации даны в соответствии со средней оценкой по опросу Холмса и Рейх (1967))¹³⁸.

• Смерть супруга(и)	100
• Развод	73
• Разъезд супругов	65
• Уголовное дело, приговор суда	63
• Смерть близкого родственника	63
• Травма или болезнь	53
• Замужество/женитьба	50
• Увольнение с работы	47
• Примирение в браке	45
• Уход на пенсию	45
• Ухудшение здоровья кого-то из близких	44
• Беременность	40
• Сексуальные проблемы	39
• Прибавление в семье	39
• Приспособление к новым условиям бизнеса	39
• Изменение материального положения	38

• Смерть близкого друга (подруги)	37
• Переход на другую работу	36
• Семейные ссоры стали чаще (реже)	36
• Заем или кредит свыше 10 тыс. долл.	31
• Приближение срока закладной	30
• Агрессия	30
• Длительная болезнь родственника	30
• Наркомания или СПИД в семье	30
• Изменение обязанностей на работе	29
• Сын или дочь покидает семью	29
• Ссоры с родственниками мужа/жены	29
• Выдающийся личный успех	28
• Супруг начинает/бросает работать	26
• Начало/окончание обучения	26
• Изменение условий проживания	25
• Изменение личных привычек	24
• Неприятности с начальством	23
• Изменение распорядка и условий работы	20
• Перемена места жительства	20
• Смена учебного заведения	20
• Изменение привычных условий отдыха	19
• Перемены в религиозной активности	19
• Перемены в социальной активности	18
• Заем или кредит менее 10 тыс. долл.	17
• Изменение режима сна	16
• Семейные праздники стали чаще/реже	15
• Изменение режима питания	15
• Отпуск и рождественские праздники	13 и 12
• Незначительные нарушения закона	11

Примечание: Русский перевод дан по: Психодрама — вдохновение и техника/Под ред. П. Холмса и М. Карп. М., 1997. С. 223–224.

Теория семейного стресса, интенсивно разрабатываемая в настоящее время, не только имела психофизиологические корни, но была также продиктована необходимостью соединить внешние воздействия среды на семью с ее внутренними импульсами семейной динамики. В теории *ABC-X* семейного кризиса Р. Хилл осуществил применительно к семейному циклу подобное соединение внешних и внутренних влияний. Теория *ABC-X* хорошо описывает возможности семьи по приспособлению к стрессовым ситуациям, поэтому она часто используется как фундамент практической социальной работы с семьями.

Так, Барнхилл и Лонго пришли к выводу, что семьи, нуждающиеся в социальной поддержке, как правило, являются теми, кто задержался на старых паттернах адаптации к стрессам, кто не смог выработать новых средств нейтрализации стрессов на новой стадии цикла¹³⁹. Поэтому смысл семейной терапии, в активизации потенциала семьи по выработке адекватных средств купирования новых стрессов, а не в поиске индивидуальных особенностей членов семьи, способствующих семейной напряженности. Циклическое (или стадийное) мышление применительно к семейной терапии позволяет утверждать, что присущее людям свойство воспринимать все внешние обстоятельства сквозь призму межличностных чувств и, значит, сквозь призму эмоциональной напряженности — не вечный атрибут общения. Теория семейного цикла прогнозирует неизбежность стрессов как нормального проявления смены стадий и тем самым указывает на истинную причину семейных конфликтов.

Большинство семей сами могут справиться с кризисами стадий или со стрессами цикла, а остальным действительно нужна помощь. Причем терапия во главу угла ставит семью в целом, а не отдельного члена семьи. Многие клиницисты, не учитывающие перспективу семейного цикла, ориентируют свою практику на психотерапию индивида, а если и прибегают к групповой психотерапии, то лишь как к приему воздействия на поведение индивида.

Вместе с тем практика социальной работы с семьями алкоголиков, например, показывает что циклический подход здесь наиболее перспективен. Хронический алкоголизм сам по себе развивается по стадиям, продолжителен и, накладываясь на семейный цикл, тормотит его нормальный ход, возвращая семью к уже пройденным этапам. Даже успешное излечение алкоголика — члена семьи, не связанное с терапией, избавляющей семью от задержки, «зацикливания» на предшествующей стадии, может вернуть бывшего алкоголика в семью, где все паттерны семейного общения остались прежними — ориентированными на актуальный алкоголизм, и потому эта инерция семейного поведения начнет, как это ни парадоксально, превращать «закодированного» пациента вновь в «алкаша». Этот пример позволяет увидеть, что методология циклического подхода к семье предполагает и адекватный метод исследования — лонгитюдный анализ (в демографической статистике это продольный анализ, тогда как поперечный анализ фиксирует на момент исследования структуру и статику изучаемого явления). В чистом виде лонгитюдный метод применяется к изучению семейного развития или семейной истории крайне редко, так как требует сбора данных об одних и тех же семьях на протяжении многих лет, что крайне дорого и трудоёмко.

Поэтому иногда прибегают к квазилонгитюдным исследованиям, охватывающим не полный семейный цикл, а лишь две-три стадии и не все наблюдавшиеся первоначально семьи, а какие-то части исходной совокупности. Чаще всего применяется ретроспективный метод, сочетающий поперечный срез, «фотографию» объекта наблюдения с гипотетическим выяснением (посредством опроса) обстоятельств, относящихся к предшествующим стадиям. Ретроспективный метод реконструкции прошлого через опрос тех семей, которые вступили в брак, допустим, 10 лет назад, при строгом контроле судьбы всех семей, не устоявших в борьбе с «жизненной энтропией» и распавшихся, называется еще экспериментом после свершившегося факта («*ex post facto*»).

Поперечные исследования, отмечают Мэтгисих и Хилл, оперируют данными, относящимися к той стадии семьи, которая имеет место на момент сбора информации, и потому они часто говорят больше о специфическом состоянии семейного поведения отдельных когорт, чем о всех изменениях семейного цикла в целом. Но обобщая данные многих исследований поочередно по каждой актуальной на момент «фотосъемки» стадии цикла, можно получить в итоге целостную и детальную картину основных линий или карьер семейной динамики. В поперечных исследованиях надежность ретроспективных мнений проверяется при сравнении данных о семьях, находящихся в актуальных стадиях цикла, с данными об этих стадиях, полученных ретроспективно.

Обобщение данных применительно к семейному циклу в целом показало, что по множеству инструментальных и экспрессивных характеристик брака, учитывающих внешние связи семьи и внутренние аспекты семейной структуры, выявлено от старта брака до его финиша изменение семейной организации от простого к сложному и от сложного к более простому. Подъем и падение этой интеракционно-структурной сложности семьи идет параллельно качественным изменениям в ценностно-мотивационной сфере, а также сокращению объемов времени, энергии и ресурсов, присущих стадии зрелости¹⁴⁰.

Следует подчеркнуть, что недостатки концепции семейного цикла, обычно отмечаемые критиками, большей частью относятся к модели полноты цикла. Но упрек в игнорировании всего разнообразия семейных карьер снимается введением модели неполноты жизненного цикла семьи, где учитываются наиболее распространенные (в связи с разводами и смертью, а также с разлуками) линии цикличности. Внебрачные и внебрачные подобию или имитации семейности не подлежат, строго говоря, социологическому исследованию, так как вовсе не входят в семейное многообразие, впрочем,

как и «осколочные формы» семей. Поэтому все попытки критиковать циклический подход с точки зрения индивидуального жизненного цикла не стоит принимать всерьез, ибо редукция семейного цикла к индивидуальному означает крах семьи — расширение плюрализма семейного цикла за счет включения альтернативных семье форм человеческого общежития, в лучшем случае, говорит о невнимании критиков к специфической сути семьи или к фантастическому размыванию ее границ.

Перспектива семейного цикла сводит воедино и системно упорядочивает массу исследований феномена семьи. Она, как маяк, пролагает путь в лабиринтах микроскопических семейных опросов и интервью. Далеким друг от друга и несхожим по целям и методам социологические поиски, благодаря контексту семейной динамики и цикличности, обретают свое место и смысл. Насыщение наиболее значимых линий жизненного цикла семьи статистической информацией позволяет в конечном счете заняться имитационным моделированием семейного становления и распада в масштабах семьи как социального института. Теория семейного цикла обладает возможностями органического совмещения микросоциологического и макросоциологического изучения семьи, является тем самым мостом, который, «соединяя несоединимое», достигает цельности без методологических «заклепок».

Вместе с тем идеология семейного развития, динамики семейных стадий предлагает новую систему отсчета для всей социальной политики на общенациональном и региональных уровнях, в том числе для семейной и демографической политики. Семейная политика всех уровней должна учитывать (при общей стратегии укрепления института семьи) стадийность семейного цикла, т.е. тактически приспособлять практические меры к преобладающим в общей структуре семьям той или иной динамики. Например, учет специфики семей, находящихся, допустим, на исходе первой фазы, означает возможность предвидения сроков и степени распространенности приближающихся семейных событий второй и третьей стадий.

Администраторы и политики, особенно регионального уровня, благодаря этому получают в руки систему отсчета для определения структуры населения по жизненному циклу, для учета и планирования потребностей жителей региона в ближайшие годы. В свою очередь, заранее можно подобрать наиболее подходящие для данного населения с его конкретной семейной структурой и динамикой средства решения назревших в регионе социальных проблем и периоды их внедрения в целях наилучшей отдачи и обеспечения удовлетворительного развития региона. Разумеется, эти рассуждения ориен-

тированы на некую идеальную политику, хотя уже и сегодня реальный гуманизм в социальной политике нуждается в учете семейного цикла, в учете смены стадий, чтобы помочь людям с наименьшими потерями осуществлять неизбежные переходы к новым для них (но не для общества) жизненным ситуациям.

4.3. О применении концепции семейного цикла к изучению образа жизни посредством семейных бюджетов

В качестве вспомогательного средства анализа образа жизни в прошлом и в настоящее время циклический подход к семье используется историками, этнографами, экономистами и социологами давно. В первой главе уже говорилось о влиянии Ле Пле на методологию изучения семейных бюджетов дохода и потребления. Его интерес к уровню жизни, к анализу бедных семей привел и к первой в мире классификации стадий семейного цикла: 1) когда дети в семье слишком малы, чтобы работать, и 2) когда родители, оставленные своими взрослыми детьми, стары, чтобы работать.

То или иное понимание семейного цикла присуще всем исследованиям уровня или качества жизни. В нашей стране в советские времена, в 1920-е и 1930-е гг. и в послевоенные годы проводились выборочные обследования быта и благосостояния, а начиная с 1972 г. статистическими органами стали проводиться с интервалом в три года так называемые единовременные выборочные обследования доходов и жилищных условий семей. Результаты этих обследований позволяли составить реальную картину условий жизни, и одновременно на их основе потом создавались «рациональные» по душевому доходу и потреблению семейные бюджеты. Собственно говоря, нынешние «минимальные потребительские корзины» также «рациональны», т.е. исходят из некоего эталона продовольственного и промтоварного потребления, в котором потребление одной «души» не опускается ниже расчетного норматива по отдельным видам товаров.

Средний уровень по всем видам потребления определяют обычно суммой расходов на рациональное потребление, рассчитываемой по абстрактному индивиду или по не менее абстрактной семье. Но эта сумма денег на рациональное потребление, отличающаяся от реальных затрат (в 1960-е гг. рациональное потребление обеспечивалось, если на душу приходилось 100–150 руб. в месяц, в 1970-е гг. — 200 руб. в месяц)¹⁴¹, не приложима к отдельным людям и семьям потому, что методика расчета рационального бюд-

жета ориентирована на гипотетическую структуру затрат и потребностей, выводимую из предполагаемых (в соответствии с общественными идеалами) тенденций поведения больших социальных групп. Сравнение фактических бюджетов потребления индивидов и семей (полученных по средним показателям отдельных социальных групп) с нормативным рациональным бюджетом, по идее, должно было характеризовать степень приближения реального потребления к рациональному.

Подобная процедура сопоставления часто применяется в социальных науках, но здесь следует обратить внимание на то, как конструируется семейное измерение моделей потребления. Стремление выразить потребление семьи через душевое потребление ее членов содержит несколько конвенциональных допущений. Во-первых, за исходную единицу принимается индивид, а не семья. Во-вторых, мистическое превращение индивида в «душу» оказывается имплицитным введением некоей гипотетической суммы или группы индивидов, именуемых почему-то «семьей». В-третьих, подспудно предполагается наличие в условной семье детей-иждивенцев и тем самым пребывание семьи на третьей стадии цикла. Наконец, в-четвертых, постулируется семья с двумя работающими супругами, так как доход семьи складывается из зарплат супругов и не очень существенных добавлений к нему и делится на число душ в семье.

В нынешних условиях нуклеаризации семьи и ее малодетности число семейных душ при наличии двоих супругов прямо зависит от числа детей в семье. Поэтому сама методика исчисления душевого дохода, деления общего дохода на число душ ставит заранее в прямую зависимость друг от друга число детей в семье и доход. Отсюда некоторые ученые начинают искать «прямую» связь между рождаемостью и доходом в реальности, но не находят ее и не найдут, ибо конвенционально введенное (из повседневных представлений) допущение явно противоречит факту обратной связи между детностью семьи и уровнем дохода, наблюдаемому повсеместно (обратная связь в таких странах, как США, обнаруживается не только по душевому доходу, но и по общему доходу семьи). Игнорирование некоторыми экономистами феномена поведения семьи объясняется верой в «прямую» связь. Отказ от рассмотрения схемы регуляции поведения (см. гл. 5), ценностного определения семейной ситуации, образующего фактически обратную связь (объявляемую сторонниками прямой связи «парадоксальной»), создавал в науке своеобразную установку. В этих условиях циклический подход применялся не только ради установления различий социально-экономического положения семей на разных стадиях семейного цикла, но и в целях

выяснения характера зависимости между благосостоянием и числом детей.

«Главный недостаток многих работ в этой области, — отмечают авторы таганрогских исследований материального положения семей в 1960–80-е гг., — заключается в том, что душевой или совокупный доход фиксировался на определенный момент — момент опроса, без учета его динамики по различным этапам жизненного цикла»¹⁴². Задача выявления причинно-следственной связи между рождаемостью и благосостоянием семьи относится авторами к первой основной задаче анализа уровня жизни семьи по стадиям цикла (вторая задача — воздействие общества на благосостояние семьи с учетом стадиальности, третья — учет циклического формирования семьи при прогнозировании семейной структуры населения).

Полученные данные показали, что появление детей в семье вызывает последовательное снижение душевого дохода, особенно в первые 5 лет брака. В следующие 5 лет снижение замедляется, а после 15-летнего стажа семейной жизни начинается рост дохода, наиболее интенсивно заявляющий о себе между 18–20 годами брака, когда начинают зарабатывать и отделяться старшие дети. Следующий рубеж (30 лет семейной истории) — это выход родителей на пенсию, стабилизация материальной обеспеченности в связи с получением пенсии и зарплаты. Только в последние 10 лет брака, после ухода пенсионеров с работы, начинает резко падать доход семьи.

В однодетных семьях снижение душевого дохода непродолжительно, ограничивается первыми четырьмя годами, после чего доход непрерывно растет, особенно перед отделением детей. Для двухдетных семей после первого снижения дохода в связи с рождением первенца идет небольшой период стабилизации имеющегося уровня жизни (в пределах интергенетического интервала), потом до 15 лет брака душевой доход вновь падает после появления второго ребенка. Эта усредненная картина в двухдетных семьях различным образом проявляется в конкретных семьях. Первая траектория изменения дохода между рождениями детей (более половины всех семей данного типа) отличается затягиванием интергенетического интервала и более высоким темпом роста дохода в связи с ростом зарплаты мужа.

Вторая траектория связана со стабилизацией благосостояния и коротким интервалом (менее 3 лет) между рождениями, тем не менее к моменту отделения взрослого ребенка душевой доход этих двух типов семей выравнивается. Однако этот выравненный доход не достигает первоначального уровня дохода при вступлении в брак, даже если в бюджет включается заработная плата работающих сына или

дочери. Факторы снижения дохода превосходят факторы его роста. Падение душевого дохода в связи с рождением детей лишь на 40% компенсируется впоследствии (перед стадией отделения) происходящим по мере увеличения возраста ростом зарплаты. Среди одноподдетных семей большинству хватает этой компенсации для восстановления первоначального уровня, имевшегося при заключении брака. Среди двухдетных семей лишь менее половины восстанавливают первоначальный душевой доход. Ученые при этом зафиксировали одинаковые темпы роста зарплаты супругов в одноподдетных и двухдетных семьях, и поэтому выявленные различия в восстановлении первоначального дохода определяются различием числа детей в семье. В конечном счете был сделан вывод о том, что нет существенных различий в материальном положении одноподдетных и двухдетных семей на разных стадиях семейного цикла жизни и что социально-психологическая ориентированность семей на самую малолетность делает материальный фактор несущественным, второстепенным¹⁴³.

Этот правильный вывод ценен тем, что достигнут не путем непосредственного исследования репродуктивного поведения семьи, а косвенно, через анализ изменения показателей дохода и детности на разных стадиях цикла. Уровень потребности в детях задает итоговое число детей, а условия жизни способствуют либо препятствуют достижению полной реализации этой потребности, но не усиливают и не ослабляют саму эту потребность. Однако данное утверждение не опровергает методологической ценности факта обратной связи между детностью и доходом. Эта связь не парадоксальна, она проявляется во всех методологически четко проведенных исследованиях (поперечных, методом условного поколения), и если затухает, то лишь при отсутствии контроля за влиянием дохода на реализацию самой распространенной среди семей потребности в двух детях. Фиксация обратной связи в поперечных исследованиях говорит не о безнадежности метода условного поколения. Обратная связь указывает на необходимость применения отнюдь не обыденной интерпретации сего факта, а именно процедуры социологического объяснения.

Однако обиходная трактовка связи числа детей и уровня жизни столь сильна, что продолжает проникать в научные труды. Именно нежелание одноподдетных индивидов признать отсутствие у них потребности в двух и более детях (из-за сохраняющихся еще в культуре норм социально одобряемого «на людях» поведения) порождает защитную мотивацию, одной из форм которой являются суждения: «чем меньше детей, тем лучше условия жизни», и потому «создайте нам

условия — и будет выше рождаемость». Никто не планирует ухудшения условий жизни, которое наступает сегодня с рождением детей. Но оно имеет место на протяжении жизненного цикла и отражается в повседневных мнениях. По-видимому, ценность наличия двоих или более детей перевешивает ценность удобства и комфорта, хотя и признается связанное с рождаемостью снижение уровня жизни. Однако это снижение не расценивается как ухудшение качества жизни. Счастье или благополучие как индикаторы качества жизни не редуцируются до размера заработной платы — в этом пункте экономические обследования имплицитно обнаруживают действие социальных норм и ценностей.

Чисто экономически любая рождаемость противоречит рациональной логике современной системы производства и оплаты труда, и если бы человеческое поведение подчинялось только экономическому рационализму, то никаких детей и не было бы. Факт их появления свидетельствует об условности сугубо экономического подхода, а факт их уменьшения в семье до массовой однодетности подтверждает, что репродуктивное поведение решающим образом связано с падением ценности детей и семьи в обществе, с трансформацией всего общества, в том числе и экономической подсистемы.

Наличие в обществе семей с несколькими детьми олицетворяет собой другой менталитет людей, другую систему жизненных ценностей, большинством населения отвергнутых. Однако фактом является их вовсе не мирное сосуществование. Проблемой оказывается агрессивность малодетного большинства в отношении «среднедетного» (3–4 ребенка в семье) меньшинства, которое как бы перечеркивает своим бытием их символ веры, как бы таит угрозу их благополучию. В этой воинственности «большевиков» следует видеть их психологическую несостоятельность. Приписывая «многодетным» и «бескультурье», и «алкоголизм», и т.п., они пытаются дискредитировать истинно семейный образ жизни, наличие которого доказывает, что можно и при многодетности не быть «нищими» и оставаться вполне благополучными.

Бессознательное признание правоты своих оппонентов и тем самым неверие в собственную непогрешимость порождают психологический диссонанс. Согласно теории американского социального психолога Леона Фестингера, стремление к снятию этого диссонанса заставляет вновь и вновь доказывать себе и другим «порочность многосемейности», где «не заботятся» о детях, «лишают их всего необходимого», где «не любят» их вовсе, а «плодят по бескультурью».

Однако в этой «железной» (и потому ржавой) логике есть порочный круг. Когда говорят «дайте мне побольше заработную плату и квартиру, и я вам нарожаю сколько надо», то как бы утверждают

наличие желания иметь детей больше, чем есть. Но это опровергается исследованиями репродуктивных установок (см. гл. 5). Нет никакой потребности «иметь детей больше», поскольку есть сейчас у нас столько детей, сколько хотят. Уже более половины семей не испытывают потребности в двух детях, но при опросах психологически удобнее ссылаться на «помехи» — условия жизни, дескать, мешают. К тому же при ссылках на «помехи» мерещится прямая выгода апелляции к патернализму государства.

При фиксированном душевом доходе чем меньше детей в семье, тем меньше зарплата супружеской пары. Данный «парадокс» выгоден системе наемного труда и государству, выражающему интересы этой системы. Фактическое снижение душевого дохода и зарплаты жены на репродуктивной стадии, возврат через 20 лет семейного стажа к первоначальному душевому доходу семьи (да и то не всех, а примерно двух третей малодетных семей) говорят о безуспешной семейной гонке за экономическим благополучием. Душевой доход семьи на протяжении семейного цикла не ползет вперед, как черепаха, а пятится назад, как рак, однако работающие во внесемейном производстве супруги все время «бегут вперед» — повышают образование, квалификацию, добиваются роста зарплаты и своего должностного статуса, т.е. быстро «бегут», а догнать «рака» не могут. Эмоционально воспринимая эту повседневную «гонку» за статусом, заканчивающуюся возвратом на старт, люди укрепляются в убеждении: «чем меньше детей, тем лучше».

Длительное сохранение этой ситуации на протяжении многих десятилетий ярче всего раскрывает «заботу» государства о семье. Историческое отмирание семейного производства и многодетности семьи в эпоху индустриального капитализма свидетельствует о разрушительном влиянии экономики индивидуального наемного труда на функционирование семьи с детьми. Оно проявляется во всех развитых странах и связано еще с одним интересным экономическим феноменом — переходом от однодоходной семьи (с кормильцем — мужем и отцом, получающим заработную плату, прямо нацеленную на содержание жены и нескольких детей) к семье, где работают оба супруга, каждый получая заработную плату. Здесь заработная плата учитывает возможность воспроизводства индивидуальной «рабочей силы», но не воспроизводства семьи, семейных поколений (прямо это в индивидуальной заработной плате не предусматривается, а косвенно предполагается некое частичное содержание ребенка). Ниже приводится табл. 4.3, в которой дан средний доход семьи в США за последние 40 лет и соотношение доходов в семьях, где жена участвует и не участвует в наемном труде.

Таблица 4.3

**Средний доход семей с супружеской парой в США 1951–1992 гг.
и соотношение доходов в семьях с участвующей или не участвующей
в наемном труде женой
(по данным Аллана Карлсона)¹⁴⁴ (долл.)**

Год	А — жена в системе наемного труда	Б — жена вне найма	Соотношение А/Б
1951	4631	3634	1,27
1961	7188	5592	1,29
1971	12 853	9744	1,32
1981	29 247	20 325	1,44
1991	48 169	30 075	1,60
1992	49 984	30 326	1,65

Примечание: Если соотношение годовых доходов семей А/Б приближается к 1,0, это свидетельство ориентированной на семью экономики, если к 2,0 — гендерной.

Данные этой таблицы демонстрируют наглядно движение системы наемного труда в противоположном от поощрения семьи направлении. Как показано в статье А. Карлсона, рост индекса А/Б до 1,74 в 1996 г. дает четкую связь с ростом разводов, сокращением рождаемости и перемещением заботы об иждивенцах из семьи в социальные службы разного рода. Другими словами, система наемного труда не только далека от «семейной экономики» (с семейной зарплатой), не только не стимулирует семью, но и явно разрушает ее, мощно поддерживая одиночные домохозяйства — идеал «гендерного равенства».

Как известно, одно из очевидных «достижений» советского индустриализма — поголовное вовлечение женщин в государственное производство (примерно 95% всех женщин трудоспособного возраста) позволило ликвидировать однодоходную семью с семейной заработной платой мужа-отца, приравняв его зарплату к индивидуально-рекреационной зарплате женщины. Двухзарплатная система мужа-жены ориентирована на воспроизводство индивидуальной рабочей силы, а содержание детей и забота о них наряду с семьей возлагались на общественные фонды потребления, дошкольные и школьные учреждения, систему здравоохранения. Сегодня лишь немногие семьи с женой-домохозяйкой (семьи бизнесменов, фермеров, военнослужащих и др.) могут служить примером однодоходных семей.

В настоящее время, отмечает А.И. Антонов, экономическая деятельность семей, где оба супруга заняты в наемном труде, не имеет признаков семейного производства в строгом смысле слова¹⁴⁵. В сфере мелкого бизнеса возможно увеличение тех видов деятельности, которые можно отнести к семейному производству, но и здесь ориентация на однодоходное главенство мужа-кормильца не выражена, опросы говорят о предпочтении семьи-партнерства с двумя коммерческими карьерами мужа и жены¹⁴⁶. Схематически можно представить следующим образом экономическую деятельность современной семьи (схема 4.3)¹⁴⁷. Следует различать совокупный доход семьи как номинальную сумму денежных поступлений из разных источников и реальный доход как индекс потенциального при данных условиях уровня потребления.

В России с осени 1992 г. рассчитывается величина прожиточного минимума и среднедушевого дохода, необходимого для поддержания минимальных условий жизни, а также ведется обследование 7,2 тыс. домохозяйств, позволяющее рассчитать черту бедности на семью и как-то учесть стадии семейного цикла. Специалисты отмечают, что бюджетная статистика «скошена» на средне- и низкооплачиваемые группы населения, хотя само выделение этих групп в силу неопределенности нынешней социальной структуры осуществлено неточно. Отдельные расчеты показывают, что на фоне общего падения уровня жизни населения, с ростом семьи сегодня ухудшается структура семейного потребления (падает душевой доход, уменьшается потребление непродовольственных товаров и растет в соответствии со стратегией выживания потребление продовольственных товаров).

Приведем для иллюстрации негативного отношения к семье следующий пример. В начале 1990-х гг. минимальный набор из

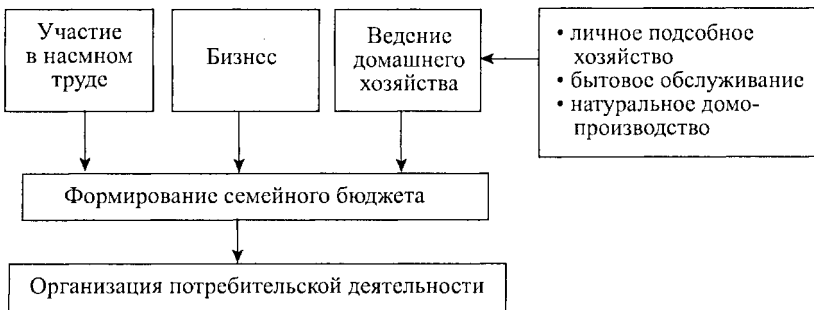

Схема 4.3. Экономическая деятельность семьи

19 продуктов питания, составлявший у нас примерно 70% прожиточного минимума, стоил в США примерно 90 долларов в месяц (при годовом прожиточном минимуме 6 тыс. долл. на одного человека-одиночку, 12 тыс. — на семью из 4-х человек, 16 тыс. — на семью из 6 чел., т.е. прожиточный минимум семьи в США составляет 50% и 44% от прожиточного минимума одиночки). И какие бы экономические объяснения ни приводились специалистами, на этом примере можно в очередной раз убедиться в дискриминации семьи с детьми, заранее планируемой и культивируемой¹⁴⁸.

Под государственным контролем находится не душевой доход семьи, не однопотный его уровень и никакой другой, поскольку для государства в этом отношении семьи нет вообще, как нет учета ее жизненного цикла. Все экономические исчисления в рыночной и плановой экономике ориентированы на индивидуального работника, и это относится не только к обществу централизованного планирования, но и к обществу демократического капитализма. Ориентация на интересы семьи была бы просто «разорительна» для государства, привыкшего эксплуатировать семейный альтруизм, т.е. пользоваться продуктами семейного детопроизводства.

Семейный бюджет времени. Впервые термин «бюджет времени» употребил американский социолог Ф.Г. Гиддингс, который «заставлял своих слушателей в качестве практических занятий вести массовые наблюдения за поведением в течение ряда дней разных лиц с целью определения различных образцов жизни и в зависимости от принадлежности наблюдаемого субъекта к тому или иному социальному слою»¹⁴⁹.

Исследования бюджетов времени в России и за рубежом возникают в 1920-е гг. в рамках изучения бюджета доходов и расходов. В конце 1922 г. при обследовании денежных доходов и расходов 76 рабочих семей впервые был включен по инициативе С.Г. Струмилина вопрос о распределении времени всех членов семьи работоспособного возраста. С тех пор такого рода работа ведется постоянно, а в социологии даже образовалась отдельная отрасль — социология досуга, сосредоточившая внимание на свободном времени. Первую классификацию затрат времени дал С.Г. Струмилин в виде трехсоставной формулы «труд — отдых — сон». В настоящее время чаще всего используется типология Г.А. Пруденского: «рабочее время — внерабочее время», причем последнее делится на внерабочее время, связанное с производством, с домашним трудом, с удовлетворением физиологических потребностей, с собственно свободным временем и прочими затратами¹⁵⁰.

Исследование времени проводилось в связи с выяснением различий его использования в городе и на селе и чаще всего было подчинено анализу труда, а также социальной структуры (но так и не оказалось возведенным в ранг критерия по различению классов и групп советского общества). Вместе с тем популярные в то время обследования быта, включавшие в себя семейную тематику, не смогли в полной мере оценить возможности, таящиеся в измерении семьи по оси времени. Ведь, казалось бы, такое совпадение — семья с ее стадиями жизненного цикла и само время в социальном пространстве — прекрасная цель научного поиска. Методики составления бюджетов суточного, недельного, годового времени сами по себе — почти готовые модели циклического поведения семьи. Но узкоутилитарный подход свел все к подсчетам резервов свободного времени за счет сокращения «бремени» домашнего труда, «мешающего» якобы «всестороннему развитию» личности. В большинстве работ по структурам вне рабочего времени не встретишь попыток взглянуть на домашний труд сквозь призму семейного общения, достижения семейной сплоченности, в разрезе исследования семейных ритуалов и церемоний.

О применении метода изучения времени в исследованиях семьи в советский период можно судить по следующему авторитетному суждению В.А. Артемова:

«Изучение бюджета времени семьи необходимо и с методологической точки зрения. Однако проведенные ЦСУ РСФСР обследования семейных бюджетов времени (в 1959 г. и в 1963 г.) не дали, можно сказать, главного — *бюджета времени семьи*, его зависимости от материально-бытовых факторов, от культурного уровня членов семей. Не проведено даже сопоставления бюджетов времени и бюджетов доходов и расходов. Изучение использования времени в семье приобретает очень большое значение в связи с проблемой семейного и внесемейного общения, разделения труда в семье, воспитательных функций семьи и вообще функционирования и тенденций этой ячейки общества. Следует отметить, что такое направление еще ждет своих исследователей»¹⁵¹.

Конечно, были редкие исключения из общего правила, например таганрогские исследования образа жизни, в которых рассматривалось влияние семей, взятых по стадиям цикла, на различные аспекты жизнедеятельности и где были получены интересные результаты. Например, обнаружилось, что наибольшая активность в посещении кино, театров, музеев, в чтении газет и журналов, в слушании радио присуща брачным парам с детьми (интегральная оценка активности по всем видам в % к максимальной — 100%) и соста-

вила 90%. Наименьшая активность свойственна одиночкам (40%) и бездетным супругам (47%), причем бездетные только в одном случае были активнее, чем семьи с детьми, — в сидении у телевизора¹⁵².

Особо надо выделить обследование нескольких десятков тысяч человек на семи предприятиях в ряде городов России и Украины в 1965–1968 гг., где жизненный цикл семьи стал центральной точкой отсчета в анализе городского образа жизни. В исследовании Л.А. Гордона и Э.В. Клопова дается социальный портрет пяти типов семей, каждый из которых характеризует ту или иную стадию семейного цикла: несемейной молодежи, молодых супругов, родителей несовершеннолетних детей в простых и сложных семьях, пожилых людей. Эти типы семей связаны с комплексом социальных ролей, изменяющихся в зависимости от позиции членов семей на той или иной стадии семейного цикла¹⁵³.

Интересные результаты были получены при сравнении молодых жен и мужей на первой стадии семейного цикла, во-первых, с несостоящими в браке девушками и юношами (добрачная стадия) и, во-вторых, с супругами, ставшими родителями несовершеннолетних детей (вторая и третья стадии). Оказалось, что на первой стадии бездетности молодожены не просто продолжают одиночно-холостяцкий образ жизни; в этот период происходит постепенное превращение зарегистрированного брака в подлинный семейный союз, взаимное приспособление супругов друг к другу, через адаптацию семейных ролей и шаблонов интеракций вырабатывается особая функция образа жизни молодоженов. Меняется структура и смысл домашнего труда, все далее удаляясь от простого самообслуживания одиночек. Потребность «вить гнездо» ведет к домашнему обслуживанию разного рода и к взаимному семейному обслуживанию, что связано с увеличением времени на домашний труд в 1,5–2 раза в сравнении с добрачной стадией.

В этот период растет доля времени на домашний труд в общем объеме эластичных затрат (меняющихся от человека к человеку в отличие от как бы зафиксированных затрат на сон, еду, производственную работу). У молодых жен эта доля с $\frac{1}{4}$ поднимается до $\frac{1}{2}$, тогда как после рождения ребенка — до $\frac{2}{3}$; у мужей соответственно этот ряд цифр таков: $\frac{1}{10}$ — $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{3}$. Увеличивается также время и меняется характер семейно-родственного общения в сравнении с добрачной стадией, где преобладают внесемейные контакты. Хожение в гости растет, занимая половину всех затрат на общение, причем адаптация к новым зонам родства и свойства, символически знаменующая собой, с одной стороны, демонстрацию состоявшейся семьи, а с другой — ее признание и принятие в семейно-родствен-

ных сетях, достигает наибольшей интенсивности на первой стадии в сравнении со всеми остальными. Главную роль в приспособлении к семейности играет внутрисупружеское общение, которое данными бюджетов времени в полной мере не отражается. Косвенно об этом можно судить по склонности к совместным прогулкам молодоженов и по усилению домашней направленности в структуре видов отдыха, развлечений и т.п.

Бюджеты времени нашли применение также в такой важной сфере, как градостроительство. С методологической точки зрения это потребовало разработки среднегодовых бюджетов времени, так как суточные, недельные, месячные и даже квартальные бюджеты не охватывают всех видов городских учреждений и служб, посещаемых обычно членами семей. Реализация подобной потребности, требующая детальных группировок по составу семей, оказалась трудно выполнимой, как это происходит всегда с лонгитюдными исследованиями, в том числе относящимися к наблюдению за целыми стадиями семейного цикла.

Бюджет времени семьи как своеобразная модель повседневного поведения семьи является, в свою очередь, фотографией семейного быта, историческим портретом отдельных семейных поколений, свидетельством организации семейной жизнедеятельности. Чем больше будет таких документированных семейных биографий, тем скорее задача этнографов в будущем окажется связанной с анализом, а не сбором материалов. Однако бюджетам времени предстоит сделать изучение повседневного поведения семьи одним из направлений исследования истории семьи и семейных поколений. Поэтому структура затрат времени должна претерпеть значительные трансформации, коли во главу угла будет поставлено само семейное взаимодействие, семейное общение.

Практикум. Известно, что в советский период время на домашний труд и труд в личном подсобном хозяйстве уменьшалось (например, с 1923 по 1970 г. с 35 до 18 час. в неделю) при одновременном уменьшении времени на уход за детьми и их воспитание с 5,6 до 3,1 час.¹⁵⁴ Необходимо по публикациям в журнале «Социологические исследования» (и других изданиях) выяснить действие этой тенденции вплоть до начала 1990-х гг. Далее, перестройка образа жизни в 1990-е гг. привела и к трансформации структур рабочего и вне рабочего времени. Результаты исследований бюджетов времени, осуществленных под руководством В.Д. Патрушева¹⁵⁵, а также опросов общественного мнения ВЦИОМ¹⁵⁶ свидетельствуют о пятикратном увеличении числа имеющих дополнительную работу, о росте у 40% горожан затрат времени по дому и об уменьшении

у $2/3$ респондентов времени на пользование услугами предприятий быта и коммунального обслуживания. Резко возросла также интенсивность работы большинства населения на земельных участках. Следует в связи с названными тенденциями проанализировать структуру затрат времени на уход за детьми, на их воспитание, найти данные по затратам времени семьи, относящимся к пользованию дошкольными и школьными детскими учреждениями и к новым формам, появившимся в последние годы.

4.4. Методы анализа структур социокультурных ролей семьи и родства (свойства)

При рассмотрении семейного цикла уже приходилось обращаться к структуре внутрисемейных ролей нуклеарной моногамной семьи. Эти роли имеют общечеловеческое значение, наблюдаются во всех известных культурах, и их количество строго ограничено, хотя разные социологи в зависимости от предпочтений называют различные числа. Тем не менее имеется четкий критерий определения полного комплекта внутрисемейных ролей, определения комплектности нуклеарной семьи. Исходя из сути семьи как целостности «супружества — родительства — родства», следует представить все связанные с этим триединством роли. Тогда супружество дает социокультурные роли мужа-жены, родительство — отца-матери, а родство образует в нуклеарной семье в зависимости от числа рожденных детей большее или меньшее число ролей.

В эпоху сплошной малодетности именно двухдетная семья не может не оказаться исходной моделью при изучении ролевых структур. Поэтому к выделенным четырем ролям мужа-жены, отца-матери обычно добавляют еще четыре роли, обусловленные кровным родством родителей и детей, — роли сына-дочери (описывающие отношения детей к родителям) и роли брата-сестры (описывающие отношения детей друг к другу). Именно эти восемь ролей фигурируют как конечный и максимальный набор внутрисемейных ролей нуклеарной семьи. Данный набор, предложенный польским социологом Г. Стасяком¹⁵⁷, не может быть признан исчерпывающим вот по какой причине.

В случае гомогенности детей по полу (два сына или же две дочери) в двухдетной семье происходит не только выпадение двух ролей из набора (при наличии сыновей отсутствуют роли «дочери-сестры», при наличии дочерей — роли «сына-брата»). Появляются новые четыре роли: «сыновья-дочери» и «братья-сестры», которые, из-за того что они во множественном, а не в единственном числе, не

предусматривались изначально. Здесь обнаруживается конформизм самих ученых-семьеведов, для которых безусловной нормой была и остается малодетная семья. Однако полный комплект семейных ролей наблюдается отнюдь не в малодетной семье, а в той, где несколько детей, где есть реальные сыновья и дочери.

Это — многодетная семья с пятью и более детьми, в которой имеется как минимум два ребенка одного пола, и среднететная семья с двоими сыновьями и двумя дочерьми. Определение числа ролей производится наблюдателем, констатирующим что в семье «есть» такие-то роли. Взгляд со стороны совпадает с позицией родителей, которые говорят: «У нас есть дети, сыновья и дочери, и они для себя братья и сестры». Но этот подход не позволяет принять точку зрения самих детей: одно дело, когда в семье только два сына или две дочери и каждый из них лишь может сказать: «У меня есть брат» или «У меня есть сестра». Совсем иное, когда каждый ребенок в семье знает: «У меня есть сестры и братья». Последнее возможно лишь в семье, где трое сыновей и три дочери (среди семей с 12 ролями эта семья самая полнодетная).

Таким образом, учет точки зрения детей (но не «мы братья-сестры», а «у меня есть») ведет к более строгой оценке критериев полноты ролей, исключая среднететные и даже пятидетные семьи из списка полнокомплектных. В настоящее время взгляд изнутри, с точки зрения членов семьи, с позиции семейного ЭГО очерчивается горизонтом малодетности. Поэтому «малодетоцентризм» как образ мыслей по инерции продолжает использовать лингвистические конструкции «дети», «сыновья», «сестры» и т.п. лишь в собирательном смысле — по отношению ко всему населению, в котором, увы, большинство семей практикуют однодетность.

Тем не менее комплектность ролей определяется здесь с позиции внешнего наблюдателя («в семье есть...»), т.е. по ослабленному критерию. Полный комплект внутрисемейных ролей нуклеарной семьи с несколькими детьми включает в себя 12 ролей, комбинации которых по размеру семьи и числу детей образуют 21 тип семейной структуры по комплектности ролей (схема 4.4). Как видно из схемы, полный набор ролей наблюдается, начиная с пятидетной семьи при наличии не менее двоих детей одного пола, и в случае четырехдетной семьи с двоими сыновьями и двумя дочерьми.

Состав и число внутрисемейных ролей в зависимости от числа имеющихся детей формируют все разнообразие ролевых структур, каждая из которых отличается специфическим «качеством» ролевого общения в семье. Схема показывает, что именно рождение детей делает семью семьей и что оскудение структуры очевидно в типах 19–20 (однодетная семья) и 21 (бездетная пара).

Тип семьи	Размер семьи	Число детей	Число детей	Разновидность ролевой структуры	№ типа семейной структуры
Многодетная семья	7	5	12 ¹	3 сына, 2 дочери	1
				3 дочери, 2 сына	2
			10 ²	4 сына, 1 дочь	3
				4 дочери, 1 сын	4
			8 ³	5 сыновей	5
				5 дочерей	6
Среднедетная семья	6	4	12	2 сына, 2 дочери	7
				3 сына, 1 дочь	8
			10	3 дочери, 1 сын	9
				4 сына	10
	8	4 дочери	11		
		5	3	10	2 сына, 1 дочь
	2 дочери, 1 сын				13
	8	3	8	3 сына	14
				3 дочери	15
	Малодетная семья	4	2	8	1 сын, 1 дочь
2 сына					17
2 дочери					18
3		1	5	1 сын	19
				1 дочь	20
				Муж, жена	21
Супружеская «семья»	2	—	2		

¹ Полный набор ролей: отец, мать, муж, жена, сыновья, дочери, сын, дочь, братья, сестры, брат, сестра.

² Нет ролей: дочери, сестры или сыновья, братья.

³ Нет ролей: дочь, сестра, дочери, сестры или сын, брат, сыновья, братья.

Схема 4.4. Комплектность внутрисемейных ролей в нуклеарных семьях с двумя родителями

Источник: Антонов А.И. Молодая семья. М., 1977. С. 24.

Все интеракции, какие только возможны в однодетной семье, покоятся на «обескровленной» социокультурной основе, и поэтому плюрализм контактов здесь невозможен. Наличие минимального размера семьи — трех членов семьи (двоих родителей и одного ребенка) и наименьшего числа ролей упрощает социокультурное общение до предела. Отсюда огромная нагрузка падает на межличностные роли, на необходимость созидания богатства семейного общения, чтобы как-то компенсировать скудость социокультурных ролей.

Если учитывать число возможных интеракций (взаимных контактов, а не односторонних действий), то окажется, что в супружеской паре всегда одна интеракция по размеру «семьи», одна по числу социокультурных ролей и ноль по контактам с детьми. Обычно расчет ведется по следующей формуле:

$$K = 2^n - n - 1,$$

где n — численность группы, K — число двусторонних контактов.

В бездетной паре $K = 1$ ($4 - 2 - 1$), в однодетной семье число контактов по размеру семьи увеличивается до 4 (1 контакт супружеский плюс 3 контакта, связанных с появлением ребенка: отец—ребенок, мать—ребенок, родители—ребенок). В двухдетной семье число контактов равно 11 (по 1 контакту между супругами и между двумя детьми и 9 контактов между родителями—детьми). В трехдетной семье число контактов 26 — в основном за счет роста контактов между родителями и детьми (21), т.е. за счет усложнения структуры связей и общения родителей и детей. Оставшиеся 5 контактов подразделяются на 1 контакт внутри брачной пары и 4 контакта внутри трехдетной группы детей.

В четырехдетной семье — самой полной форме среднететной модели семьи — число интеракций достигает 57, в том числе между родителями и детьми 45 (из оставшихся 12 контактов 1 контакт относится, как всегда, к супружеской паре и 11 — к контактам между детьми). Точно так же можно рассчитать число контактов в многодетных семьях с пятью и шестью детьми, однако этим не исчерпывается структурный анализ. Следует ввести еще одно измерение — по числу внутрисемейных ролей и сравнить структуры интеракций в семьях с 5, 8, 10 и 12 внутрисемейными ролями.

Практикум. Требуется описать структуры интеракций между семейными ролями в нуклеарных семьях с комплектом из 8, 10 и 12 ролей. Возьмем в качестве примера расчет структуры по семье № 19 с 5 ролями, где имеется сын. Тогда общее число ролевых интеракций окажется 26 ($32 - 5 - 1$), но 2 из них не являются по нашему определению взаимным контактом, так как это контакты одного и того же человека с самим собой, но в разных ролях или одного и того же носителя ролей (муж-отец, жена-мать). Из оставшихся 24 интеракций 1 — супружеский контакт, 2 относятся к связям родителей с ребенком: отец—сын, мать—сын; 5 контактов «пустых»: муж—муж, отец—отец, мать—мать, жена—жена, сын—сын; 6 контактов «конфликтных» из-за путаницы ролевого взаимодействия: не отец—сын, а муж—сын, жена—сын, муж—отец, жена—мать, муж—мать, жена—отец; и 10 контактов бессодержательных, связанных с некомплектностью ролей в данном типе семьи.

Следует отметить, что увеличение числа ролей не просто увеличивает число интеракций — оно обогащает и разнообразит семейное общение. Вместе с тем неизбежно наличие «пустых», бессодержательных контактов и конфликтных интеракций. Этот вопрос не исследован теоретически, поскольку семей с тремя и более детьми почти не осталось, а в малодетных семьях скудна ролевая структура. Но именно ролевая дезорганизация современной семьи заставляет задуматься о сути ролевых конфликтов. Можно выделить, как минимум, три типа конфликтно-ролевого взаимодействия (основываясь на положении дел в малодетных семьях).

Первый тип — когда родители в силу девальвации материнства и отцовства все сильнее идентифицируют себя при общении со своим ребенком не с родительскими, а супружескими и даже гендерными ролями. Поэтому в отношении «мать—сын» роль матери подменяется ролью «жена» или «женщина». Отсюда возникает ролевая путаница: номинально сохраняется формула «мать—сын», но на самом деле активизируются отношения «жена—сын» или «женщина—сын». В этой ситуации неизбежны ролевые конфликты, так как сын продолжает относиться к матери, исходя из своих ролевых ожиданий (экспектаций). Второй тип ролевого конфликта связан с отстранением детей от ролей сына—дочери в общении с матерью—отцом. Дети начинают играть по правилам группы сверстников (не «мать—сын», а «мать—мальчик»).

Третий вид ролевых конфликтов объединяет все остальные разновидности ролевых несоответствий. Во-первых, это несоответствие родительских и супружеских ролей в связи с обесцениванием родительства, это перевес значимости ролей жены и мужа над ролями матери и отца в ролевых связках жена-мать, муж-отец. Во-вторых, это диссонанс ролей «муж—мать», «жена—отец», когда в ситуациях, требующих однозначности взаимодействия отец—мать и муж—жена, один из супругов (или обоюдно) начинает путать правила «семейной игры».

Важно помнить, что анализ возможных ролевых комбинаций строится в рамках полного комплекта из 12 ролей без введения каких-либо иных ролей. В вышеприведенных рассуждениях это условие было нарушено, когда упоминались роли «женщина» и «мальчик», относящиеся, собственно, к межличностным ролям. Все семейные роли социокультурные по своей природе, но в узком смысле это название закрепляется чисто конвенционально лишь за 12 указанными в схеме 4.4 ролями. Межличностных семейных ролей гораздо больше, и они характеризуют специфику взаимоотношений в семье. Например, жена может относиться к мужу как к ребенку или муж к жене как к больной. Или чрезмерно опекаемый ребенок в однодетной семье может стать деспотом, претендуя на лидерство во

всем и везде. Либо в семьях с несколькими детьми, где общение строится в контексте сиблингов (братьев и сестер вместе), какой-либо ребенок может навязывать окружающим себя в роли «любимчика». В социальной психологии межличностным ролям уделяется особое внимание. Некоторые теории личности, как, например, трансактный анализ Э. Берна, целиком построены на взаимодействии ЭГО-состояний родителя — взрослого — ребенка, т.е. на идентификации Я с этими тремя межличностными символами- внутрисемейными ролями.

Описанная выше структура семьи по внутрисемейным ролям (кроме типа № 21) отражает единство трех образующих семью отношений «супружества — родительства — родства» и косвенно характеризует через возникновение новых ролей первые три стадии семейного цикла. Для различения нуклеарной и расширенной семьи требуется разработка иных структурных критериев, нежели фиксация события, связанного с отделением от родителей выросших и вступивших в брак детей. Это событие, разграничивающее стадии социализации и прародительства, в силу своего массового характера стало дискриминирующим, отличающим семью второй и третьей стадий цикла от семьи, объединяющей в себе семью родительскую с семьей репродуктивной.

Вместе с тем имеется четкий критерий различения этих двух типов семей, предложенный Г. Мэрдоком, крупнейшим американским социологом, в его часто цитируемой до сих пор (и не только в учебниках) книге «Социальная структура» (1949)¹⁵⁸. Понятие нуклеарной позиции позволяет осуществить эту процедуру. Нуклеарная позиция есть не что иное, как сдвоенные, попарные роли «ядра» семьи: родителей-супругов и их отпрысков-сиблингов (муж-отец, жена-мать, сын или дочь — брат или сестра; последняя позиция во множественном числе будет выглядеть так: дети — сиблинги т.е. братья и сестры). Полная нуклеарная семья имеет три, и только все три нуклеарные позиции. Неполные виды семьи или «осколочные формы» нуклеарности состоят: а) из двух нуклеарных позиций в случае бездетной пары; б) «полуторной» нуклеарной позиции в случае одного родителя с ребенком или детьми (?-мать, ребенок-сын, либо сыновья-братья и т.п.); в) одной нуклеарной позиции, когда остаются дети без родителей.

Расширенная семья, встречающаяся сегодня в Европе и Северной Америке крайне редко, определяется как та, в которой появляется более трех нуклеарных позиций, причем комбинации могут быть любые. Например, семья, состоящая из мужа, жены, сына и тещи, не является нуклеарной т.к. появилась теща — мать жены, т.е. позиция, не входящая в число нуклеарных. Другой пример: муж

с двумя женами и семью детьми — это нуклеарная, а не расширенная семья, ибо тут всего три позиции, хотя брак полигинный (полигиния есть разновидность полигамии, второй ее вид — полиандрия, или брак одной женщины с несколькими мужчинами, причем если они братья, тогда их брак называется фратеральной полиандрией; соответственно, брак нескольких сестер с одним мужем ведет к соральной полигинии).

Сравнительный кросс-культурный анализ распространенности структур расширенной семьи позволил Г. Мэрдоку выделить три чаще всего встречающихся типа. По степени увеличения сложности структуры это стержневая или корневая семья, линейная и полная расширенная семья (*stem family, lineal family and fully extended family*). Стержневая семья имеет место, когда один, и только один ребенок (сын или дочь) остается в родительской семье вместе со своим супругом и детьми. Этот тип заметен более всего в сельской местности Европы и также у нас в городах. Линейная семья гораздо более экзотический вид и образуется, если все дети одного пола (братья или сестры) остаются в родительском доме после брака.

В Индии наблюдается вариант этой семьи, именуемый составной (*joint*) семьей, где братья после смерти их отца формируют свои семьи. Это система с двумя и более нуклеарными семьями, каждая из которых имеет не менее двух поколений. Полностью расширенной семьей эта патрилинейная семья (где наследование ведется по отцовской линии) становится, когда как минимум два брата остаются жить в родительском доме и когда их сыновья женятся и живут со своими детьми все под одной крышей. Подобный тип семьи был распространен в Китае, в горах Памира и др. Рассмотренные типы семей позволяют различать семейные структуры по наследованию (патрилинейность и матрилинейность), по выбору места проживания молодоженов — в доме родителей мужа (патрилокальность) или в доме родителей жены (матрилокальность), по форме брака (моногамия или полигамия).

В XX в. особенно ускорился процесс исторического отмирания многодетности семейных систем и разложения структуры расширенной семьи, где прямое родство играет важную роль при формировании сложных семей. Процесс нуклеаризации семьи означает такое отделение репродуктивных семей от расширенной семьи, когда происходит отчуждение от сетей родства и буквальное отмирание многих родственных ролей. Второй, параллельно идущий и продолжающийся ныне процесс может быть назван конъюгализацией — по названию того типа семьи, который характерен для индустриальной системы. Третий процесс — автономизации или индивидуализации

раскрывает в связи с однодетностью, ростом разводимости и внебрачных сожительств тенденцию к обособлению индивидуальных членов семьи и росту одиночных домохозяйств.

Термин «конъюгальная семья» введен известным американским исследователем семейных изменений Уильямом Гудом и относится к семье эпохи индустриализации. В центре семейной жизнедеятельности — супружеская пара (отсюда и название «конъюгальная семья»), которая вовсе не порывает контакты с системой родства и свойства, а лишь исключает из большинства повседневных дел значительную часть родственников и свойственников. Нельзя понимать конъюгальную семью как совершенно изолированную от родственных уз, просто исчисление родства ведется теперь как бы двойное и с учетом свойства, хотя нет прежней соединенности отношений родства и свойства у семейно-родственных групп. Далее, относительно свободнее стал брачный выбор, практически исчезли приданое и выкуп, а в супружеских интеракциях ослабло главенство мужа, менее авторитарными стали отношения родителей и детей¹⁵⁹.

Очень часто сегодня в научных и публицистических текстах употребляют словосочетание «современная семья» в противопоставление «традиционной семье». Точно не определяется смысл этих понятий, но предполагается, что в отличие от семьи прошлого, семьи старой и по всем статьям устаревшей, процесс модернизации общества приводит к изменению «качества» семейной жизни и к трансформации структур и видов семьи. Современный семейный образ жизни также часто противопоставляется «патриархальщине», под которой понимается все отжившее и архаическое в семейной жизни. Вместе с тем в социологии семьи «патриархальная семья» наряду с «матриархальной семьей» — всего лишь одна из многих разновидностей семьи, типологизируемых по критерию доминирования, главенства или лидерства¹⁶⁰.

Патриархальная семья относится к семьям с одной структурой влияния, где доминирование во всех областях принятия семейных решений принадлежит мужу, а не жене. Имеется несколько типов семей, где доминирует жена или лидирует муж или где они доминируют попеременно в разных сферах жизнедеятельности. Все эти виды влияний присутствуют в современных семьях и противопоставляются не друг другу, а тем типам семей, где есть совместное принятие решений. Однако обиходная интерпретация «современной семьи» закрепляет за ней лишь одно значение «демократической», коллегиальной семьи, где не менее двух равных структур влияний. В этом нельзя не видеть воздействия феминизма, когда политическая терминология антагонизма полов в обществе переносится на межличностные отношения родителей.

Итак, наряду со структурированием семьи сразу по трем отношениям супружества — родительства — родства существуют структуры, образуемые отдельно по каждому из этих отношений. В связи с ослаблением родственных связей в настоящее время и уравниванием в этом смысле значимости родства со значимостью свойства целесообразно рассмотреть данные структуры подробнее. При этом следует отметить, что феномен родства в культуре занимает особое место и в культурологии и антропологии (этнографии) наряду с социологией семьи является одной из центральных тем исследования.

Выдающийся антрополог Л. Морган в XIX в. открыл инерционность систем родства в сравнении с более подвижными и изменчивыми формами семейной жизнедеятельности. В реальности всегда наблюдается сочетание старых, отживших форм родства и явно не соответствующих им новых способов действий и образцов, паттернов семейной активности. В антропологии это послужило основанием для конструирования существовавших в прошлом типов семьи по еще сохранившимся формам родства, когда-то вызванным к жизни этими типами семейного функционирования. По аналогии можно предположить, что актуальные ныне виды семейной организации также творят на наших глазах новые отношения родства (редуцируемые к свойству?), хотя массовая однодетность исключает все виды родства в связи с отсутствием сиблингов (т.е. исключается прямое родство между детьми и косвенное родство двоюродного и т.д. плана). Хотя многие виды родства и свойства уже сегодня становятся на наших глазах музейными экспонатами, тем не менее (а может быть, и поэтому) следует рассмотреть всю полную систему родства (первичного, вторичного и третичного) в нукlearной семье, основанной на полигамном браке и состоящей из 151 родственно-свойственного отношения (схема 4.5). С учетом моногамных и полигамных отношений возможны 7 типов первичного родства, 33 вторичного (из которых 21 тип дает 99 семейных уз и 12 типов образуют еще 52 семейно-родственные связки — все 40 типов родства дают в сумме сеть из 151 третичных уз).

Практикум. Построить подобную диаграмму и выяснить общее число родственно-свойственных отношений в нукlearной семье, основанной на моногамном браке. Но предварительно надо познакомиться с существующей в антропологии практикой, когда в центр диаграммы помещается Я или ЭГО какого-либо члена семьи, относительно которого ведется отсчет. В связи с этим длинная цитата из книги известного этнографа Ю.И. Семенова:

«Системой родства в нашей этнографической литературе принято называть совокупность терминов, которые обозначают существ-

Схема 4.5. Диаграмма максимального числа родственных уз в полигамном браке

вующие в том или ином обществе родственные отношения... Родство есть одна из форм связи между людьми. Только наличие между данными конкретными лицами такой формы связи делает их родственниками. Что же это за форма связи? Понятие о родстве неразрывно связано сегодня с понятием о происхождении. Родственниками являются люди, связанные происхождением. Есть две формы такой связи: первая — это связь между людьми, из которых один произошел от другого, вторая — связь между людьми, которые произошли от одного и того же предка. В первом случае люди связаны просто происхождением, во втором — общностью происхождения...

Связь посредством рождения является самой простой, элементарной формой отношения родства. Для обозначения этой элементарной единицы нередко употребляется термин «степень родства». Люди, из которых один рожден другим, связаны одной степенью родства, являются родственниками в первой степени. Внука связывает с дедом уже не одна степень родства, а две, они являются родственниками во второй степени. Правнука связывают с прадедом три степени родства, они являются родственниками в третьей степени.

Любое отношение между родственниками независимо от числа степеней родства образует линию родства. Линия родства может состоять как из одной степени, так из многих. В последнем случае она представляет собой цепь степеней родства. Если людей соединяет линия, состоящая из одной степени родства, то говорят, что их связывает первая степень родства, если линия, состоящая из пяти элементарных единиц, то говорят, что их соединяет пятая степень родства, и т.п.

Люди происходящие друг от друга, связаны линией происхождения или линией прямого родства. Они состоят в родстве по прямой линии или просто в прямом родстве. В отличие от них люди, происшедшие от общего предка, характеризуются как состоящие в родстве по боковой линии или просто в боковом родстве... Боковая линия родства есть любая линия происхождения, отходящая от общего предка, исключая лишь ту, на которой находится человек, от которого ведется отсчет и которого принято обозначать как Я. Первой боковой линией называют линии, идущие от моих родителей через моих братьев и сестер. Второй боковой линией называются линии, идущие от родителей моих родителей через братьев и сестер моих родителей и т.д. Данное значение боковой линии родства... никак не может связывать братьев... Меня и брата связывает линия, состоящая из двух отрезков, двух степеней родства, из которых одна степень (связывающая меня и моего отца) лежит на моей прямой линии, а другая степень (связывающая моего отца и моего брата) лежит на его прямой линии. Подобного рода ломаную линию фактически и имеют в виду, когда говорят, что те или иные люди связаны боковым родством...

Поставим вопрос, что, собственно, обозначают термины родства. На первый взгляд кажется, что определенных, конкретных людей... Но обратим внимание, что человека, которого я называю отцом, другие люди именуют иначе: сыном, братом, дядей, дедом и т.д. И это понятно. Отцом он является лишь по отношению ко мне, а по отношению к другим людям он выступает в ином качестве. Таким образом, называя человека отцом, я обозначаю мое отношение к нему. Меня и отца связывает линия, состоящая из одной степени

родства... Термин «отец» обозначает данную линию родства, но лишь в том качестве, в каком она выступает только для меня, но не для моего отца. Для него эта линия — нисходящая, для меня — восходящая. Для меня эта линия есть отношение к отцу, для него — отношение к сыну... Таким образом... родственные отношения представляют собой не только и не просто отношения между индивидами, они всегда проявляются как отношения одного индивида, который выступает в качестве центра системы и не может быть обозначен иначе, чем Я (лат. ЭГО) ко всем остальным, которые выступают в качестве его родственников и обозначаются соответствующими терминами... От того, кто в данном контексте выступает в качестве ЭГО, зависит характеристика данной линии как прямой или боковой в первом вышеуказанном смысле, деление прямой линии на восходящую и нисходящую. От ЭГО идет во все стороны отсчет степеней родства»¹⁶¹.

Комментарий. Эта цитата прекрасно объясняет, почему в диаграммах родственных и свойственных уз в центр отсчета помещается ЭГО. Однако рассуждения Ю.И. Семенова раскрывают, и весьма наглядно, исходную соотнесенность социальной реальности (в данном случае системы родства) с отдельным социальным субъектом. Одни и те же линии родства воспринимаются и трактуются совершенно в разных терминах, т.е. объект социологического наблюдения оказывается «внутри себя» не «абсолютной реальностью», а конструируемой участниками повседневного взаимодействия системой не совпадающих, а различающихся между собой обиходных интерпретаций. Систему родства невозможно представить безотносительно к отдельному ЭГО или как бы для всех сразу, охватывающую все и вся (вот уж воистину «нельзя объять необъятное!»). Научный подход в таком случае фиксирует внимание на поиске различий, на дифференциации значений и понимании их смысла для самих ЭГО.

На схеме 4.5 в виде концентрических окружностей представлено все многообразие системы родства и свойства нуклеарной семьи. Однако возможен и другой способ изображения тех же отношений. Родство вторичное обозначается сочетанием двух первичных терминов, родство третичное или третьей степени — сочетанием трех терминов и т.д. Поскольку у каждого человека (теперь, на пороге XXI в., надо добавлять — если он не «гибрид» и не «клон») не может быть менее двух и более двух родителей.

От него всегда отходят две, и только две восходящие линии, а вот нисходящих линий может и не быть, но в полном варианте, следовательно, образуется четыре элементарных термина — отец, мать, сын, дочь. С помощью этих элементов можно описать остальные род-

ственные отношения, например: дед — отец отца или отец матери, брат — сын отца и т.п. Однако в большинстве культур специально выделяются в силу их чрезвычайной значимости также термины брата и сестры. Известны отдельные системы родства, где кроме этих шести терминов иных не существует, но во многих в языке закрепились термины, когда-то игравшие большую роль в реальной семейной жизнедеятельности, и потому потребовалось их словесное выделение в виде специальных наименований.

К таковым относятся и термины свойства. «Свойство есть отношение, существующее между одним из супругов и родственниками другого, а также между родственниками обоих супругов. Каждый родственник одного из супругов для другого супруга и его родственников является свойственником. Для обозначения отношений свойства существуют особые термины (зять, теща, золовка, свекор, сноха, шурин и т.п.). Вместе с терминами родства, а также терминами, употребляемыми для обозначения супругов (муж, жена), они и образуют то, что Морган называл системой родства и свойства, хотя точнее было бы говорить о системе терминов родства, супружества и свойства»¹⁶².

Единый термин, охватывающий значения всех указанных обозначений плюс отношения родительства, мог бы именоваться «семейно-родственной системой». Но в этнографии, как, впрочем, и в других науках, чаще всего говорится о системе родства в самом широком смысле. В данном учебном пособии система родства и система семейно-родственных уз употребляются как синонимы.

Практикум. Следует определить все термины свойства для многогамной нуклеарной семьи с полным комплектом социокультурных внутрисемейных ролей. С этой целью нужно освоить систему условных обозначений семьи П.Ласлетта¹⁶³ и по словарю русского языка отобрать все требующиеся обозначения.

4.5. Методы генеалогического исследования семьи

При рассмотрении семейной генеалогии задача заключается в построении «дерева» линий родства, идущих от общих предков, причем в центр всей системы отсчета помещается не ЭГО какого-либо члена семьи, а та прародительская семья, о предшественниках которой нет никаких сведений. Цель генеалогического исследования состоит в восстановлении прошлого семьи, в изображении жизненного пути семейных поколений, связанных линиями происхождения по прямому родству.

Генеалогия семьи фиксирует конфигурации линий происхождения, структуру происхождения, которая есть итог семейной динамики, смены семейных поколений. Генеалогическое древо семьи — это слепок воссозданной истории, это память семейного рода, семейных фамилий, это своего рода отзвук прошлого. В отличие от схем жизненного цикла семьи, обращенных в будущее и в этом смысле являющихся семейными «гороскопами», генеалогические схемы опрокинуты в прошлое. Однако не ради умножения исторических экспонатов реконструируются родословные, как говорил И.С. Аксаков, — память о своих предках, чувство рода — чувство историческое. Если история — это народное самосознание, то, безусловно, генеалогия семьи как семейное самосознание есть ось истории народной. Увы, сегодня, как и во времена Аксакова, приходится признать, что у нас «большой частью о предках своих ничего не знают, преданий рода не уважают, русской истории не ведают, семейной старины не ценят». Разумеется, это не относится к практической генеалогии дворянских, боярских и княжеских фамилий, тем более к генеалогии царствующей династии Романовых. Составление родословных росписей уходит в глубокую древность, а к эпохе Петра Великого относится учреждение Департамента герольдии, ведавшего родословными дворян.

Научная генеалогия возникает в России на рубеже XVIII—XIX вв. в связи с изучением дворянских родов и ограничивается функциями справочного характера (создание справочных трудов) и остается таковой, т.е. в качестве вспомогательной исторической дисциплины, до конца XIX в. Расширение числа генеалогических объектов и нетрадиционных проблем было связано с преодолением генеалогии дворянства, включением в сферу изучения родословных представителей других классов и слоев, как правило мечтавших о дворянстве.

Можно, по-видимому, даже говорить о генеалогической социологии, поскольку вместе с расширением объектов генеалогии, хлынул поток социальных проблем, связанных с анализом социальной структуры. Генеалогия нового типа, где пересекаются подходы истории социальных явлений и социологии, известный генеалог А.И. Аксенов называет комплексной. «Под комплексной генеалогией мы имеем в виду генеалогия, объектом разработки которой является одновременно какое-то значительное количество фамилий, представляющих определенный класс, социальную группу, регион, исторически обусловленных и исторически обоснованных. Соответственно при таком ее характере невозможно уже ограничиться последовательным изложением истории каждого рода. Необходимы

подходы, которые позволяли бы, с одной стороны, обработать всю массу генеалогических данных, а с другой — обобщить характерные особенности родословных всех фамилий»¹⁶⁴. Цель исследователя, обращающегося к генеалогии как средству познания политической и социально-экономической истории класса, группы, страты, заключается в сравнении генеалогических линий многих семейных родов для уточнения картины формирования и функционирования различных социальных групп.

Примером такого единственного в своем роде социологического исследования перемен в социальной структуре нашей страны является изучение семейных биографий в рамках проекта «Век социальной мобильности в России» в XX в. Здесь семья рассматривается «как фактор социальной мобильности»¹⁶⁵.

Ближе всего к целям микросоциологии семьи метод ВИС (восстановления истории семей), предложенный в 1950-х гг. французским демографом Луи Анри. Но при его применении также «объектом исследования являются не родословные той или иной фамилии», а конкретные данные о рождениях, браках и смерти, что, как отмечает Аксенов, «приводит к неизбежному переводу аспектов изучения преимущественно в область демографии»¹⁶⁶. В этом нет ничего плохого, кстати, поскольку имеется в виду надежность данных, полученных по церковным метрикам, ибо генеалогия без дат становится мифологической. С другой стороны, стремление к изучению родословной новых классов без наличия соответствующих источников не достигает цели и не компенсируется ретроспективными рассказами респондентов. (Анализ субъективных интерпретаций семейной генеалогии членами семей как самостоятельная область феноменологической социологии здесь не принимается во внимание.) Таким образом, генеалогия как метод реконструкции истории семей и семейных поколений не должна редуцироваться до простой фиксации дат семейных событий или ограничиваться устными свидетельствами.

Генеалогическое исследование семьи (в рамках инструментального и феноменологического подходов) в социологии семьи обретает статус самостоятельного направления, где главной задачей становится наблюдение посредством генеалогических данных за самой историей сохранения и длительного существования семейного рода, фамилии, межсемейной преемственности. При этом феноменологический подход сосредоточивается на семейных преданиях, былях, мифах, на трактовках генеалогической истории разными членами семьи в целях понимания скорее настоящего, чем прошлого.

С другой стороны, построение генеалогического древа семей на момент проведения выборочного исследования, на основе метрических документов (инструментальный подход) может быть ориентировано двояко: на восстановление прошлого, на как можно большее проникновение в прошлое и на точную фиксацию данных о родословных линиях существующих ныне нуклеарных семей в целях использования собранного генеалогического материала будущими исследователями (т.е. это разновидность лонгитюдного исследования). Ориентированные на реконструкцию прошлого исследования устанавливают среднюю для тех или иных категорий семей длительность семейной памяти о предках (например, ограниченную двумя-тремя, либо семью — десятью степенями или «коленами» происхождения). Одновременно выявляются условия адаптации семей к окружающим условиям, что может использоваться при характеристике социальной системы с точки зрения ее респонсивности по отношению к институту семьи. Таким образом, генеалогический метод оказывается как бы новым измерением семейного цикла жизни, но не отдельной репродуктивной семьи, а целого ряда их, связанных общим происхождением. Схемы родословных способны наглядно продемонстрировать, например, влияние процессов нуклеаризации и сокращения рождаемости на протяжении 100–150 лет и 4-5 поколений — ведь при массовой малодетности и однодетности семей генеалогическое древо с кустами многоветвевых семей постепенно становится все менее ветвистым, превращаясь в голый ствол и, наконец, в одну-единственную линию, которая рано или поздно оборвется.

Чисто условно, без выяснения того, как устанавливаются родословные семей (но предполагая, что на основе документов), обозначим континуум, где на одном полюсе — социум, восприимчивый к потребности семьи в длительной преемственности, где образ жизни и многие социальные обстоятельства способствуют, допустим, ее продлению в ряде поколений, и на другом — социум, сокращающий преемственность до минимума (не более двух поколений). Разумеется, реальный ход истории распределяет общества по всему континууму, хотя в преддверии XXI в. уже видно, что менее индустриально развитые регионы сместились ближе к золотой середине, а более развитые скучиваются на полюсе «однолинейной» генеалогии. По-видимому, изучение «короткоживущих» и все реже встречающихся «долгоживущих» семейных «атомов» многое могло бы сказать о специфике образа жизни элитарных и низших классов, в целом о самой социальной системе. Однако прежде всего такой анализ раскрыл бы способность «короткоживущих линий» семьи к

выживанию: а) к ее формированию и сохранению в качестве специфической целостности и б) к ее функционированию в качестве носителя собственности и иных по своему престижу овеществленных атрибутов семейной карьеры, судьбы, истории. Кстати говоря, уникальное исследование английских социологов Т. Луптона и Ш. Вильсон¹⁶⁷ методом конструирования небольших генеалогических кустов или древ среди 73 представителей 6 кругов высшего общества (члены кабинета министров, директора банков, фирм и компаний) позволило при тщательном документировании данных обнаружить в построенных 24 генеалогических схемах явную тенденцию к социальной гомогамии (браки по расчету с себе подобными). Это может служить основой для гипотезы о тенденции «короткоживущих» семейных линий к символическому продлению себя в эндогамных браках (табу на супружескую экзогамию, запрет на браки с представителями низших страт). Слияние собственности и социальных положений в целях их сохранения и укрепления власти превращает брак в символ подобного соединения. Разумеется, эта тенденция действовала и прежде среди властвующих элит, но массовое сокращение линий генеалогии может усиливать наблюдающийся процесс слияния фирм в корпорации, банков в еще более мощные концерны и т.п.

Анализ историй нескольких родственных нуклеарных семей посредством генеалогических данных в принципе позволяет выйти на фиксацию цикличности, повторяемости каких-либо событий (по датам, по характеру и содержанию их), т.е. обнаружить все ускользающее из внимания, в том случае, когда генеалогический ряд семей слишком короток, когда в большинстве своем лишь только зародившиеся линии происхождения семей обрываются уже во втором поколении, растворяясь в массе одиночек. Грамотно построенные генеалогии семей (т.е. не только по прямой линии патрилинеальности, но с учетом родословной обоих супругов, с фиксацией также сопутствующих бракам-разводам, рождениям-смертям социальных обстоятельств) в принципе позволяют осуществить поиск параллелизма в судьбах разных семей и их отдельных членов.

Для иллюстрации приведем пример из другой области изучения жизненных циклов. И.И. Шафрановский применил метод Плутарха из его сравнительных жизнеописаний (биография каждого греческого деятеля дается в паре с биографией римского и завершается сравнительной обобщающей характеристикой обоих) к сопоставлению биографических и творческих данных знаменитых писателей и ученых. Для выявления параллелизма в жизненных и творческих событиях используется разность дат (табл. 4.4).

Таблица 4.4

Параллелизм жизненных и творческих дат по Шафрановскому¹⁶⁸

БАЙРОН (1788–1824)		ПУШКИН (1799–1837)	
Срок жизни	36 лет	37 лет	
<i>А. Разности жизненных дат</i>			
Пушкин	1799 — 1837		
Байрон	1788 — 1824		
Разность	*11	*13	
Средняя разность	**12		
<i>Б. Разности творческих лет</i>			
БАЙРОН		ПУШКИН	
Возраст *			
24 Чайльд Гарольд (начало)	1812	24 Евгений Онегин (начало)	1823 11
		25 Цыгане	1824 12
25 Корсар	1813	26 Борис Годунов	1825 12
26 Манфред	1816	29 Полтава	1828 12
30 Дон Жуан	1818	31 Болдинская осень	1832 14
33 Каин	1821	34 Медный Всадник	1833 12
		Средняя разность ***12	
И. ГЕТЕ (1749–1832) = 83 г.		Л.Н. ТОЛСТОЙ (1828–1910) = 82 г.	
<i>А. Разность жизненных дат</i>			
Толстой	1828	1910	
Гете	1749	1832	
Разность	*79	*78	
<i>Б. Разность творческих дат</i>			
25 Вертер	1744	26 Отрочество	1854 80
38 Эгмонт	1787	38 Война и мир I	1866 79
40 Торквато Тассо	1789	41 Война и мир II	1869 80
47 Вильгельм Мейстер	1796	46 Анна Каренина	1874 78
57 Фауст I	1806	58 Смерть Ивана Ильича	1886 80
60 Сродство душ	1809	59 Крейцера соната	1887 78
Средняя разность	79+78=**78,5	Средняя разность ***79	

Конечно, в этой мистике цифр чувствуется некий подбор произведений — что-то значительное не попало в список, а что-то включено, но несопоставимо по значимости, например «Фауст» и «Смерть Ивана Ильича», «Вертер» и «Отрочество» без «Детства» и «Юности». Тем не менее повторяемость событий прослеживается и подобной параллелизм имеет смысл поискать и в генеалогических линиях

существующих семей. В связи с этим ниже дается длинная цитата из работы по социометрии и психодраме, где описываются клинические и жизненные случаи семейного параллелизма и где исходя из значимости генеалогических линий для социометрии вводится даже новый термин «геносоциограмма».¹⁶⁹

«Синдром годовщины» и геносоциограмма. У некоторых больных раком не удается обнаружить никаких стрессовых событий, предшествующих началу заболевания. Как же объяснить подобное явление? Оказывается, в некоторых семьях прослеживается повторяемость определенных событий, трудных ситуаций, несчастий — своего рода «синдром годовщины». Часто люди заболевают раком *в том же возрасте* и на том же этапе своей жизни, что и близкий им человек, погибший от этой болезни.

Наша пациентка Катарина заболела раком в 36 лет, как и ее мать, которая умерла много лет назад. А вот пример семьи Мэри. Ее дед умер в 76 лет, 12 мая 1976 г. Ее мать, старшая дочь деда, умерла от рака 12 мая 1982 г. Три года спустя дядя Мэри погиб в автомобильной катастрофе, причем подозревалось самоубийство. Случилось это также 12 мая, а ровно через год ее бабушка, тоже Мэри, «дала себе умереть» в годовщину смерти мужа — 12 мая.

Симона де Бовуар умерла (точнее, «дала себе умереть») в ночь с 15-го на 16-е апреля 1986 г., через 6 лет после смерти ее друга Жана-Поля Сартра 15 апреля 1980 г. Таковы типичные примеры «синдрома годовщины», когда травмирующие события и несчастья, включая рак, автомобильные и авиакатастрофы, происходят с человеком *того же числа или в том же возрасте*, что и с его близкими. Как будто сердце отказывается биться дальше. Кроме того, наблюдается связь поколений: пациент заболевает тяжелой формой рака в том же возрасте, когда умер его дед, а его ребенку столько лет, сколько было отцу, когда дед умер (см. геносоциограмму на схеме 4.6). Иными словами, проявляется определенная семейная структура или сценарий.

Обнаружив много «синдромов годовщины» у раковых больных, мы стали развивать метод геносоциограммы, чтобы исследовать невидимые связи. Сам термин происходит от слов «генеалогия» — изучение семейного древа и «социометрия» — измерение отношений между людьми. Геносоциограмма является более полным методом, чем генограмма, часто используемая в семейной терапии. Семейный терапевт Н. Аккерман много раз встречался с Морено и после этого стал работать с генограммами и «семейными скульптурами».

Геносоциограмма представляет собой классическое семейное древо, дополненное важными жизненными событиями, с исполь-

Примечание: Можно сказать, что Чарльз унаследовал свою болезнь и риск ранней смерти из-за преданности семье и связи с предыдущими поколениями: рак поразил сначала половые органы, как у деда по линии отца, а затем легкие, как у деда по линии матери, причем в том же возрасте — 39 лет. Он согласился на операцию, но отказался от лучевой и химиотерапии. Похоже, что, будучи сыном и внуком мясника, он верил лишь в силу ножа. Все женщины в семье с сильным характером, обе бабушки рано овдовели, что и грозит жене Чарльза. Кроме того, его отец остался без отца в девять лет, и дочь Чарльза рискует потерять его в том же возрасте. Похоже, в семье существует повторяющийся сценарий смерти мужчины в 39 лет, оставляющего после себя девятилетнего ребенка. Обращает на себя внимание созвучность имен женщин Мари-Анна и Анна-Мари. Проанализировав все это с пациентом, можно попытаться помочь ему перестроить сценарий с ранней смерти на жизнь до старости: любя своего деда, не обязательно умирать, как и он, молодым.

Схема 4.6. Геносоциграмма Чарльза — невидимые узы семейной цикличности

(Клинический случай из Vouloir Guerrier, A. Schutzenberger 1985.)

зованием социометрии по Морено. Это картина жизни 3–5 поколений с рождениями детей (включая выкидыши, аборты и мертворождения), браками, смертями и их причинами, серьезными болезнями, травмами, несчастными случаями. Она включает сведения об образовании, профессиях, местах проживания и переездах, всех важных жизненных событиях, романах, дружбах, расставаниях, потерях. Указываются также члены семьи и родственные линии, информация о которых отсутствует. Мы включаем сюда социометрические взаимодействия, «социальный атом», психологический «семейный грессбук» с записями эмоциональных приходов и расходов, выигрышей и потерь. Геносоциограмма учитывает наследственность семьи в нескольких поколениях и помогает каждому человеку осознать свой «жизненный сценарий», выбор в профессиональной и личной жизни. Она выявляет некоторые бессознательные тенденции в жизни семьи, включая дальних родственников, раскрывает различные роли, семейные мифы и секреты, повторения в выборе супругов, профессий, стиля жизни, мировоззрения, а также закономерности в заболеваниях, травмах, смертях.

Мы используем геносоциограмму в индивидуальной и групповой психотерапии (включая психотических и раковых больных), в семейной терапии, а также в тренинговых группах для студентов-психологов и медицинских работников. Наша работа строится так: пациент составляет геносоциограмму по памяти, а в дальнейшем, если необходимо, перепроверяет некоторые факты. То, что неизвестно, скрывается от большинства членов семьи или забыто, может оказаться не менее важным, чем доступная информация.

Начиная работать с тяжелыми соматическими больными, мы обычно делаем пометки об истории их жизни и болезни в виде геносоциограммы. Очень часто пациенту из полученной картины становится ясно, в результате какого именно события или «синдрома годовщины» развилась его болезнь. На поверхность всплывают связи между рождениями и смертями, совпадения имен, возрастов, дат, бессознательная идентификация пациента, повторяемость несчастных случаев, травм, болезней. Человек бывает потрясен, впервые увидев и осознав сценарий своей семьи. В дальнейшей работе с собственной геносоциограммой он открывает для себя «невидимые узы семейного долга», повторения болезней и здоровья в разных поколениях. Это помогает пациенту понять, что же происходит с ним самим и семьей, которую он создал. У него появляется шанс прервать цепь болезней и смертей, освободиться от неблагоприятного сценария жизни.

Жизнь след за смертью — «замещающий ребенок». Часто в семье рождается ребенок, когда умирает один из близких родственников. Это тоже своеобразный «синдром годовщины», как будто пламя жизни вспыхивает вслед за уходом значимого человека. (Рост рождаемости после войны хорошо известен.) После смерти старшего брата или сестры может родиться так называемый «замещающий ребенок». Его дальнейшая жизнь будет нелегкой, если мать не успела вовремя оплакать свое умершее дитя.

Винсент Ван Гог родился через год после смерти старшего брата, тоже Винсента, т.е. его родители называли его так в честь умершего. В семье Ван Гогов запрещалось упоминать о смерти первого Винсента. О втором же Винсенте нам известно, что он прожил очень трудную жизнь, так и не смог создать свою семью, часто болел и много времени провел в психиатрических больницах. Когда у его брата Тео родился сын, он также дал новорожденному имя Винсент. Несколько месяцев спустя Тео послал брату письмо в сумасшедший дом в Арле, во Франции: «Я надеюсь, что этот Винсент вырастет счастливым и сможет прожить жизнь так, как сам захочет». Получив это письмо, Ван Гог покончил с собой: для него было невозможно существование двух Винсентов Ван Гогов — живых и счастливых. Тео тоже вскоре скончался, узнав о самоубийстве брата.

Сальвадор Дали тоже носил имя старшего брата, умершего до его рождения. Было время, когда он вместе с матерью регулярно, раз в неделю, ходил к нему на могилу. Дали рассказывал, что принятая им роль шута с эксцентрическими выходками помогала ему создать дистанцию между собой и братом и не позволять путать себя с «нашим дорогим мальчиком, который спит вечным сном».

Совсем не обязательно становиться «замещающим ребенком» с трагической судьбой, даже если кто-то родился после смерти брата или сестры. Все зависит от того, отгоревала ли мать по умершему или же находится в глубокой печали и депрессии и видит в своем новом ребенке лишь отражение погибшего. Французский психоаналитик Андре Грин употребляет термин «мертвая мать»: такая женщина мертва для мира, страдает глубокой депрессией или психозом и ничего не может дать новорожденному. В будущем у ребенка «мертвой матери» проявятся серьезные проблемы, суицидальные тенденции и даже может развиваться шизофрения.

Открытие с помощью геносоциогаммы, что его мать была «мертвой» до, во время и после его рождения, помогает пациенту преодолеть чувство внутреннего холода, собственной ненужности, отсутствия права на существование. Дальше с этой проблемой можно работать в психодраме и помочь пациенту разорвать «цепи», прико-

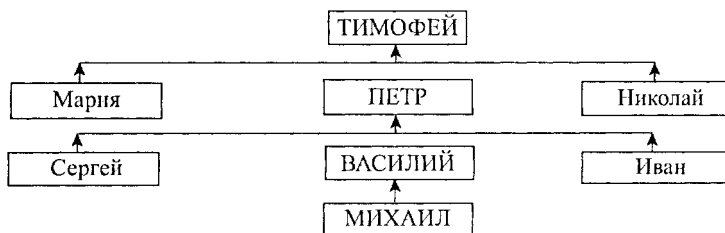
вывающие его к умершему брату или сестре. Геносоциограмма позволяет также избавиться от идентификации с тем родственником, чье имя человек носит.

Добавим к этому, что своеобразный синдром «замещающего ребенка» возникает в однодетной семье, где совершенно отсутствует потребность во втором ребенке и где ожидалось рождение девочки, а родился мальчик (и наоборот). Психотерапевт А.И. Захаров описывает случаи переноса на родившегося мальчика родительских ожиданий, обращения с ним, как с девочкой, и т.п. В подобном случае потенциальный (ожидавшийся) ребенок по полу становится идеальной моделью, под которую подгоняется существующий ребенок. Родители неосознанно как бы замещают имеющееся живое чадо отсутствующим реально, мыслимым в воображении, символическим, но тем не менее весьма «живучим» по своим осязаемым последствиям¹⁷⁰. Вообще, любая сконструированная модель ребенка, «каким он должен быть по воли пап и мам», оказывает свое негативное воздействие в ходе социализации, поскольку к реальным сыновьям и дочерям предъявляются гипертребования, перечеркивающие ценность Я того ребенка, каким он является на самом деле, т.е. синдром «замещающего ребенка» следует понимать шире, не только со смертью брата или сестры.

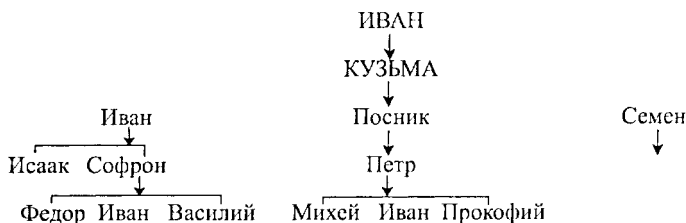
Познакомившись с использованием генеалогического метода в социометрии и психодраме, а также в исторической науке, легче принять подразделение генеалогии на две части, предложенное одним из ее основоположников Л.М. Савеловым, — на официальную, «сухую» часть, где в основном даты рождения и смерти, и на социальную, что ли, где приводятся многообразные обстоятельства внешней и внутренней, духовной жизни семьи, поскольку «для генеалога нет малозначашего факта, которым он мог бы пренебречь, — все должно быть отмечено, малейшая черта из жизни той или другой семьи должна быть сохранена... Генеалогия есть построенное на достоверных документах и других источниках доказательство родства, существующего между лицами, имеющими общего родоначальника или потомка, независимо от общественного положения этих лиц. Вторая (генеалогия — А.А.)... не поддается строгому определению, так как касается духовно-внутренней жизни отдельных лиц и семейств, что уже не составляет необходимости, но является только желательным дополнением, т.е. тем идеалом, к которому должен стремиться каждый генеалог, желающий дать яркую картину общественной и семейной жизни интересующего его рода или семьи, почему я определяю эту вторую часть следующими словами: генеалогия есть ис-

тория того или другого рода во всех проявлениях жизни его представителей, как общественной, так и семейной»¹⁷¹.

Рассмотрим теперь, как составляются генеалогии семей и родов в истории по Савелову. Различают прежде всего два вида родословной линии — восходящую и нисходящую. В родословии восходящем главным объектом исследования является то лицо, о предках которого собираются сведения, с него начинают и далее идут по восходящим ступеням или коленам, т.е. к отцу, деду, прадеду и т.д. С восходящих линий начинают, когда у исследователя мало материалов. Когда их достаточно, то удобнее работать, начиная с самого отдаленного из предков и постепенно доходя до данного момента. Родословные линии бывают мужские и смешанные, где указываются также женские представители родов. Смешанное-нисходящее указывает все потомство данного родоначальника и не является родословной одной фамилии. Оно охватывает большое число родов и часто используется в процессах о наследстве. Смешанное-восходящее указывает всех прямых предков данного лица по мужской и женской линии, пренебрегая боковыми ответвлениями. При графическом изображении в первом колене указывается одно лицо, во втором — два, в третьем четыре, в четвертом восемь и т.д., причем каждое из этих лиц в одном колене принадлежит другому роду так, что в четвертом колене имеется 8 фамилий, в пятом — 16 и т.д. Вот пример родословной восходящей — мужской, с указанием братьев и сестер прямых предков данного лица:

Нисходящая — мужская родословная является самой распространенной и единственно принятой в научных работах:

Все виды родословий могут изображаться тремя способами:

1. В виде родословной таблицы (см. предыдущие примеры).
2. В виде генеалогического древа, которое, по сути, та же таблица, но перевернутая. Генеалогическое дерево имеет действительно форму дерева со стволом, ветвями, листьями и плодами. Имя родоначальника помещается на корнях дерева или в начале ствола. Каждое имя всех колен (кварт по-французски, так как здесь описывается французская методика) пишется в кружке (картуш), располагающемся на ветках или плодах. Мужчины, имевшие потомство, рисуются в кружках желтого цвета, не имевшие — красного. Имена женщин замужних в кружках лиловых, девушек — в синих. Все члены рода-семьи, являющиеся живыми, помещаются в зеленых кружках, причем мужчины более темного оттенка, чем женщины.
3. В виде родословной росписи:

Колено 1-е.

1. Андрей Иванович Иванов.

Колено 2-е

2. Федор Андреевич.....1 (указывается номер отца)

Колено 3-е

3. Александр Федорович.....2

4. Иван Александрович.....2, и т.д. и т.п.

Чтобы генеалогия семьи была научной, она должна быть достоверной — при каждом сообщаемом сведении указывается источник для возможной проверки. Для составления родословной своей семьи также следует придерживаться этого правила. Если по своей семье нет литературы и исторических архивов, то следует применить форму восходящего родословия, т.е. к отцу-матери, затем деду и бабушке со стороны отца и матери и т.д. Первый документ — это метрическое свидетельство о рождении, в котором обычно указываются имена и отчества родителей, хотя имя матери в метриках XVIII и XIX вв. может отсутствовать.

Таковы примерно принципы построения генеалогических линий, таблиц и древ, с которыми подробнее можно ознакомиться в названных книгах Савелова и Аксенова, а также в книге А.А. Зимина¹⁷². Однако это сугубо инструментальный подход, когда целью является установление родословной семьи известных в истории родов. В этнографии, занимающейся реконструкцией прошлого отдельных народов, племен, особенно экзотических этносов, нет возможности документально удостовериться в датах рождения и смерти и прочих обстоятельствах жизнеописаний. В этом случае прибегают к методу устных историй семьи, когда фиксируются тем

или иным образом рассказы разных членов семьи и потом эти материалы сопоставляются между собой в целях выявления общезначимого содержания. В примере из клинической практики мы видели как психологи-социометристы используют «объективные» данные о разных жизненных событиях семьи в целях психотерапии. Генеалогическое исследование как составная часть анализа семейного цикла применяется в социологии семьи — другими словами, в рамках инструментального подхода возможны различные аналитические срезы родословия.

Социальная психология и социально-психологическая антропология позволяют раскрыть специфику иного, чем инструментальный, подхода. Если признать относительность времени не в физическом, а в психологическом смысле, то окажется, что для разных людей время течет неодинаково. Кто-то чувствует себя старше, кто-то моложе своих лет. Кому-то легче ощущать себя сразу в трех измерениях: в настоящем, прошлом и будущем — короче говоря, физический возраст и психологический возраст не совпадают. Внеинструментальный, т.е. социально-символический, подход сосредоточивает внимание на реальном по поведенческим последствиям течении субъективного времени личности. Отклонения от хронологической последовательности событий представляют самостоятельный интерес — разные члены семьи совершенно по-разному видят одно и то же прошлое своей семьи, причем именно состоявшиеся события, так сказать, реальные факты семейной истории. К примеру, прошлая репродуктивная история рождений, беременностей, аборт и т.д. лишь на 40–60% совпадает по ретроспективным свидетельствам мужей и жен, и это обстоятельство отмечается в развитых и развивающихся регионах мира, в том числе в нашей стране¹⁷³. Следовательно, хронологически неправильная генеалогия семейных поколений, сопровождаемая субъективной интерпретацией сопутствующих жизненных обстоятельств, может оказаться своеобразным тестом для членов семьи, для выяснения сходства их представлений о прошлом ради установления согласованности экспектаций в настоящем, ради уточнения степени единства семьи в целом.

4.6. Методы изучения семейных биографий и линий жизни

Разные люди вспоминают прошлое по-своему, даже если воспоминания относятся к четкой очередности прошлых событий. И дело не в том, что разная у всех память на даты — значимость одних и тех же событий другая. Поэтому вспоминаемое в первую очередь более значимо, чем все всплывающее в памяти в конце. Задача исследова-

ния в том, с чем связана эта значимость в личностно-семейном аспекте (общепсихологические законы памяти, например относящиеся к «эффекту неоконченного действия» и запоминающегося скорее, чем завершенное, здесь не имеют в виду). К примеру, при социометрических блицопросах автору книги удавалось определять социометрический статус лидеров по первым называемым каждым рабочим фамилиям и именам товарищей по бригаде. Последующий выбор коллег на основе социометрических критериев подтвердил результат, получаемый «мгновенно», когда социолог просит назвать по фамилиям и именам всех членов бригады (чтобы найти того человека, который «сейчас нужен»). В памяти членов бригады, даже новичков, — прежде всего ее вожаки и ситуативные лидеры.

Авторы методик определения психологического возраста Е.И. Головаха и А.А. Кроник выяснили, что у половины респондентов личный временной центр совпадает с хронологическим настоящим, тогда как у четверти он находится между событиями прошлого (это более характерно для женщин), а у 28% — будущего (это характернее для мужчин). В эксперименте участвовало 45 инженеров — мужчин и женщин в возрасте от 22 до 32 лет. Следовало отобрать 10 наиболее важных событий своей жизни, упорядочить их хронологически, затем указать между двумя любыми событиями настоящий момент — «Я здесь».

Специальный тест показал, что у людей, чье психологическое «сейчас» совпадает с хронологическим, больше глубоких привязанностей — с половиной своих «значимых других» они «вместе», а не «порознь» и не «рядом». Среди респондентов, чье Я смещено в прошлое или будущее, меньше ощущается связь с людьми: лишь с 28% значимых для них людей они «вместе», а с 52% — «порознь». Хуже всего с привязанностями у живущих в будущем: «вместе» — 15%, «порознь» — 62%¹⁷⁴. Материалы проведенных экспериментов позволили авторам разработать специальный компьютерный тест для психологического анализа личной жизни и жизненного пути других людей — *LifeLine*, который рекомендуется применить каждому в день рождения или на Новый год для подведения итогов и уточнения перспектив на будущее¹⁷⁵. Добавим к сказанному, что чувствовать себя моложе своего хронологического возраста и, значит, как бы жить полнокровнее и творчески продуктивнее можно, но в рамках социальных норм возраста и допустимых отклонений. Многие проявления форм поведения, присущего не своей возрастной стадии, подвергаются негативным санкциям.

Биографический метод применяется в разных социальных науках и представлен разными по характеру способами исследования.

В социологии его применение обычно связывают с потребностями гуманистической традиции, противостоящей позитивизму, исключаящему индивидуальную жизнь из анализа. Из триединой основы социологии — биография, история, социальная структура — выпали первые два элемента, и объект социологии оказался утерянным, а само исследование рискует превратиться в калейдоскоп голых схем вне всякого исторического и человеческого опыта. Как считает английский социолог К. Пламмер, пропагандист качественных методов в социологии, «парадигма индивида, активно действующего в противостоящем ему социальном мире» была вытеснена парадигмой «объективно заданной структуры, подчиняющей себе индивидов». Различные виды биографического метода, такие, как истории жизни (*life history*), рассказы очевидцев (*oral histories*), дневники, письма, исповеди, фильмы, фотографии и т.д., дают возможность услышать реальные голоса людей и приблизить социологию к описанию жизненных путей вне формальных, табличных и прочих данных. Отсутствие жестких «количественных рамок», по Пламмеру, позволяет при глубинном методе историй жизни строить теоретические заключения как на анализе отдельных случаев, так и на анализе общностей. В связи с этим дается ссылка на исследование О. Левиса «Дети Санчеса», где по описанию истории жизни пяти мексиканских семей интерпретируются социально-исторические изменения в Мексике. Способ организации качественных исследований в отличие от количественных — более открытый интуиции ученого, сами гипотезы рождаются в ходе сбора материала, причем не исключается и случайность, как это произошло, например, с У. Томасом, нашедшим объект своего будущего исследования у себя под ногами, когда пачка писем была выброшена из окна дома где-то в Чикаго. Метод историй жизни скорее приводит к гипотезам, чем к конструированию теорий¹⁷⁶.

Из вышесказанного видно, что метод жизненной истории чаще всего оказывается своеобразной разновидностью глубинного интервью и потому несет в себе все недостатки подобного социологического исследования. Только реифицированные, овеществленные свидетельства жизненных биографий, не предназначавшиеся для исследования, могут служить более надежным источником для анализа жизненных путей, чем материалы опросов. Английский социолог Пол Томпсон, придающий огромное значение методу жизненной истории при анализе семьи и ее роли в социальных изменениях, сближает социологический интерес к истории жизни и интерес историков к «устным историям» на основе их общности как методов определения жизненной ретроспективы в глубинном интервью.

« Для социологов, разочарованных голым массовым эмпиризмом количественных обследований и агрегированием большим объемом данных, которые абстрагированы от своих источников во вневременных, безличностных срезах, история жизни предлагает информацию, по самой своей сути связанную воедино и уходящую своими корнями в реальный социальный опыт... Через подлинную историю жизни как свидетельства, умышленно или нет, временно измерение заново вводится в социологическое исследование: жизненный цикл, социальная мобильность... уже не могут быть искусственно остановлены и разобраны на части, как часы, но должны анализироваться такими, как они есть в вечном росте и упадке — по крайней мере на протяжении жизни одного поколения. Для первых главных теоретиков социологии — Маркса и Конта, Вебера и Дюркгейма — было аксиомой то, что настоящее является частью истории. История жизни как метод в противоположность выборочному обследованию несет в себе ту же самую исходную посылку. Для историков ход времени всегда был отправной посылкой... Прямое использование самого интервью, сбор “устных” свидетельств путем проведения полевых исследований стали ключевой инновацией. “Устная история” частично вышла из попыток использовать устные традиции, передававшиеся в обществах, где отсутствует грамотность... Для тех... историков, которые изучали недавнюю политическую и социальную историю, привлекательность интервьюирования... первоначально являлась просто практической: не было доступа к достаточному количеству документов... И только благодаря опыту интервьюирования историки обнаружили, что устная история может принести не только больше пластов информации, но и совсем новые перспективы — свидетельства, а также интерпретации с точки зрения обычного мужчины, женщины или ребенка о том, что, по их мнению, больше всего влияло на их жизнь. Именно это открытие сделало европейскую устную историю не просто методом, а движением, и его основополагающее стремление имеет много общего с целями социологии историй жизни»¹⁷⁷.

Таким образом, факты, сообщаемые в историях жизни, могут быть полностью поняты только в контексте всей жизни. Материалы семейных биографий, сохраняя свою уникальность, как бы дополняют широкие социологические обобщения. Стоит видеть разницу между исповедью, рассказом о жизни, имеющим свою внутреннюю структуру, и ответами респондента, сведенными к галочкам и кружкам рядом с заранее составленными социологом и напечатанными в списке вопросах. В интервью социолог как бы совершает насилие над другими людьми: во-первых, физическое — когда

на пороге дома добивается согласия на вторжение в чужую жизнь, во-вторых, психологическое — когда навязывает свою систему рассуждений и вопросов, содержащихся в вопроснике.

Подобная власть того, кто формулирует вопросы, над тем, кто отвечает на них, оказывается как бы перевернутой в автобиографии: ситуация исповеди освобождает рассказчика, информанта, от роли «ответчика на вопросы» и, с другой стороны, втягивает социолога как представителя «подразумеваемого слушателя или читателя» в ситуацию невмешательства в ход рассказа, в молчаливое выслушивание. Информант свою исповедь не может рассказывать в никуда, он адресуется, но не к реальному слушателю-социологу, а, как считает Мартина Бургос, к «подразумеваемому читателю». Помимо подобной инверсии она выделяет также перенесение и преодоление как специфические признаки жизненной истории, отличающие исповедь от обычного взаимодействия интервьюера и интервьюируемого.

Становясь рассказчиком, интервьюируемый предлагает свое видение мира и себя в нем, в ходе исповеди продуцируемый мир, отличающийся как всякая интерпретация от реального, приобретает связность, цельность и логичность благодаря наличию рассказчика. Перенесение реального мира в проецируемый рассказчиком и составляет особенность биографии как вида интервью, причем это существование проекции возможно благодаря непринужденности, что ли, ситуации, когда социолог выступает скорее в роли помощника, чем наставника. Что касается рассказчика, то он выступает в трех ипостасях, рассказывая о своей жизни от первого лица: в качестве субъекта ситуации интервью (интервьюируемого), в качестве рассказчика и в качестве героя повествования (индивидуального или как члена семьи). Преодоление характеризует некую тождественность реального и интерпретируемого мира — автобиографические материалы и модели как фрагменты биографии, как бы ни были они полны, никогда не становятся историей жизни. Последняя возникает из синтезирования разнородных элементов в сюжете, благодаря которому достигается согласие между фрагментами (поиск согласия вообще составляет «неустранимую предпосылку» коммуникационного дискурса¹⁷⁸).

Мартина Бургос настаивает на том, что о жизненной истории можно говорить, если в исповеди есть сюжет, т.е. некая начальная ситуация-завязка, потом событие, прерывающее автоматизм стабильности и порядка, и наконец, развязка когда восстанавливается старый или учреждается новый порядок. Опыт показывает, что подлинные жизненные истории складываются, если приобретают фор-

му эпического романа и рассказчику удается в разных контекстах придерживаться общей модели. Непрерывность рассказа и прерывность жизненной линии лучше всего сосуществуют в форме беллетризованного повествования.

Следует отличать многочисленные автобиографии, написанные мемуаристами-непрофессионалами (это превосходные источники для социологического исследования), от историй жизни как редуцированных, заниженных версий беллетристической литературы. Первые — автобиографические свидетельства, простые, искренние, в чем-то примитивные, без признаков литературного стиля. Вторые предполагают стиль, ибо Я рассказчика функционирует своеобразно: в начале рассказа некая отстраненность, потом постепенно Я включается в роль рассказчика, усиливающуюся по ходу изложения своей жизни.

Каким образом можно отличить текст, составленный из кусочков и фрагментов рассказов о практических событиях личной и семейной жизни, от текстов — историй жизни? Это делается посредством изучения всего процесса создания жизненных историй, от начала интервью до анализа данных. М. Бургос рекомендует следующие принципы включения повествовательных историй в аналитический процесс:

«Во-первых, надо точно определить “подразумеваемого читателя” внутри самого рассказа, чтобы установить, кому в действительности адресуется история жизни. Во-вторых, важно узнать тот конкретный вид внутреннего напряжения, который порождает потребность рассказывать свою историю жизни, ибо можно быть уверенным, что рассказывание истории своей жизни — событие далеко не “естественное”. История жизни может быть понята как реакция на ситуацию, в которой под угрозой оказывается самоопределение субъекта... Сообщая о своем жизненном пути, человек избавляется от неудобной жизненной ситуации, изживает неприятности. Таким образом, история жизни возникает, видимо, как результат экзистенциальных трудностей.

Далее, нельзя забывать, что история жизни рождается из взаимодействия двух усилий — из результата воспоминаний рассказчика о своем детстве, этом введении в основную историю жизни, и из того, что существует в настоящем времени, в рассказывании, что и создает историю жизни как повествовательную форму...

...Я считаю истории жизни лучшим, возможно единственным материалом, могущим послужить основой исследования того, как индивид строит социальный образ самого себя в результате жизненного взаимодействия нескольких сил. Начав со “вступительной сце-

ны детства” (которую рассказ должен отнести в прошлое как нечто преодоленное, чья функция в рассказе — быть моментом выделения себя из малого сообщества и... формирования самосознания), рассказ продолжается вплоть до самого момента повествования. Эта последовательность подразумевает способность рассказчика иметь единую точку зрения на сменяющиеся друг друга этапы жизни — жизни, рассматриваемой как долгое путешествие. Побуждение рассказывать историю своей жизни возникает из ощущения, что такая длительность... находится под угрозой... Отсюда... потребность оставить метку как личный вызов непрерывному течению времени, как свидетельство индивидуально-особенного пути отрицания смерти. Это дважды проявляется в структуре жизненной истории: в первый раз при отрицании малого сообщества... во-второй раз как неизбежный конец любой индивидуальной истории»¹⁷⁹.

Разумеется, многое из сказанного относится и к рассказам членов семьи о семьях, в которых им приходилось существовать, — о родительской семье, о своей репродуктивной семье и о семьях своих детей. Интерпретация возникающих в жизненных историях образов семьи целиком зависит от содержательных теорий применяемых исследователями. Различие концептуальных парадигм в полной мере проявится при альтернативных интерпретациях материалов одних и тех же историй семей (кстати говоря, это хороший способ сопоставления противоположных теорий — взять и посмотреть взаимоисключающие объяснения одних и тех же жизненных биографий семей).

В последние годы заметен подъем интереса к биографическому методу, и не только со стороны тех, кому не мила социология, оперирующая цифрами. «В настоящее время, — отмечают авторы “Введения” к книге “Судьбы людей”, — он используется везде, где исследователя интересует субъективный опыт переживания социально-исторических процессов (войны, революции, кризисы, миграция) и определенных фаз человеческой жизни (детство, болезнь и смерть)»¹⁸⁰.

Метод жизненных историй людей оказывается одновременно средством изучения семейных биографий.

«Одной из разновидностей биографического метода является реконструкция истории семьи на протяжении нескольких поколений в рамках меняющегося социального контекста. Этот способ был назван методом социальных генеалогий в комментариях и сравнениях. Данная техника состоит во включении в поле опроса нескольких поколений родственников, в том числе пожилых людей, открывших благодаря их семейной памяти доступ к истории своих родителей, рож-

денных в начале века. Информация о родственниках позволяет наблюдать историю параллельных и перекрещивающихся линий родства. Основанный на анализе биографических текстов, метод социальных генеалогий впервые был применен в 1980-е гг. во Франции, Англии и Квебеке (Канада), где дал интересные результаты. Исследования продемонстрировали богатство жизни простых людей, их надежды, поступки, особенности вербального взаимодействия, т.е. раскрыли малоизвестную повседневную историю народной жизни. Результаты исследования показали, что не столько правительства управляют страной, сколько жизненные стратегии обывателей, формирующиеся в рамках определенной свободы выбора и характера ее использования. Такие стратегии способны перекраивать общество. Так, например, переход от сословного к буржуазному обществу в Англии на рубеже XIX—XX вв. был подготовлен в том числе и изменениями в воспитательной стратегии родителей, ориентировавших следующее поколение совсем на другие ценности, отличные от ценностей викторианского периода»¹⁸¹.

Названная книга представляет собой применение метода реконструкции истории семьи в России. Цель проекта состояла в том, чтобы на основании реконструкции истории семей, представляющих разные социальные страты, выяснить, чем определялась жизнь советского человека, какие стратегии вели к жизненному успеху и восхождению по социальной лестнице, а какие, напротив, имели своим результатом нисходящую социальную мобильность. «Мы пытались, — отмечают авторы, — определить ожидания родителей по отношению к детям, социальные возможности семей и ограничения при выборе их членами определенных жизненных стратегий... Для биографического анализа... было отобрано 68 семей, в каждой проинтервьюировано 2–3 члена семьи, в том числе молодой респондент (поколение детей), а также один или два представителя старших поколений... Младшее поколение родилось в 1965–1967 гг. Их родители — в основном в 1930–40-е гг. Дедушки и бабушки, как правило, 1900–1920 гг. рождения, а их родители, в свою очередь, встретили революцию уже будучи взрослыми людьми... Каждый рассказ о семье содержал сведения не только о самом респонденте и ближайших родственниках, но и информацию о “большом семейном клане”, куда включались также тети и дяди, их мужья и жены, двоюродные сестры и братья, племянники и другие родственники. Поэтому каждая история описывает траектории жизни 20–30 членов семьи. В общей сложности мы получили данные о 2000 человек. Факты биографий этих людей в качестве информационной базы занесены в компьютер»¹⁸².

Для иллюстрации аналитической работы с историями семей приведем фрагменты статьи В. Семеновой «Бабушки: семейные и социальные функции прародительского поколения», в которой проверялась гипотеза о принятии в советский период бабушками на себя воспитательной роли матери, поскольку профессиональная занятость их дочерей исключала материнство. При этом также выяснялось, какой культурный капитал и каким способом транслировали бабушки внукам и в какой мере эта передача способствовала выживанию законсервированного дореволюционного слоя российской культуры. Семейные связи играют большую роль в российской и европейской моделях поддержки жизненного старта новых поколений. «В социологии этот механизм традиционно носит название “семейного капитала”, куда относят финансовое положение семьи (доходы, условия жизни, систему обеспечения), систему социальных связей и культурный статус семьи (система ценностей, семейных отношений и эмоциональных связей), которые определяют социальный статус выходцев из данной семьи. Накопленный семейный капитал как бы символизирует планку, с которой начинают последующие поколения свой жизненный старт, наращивая или, наоборот, преуменьшая достижения предыдущих поколений. Однако в ситуации советской России, в течение нескольких десятилетий отсутствия частной собственности размер финансового капитала у семей был малодифференцированным и приближался к уровню нищенского состояния для большинства семей. Несмотря на это, выходцы из различных семей все равно начинали свою жизнь с разным стартовым капиталом и, в зависимости от него, продвигались на разные этажи социальной иерархии и попадали в разные социальные ниши»¹⁸³.

Среди расширенных семей были взяты 30 семей, где внуки 1965–1967 гг. рождения находились в течение 1970-х гг. в непосредственном контакте с прародителями 1900–1915 гг. рождения, причем выделялись две категории семей: 8 семей, где прародители происходили из бывших образованных слоев, и 22 семьи, где прародители из необразованных рабоче-крестьянских семей. Крупнейший отечественный социолог Ю.А. Левада, подвергшийся гонениям за свои «Лекции по социологии», считает, что советская история знала лишь одно поколение вполне советских людей — вступившее в активную социальную жизнь в 1930–50-е гг.¹⁸⁴ Это как раз поколение матерей в данном исследовании, вовлеченных поголовно в общественное, точнее государственное, производство и потому подвергшихся депривации, изоляции от собственных детей. Крах советского государства, по мнению многих социологов, считается

обусловленным тем, что «собственно советское» поколение оказалось неспособным воспроизвести свою систему «советских» ценностей, хотя возможно и другое толкование.

«Самое советское» поколение лишь внешне, формально приняло советский официоз, а жило по другим нормам, стремясь к благополучию и буржуазному (мещанскому) образу жизни («вы делаете вид, что платите заработную плату, мы делаем вид, что работаем»; это распространялось и на идеологию — «вы делаете вид, что мы строим коммунизм, мы делаем вид, что вы строите»). Двойной стандарт был характерен не только для беспартийных, официоз стал вывеской, и система карала лишь тех «двоемыслов», кто отваживался на диссидентскую демонстрацию того, о чем все думали и что не боялись обсуждать на кухнях. Просто диссиденты принимали всерьез коммунистическую идеологию, а остальные халтурили. Массовое охалтуривание «высокой» идеологии обнаружилось в августовском фарсе — никто из путчистов не решился на то, что, не раздумывая, совершил бы любой «верный ленинец» (как например, Хрущев в Новочеркасске). Демографическое вымирание поколений советских людей (рожденных в 1910–20-е гг. и ликвидировавших безграмотность по большевистским азбукам) привело, в общем-то, к тихому уходу советского строя.

Поколение прародителей в рассматриваемом исследовании семейных историй жизни несло в себе отголоски дореволюционной культуры и следы культурной революции. Бабушки — выходцы из крестьянских семей — в большинстве своем имели образование до 6 классов и не обладали детальной памятью о своих предках, чему способствовали многочисленные факты фальсификации семейных документов в послереволюционное время (замена имен, подтасовка метрик о рождении, ликвидация семей фотоальбомов и т.п. в связи с необходимостью скрывать принадлежность к «кулакам», репрессированным, церкви, службу в белой армии и т.п.). Вот иллюстрация этого из рассказа: «В свое время гражданская война перемешала очень много людей, семей, люди не то чтобы стыдились своих родственников, а боялись, что эти родственники, которые сами погибли или умерли, приведут за собой, как тень, в семью дополнительные несчастья, и поэтому проблема родственников не обсуждалась никогда. А теперь, как следствие этого, очень многие люди за редким исключением не знают своих родственников дальше родителей». Но главное, что все эти факты связаны с разрушением семейного капитала и заменой культурного механизма семейно-корпоративной поддержки механизмом индивидуальной карьеры — каждое новое семейное поколение как бы начинало жизнь с нуля.

Бабушки этой категории мало что рассказывали внукам о прошлом, в случае их религиозности общение специально ограничивалось родителями. В итоге формировался образ бабушки-няни, эмоционально сопереживавшей внукам, и эта их экспрессивная роль как бы компенсировала отсутствие информационной роли. Бабушка готовила еду, ходила по магазинам, ухаживала за внуками во время болезни, рассказывала сказки, никогда не наказывала, утешала и прощала все обиды, понимала детские проблемы. Таким образом, матери переадресовывали воспитательные функции бабушкам, а те оказывались неоплачиваемыми нянями и домработницами, так что воспитание старших сводилось к наставлениям по поводу школьных успехов детей и упорства в труде ради будущего продвижения на работе.

Другая категория бабушек из образованных слоев смогла сохранить и передать внукам элементы дореволюционной семейной культуры. Они учили внуков грамоте еще до школы, прививали любовь к русской литературе, практиковали домашнее чтение вслух, устраивали домашние театры, служили образцом манер и правил поведения. «Мне бабушка в детстве часто пела колыбельные песни. Только позже я поняла, что это были и не колыбельные вовсе, а переложенные на примитивный мотив колыбельных стихотворения из русской классики. Некоторые из них я учила потом в школе, но многие так и остались неизвестными для меня. Уже в подростковом возрасте я натолкнулась на старый дореволюционный учебник словесности для гимназий. Вот там я и нашла большинство тех стихов, которые пела мне бабушка в детстве». Конечно, бабушки не могли избежать также роли няни, но это совмещалось с приобщением детей к семейным традициям через домашнее воспитание (иностранные языки, музыка и художественное воспитание). Школьное влияние накладывалось на базу домашнего, бабушкиного, которое вряд ли можно считать дополнительным. В таких семьях складывались высокие ожидания, так сказать, элитарного свойства, которые, как правило, реализовывались. Хотя внуки не повторяли жизненные стратегии предыдущих поколений, тем не менее семейный багаж расширял возможности жизненного выбора.

В заключение В. Семенова приходит к выводу, что «функции образованных бабушек сводились не только к семейным ролям воспитателей внуков, но и к социальной роли ретранслятора семейно-сословной культуры дореволюционной России. В условиях подавления и противодействия со стороны господствующей “советской культуры” они были важным каналом выживания и передачи дореволюционной культуры своим потомкам, ориентировали их на статус интеллектуальной элиты в рамках советской системы. Функции

необразованных бабушек сводились в основном к семейным ролям эмоциональной защиты внуков от враждебного внешнего социального воздействия — другими словами, к “смягчению ударов судьбы” и эмоциональному воспитанию внуков. Социальной роли ретранслятора они, скорее всего, не выполняли»¹⁸⁵.

Анализ историй семьи может отличаться от того, что описан выше. В зависимости от целей исследования и теоретических предпосылок могут применяться различные средства и методы. Важно другое — проводить четкое различие между инструментальным и социально-символическим подходами к биографиям семей, изложенным их членами. Дальнейшее развитие терминологии и процедур биографического метода, видимо, будет успешнее всего в рамках феноменологической перспективы.

Основные положения главы 4

1. В микросоциологии семьи центральным направлением является изучение семейного цикла жизни, объясняющее особенности возникновения, функционирования и распада отдельных семей. В общенациональном масштабе с помощью статистического наблюдения можно установить наиболее распространенные или типические траектории жизненного движения семей, а также оценить вероятность любых линий семейного движения (развития).
2. Статистическое знание о стадиях семейного цикла помогает сформулировать законы микросемейных изменений, делая будущее брачных когорт в значительной мере предрешенным. Семейный цикл жизни не совпадает с жизненным циклом личности, но в случае редуцирования к нему свидетельствует о дезорганизации семейного образа жизни и крахе семьи.
3. Термин «семейный цикл» позволяет подчеркнуть повторяемость последовательных стадий и событий, которая налицо в расширенной семье при кругообороте ориентационных — репродуктивных — семей и не наблюдается в нуклеарной семье, где можно говорить лишь о последовательности стадий, о смене одних этапов семейного цикла другими.
4. Статистическое изучение жизненного цикла семьи имеет в России богатую историю, связанную с типологизацией семей по составу при проведении переписей населения, где бралась за основу нуклеарная нерасширенная семья. Схема цикла нуклеарной семьи: брачная пара без детей — с детьми — вновь без детей. Четыре этапа семейного цикла: период роста до последнего рож-

дения, период стабильности от последнего рождения до отделения первого из детей, период зрелости, когда отделяются все дети, и период затухания от последнего отделения ребенка до смерти обоих родителей. Когортный анализ, или метод реального поколения в демографии, создан для прослеживания последовательных изменений семьи применительно ко всем вступившим в брак в каком-то году, ко всем родившим ребенка в такой-то период. Проведение продольного исследования семей в идеале позволяет проследить всю историю брачной или репродуктивной когорты, но требует нескольких десятилетий для своего завершения. Обычно берут вместо завершеного цикла одной когорты его отдельные стадии, изучаемые по нескольким когортам, т. е. дробят цикл на части, чтобы затем воссоздать своеобразную мозаику всего цикла целиком.

5. Идеальным примером цикличности в семейных изменениях является репродуктивный цикл, который был впервые статистически проанализирован М.В. Курманом, показавшим феноменальное сокращение длительности репродуктивного периода с 1935 по 1995 г. с 20,7 до 3,6 года (и длительности стадии рождения детей соответственно с 18,8 до 2,5 года).
6. Основной критерий выделения стадий семейного цикла — родительство. В полном семейном цикле четыре стадии: предродительства, репродуктивного родительства, социализационного родительства и прародительства. Неполнота семейного цикла связана с его прекращением из-за разъединения членов семьи, разводов и смертей, разного рода вынужденных и добровольных разлук. При этом разлуки супругов именуется разделением, а разлуки родителей с детьми — депривацией. Учет всех видов неполноты ведет к сложным траекториям семейного цикла. Переход от одних стадий цикла к другим является стрессогенным, и не все семьи успешно справляются с этой неизбежностью. Смысл семейной социотерапии заключается в активизации потенциала семьи по выработке адекватных средств купирования стрессов.
7. Концепция семейного цикла учитывается в изучении образа или качества жизни, в исследованиях семейных бюджетов, доходов и расходов семьи и бюджетов времени. Общий и душевой доходы должны рассчитываться применительно к каждой из стадий семейного цикла. Результаты таганрогских исследований убедительно показывают постоянное снижение душевого дохода в течение 15 лет брака в связи с появлением детей, рост дохода в последующие 15 лет взросления детей и вновь после 30 лет —

- снижение дохода после выхода на пенсию родителей (в однодетных семьях снижение дохода ограничивается первыми четырьмя годами брака, хотя существенных различий в материальном положении семей с одним и двумя детьми не наблюдается). «Прямая» и обратная связь между уровнем дохода и числом детей в семье находят объяснение при использовании данных о динамике доходов.
8. Структуры доходов семьи и организации потребления существенно различаются по стадиям семейного цикла. Необходимо видеть разницу в исчислении реального дохода семьи в советский и постсоветский периоды, источников формирования семейного бюджета. Для рыночной экономики характерен рост доли двухдоходных семей (точнее, двухзарплатных) в сравнении с однодоходными семьями. Индекс А/Б позволяет зафиксировать тенденцию превращения экономики в гендерную ($A/B = 2,0$) и отхода от семейной экономики ($A/B = 1,0$). В настоящее время в США этот индекс равен 1,74 и характеризует ориентацию экономики на полную занятость женщин в наемном труде; в России он уже несколько десятилетий на предельно высокой отметке.
 9. Ныне все официальные данные по структуре доходов и потребления в России строятся в расчете на индивида, а не на семью. Средние индивидуальные показатели, сопоставленные с прожиточным минимумом индивида, не отражают реального положения семьи, тем более по стадиям семейного цикла. Переход к исчислению совокупного дохода семьи и душевого дохода позволил бы точнее определить снижение уровня жизни на первых стадиях семейного цикла, ухудшение структуры семейного потребления.
 10. Бюджет времени семьи дополняет картину семейной динамики по бюджетам доходов и расходов, характеризуя структуру семейного и внесемейного общения. Бюджет времени является моделью повседневного поведения семьи, фотографией быта и семейной самоорганизации.
 11. Структура семейных ролей определяется целостностью родительства — родства — супружества. Метод комплектности семейных ролей позволяет установить полный набор из 12 ролей, комбинации которых создают 21 тип семейной структуры. Расчет числа возможных интеракций по размеру семьи и числу детей показывает значимость коммуникации между родителями и детьми.
 12. Критерий различения нуклеарных и расширенных семей определяется числом нуклеарных позиций. Полная нуклеарная се-

мья имеет только три нуклеарные позиции: мужа-отца, жены-матери, ребенка-сiblingа. Превышение числа этих позиций образует различные виды расширенной семьи (стержневая, линейная и полная расширенная семья). Необходимо отличать их от разновидностей, образуемых по степени влияния и лидерства в семье (патриархальная — матриархальная, синкретическая и т.д.). Методы определения структур первичного, вторичного и третичного родства, существующие в антропологии, позволяют оценить их редукцию при распространении современной семьи. Способ определения родства по отношению к ЭГО раскрывает соотношенность социальной реальности родства с личностным смыслом для социального субъекта. Система родства и свойства не существует безотносительно к отдельному Я и являет собой пример конструирования социального мира на уровне обыденных интерпретаций.

13. Семейная генеалогия — метод построения «древа» линий родства по принципу происхождения. Генеалогическая социология исследует родословные не только царей и аристократов, но и представителей других классов и слоев общества. Генеалогия как метод реконструкции семейной истории не редуцируется до фиксации дат и имен. В социологии семьи этот метод обретает статус самостоятельного направления, главной задачей которого становятся наблюдение и изучение длительного существования семейного рода. Следует различать научный метод генеалогии (для доказательства родства) и бытовой, дополнительный метод семейной генеалогии. Различают родословные: восходящую и нисходящую, мужскую и смешанную. Все виды родословной изображаются с помощью родословных таблиц, генеалогического древа и родословной росписи. Схемы построения генеалогического древа и генеалогических линий семейных родов в истории и этнографии существенно отличаются от приемов, сложившихся в социологии и психологии. Генограммы и геносоциограммы представляют собой способы поиска цикличности, повторяемости различных явлений у представителей разных семейных эпох и поколений. Геносоциограмма учитывает психосоматическую наследственность семьи в нескольких поколениях и помогает каждому человеку осознать свой жизненный сценарий, прервать неблагоприятную цепь семейных событий. Представители школы Морено применяют геносоциограммы в индивидуальной и групповой психотерапии, в тренинговых группах.
14. Метод семейных биографий, или жизненных историй, относится к качественным методам исследования, привлекающим внима-

ние к огромной роли теории в интерпретации собранного материала. При большом числе изучаемых биографий семей необходимы кодификация и квантификация данных, аналогичные тем, что используются в контент-анализе. Метод жизненной истории оказывается чаще всего разновидностью глубинного интервью и несет в себе все достоинства и недостатки нестандартизированного опроса. В личном свидетельстве об истории своей жизни, в сюжете и сценарии отдельных человеческих судеб социологи-антипозитивисты увидели возможность возвращения к человеку, потерянному в лабиринтах «квантофренических измерений». Ситуация исповеди освобождает от роли «ответчика на вопросы» и переносит реальный мир в проецируемый по ходу рассказа. При этом рассказчик выступает в трех ипостасях: в качестве субъекта ситуации интервью, в качестве героя повествования и в качестве рассказчика.

Ключевые термины

Бюджет времени семьи как модель повседневного поведения и общения	Метод семейных биографий или жизненных историй
Восходящие и нисходящие родовые	Метод условного поколения
Вынужденные и добровольные разлуки	Мужское и смешанное родословие
Генеалогическое дерево и способы его изображения	Научный метод генеалогии
Генограммы и геносоциограммы в психологии и социологии	Неполнота семейного цикла
Двухзарплатные и однодоходные семьи	Нормально-критический переход
Депарентализация	Нуклеарные позиции
Депривация	Общий и душевой доход
Дети — сиблинги	Первичное, вторичное и третичное родство
Индекс А/Б	Полный семейный цикл
Классификации и схемы семейного цикла	Прародительство
Когортный анализ	Предродительство
Комплектность семейных ролей	Продольное — поперечное исследование
Коньюгализация	Разновидности расширенной семьи (стержневая, линейная, составная и полная расширенная)
Метод определения числа семейных интеракций	Разъединение
Метод реального поколения	Редукция семейного цикла
	Репродуктивное родительство
	Ретроспективный метод
	Родословная таблица

Родство и свойство	смене ориентационных и репродуктивных семей
Семейная генеалогия	Семьи и домохозяйства
Семейная и гендерная экономика	Ситуация исповеди и три роли рассказчика истории жизни
Семейные бюджеты доходов и потребления	Социализационное родительство
Семейные группы	Стрессогенность семейного цикла
Семейный цикл — повторяемость семейных событий и стадий при	Традиционная и современная семья

Контрольные вопросы

1. В чем отличие социологического изучения жизненного цикла семьи от демографического? Почему цикличность не наблюдается, строго говоря, применительно к нукlearной семье? Возможен ли феноменологический подход к анализу семейного цикла жизни?
2. Каким образом в статистических типологиях состава семей может учитываться динамика развития отдельной семьи? Полный семейный цикл и его неполнота — сходство и различие семейной «карьеру». Виды вынужденной депривации и вынужденного разделения — что влияет чаще и сильнее на неполноту цикла?
3. Какие события семейного цикла самые стрессогенные? Расшифруйте значения *ABC* и *X* в теории *ABC-X* стресса.
4. На какой стадии жизненного цикла семьи впервые наблюдается рост общего дохода семьи? А о чем говорит рост индекса *A/B*?
5. Когда бюджет времени семьи (на какой стадии цикла) редуцируется почти до индивидуального бюджета взрослого члена семьи?
6. Почему определение комплектности семейных ролей оказывается ослабленным, если в качестве критерия используется позиция внешнего наблюдателя «в семье есть...»?
7. Сколько интеракций в семье, где имеется пять детей, из которых четверо одного пола? А сколько в среднететной семье с четырьмя дочерьми? Сколько родственных уз остается в системе полной однететной семьи (сколько остается типов первичного родства из 7, вторичного из 33, третичного из 151)?
8. Предлагается читателям составить (по критерию заболеваний и смертей) геносоциогаммы для своей расширенной системы родства или друзей и знакомых, предварительно составив родословные таблицы и родословные росписи.
9. Может ли рассматриваться биографический метод как наиболее яркий пример торжества индивидуальной методологии и чем отличается от него метод жизненных историй семьи?

Литература

- Аксенов А.И.* Генеалогия московского купечества XVII в. М., 1988.
- Бургос Мартина.* История жизни. Рассказывание и поиск себя// Вопросы социологии. Том 1. 1992. № 2.
- Бюджет времени. Вопросы изучения и использования. Новосибирск, 1977.
- Варга А.Я., Дробкина Т.С.* Системная семейная психотерапия. СПб., 2001.
- Герасимова И.А.* Структура семьи. М., 1976.
- Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Человек после работы. Социальные проблемы быта и нерабочего времени. М., 1972.
- Елизаров В.В.* Перспективы исследования семьи. М., 1987.
- Михеева А.Р.* Сельская семья в Сибири: жизненный цикл и благосостояние. Новосибирск, 1993.
- Народное благосостояние. Тенденции и перспективы. М., 1991.
- Психодрама — вдохновение и техника/Под ред. П. Холмса и М. Карп. М., 1997.
- Савелов Л.М.* Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском археологическом институте // Воспроизведение издания 1909 г., 1994.
- Семенов Ю.И.* Происхождение брака и семьи. М., 1974.
- Семья в России. 1995. № 3–4.
- Сколько Вам лет? Линии жизни глазами психолога / Под ред. А. Кролика. М., 1993.
- Социология семьи / Под ред. А.И. Антонова. М., 2004.
- Статистика бюджетов времени трудящихся. М., 1967.
- Судьбы людей: Россия XX век. (Биографии семей как объект социологического исследования.) / Отв. ред. В. Семенова, Е. Фотеева. М., 1996.
- Томпсон Пол.* История жизни и анализ социальных изменений// Вопросы социологии. 1993. № 1–2; Он же: Голос прошлого. Устная история. М., 2003.
- Шутценбергер Анн.* Синдром предков. М., 2001.
- Goode W.* World revolution and Family patterns. N.Y., 1963.
- Glick P.C.* Demographic Analysis of Family Date // Handbook of Marriage and the Family. Chicago, 1967.
- Mattessich P. and Hill R.* Life Cycle and Family Development // Handbook of Marriage and the Family. Ed. M. Sussman & S. Steinmetz. N.Y. — London, 1987.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹¹¹ ЦСУ при Совете Министров СССР//Всероссийская перепись населения — всенародное дело. М., 1978. С. 17.
- ¹¹² Там же. С. 23.
- ¹¹³ Там же. С. 25.
- ¹¹⁴ ЦСУ СССР. Итоги всесоюзной переписи населения 1970 года. Том VII. М., 1974. С. 4–5.
- ¹¹⁵ Население России 1996 / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М., 1997. С. 19.
- ¹¹⁶ Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1984.
- ¹¹⁷ Население России 1996. С. 39.
- ¹¹⁸ *Воробьев П.И.* Семья в Нерехте. (К вопросу об анализе семьи) // Вестник статистики. 1925. № 1–3.
- ¹¹⁹ *Герасимова И.А.* Структура семьи. М., 1976.
- ¹²⁰ *Герасимова И.А.* Указ. соч. С. 36.
- ¹²¹ *Ружже В.Л., Елисеева И.И., Кадибур Т.С.* Структура и функции семейных групп. М., 1983.
- ¹²² См.: Социология семьи / Под ред. А.И. Антонова. М., 2004.
- ¹²³ *Горелик В.К., Волга И.С.* К вопросу о классификации семей//Вопросы демографии. Киев, 1968. См. также статью Н.С. Волги // Проблемы быта, брака и семьи. Вильнюс, 1970. С. 60.
- ¹²⁴ *Васильева Э.К.* Семья и ее функции. М., 1975. С. 82–83.
- ¹²⁵ *Герасимова И.А.* Структура семьи. С. 126–130.
- ¹²⁶ См. например: Народонаселение. Энциклопедический справочник. М., 1994; Демография поколений. М., 1972.
- ¹²⁷ См., например, указанное сочинение Э.К. Васильевой, где описывается статистическое наблюдение ленинградских семей с интервалом в 10 лет, а также статью В. Баршиса о вильнюсском исследовании трех брачных когорт: Семья и дети / Под ред. А.И. Антонова. МГУ., 1982.
- ¹²⁸ См. подробнее о репродуктивном цикле: *Антонов А.И.* Социология рождаемости. С. 99.
- ¹²⁹ *Glick P.C.* The Family Life Cycle//American Sociological Review.1947. Vol 12. P. 164.
- ¹³⁰ См.: Социология семьи / Под ред. А.И. Антонова. М., 2004.
- ¹³¹ Jon Davis (editor) & Brigitte Berger & Allan Carlson /The Family. Is It Just Another Lifestyle Choice? London.1993. p. 5, 25.
- ¹³² *Урланис Б.П.* История одного поколения. (Социально-демографический очерк). М., 1968.
- ¹³³ В американской социологии семьи «семейная карьера» часто используется в качестве термина, обозначающего, как и в мире профессий, успех, взлет и неудачи, крах семьи. Причем имеется в виду не повышение социального статуса или благосостояния благодаря заключению брака, а собственно сама судьба семьи. Модальной или «неповрежденной» семьей называется семья, достигшая без повреждений и отклонений завершающей стадии семейного цикла. С другой стороны, семьи, не достигающие этой полноты цикла, характеризуются неудачной семейной карьерой.

¹³⁴ *Mattessich P. and Hill R.* Life Cycle and Family Development // Handbook of Marriage and the Family // Ed. M. Sussman & Suzanne Steinmetz. N.Y. & L. 1987, p. 439.

¹³⁵ *Mattessich P. and Hill R.* Op. cit., p. 447.

¹³⁶ Op. cit., p. 454.

¹³⁷ Op. cit., p. 442.

¹³⁸ *Holmes T. & Rahe R.* The social readjustment rating scale. // Journal of Psychosomatic Medicine. Vol. 11/1967/

¹³⁹ *Mattessich P. & Hill R.* Op. cit. 440, 455. В теории *ABC-X* стресса *A* есть стрессовое событие, *B* – ресурсы семьи в момент стресса, т.е. выхода семейной системы из состояния равновесия, *C* – восприятие, определение стрессовой ситуации членами семьи, *X* – уровень стресса или семейного кризиса.

¹⁴⁰ Op. cit. p. 457–458.

¹⁴¹ *Гордон Л.А., Клопов Э.В., Оников Л.А.* Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра. М., 1977. С. 109.

¹⁴² Народное благосостояние. Тенденции и перспективы / Отв. ред. Н.М. Римащевская, Л.А. Оников. М., 1991. С. 133.

¹⁴³ Там же. С. 131–132.

¹⁴⁴ *Carlson A.* Beyond the // Family Wage // Quandary // Семья в России. 1995. № 3–4. С. 140.

¹⁴⁵ *Антонов А.И.* (ред.) Социология семьи. М., 2004.

¹⁴⁶ *Здравомыслова О.М., Арутюнян М.Ю.* Российская семья: стратегии выживания // Семья в России. 1995. № 3–4. С. 100.

¹⁴⁷ За основу взята схема из: *Левин Б.М., Петрович М.Б.* Экономическая функция семьи. М., 1984. С. 94.

¹⁴⁸ Данные взяты из: *Зверева Н.В.* Влияние дохода и размера семьи на ее потребление в современной России // Семья в России. 1996. № 1. С. 100, 110–112.

¹⁴⁹ Цит. по: Бюджет времени. Вопросы изучения и использования. Новосибирск, 1977. С. 13.

¹⁵⁰ Там же. С. 79.

¹⁵¹ Там же. С. 23–24.

¹⁵² Семья и народное благосостояние в развитом социалистическом обществе. М., 1985. С. 210.

¹⁵³ *Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Человек после работы. Социальные проблемы быта и нерабочего времени. М., 1972. С. 220.

¹⁵⁴ *Гордон Л.А., Клопов Э.В., Оников Л.А.* Черты социалистического образа жизни... С. 149.

¹⁵⁵ *Патрушев В.Д., Караханова Т.М., Темницкий А.Л.* Жизнь горожанина десять лет спустя: панельное обследование псковитян в 1986 и 1995 годах // Социологический журнал. 1996. № 1/2. С. 161–168.

¹⁵⁶ См.: Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1994. № 6. С. 46–83. См. др. выпуски данного издания.

¹⁵⁷ *Стасяк Г.* Городская семья как система социального поведения. – В кн.: Социологические проблемы польского города. М., 1966. С. 340.

¹⁵⁸ *Murdock G.P.* Social structure. N.Y. 1949; *Мердок Дж.П.* Социальная структура. М., 2003.

- ¹⁵⁹ *Goode W.* World revolution and family patterns. N.Y. 1963. p. 7–10, *Goode W.* The family. N.J. 1963. p. 51–52.
- ¹⁶⁰ *Zeldich M.* Family, Marriage and Kinship. \ Handbook of Modern Sociology. Chicago. 1964.
- ¹⁶¹ *Семенов Ю.И.* Происхождение брака и семьи. М., 1974. С. 16–20.
- ¹⁶² Там же. С. 23.
- ¹⁶³ *Ласлетт П.* Семья и домохозяйство: исторический подход // Брак, семья, рождаемость за три века. М., 1977. С. 136.
- ¹⁶⁴ *Аксенов А.И.* Генеалогия московского купечества XVIII в. (Из истории формирования русской буржуазии). М., 1988. С. 10.
- ¹⁶⁵ Судьбы людей: Россия XX век (Биографии семей как объект социологического исследования) / Отв. ред. В.Семенова, Е. Фотеева. М., 1996.
- ¹⁶⁶ *Аксенов А.И.* Указ. соч. С. 10.
- ¹⁶⁷ *Lupton T. & Wilson Shirly/* The Kinship Connections of «Top Decision Makers». – Manchester School of Economic and Social Studies. Vol. 27. 1959.
- ¹⁶⁸ *Шафрановский И.И.* Параллелизм и периодичность в истории науки и литературы // Циклы природы и общества. Выпуск 4. Ставрополь, 1995. С. 78–79.
- ¹⁶⁹ Психодрама – вдохновение и техника / Под ред. П. Холмса и М. Карп. М., 1997. С. 231–235.
- ¹⁷⁰ *Захаров А.И.* Семейное воспитание и его дефекты // Социальная психология личности. Л., 1974. С. 193–197; Он же: Как предупредить отклонения в поведении ребенка. М., 1986.
- ¹⁷¹ *Савелов Л.М.* Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском археологическом институте. Репринтное воспроизведение издания 1909 года. М., 1994. С. 21.
- ¹⁷² *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.
- ¹⁷³ См. об этом подробнее: Семья и дети. МГУ. 1982.
- ¹⁷⁴ Сколько Вам лет? Линии жизни глазами психолога. Под ред. А.А. Кроника. М., 1993. С. 7–8.
- ¹⁷⁵ *LifeLine* и другие новые методы психологии жизненного пути / Под ред. А.Кроника. М., 1993.
- ¹⁷⁶ Цит. по рецензии В.Семеновича на кн.: *Пламмер К.* Документы жизни. Введение в проблематику и литературу по гуманистическому методу. Лондон. 1990 // Вопросы социологии. 1993. № 1–2. С. 167–168.
- ¹⁷⁷ *Томпсон Пол.* История жизни и анализ социальных изменений // Вопросы социологии 1993. № 1–2, С. 129–130.
- ¹⁷⁸ Дискурс — социально выраженное рассуждение, хотя и объединяет субъекта изложения с субъектом высказывания в вербальной (словесной) коммуникации, направленной на повествование о жизни индивида, тем не менее само по себе не является жизненной историей.
- ¹⁷⁹ *Бургос Мартина.* История жизни. Рассказывание и поиск себя // Вопросы социологии. Т. 1. № 2. 1992. С. 124–129.
- ¹⁸⁰ Судьбы людей: Россия XX век. С. 5
- ¹⁸¹ Там же. С. 9.

¹⁸² Там же. С. 8–10. См. подробнее о формализации базы данных об историях семей гл. 9. С. 419.

¹⁸³ Там же. С. 326–327.

¹⁸⁴ *Левада Ю.* (отв. ред.) Советский простой человек. М., 1993. С. 28.

¹⁸⁵ Судьбы людей... С. 352–353.

Глава 5

МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМЕЙНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Мне, в размышлении глубоком,
сказал однажды Лизимах:
«Что зрячий зрит здоровым оком,
Слепой не видит и в очках!»

Козьма Прутков

Краткое содержание главы

В микросоциологии семьи изучение семейного поведения составляет сердцевину всех исследований. Анализ закономерностей возникновения результатов семейного поведения в целом проявляется в траекториях семейного цикла. Когда же в центре внимания оказываются отдельные разновидности семейного поведения — брачного, репродуктивного, социализационного или родительского и самосохранительного, то интерес сосредоточивается прежде всего на процессах диспозиционной регуляции поведения. В рамках этого дискурса особое место отводится социально-психологическому механизму определения ситуаций — той самой движущей силе поведения, которая постоянно находится в поле зрения социологов при инструментальном подходе. Методология социологического исследования этого механизма вскрывает смысл постановки

тех или иных проблем, поиска методов для их решения, проникает в логику анализа данных, детерминируемую поведенческо-диспозиционной парадигмой. Реализация подобного подхода оказывается одновременно осуществлением системного исследования, тем более осязаемым, чем адекватнее концептуальный аппарат фиксирует поведение семьи как целостности, как единства семейного МЫ. Активизация семейной динамики, зависящая от соотношения между собой потребностей и результатов поведения, свое направление получает в зависимости от оценки возможностей и средств достижения целей, диктуемой иерархией жизненных ценностей семьи. Лучше всего удастся измерить и объяснить эту динамику при анализе брачного и репродуктивного поведения, и намного сложнее — социализационного и самосохранительного. В главе излагаются в основном методы исследования (сбора, обработки и анализа данных) инструментального свойства в связи с тем, что в практике социологических исследований семейного поведения почти отсутствует феноменологический анализ личностных значений семейной символики, индивидуальных интерпретаций взаимодействия отдельных Я с семейным МЫ. Причем методы исследования отдельных элементов диспозиционной системы поведения излагаются подробнее применительно к тем специфическим видам семейного поведения, где их измерение оказалось обеспеченным эмпирической информацией или интересными приемами. Так, степень совместимости потребностей членов семьи описана в разделе брачного поведения, техника фиксации установок и мотивов — в разделах репродуктивного и самосохранительного поведения, процедуры исследования ценностей и воздействия ценностных ориентаций на воспитание детей — в разделе социализационного поведения. Самые разработанные методики определения согласованности целей и результатов поведения (в связи с наличием моделей рутинного и проблемного принятия решений) относятся к области репродуктивного поведения личности и супружеской пары. Техника семантического дифференциала описана в разделе репродуктивного поведения, а шкалы страха смерти — в параграфе об экзистенциальном поведении.

Семейное поведение наряду с межличностными взаимоотношениями и межпоколенными связями составляет основной интерес микросоциологии семьи. Под семейным поведением в этой книге понимаются все те специфические проявления социального поведения, которые делают возможным функционирование супружества—родительства—родства. Это прежде всего брачное, репродуктивное и социализационное поведение, те разновидности семейного поведения, которые подчеркивают направленность на заключение брака, на рож-

дение и социализацию детей в семье. В рамках каждого из них предполагается и негативное развитие событий. Брачное поведение может закончиться разводом, репродуктивное — аборт, а воспитание ребенка — полным крахом. Тем не менее конституируют, формируют эти виды поведения позитивные аспекты действий, что и подчеркивается их наименованием, закрепляющим просемейный (в противовес внесемейному) характер данной разновидности человеческой жизнедеятельности.

К следующему виду семейного поведения относится все связанное с выживанием отдельных членов семьи и с сохранением семейной целостности, т.е. забота о здоровье и продлении сроков жизни. Негативные моменты — болезни, несчастные случаи, самоубийства, преждевременные смерти — также являются признаками самосохранительного, или экзистенциального, поведения. Само обращение к слову «поведение» призвано подчеркнуть роль индивидуальной и семейной активности, важность жизнеутверждающей стратегии в сопоставлении с отрицающей жизнь суицидальной тенденцией. Семьи могут отличаться друг от друга своей экзистенциальной практикой в том смысле, что все они, признавая ценность жизни и здоровья, тем не менее будут в одних случаях обнаруживать стремление к продлению срока жизни, к последовательной смене жизненных стадий, а в других — предпочитать такие символы престижа и такие средства их достижения, которые станут впоследствии ухудшать здоровье и сокращать сроки существования.

Обращение к поведенческой терминологии, выбор термина «поведение», а не «деятельность» следует оценивать через стремление охватить не только рациональные, целенаправленные виды человеческих действий, но и те, что не являются рациональными, а, скорее всего, представляют нечто импульсивное, непреднамеренное или что-то осуществляющееся «машинально», без влияния воли человека. Подход к семейному поведению сквозь призму принятия решений, выбора одной альтернативы из нескольких раскрывает в полной мере методологию инструментальности, формирования конечных результатов как следствий рационального выбора. Поведенческая парадигма включает в себя рациональное принятие решений или рационально осуществляемое социальное действие, но исходит из психологического определения ситуаций реализации тех или иных потребностей, из учета также не осознаваемых индивидами побуждений.

Применение поведенческого подхода, широко распространенное в социальных науках, в социологии и социальной психологии, позволяет осуществить не только инструментальный срез, но и по-

дойти к изучению подспудных, имплицитных значений, по разным причинам не осознаваемых адекватно, но реальных по своему влиянию на поведение. Вся масса внеинструментальных (по отношению к итоговому результату поведения) действий и отношений становится благодаря поведенческой ориентации доступной для исследования, а не исключаемой из анализа, как это происходит в теориях рациональности.

Таким образом, поведенческая интерпретация всего, что происходит в жизни семьи, содержит в исходных предпосылках возможность изучения социально-символического уклада семейного бытия. Есть еще одно преимущество поведенческого подхода к изучению семьи. Достаточная разработанность структуры диспозиционной регуляции поведения обладает, наряду с возможностями содержательной интерпретации брачного или репродуктивного поведения, также возможностями измерения отдельных элементов структуры.

5.1. Исследование диспозиций семейного поведения

В соответствии со схемой диспозиционной регуляции поведения (схема 5.1) выделяются методы исследования системы потребностей, методы исследования ситуаций семейного образа жизни, методы изучения механизма определения ситуаций и результатов поведения (линий поведения, если результаты рассматриваются применительно к жизненному циклу семьи).

Следует особо подчеркнуть, что в данном случае не ставится задача разработки сугубо семейных методов исследования или закрепления каких-либо существующих методик в качестве «семейных». Речь идет о применении общесоциологических и социально-психологических методов, техник и процедур исследования к такой специфической области, как семейное поведение. Нужно учитывать специфику семьи как автономной целостности, своеобразие итогов общесемейного поведения, не сводимого к сумме результатов индивидуального поведения членов семьи. Здесь могут быть также различные подходы, различные способы фиксации действий семьи как единого целого (разумеется, за исключением методик, построенных на базе концепций, отрицающих подобную автономию семейного поведения).

Данное замечание вызвано тем, что в социологии, в частности в «первой волне» феминистической социологии, уже предпринимались усилия по созданию специальных методов исследования и специальной методологии. В настоящее время многие феминистские

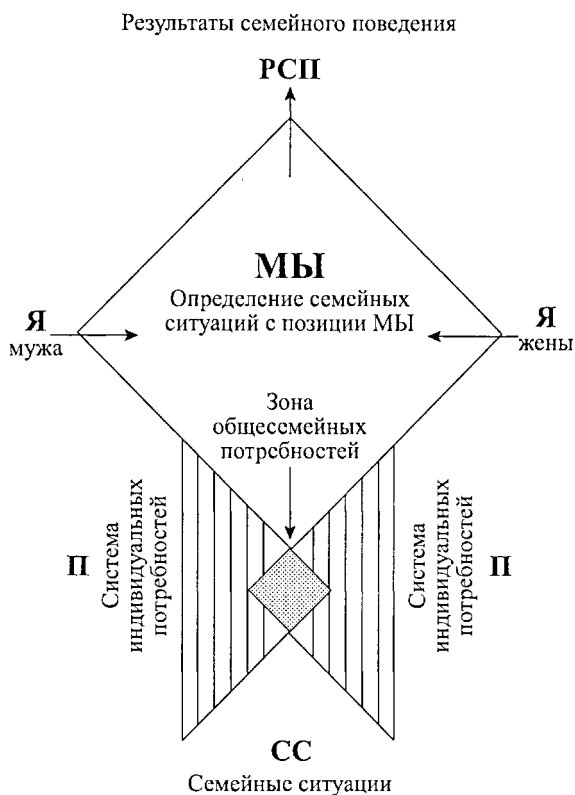

Схема 5.1. Семейное поведение как не сводимое к сумме индивидуальных

социологи скептически относятся к подобным поискам. Под словосочетанием «феминистская методология» чаще всего понимают размышления относительно методов сбора и анализа данных, т.е. исследовательской практики, которая в противовес традиционной ориентации на интересы мужчин переключает внимание на женщин и минимизирует вред, причиняемый женщинам как участницам исследовательского процесса, а также стимулирует исследовательские стратегии, направленные на повышение ценности женщин в обществе и на осуществление действий, полезных женщинам¹⁸⁶. В этом смысле фамилистическая методология также ориентирована на повышение ценности семьи и на проведение исследований, способствующих активизации просемейной политики. Однако в отличие от большинства феминистов фамилисты не считают, что качественные ме-

тоды в наибольшей мере отвечают их исследовательским целям, чем количественные методы. С другой стороны, ничего предосудительного нет в том, что феминистские социологи пытаются оценить со своей точки зрения существующие методы, например процедуры опроса, и в связи с этим отмечают удобство работы с методами интерпретационной социологии, а также феминистской этнографии. Вместе с тем многие феминисты выступают за комбинирование количественных и качественных инструментов; более того, своеобразным мостом, соединяющим эти направления, оказывается поворот к возможностям статистики по учету феминистической направленности¹⁸⁷.

Если внимательно посмотреть на анкету какого-либо действительно социологического исследования семейных отношений, то сразу четко выделится «паспортчик», где выясняются особенности образа жизни семьи (социальные ситуации семьи), а также раздел установок и мотивов поведения (система потребностей) и, наконец, раздел ценностных ориентаций (определение ситуаций).

Таким образом, большинство элементов диспозиционной регуляции обычно присутствуют в инструментарии. Сложнее обстоит дело с результатами поведения и с потенциальными вариантами механизма определения ситуаций, специальное выделение которых предполагает соответствующую методологическую направленность. Принятие модели диспозиционной регуляции поведения значительно облегчает работу над анкетой и вопросником, делает их в конечном счете более упорядоченными и позволяет избавиться от обычного перенасыщения анкет ненужными вопросами, которые, как правило, на этапе обработки данных исключаются из расчетов, а если и обрабатываются, то не анализируются.

Рассмотрим подробнее элементы диспозиционной регуляции поведения, но не по отношению к индивидуальному, а к сугубо семейному поведению. На схеме 5.1 показаны отличия собственно семейного поведения от индивидуального поведения члена семьи. Центральное положение отведено семейному МЫ, выделяющему себя из мира всех остальных, из мира ОНИ. Идентификация членов семьи с МЫ не ведет к растворению каждого Я, а интегрирует их как своих, отличающихся от всех чужих. Схема 5.1 отождествляет семейное МЫ с супружеской парой, но это условность. Любое семейное МЫ включает в себя Я родителей и детей, а также «значимых других» родственников. Конечно, прежде всего имеются в виду родственники (родители жены или мужа), непосредственно контактирующие с остальными членами семьи в силу их совместного проживания под одной крышей. Но это не исключает нахождения в со-

ставе МЫ такого семейного Я, которое в связи со своей чрезвычайной значимостью для семьи и вопреки раздельному проживанию оказывается неотъемлемой частью семейного единства¹⁸⁸.

В блоке МЫ осуществляется самый главный процесс определения семейных ситуаций с точки зрения общесемейных целей и ценностей. Чем больше зона согласованного взаимодействия семьи, чем больше членами семьи принимаются семейные ценности и чем меньше тяготения к обособлению Я, к стремлению строить свои действия исходя из индивидуальных и в этом смысле внесемейных ориентаций, тем выше вероятность того, что в ходе жизненного цикла семьи различные результаты семейного поведения будут определяться центральной диспозицией — семейным МЫ. Повседневная жизнь порождает массу текущих семейных ситуаций (подчеркнем влияние семейной активности на возникновение их наряду с влиянием окружающей среды), при этом реализация семейных целей (актуализированных потребностей и установок) зависит от иерархии системы ценностей семьи, определяющей отбор средств достижения целей и складывающиеся, таким образом, результаты и линии семейного поведения.

Эта схема, разумеется, имеет инструментальный характер и призвана раскрыть всю технологию суммы семейной жизнедеятельности: чем меньше зона или поле согласованного взаимодействия членов семьи, чем меньше отдельные Я членов семьи идентифицируются с семейным МЫ, чем меньше в индивидуальных ценностных ориентациях представлены общесемейные ценности, интересы, тем больше будет разнобоя в восприятии складывающихся в семье ситуаций, в понимании целей и потребностей семьи, в оценке средств действий и складывающихся результатов поведения. Включение в анализ социально-символических значений семейного общения способно раскрыть секреты инструментального диссонанса семейных взаимодействий. Отдельные Я могут усиленно декларировать свою поглощенность заботой о благе семьи, но их реальные программы поведения обнаружат смещение мотивов действий на иные, чем успех семьи, цели. И наоборот, неудачи в реализации признаваемой членами семьи инструментальной цели способны показать интеграцию семьи вокруг латентной, неосознаваемой задачи семейной деятельности.

К сожалению, в социологии и психологии семьи отсутствуют сегодня методологические средства измерения семейного МЫ, поэтому самый важный процесс определения семейных ситуаций или принятия семейных решений в лучшем случае сводится к одновременному опросу супругов и к вычислению объема совпадающих мнений.

Но даже эта процедура, исключая из анализа других членов семьи, чаще всего заменяется процедурой опроса женщин под влиянием, видимо, стереотипа, где они считаются наиболее компетентными в делах домашних и интимных. Однако даже при подмене семейного поведения индивидуальным специально не разрабатываются методы исследования механизма определения ситуаций. Оговоримся сразу: сама поэлементная структура диспозиционной регуляции поведения позволяет при последовательном измерении всех элементов смоделировать на завершающей стадии анализа процесс определения средств достижения целей или удовлетворения потребностей. И эта возможность, увы, не в полной мере используется ныне.

Тем не менее проблема проникновения в «черный ящик» механизма определения ситуаций, выяснения того, как строится процесс выбора поведенческого действия или семейного решения, совершенно не разработана применительно к большинству видов семейного поведения. Лишь при изучении репродуктивного поведения в связи с ограниченным набором репродуктивных событий (всего 14 видов определения репродуктивных ситуаций, относящихся к зачатиям и рождениям детей или к отсутствию их) удалось структурировать механизм определения ситуаций как проблемных или рутинных, но только по критерию возникновения ожидаемых либо неожиданных результатов поведения¹⁸⁹.

Однако вопрос о том, как социально-психологически осуществляется определение ситуации, остался открытым. Правда, однажды была предпринята попытка моделирования 10 семейных ситуаций с тремя вариантами решений по каждой. В небольшом опросе оценивалась вероятность выбора одной из альтернатив и рассматривалось влияние семейной или внесемейной направленности на возможный выбор, но все же эта процедура выяснения предпочтений тех или иных исходов поведения не выходила за рамки рациональной целесообразности и, так сказать, мысленного эксперимента (не было экспериментального контроля за степенью реализации эксплицированных моделей принятия решений)¹⁹⁰. В настоящее время достижения психологической теории принятия решений позволяют осуществить имитацию механизма определения ситуаций в области человеческого общения вообще и в области самосохранительного поведения в частности¹⁹¹.

Еще одно замечание по поводу измерения семейного МЫ. Методы тестирования, глубинного интервью и опроса (в разных формах, включая истории жизни) претендуют на выявление внутренней структуры возникновения решения, диспозиционного механизма определения ситуаций удовлетворения тех или иных

потребностей семьи. Методы наблюдения и анализа документов, имеющие дело с овеществленными в каких-то культурных формах результатами поведения, способны, так сказать, лишь косвенно приблизиться к тому, что вызвало эти результаты. Эти методы должны позволять по внешним проявлениям изучаемого процесса реконструировать внутренний механизм, однако это скорее напоминает исключение внутреннего устройства вообще из анализа. Строго придерживаясь ортодоксального бихевиоризма, т.е. формулы «стимул—реакция», можно пренебречь структурой определения ситуаций как не заслуживающей внимания, ибо объяснение результата строится по его внешним факторам.

Тогда, действительно, прав Амброз Бирс, утверждающий, что «принять решение — смириться с перевесом одних внешних влияний над другими». К счастью, уже проведенные исследования семейного поведения убеждают в том, что один и тот же результат — рождение детей или развод — достигается в миллионах семей при огромном «плюрализме» линий поведения (чувств, взглядов, потребностей, мотивов и т.д.). С точки зрения инструментального подхода, видимо, можно ограничиться выявлением детерминант какого-либо феномена, но таковое объяснение человеческого поведения ни в коей мере не прольет свет на понимание его. А главное, исходя из целей научного познания инструментализм не способен объяснить многообразие путей, ведущих к одному и тому же результату, не говоря уже о массе иллюзий и предубеждений и всего не относящегося к делу, но являющегося предметом самостоятельного исследования в рамках символизма.

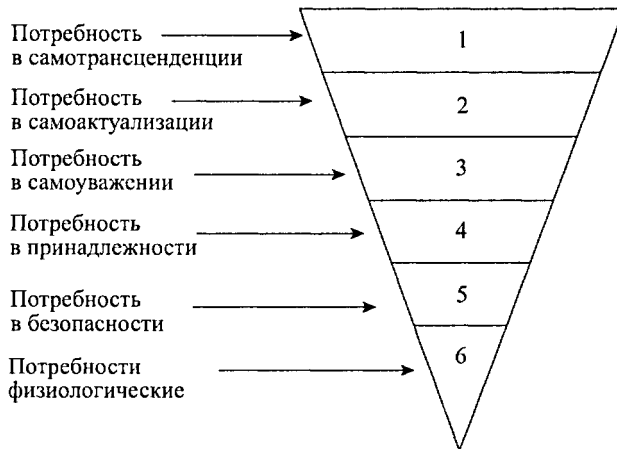
5.2. Методика изучения совместимости потребностей супругов

Примером применения системной интерпретации семейного взаимодействия может служить попытка изучения потребностей супружеской пары, совместимости индивидуальных потребностей. Английский социолог и активист просемейного движения Р. Уайтфилд весьма удачно воспользовался перевернутой пирамидой потребностей американского психолога А. Маслоу (1908—1970) для описания удовлетворения потребностей каждого из супругов в браке¹⁹².

Как известно, в динамической концепции потребностей по Маслоу в основании пирамиды находятся базовые физиологические потребности в питье, пище, сне и т.д., которые наиболее настоятельны и неотложны, что-ли, — длительное их неудовлетворение ведет к разного рода патологии и смерти в конечном счете. Но как только

А. Пирамида потребностей по Маслоу

Б. Пирамида потребностей по Уайтфилду

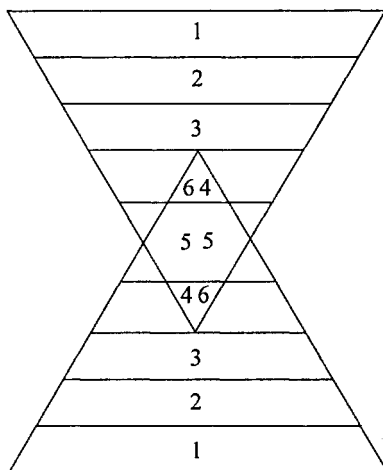
они насыщаются на некоем среднем уровне, достаточном для жизнедеятельности организма человека, сразу же актуализируется второй уровень потребностей, менее настоятельных, чем первый уровень, и более настоятельных, чем все последующие уровни. По мере их удовлетворения становятся все более активными и ведущими в иерархии потребностей нужды третьего уровня — потребности в принадлежности к социальным группам и сферам общения.

В этой идеальной конструкции предполагается, что очередность насыщения и актуализации уровней именно такая, а не иная — от элементарных нужд физиологического свойства к потребностям психофизиологическим, затем к потребности в принадлежности к человеческим объединениям и группам и, наконец, к потребностям — вершинам человеческих проявлений жизни — к потребностям самоактуализации и самотрансценденции. Самоактуализация личности предполагает реализацию индивидуальных притязаний в социальной сфере — достижение определенного социального положения, статуса, и удовлетворение потребностей в творчестве и смысле жизни.

Каждый уровень представлен несколькими разновидностями конкретных потребностей; и считается, что чем больше у человека потребностей и чем дальше они отходят от физиологии, уступая место более актуальным, насущным потребностям, тем богаче жизнь человека. В реальной жизни актуальными, настоятельными могут оказаться потребности не высших этажей пирамиды, а низших, и это явится характеристикой социальной сути личности. Уайтфилд переворачивает пирамиду Маслоу, помещая на самый высший уровень потребность в выходе за пределы своего Я, но не в смысле мистики и философской трансцендентальности. Это вполне земная потребность, которую многие называют альтруизмом и которая так необходима в семейной жизни, ибо эта потребность характеризует состояние эмоциональной и моральной зрелости. Уайтфилд говорит, что самотрансценденция — это невозможность любви только к самому себе, это выход за пределы нарциссизма, это способность принять и любить других — такая же, как и способность принять и любить себя. Другими словами, здесь повторяется библейская заповедь «возлюби ближнего своего, как самого себя».

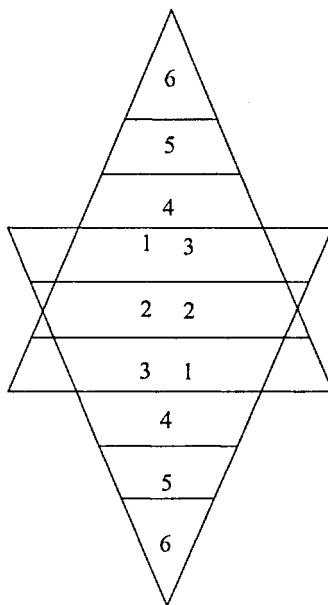
Взаимное удовлетворение через самотрансценденцию является истинной супружеской и семейной любовью и может схематически изображаться в виде совмещенных пирамид мужа и жены. На схеме 5.3 представлен идеальный вариант совместимости, совпадения систем потребностей супругов на общем уровне взаимного уважения и взаимной любви. Реальные варианты совмещения пи-

Потребность в самотрансценденции
 Потребность в самоактуализации
 Потребность в самоуважении
 Потребность в принадлежности
 Потребность в безопасности
 Потребности физиологические

А. Совместимость потребностей мужа и жены в семье

Потребность в самотрансценденции
 Потребность в самоактуализации
 Потребность в самоуважении
 Потребность в принадлежности
 Потребность в безопасности
 Потребности физиологические

А. Совместимость супругов через взаимную самотрансценденцию, самоактуализацию и взаимную любовь

Схема 5.3

рамид могут отличаться, разумеется, от идеального, и зона совместимости может ограничиваться физиологией либо безопасностью или потребностью в принадлежности друг другу, но все это будет признаком незрелой семейности, несовершенного единения отдельных Я в семейном МЫ.

В социологии семьи имеется много теорий совместимости, одна из первых и самая популярная — теория взаимодополнительных потребностей Р. Уинча. Теория описывает брачный выбор, объясняет заключение брака между различающимися по своим потребностям партнерами, но ищущими в другом то, чего недостает самому. Вступление в брак как притяжение противоположностей в противовес притяжению сходных людей — вот что подчеркивается Р. Уинчем. Теория взаимной дополнительности потребностей супругов (зависимые люди предпочитают доминирующих, заботливые беззаботных, притязающие на многое — равнодушных к карьере) возникла как своеобразная реакция на факт социальной гомогамии брака в США (факт очевидной однородности женихов и невест по возрасту, национальности, религии, образованию, доходу и социальному положению в целом). Различие психологических потребностей супругов как бы уравнивает или компенсирует статусное сходство, в этом состоит методологическое значение теории, которая довольно часто используется для прогнозирования стабильности брака: исследование потребностей обоих супругов дает более точный прогноз, чем информация о потребностях одного из супругов¹⁹³.

Практикум. Применяя метод совмещения пирамид потребностей (состоящих из 6 уровней, как показано на схемах 5.1—5.3), можно получить дюжину типов совместимости, начиная с полного отсутствия взаимодействия потребностей, отсутствия контакта и кончая «йоговской» совместимостью на основе общности только по одному уровню самотрансценденции. Попробуйте нарисовать схемы всех типов совмещения пирамид и, используя социально-психологическую литературу, дайте характеристику каждого типа.

Выделение потребностей (семьи) в качестве ведущего и видообразующего элемента (семейного) поведения обусловлено их центральным значением как движущей силы жизнедеятельности. Потребность в семье и детях как глубинная основа всех мотивов семейного поведения относится к 6-му уровню высших социальных потребностей человека наряду с потребностями в смысле жизни и творчестве, ибо созидание новой человеческой личности для родителей оказывается подлинным творческим актом сугубо экзистенциального свойства. Для детей потребность в семье является основным источником смыслов и мотивов социального поведения, меж-

личностного общения, чувств и настроений семейного альтруизма. На 5-м уровне располагаются остальные социальные потребности в труде, образовании, в свободном времени и т.д. Потребности 1–5 уровня могут иметь сугубо семейные формы их удовлетворения, и потому сама семейно-домашняя специфика их реализации может становиться (в соответствии с теорией сдвига мотива на средство достижения цели) потребностью, точнее составной частью потребности, в семье.

Семейные ситуации, относящиеся к семье в целом, а не к отдельным ее представителям, многообразны и переменчивы, особенно предметные ситуации повседневного быта. В конкретных исследованиях обычно выделяются социально значимые ситуации, создаваемые в том числе семейной активностью, конечными результатами семейного поведения. Ситуации семейного образа жизни относятся к условиям жизни (включая жилье, микрорайон) и к условиям занятости членов семьи, а также к воздействию микросреды, в том числе кругов социального общения. Самые устойчивые ситуации — это те, что действуют на протяжении нескольких стадий или всего семейного цикла, это ситуации, создаваемые общим фоном городской или сельской жизни, этнической спецификой, региональными особенностями и общей социально-политической и экономической обстановкой в стране. Сюда же относятся ситуации, связанные с эпидемиями, стихийными бедствиями, войнами и т.п., резко изменяющие семейную жизнь.

Типология семейных ситуаций, потребностей, результатов семейного поведения и стратегий определения семейных ситуаций подробно разрабатывается в зависимости от целей и специфики конкретных социологических исследований применительно к семейному поведению в целом или к отдельным его видам.

5.3. Изучение диспозиций брачного поведения

Брачное поведение состоит как бы из трех частей: чаще всего под ним понимают систему действий и отношений, ведущих к заключению брака (брачный выбор); второй вид — собственно супружеское поведение, которое относится к мужчинам и женщинам, вступившим в брак и ставшим родителями; наконец, третья часть — это такая характеристика конфликтности супружеского поведения, которая ведет к разводу или разъединению, если брак был фактическим. Все множество исследований, относящихся к брачному поведению, легче и удобнее классифицировать по элементам диспо-

зиционной структуры, поскольку часто, например, исследования стабильности брака охватывают и устойчивость супружеских отношений, и удовлетворенность браком, ценности супружества и супружеские конфликты, заканчивающиеся разводом.

В современных условиях, когда все больше становится альтернативных браку форм сожительства мужчин и женщин, важным становится изучение брачного поведения в первом смысле как исследование брачного выбора. Историческое ослабление социокультурных норм брачности делает вступление в брак действительно проблемой выбора одной из нескольких моделей жизни. Когда все поголовно вступали в брак, инструментальное изучение мотивов брака лишалось смысла и было фикцией, хотя, конечно, в разных стратах разные индивиды могли по-разному трактовать свое конформистское следование нормам (и подчеркнем: изучение с позиций символизма этих субъективных значений способствовало пониманию человеческой сути).

Данное обстоятельство находит отражение в структуре диспозиций, в выделении наряду с потребностью в браке (в брачном состоянии, статусе, т.е. в том, что вынуждается социокультурными нормами брака и семьи) также потребности в брачном партнере. Движущей силой брачного поведения становится, таким образом, потребность в браке и брачном партнере, и доминирование последней над первой означает снижение ценности брака и супружества, поскольку усиливается ценность партнерства или товарищеско-партнерского сожительства. Во всяком случае, при разработке программ исследований и инструментария следует различать эти два пласта потребности в браке, не отождествлять их и надо стремиться к разработке систем индикаторов потребности в брачном состоянии и потребности в супруге. В социологии семьи гораздо больше методик выяснения качеств будущего супруга, чем идеала брака, и мало примеров одновременного измерения их сравнительной значимости.

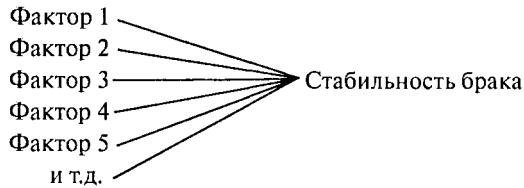
С другой стороны, при исследовании обстоятельств, ведущих к разводу, отмеченная выше особенность имеет прямое отношение к усилению тенденции к прекращению брака из-за ослабления установок на продление супружества. В условиях кризисного падения ценности семейного образа жизни все беды брака и семьи чисто психологически и в силу природы межличностного общения начинают восприниматься сквозь призму свойств и черт другого супруга. Неустойчивость семьи как института ощущается в появлении ряда проблем семьи, но успех решения их ставится в зависимость от индивидуальных качеств партнера. Институт семьи не находит

поддержки среди социальных институтов, и поэтому растут разводы, но на уровне разводящихся супругов это продуцирует массовость ссылок на «несходство характеров».

«Повышение требований» к качествам супруга вовсе не есть признак «высокого развития личности» или стремления к «равенству», а означает лишь распространяющийся все шире перевес ориентаций на брачного партнера над установками к продлению супружества. «Неудовлетворенность супругом» сложно интерпретировать без обращения к диспозиционной структуре поведения, хотя обиходная интерпретация тут находит простые решения. Смена брачных партнеров осуществляется легче, чем их «перевоспитание». При отождествлении потребности в браке с потребностью в партнере такая «неудовлетворенность браком» скорее ведет к разводу и повторным поискам. Различение этих двух потребностей помогает увидеть, что неудовлетворенность потребности в браке, дискриминируемая по наличным результатам брачного поведения, не означает однозначности развода. Потребность в успешном браке, полностью или частично не удовлетворяемая имеющимися результатами поведения, может мотивировать супругов и всех членов семьи к действиям по укреплению брака и семьи, по налаживанию взаимоотношений и улучшению семейного климата.

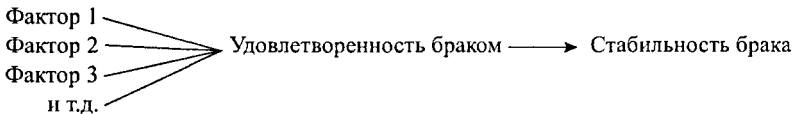
Таким образом, рассмотрение проблем успешности брака в контексте структуры диспозиционной регуляции брачного поведения обладает новыми возможностями в стратегии исследования. Диспозиционный подход позволяет выделить при изучении, например, «удовлетворенности браком» в качестве составной части также «удовлетворенность брачной потребности», в свою очередь подразделяющуюся на удовлетворенность состоянием брачных отношений и супругом. При этом «неудовлетворенность партнером» предполагает либо сохранение «статус-кво» и коррекцию межличностных восприятий, или же мотивирует к смене супруга, тогда как второй вид неудовлетворенности браком в большей степени побуждает к перестройке отношений, в том числе путем терапии.

Использование диспозиций поведения помогает при изучении и других параметров стабильности брака и семьи, в отличие от обычной схемы исследования «независимых — зависимых» переменных, дублирующей схему «стимул — реакция» с той разницей, что в качестве переменных могут выступать любые факторы, в том числе и поведенческие. Эта традиция до сих пор остается распространенной и связана с изучением факторов стабильности брака. Выглядит это схематически примерно так:

Перебор факторов создает впечатление, что ищется фактор-причина «зависимой» переменной стабильности брака. Отсюда идут длинные перечни и разнородность факторов, отсюда же стремление к поиску однородности факторов, к выделению переменных фундаментального и временного свойства. Но при этом способе или методе исследования брачное поведение в целом с его структурой и динамикой исключается из анализа. Тут действует методологический принцип или постулат непосредственности, т.е. непосредственного влияния выделяемых переменных на устойчивость брака, минуя опосредствующее звено — само поведение. Оправдание тому — во включении в число независимых факторов поведенческих переменных — ценностных ориентаций или мотивов. Анализ проводится путем взвешивания факторов и определения круга наиболее влиятельных из них. Осознание недостаточности подобной тактики приводит к усовершенствованию методологии исследования — к введению в схему анализа так называемых промежуточных переменных. Важность этой познавательной процедуры такова, что, например, в изучении рождаемости предложенная американскими социологами Кингсли Дэвисом и Джудит Блейк «модель промежуточных переменных» получила признание и широчайшее распространение в исследовательской практике, в том числе ценность этой модели привела к ее описанию во многих учебных пособиях¹⁹⁴.

В исследованиях стабильности браков в роли промежуточной переменной была выделена «удовлетворенность браком», и схема преобразовалась следующим образом:

Промежуточная переменная «удовлетворенность браком» косвенно вводит в схему поведения, не нарушая, так сказать, положенного в основу постулата непосредственности. Предполагается, что

удовлетворенность браком прямо влияет на устойчивость супружества, и значит, неудовлетворенность ведет к разводу. Соответственно этому конструируются методы определения высоты уровня удовлетворенности и сложные структуры самой удовлетворенности браком¹⁹⁵.

Примером систематизации факторов устойчивости брака может служить модель успешного брака американских социологов Льюиса и Спэниера, осуществивших вторичный анализ свыше 300 работ в конце 1970-х гг.¹⁹⁶. Было выделено 40 важнейших признаков супружеского успеха, объединенных в 14 групп, которые, в свою очередь, дали три укрупненных блока факторов: А) добрачные факторы; Б) социальные и экономические факторы; В) личностные и внутрибрачные факторы. К добрачным факторам были отнесены: однородность супругов по социально-экономическому статусу, расе, религии, возрасту, интеллекту; личностные качества (высокий уровень образования, зрелый или ранний возраст заключения брака, длительное знакомство до брака, эмоциональная уравновешенность, навыки межличностного общения, хорошее здоровье, позитивная самооценка); особенности родительской семьи (ее благополучие, оценка своего детства как счастливого, хорошие отношения с родителями); одобрение брака значимыми другими (одобрение родителями будущего супруга, одобрение брака друзьями и родственниками); традиционность ухаживания; соответствие фактического поведения допустимому по собственным представлениям сексуальному поведению; отсутствие добрачной беременности; наличие зрелой мотивации к браку.

Социально-экономические факторы успешности брака включают: материальное благополучие (высокий статус мужа, стабильность дохода, позитивное отношение мужа к работе жены, удовлетворенность жены профессиональной внесемейной занятостью); состав семьи (число взрослых в доме), «планирование» семьи; включенность супругов в социальные круги общения (участие в общественных и любительских организациях, наличие у супругов общих друзей и общение с ними, одобрение брака микроокружением).

Самая объемная система факторов — личностные и внутрибрачные, куда входят: позитивное отношение к партнеру (уверенность в сходстве с ним, непринужденность общения, интеллектуальная, физическая и сексуальная привлекательность, совпадение ценностных ориентаций); эмоциональная удовлетворенность отношениями (выражение любви со стороны партнера, уважение, взаимопомощь, содействие росту личностных притязаний друг друга, удовлетворенность тем, как супруг исполняет приписываемые ему эмоциональ-

ные роли, равноправность отношений, наличие обширной зоны личностных связей между мужем и женой, сексуальное удовлетворение, соответствие супруга идеальному образу, ощущение супругами себя единым целым, одной семьей); параметры эффективности общения (глубина самораскрытия, общность экспектаций, адекватность невербальной коммуникации, наличие общей символики, частота успешного общения в паре, взаимопонимание и эмпатия, сходство в восприятии супружеских и семейных ролей); ролевое соответствие (взаимная дополнительность ролей и потребностей, соответствие исполнения ролей ролевым экспектациям, четкость ролевой регламентации, сексуальное сходство); взаимодействие (дружба супругов, общность хозяйственных обязанностей, степень взаимодействия вдвоем по достижению семейных целей, эффективность решения межличностных проблем).

Этот перечень факторов мог быть и длиннее и короче, но важно, что не только в плане рекомендаций, но и с точки зрения инструментального объяснения успеха в браке сложно на этой основе оценить технологию достижения стабильности брака. Привязка же этих факторов к элементам диспозиционной регуляции брачного поведения в силу их содержательной взаимосвязи в рамках процесса определения ситуаций позволяет не просто упорядочить всю эту машину факторов, но и пролить свет на сохранение и успешное функционирование супружества как на итог именно диспозиционного взаимодействия.

Конечно, возможно и совершенствование факторного подхода. К примеру, конструктивнее оказались попытки рассмотреть психодинамику супружества по стадиям жизненного цикла семьи в связи с продуцированием ситуаций, способствующих продлению брака или распаду его. В ряде отечественных исследований Т.А. Гурко, Л.Я. Гозмана, Ю.Е. Алешиной и др. была показана параболическая зависимость удовлетворенности браком от стажа, причем через 12–18 лет брака удовлетворенность оказывается наименьшей за счет развития у супругов потребности в автономии, сменяющей первоначальную потребность их в адаптации и в значимости духовных взаимоотношений. Как отмечает Т.А. Гурко, «различия в восприятии брака в значительной мере определяются стадией жизненного цикла...», «существенных различий в удовлетворенности мужей и жен браком практически не обнаружено...», хотя «с годами неудовлетворенность браком российских женщин увеличивается...»¹⁹⁷. Дестабилизирующими российскую семью на первых стадиях жизненного цикла факторами являются следующие: краткость добрачного знакомства, вступление в брак до 21 года, влияние неудачности брака

родителей, добрачная беременность, расхождение представлений супругов относительно профессиональной занятости жены, различия в установках детности, разница в характере проведения свободного времени и в распределении обязанностей и властных полномочий¹⁹⁸.

Проведенный А.В. Шавловым анализ отечественных и зарубежных публикаций позволил увидеть, «что удовлетворенность браком по сути своей является характеристикой межличностного восприятия супругами друг друга», и сделать вывод, что « взгляд большинства исследователей сосредоточен на утверждении брачной удовлетворенности как важнейшей движущей силы современных брачно-семейных отношений...» и что почти «нет работ, которые бы затрагивали противоположный ракурс видения проблем удовлетворенности, а именно механизмов формирования того или иного уровня самой удовлетворенности...»¹⁹⁹. Это замечание в равной мере можно отнести и к изучению факторов развода, поскольку они характеризуют негативную сторону факторов устойчивости брака.

Интересно, что в социологической литературе изучение факторов развода занимает гораздо меньше места, чем факторов удовлетворенности браком и стабильности его. Это фактически одни и те же факторы, но действующие в разные стороны, хотя не всегда безуспешное супружество обязательно заканчивается разводом. Данное обстоятельство лишний раз подчеркивает необходимость внимания к изучению элементов диспозиционной регуляции брачного поведения, определяющих весь веер его конечных результатов, а именно: эффективность брака, исключающего развод при достижении высокой сплоченности или умеренной; сохранение брака и семьи при любых ухудшениях взаимоотношений; разные виды разъединения супругов, но без развода; дезертирство и прочие формы распада брака без оформления развода; развод. Кстати говоря, в русском языке нет подходящего слова для обозначения поведения, относящегося к разводу: «разводное поведение» — не звучит, «девиантно-супружеское поведение» — слишком сложно, поэтому лучше воспользоваться термином «бракоразводное поведение» или «предразводное поведение», которое точнее отражает суть супружеского разлада, предшествующего разводу. Ведь речь идет не о самом поведении разводящихся в ходе бракоразводного процесса (хотя оно тоже может быть интересно с социологической точки зрения), а о том, каким образом налаженная семейная жизнь начинает расстраиваться и разрушаться.

В российской социологии семьи уже употребляются термины «предразводная» и «послеразводная» ситуация и даже «послеразвод-

ное поведение»²⁰⁰. Поэтому в целях удобства, конвенционально, можно принять термин «предразводное поведение» для конфликтных форм брачного поведения, ведущих к разводу и заканчивающихся им. «Послеразводное поведение» лучше закрепить за теми видами поведения бывших супругов, которые связаны с контактами по поводу детей и прошлых семейных дел, а также за индивидуальным поведением каждого из них, ведущим либо нет к повторному браку. Бракоразводное поведение в вышеуказанном смысле будет, таким образом, заполнять пространство между предразводной и послеразводной ситуациями, хотя послеразводное поведение, относящееся к новому браку, уже может иметь место, а тенденции предразводных взаимоотношений будут продолжать действовать на стадии бракоразводного процесса. В самом широком смысле бракоразводное поведение можно употреблять в качестве видového для всех типов поведения, связанных с разводом, и для проведения различия между ним и брачным поведением.

Все брачные ситуации, создающие среду реализации потребности в успешном браке, можно грубо разбить на три части: ситуации брачного выбора и заключения брака; ситуации состояния супружеских отношений, удлинняющие или укорачивающие длительность семейного цикла, и ситуации собственно предразводные и связанные с разводом. В социологической и социально-психологической литературе больше всего «повезло» по частоте и интенсивности исследований ситуациям брачного выбора и предразводным. Брачные ситуации, относящиеся к спокойному и монотонному ходу семейной жизни, остаются в тени; пожалуй, науку, как и литературу, сильнее влечет к маргинальным, пограничным состояниям.

Начнем с классификации ситуаций, в стихии которых пребывает усиливающаяся или угасающая потребность во вступлении в брак, в выборе супруга. Заключение отдельного брака нельзя рассматривать вне контекста брачного рынка в целом по стране, по отдельным регионам, городам и селам. Следовательно, самый широкий уровень брачных ситуаций относится к общенациональному уровню, к демографической структуре населения. Следующий уровень — ситуации, способствующие или препятствующие вступлению в брак в зависимости от проживания в том или ином городе, районе, селе, т.е. там, где общенациональные тенденции могут совсем не действовать. Чаще всего «женские города» или «мужские поселения» возникают в связи с возможностями приложения труда и использования рабочей силы, резко уменьшая вероятность заключения брака.

Еще один уровень — социальное положение, принадлежность к определенному классу, слою, страте. Известно, что самые высшие и

самые низшие социальные группы практикуют жесткую эндогамию, — признаются браки среди людей своего круга и ограничиваются смешанные, экзогамные браки с людьми из других социальных страт. Наконец если исключить из рассмотрения всех тех, кто по состоянию здоровья или по каким-либо еще вынужденным обстоятельствам не может вступить в брак, то остаются ситуации, создаваемые социально-психологическими параметрами брачного выбора. Человеческие симпатии или антипатии участвуют в селекции женихов и невест, сужая зону выбора одних и расширяя — других. Все перечисленные уровни распространяются и на ситуации, связанные с фактическим, незаконным браком.

Брачный рынок в каждой стране не есть нечто абстрактное, и в демографии семьи рассчитывается потенциал брачности, характеризующий возможность вступления в брак для тех, кто в нем не состоит. Демограф А.Б. Синельников по данным переписи 1970 г. определил, что 20,3 млн неженатых мужчин и 39,4 млн незамужних женщин могли бы чисто теоретически образовать не 20 млн браков, а лишь 11,6 млн. Этот расчет сделан только с учетом соотношения возрастов потенциальных супругов (и сложившихся социокультурных норм и установок на то, что муж должен быть немного старше жены), и тем не менее за бортом «теоретического брака» осталась почти половина мужчин и две трети женщин (точнее говоря, теоретическая возможность вступления в брак есть соответственно у 57% и 29% холостых людей старше 16 лет)²⁰¹.

Если бы можно было в эту теоретическую модель ввести учет территориального расселения, тогда для многих социальные ситуации удовлетворения потребности в браке оказались бы неблагоприятными и потенциал брачности стал бы меньше. Учет социально-классовых ограничений и психологических предпочтений людей уменьшает брачный потенциал до фактической брачности. В приведенном примере среднегодовое число браков составило 2,3 млн, т.е. потенциал брака по соотношению возрастов был реализован всего на 20%. По России динамика показателя реализации потенциала брачности за последние 40 лет свидетельствует не о каких-то внешних препятствиях к браку, а о кризисе официально регистрируемого супружества.

В 1958–1959 гг. реализация брачного потенциала (по соотношению возрастов) составляла 22,4%, в 1969–1970 гг. — 19,2, в 1978–1979 гг. — 17,7, в 1988–1989 гг. — 14,3 и в 1993–1994 гг. — 9,7%²⁰². Это означает, что если проживание в сугубо мужских или женских регионах можно условно считать «объективным препятствием» к вступлению в брак, то социальные и психологические предпочте-

ния сказались на таком индивидуальном определении своей брачной ситуации, которое привело к пребыванию вне законного брака. В условиях снижения ценности семейного образа жизни «состояние вне брака» оказывается не столь тяжким «грехом», поскольку людьми учитываются другие, более престижные, чем брак, жизненные ценности и нормы.

С другой стороны, известны опросы мнений, по которым семья получает более высокие оценки (85%) в сравнении с интересной работой (78), творчеством (21), материальным благополучием (74), здоровьем (83), дружескими связями (73), уважением (70) и добрым отношением окружающих (75%)²⁰³. Такого рода опросы привлекают внимание к методике исследования: выявление предпочтений браку и семье в сопоставлении с одиночеством и другими аспектами бытия не является инструментальным. В обиходных интерпретациях жизни семья и брак остаются ключевыми значениями в ряду других внеинструментальных символов. Однако эти интерпретации часто используются при обсуждении фактов падения числа детей в семье, снижения брачности и роста разводимости, т.е. феноменов, требующих инструментальной трактовки в терминах диспозиционной регуляции семейного поведения.

Смещение уровней методологии исследования, наблюдаемое в данном случае, не может быть снято требованием повышения надежности измерения: сколько ни расширь перечень оцениваемых объектов, сколько ни добивайся однородности континуума сравниваемых между собой ценностей, все равно это будут не те ценности, что побуждают к внебрачному состоянию, уменьшению числа детей в семье и к разводам. (Об измерении ценностей иными средствами, чем процентные оценки, речь пойдет ниже, в той части данной главы, где обсуждается исследование репродуктивного поведения.)

В социологии семьи и брака помимо изучения влияния возраста на брачную ситуацию рассматривается также влияние образования, национальной принадлежности, социального происхождения и других личностных характеристик. Расчет коэффициентов ассоциации браков может показать действие правила гомогамии по рассматриваемым переменным. Например, можно продемонстрировать с помощью статистических данных по России, что никогда не состоявшие в браке предпочитают вступать в брак с себе подобными (коэффициент ассоциации 1,18 — выше 1,0, величины, показывающей равные шансы на вступление в брак) и что у разведенных эта тенденция в 2 раза сильнее (1,93), а у овдовевших — почти в 10 раз (9,7). Любопытно, что одна из самых высоких вероятностей заключения брака с себе подобными относится к супругам с самым низ-

ким — начальным образованием (32,5 — данный коэффициент превышает в 8 раз вероятность брака между супругами с высшим образованием)²⁰⁴. Подобные индексы ассоциации браков, разработанные украинским демографом М.В. Птухой, позволяют определять степень притяжения или отталкивания, например, по национальному статусу, как это сделала Л.В. Чуйко, рассчитав брачную привлекательность всех национальностей по Украине²⁰⁵.

Кстати, эту методику попытался использовать американский социолог В. Фишер для опровержения идеологической догмы советского периода о ведущей роли любви среди остальных мотивов заключения брака²⁰⁶. Попытка закончилась неудачей, так как реальный процесс брачности, разумеется, не укладывался в идеологические рамки, а сравнительное изучение мотивов брака нельзя заменить ничем. Причем обнаруженная тенденция мужчин предпочитать женщин моложе себя, меньшего образования и социального статуса и противоположная тенденция женщин никоим образом не доказывают отсутствие или наличие любви (исчислявшейся Фишером как равенство шансов на брак кого угодно с кем угодно, т.е. любовь наделялась способностью преодолевать все существующие между людьми границы и различия).

5.4. Тесты по измерению удовлетворенности браком

Непосредственные измерения мотивов вступления в брак (если оставить в стороне вопрос о степени обоснованности отнесения к «мотиву» оцениваемых респондентами слов) показывают не только преобладание стереотипа «любовь», но и значимость иных обстоятельств. Опрос 350 человек, проведенный в 1966–1968 гг. в Ленинграде С.И. Голодом, выявил три ведущих мотива: любовь (отметили в числе трех наиболее важных из десятка вариантов 39,1% мужчин и 49,6% женщин), общность интересов (26,1 и 28,5% соответственно) и чувство одиночества (14,1 и 4,7%). Материальная обеспеченность и наличие жилплощади составили у женщин 4,3%. Примерно такие же цифры были обнаружены и в исследованиях Н.Г. Юркевича, З.И. Файнбурга, Р. Ачыловой и др.²⁰⁷

С.И. Голоду при этом удалось продемонстрировать связь мотивов вступления в брак с удовлетворенностью браком и в конечном счете — с супружеской стабильностью. Любовь дала почти 80% удовлетворенности браком и 20% неудовлетворенности, общность интересов — 87 и 13%, чувство одиночества — 60 и 40%²⁰⁸. Следует отметить, что подобное выявление побуждений к браку с помощью пря-

мых вопросов вызывало у разных социологов различные объяснения брачной мотивации в зависимости от числа предлагавшихся для оценок объектов и различий критериев классификации мотивов, при полном согласии в отношении применявшейся методики. Эта традиция, по мнению социальных психологов Л.Я. Гозмана и Ю.Е. Аlesiной, «... долгое время обходилась без надежных измерительных инструментов. Во многих работах этого (экспериментального — А.А.) направления изучение самого феномена любви подменялось исследованием других, родственных любви, но значительно более простых явлений... и часто ограничивалось использованием лишь грубых поведенческих индикаторов»²⁰⁹.

В качестве одного из возможных подходов к измерению уровня любви в диаде названные ученые предлагают адаптированный к российским условиям вариант шкал любви и симпатии, разработанных американским психологом З. Рубиным. Последний считает любовь установкой на другого человека, а не свойством личности и предлагает одновременно с любовью измерять родственное ей явление — симпатию. Адаптированная методика З. Рубина состоит из 7 вербальных утверждений шкалы любви и 7 — шкалы симпатии. В инструкции оговаривается, на кого именно испытуемый должен заполнять методику, например на человека, которого он любит или который ему не нравится, и т.д. Каждое утверждение оценивается с помощью 4 альтернатив: « да, это так (4 балла); вероятно, это так (3); вряд ли это так (2); это совсем не так (1 балл). Результаты по каждой шкале подсчитываются отдельно, они варьируют от 7 до 28, суммарный балл по двум шкалам как индекс общего уровня эмоциональности отношений в диаде колеблется от 14 до 56. Адаптированный тест (апробация проводилась среди 150 пар) удовлетворяет критериям устойчивости, валидности и гомогенности измерения. Все 14 утверждений при предъявлении их респондентам перемешиваются в произвольном порядке, здесь же они приводятся отдельно по шкалам.

Шкала любви

1. Я чувствую, что могу доверить ему (ей) абсолютно все.
2. Я могу сказать, что он (она) принадлежит только мне.
3. Для него (нее) я готов(а) абсолютно на все.
4. Когда мне плохо, то хочется поделиться только с ним (ней).
5. Я чувствую себя в ответе за то, чтобы ему (ей) было хорошо.
6. Мне приятно чувствовать, что он (она) доверяет мне больше других.
7. Мне было бы очень тяжело, если бы пришлось жить без него (нее).

Шкала симпатии

1. Когда мы вместе, у нас всегда схожее настроение.
2. Она (он) очень умный человек.
3. В большинстве случаев она (он) нравится людям почти сразу после знакомства.
4. Я думаю, что мы с ней(ним) внутренне похожи друг на друга.
5. Мне хотелось бы быть похожим на нее (него).
6. Она одна из самых обаятельных женщин (он — мужчин), которых я знаю.
7. Я уверен(а), что она (он) хорошо ко мне относится.

Источник: Гозман Л.Я., Алешина Ю.Е. Шкалы любви и симпатии.

Утверждения теста любви отражают три компонента: привлекательность, заботу и степень интимности отношений, соответственно тест симпатии — степень уважения, восхищения и воспринимаемого сходства.

В зарубежной социологии семьи имеется огромное количество методик, исследующих различные аспекты брачного выбора, супружеского и бракоразводного поведения. Постоянно социологи стремятся к систематизации технических и концептуальных средств исследования, к стандартизации разрастающихся в объеме показателей и индексов. Обобщение этого опыта было осуществлено сотрудниками и аспирантами Института социологических исследований во второй половине 1980-х гг. под руководством М.С. Мацковского. С результатами вторичного анализа зарубежных и отечественных исследований применительно к факторам стабильности брака и удовлетворенности супругов семейной жизнью можно познакомиться по работе М.С. Мацковского и Т.А. Гурко, посвященной изучению успешности молодой семьи²¹⁰.

В итоговой таблице выделяются факторы стабильности, основные переменные анализа, характер связи между ними и стабильностью, указываются социологические параметры, где обнаружен тот или иной тип связи. Среди добрачных факторов выделены переменные раннего и позднего вступления в брак, уровня образования супругов, социального положения семьи, городского и сельского происхождения, воспитания в неполной семье родителей, отсутствие братьев и сестер, оценка респондентами успешности семейной жизни родителей, длительность добрачного знакомства, наличие добрачного сексуального опыта и беременности, отрицательное отношение родителей к браку, мотивы вступления в брак. Брачные факторы включали семейный доход в первые годы брака, наличие собственного жилья, профессиональную занятость женщины, по-

требление спиртного в начале брака, материальную помощь родителей, рождение ребенка в начале брака, количество детей, репродуктивные установки, наличие проблем в воспитании детей, оценку педагогической компетентности супруга, распределение бытовых и воспитательных обязанностей между отцом и матерью, наличие свободного времени у супругов, совместность проведения досуга, совместность принятия семейных решений, ограниченность тем совместного общения, отсутствие доверия со стороны другого супруга, утрату чувства любви, сексуальную дисгармонию, личностные качества супругов, общность брачных ценностей, культуру общения, частоту конфликтов.

Стремление к более адекватному измерению удовлетворенности браком ведет к сочетанию прямых и косвенных методик, к повышению надежности данных посредством применения глубинных интервью, а в широких выборочных исследованиях — с помощью психологических тестов²¹¹. В качестве примера можно привести адаптацию одного из зарубежных тестов (Р. Адри) к российским условиям. Поскольку прямое использование методик, переводимых на русский язык в качестве адекватных оригинальному тесту, невозможно, требуются специальные исследования обоснованности адаптируемого варианта.

ТЕСТ НА УРОВЕНЬ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ БРАКОМ

1. Как изменилось Ваше чувство к жене (мужу) за время семейной жизни? (Предполагается что в начале брака чувства позитивны друг к другу). А) усилилось; Б) осталось прежним; В) уменьшилось; Г) исчезло.
2. Если бы можно было вернуть прошлое, то Вы бы: А) не женились бы — не выходили замуж совсем; Б) выбрали бы совсем другого человека; В) отдали бы предпочтение человеку, похожему на Вашу супругу — на Вашего супруга; Г) выбрали бы опять своего супруга.
3. Можно ли сказать что у Вас дружная семья? А) нет; Б) скорее нет, чем да; В) скорее да, чем нет; Г) да.
4. Можно ли сказать, что Вы всегда согласны с женой (мужем) в оценке большинства Ваших друзей? А) да; Б) скорее да, чем нет; В) скорее нет, чем да; Г) нет.
5. Как часто Вы соглашаетесь с женой (мужем) в том, какие отношения поддерживать с Вашими или ее (его) родственниками? А) никогда не соглашаемся; Б) довольно редко соглашаемся; В) достаточно часто соглашаемся; Г) всегда.

6. Бывали ли у Вас конфликты, имевшие серьезные и длительные последствия для семьи (уход одного из супругов и т.д.)? А) никогда; Б) 1 раз; В) 2 раза; Г) 3 раза и более.
7. Как часто Вы бываете недовольны тем, как Ваша жена (муж) выполняет свои домашние обязанности? А) никогда; Б) редко В) часто; Г) всегда доволен (льна).
8. Как часто Вы не соглашаетесь друг с другом, когда и на что тратить деньги? А) всегда; Б) достаточно часто; В) довольно редко Г) никогда не соглашаемся.
9. Как часто Вы «действуете друг другу на нервы» дома? А) никогда; Б) достаточно редко; В) довольно часто; Г) всегда.
10. Часто ли Вам не хочется возвращаться домой после работы? А) почти каждый день; Б) достаточно часто; В) довольно редко; Г) такого практически не бывает.
11. Как Вы оцениваете количество времени, которое Вы проводите вместе с женой (мужем)? А) слишком много; Б) больше, чем хотелось бы; В) меньше, чем хотелось бы; Г) слишком мало.
12. Появляются ли у Вас когда-нибудь мысли о разводе? А) никогда; Б) довольно редко; В) достаточно часто; Г) постоянно.
13. Можно ли сказать, что Вы чувствуете себя дома спокойно, уютно? А) нет; Б) скорее нет, чем да; В) скорее да, чем нет; Г) да.
14. Часто ли Вы проявляете нежность, ласку по отношению к жене (мужу)? А) постоянно; Б) довольно часто; В) достаточно редко; Г) никогда.
15. Часто ли Ваша жена (муж) проявляет нежность, ласку по отношению к Вам? А) никогда; Б) достаточно редко; В) довольно часто; Г) постоянно.
16. Хочется ли Вам уехать куда-нибудь одному (одной) на какое-то время? А) нет; Б) достаточно редко; В) довольно часто; Г) постоянно.
17. Как Вы оцениваете свой брак? А) неудачный; Б) скорее неудачный, чем удачный; В) скорее удачный, чем неудачный; Г) удачный.

При суммировании ответов варианту А приписывается 0, Б-1, В-2, Г-3. В вопросах № 1, 4, 6, 8, 9, 12, 14, 16 баллы приписываются в обратном порядке. Уровень удовлетворенности варьирует от 0 до 51 (средний балл по выборке 60 испытуемых в возрасте от 21 до 54 лет составил 29).

Источник: Гозман Л.Я., Алешина Ю.Е., Еремичева О.О. Методические программы и методики исследований брака и семьи. М., 1986. С. 18–21.

Практикум: 1. Протестируйте по этой методике не менее 10 пар. Попробуйте разбить 17 вопросов на группы по разным аспектам удовлетворенности (по выполнению семейных ролей, согласию относительно основных проблем и т.п.) и обосновать типологию полученными данными.

Факторы стабильности брака, выявленные М.С. Мацковским и Т.А. Гурко, следует дополнить доступными отечественными публикациями последних лет и систематизировать по элементам диспозиционной структуры.

При множестве исследований брачной стабильности обращает на себя внимание тенденция к преимущественному исследованию проблемных пар, факторов дезорганизации, что выражает стремление к брачной терапии в надежде нейтрализовать действие неблагоприятных переменных и повысить устойчивость супружества. Собственно, супружеское поведение в семьях, так сказать, благополучных (но не бесконфликтных) остается в тени, и в социологии до сих пор мало данных о специфике брачных отношений на разных стадиях жизненного цикла семьи. В качестве замечательного исключения следует назвать исследования, проводимые в Миннесотском университете под руководством Д. Олсона, которому удалось в 1980-е гг. в ряде общенациональных выборочных исследований провести изучение (по абсолютно всем этапам семейного цикла!) не только проблемных, но и нормальных, ничем не выделяющихся в негативную сторону семей. Причем в опросах не только одних жен, но мужей и подростков изучались наряду с аспектами брака и развода также репродуктивные отношения, взаимосвязи родителей и детей, аспекты здоровья, жизни и смерти, т.е. рассматривались комплексно все виды семейного поведения.

Особенно важным с методологической точки зрения является вывод (сделанный социологами из обнаруженных ими слабых корреляций между показателями сплоченности и адаптивности в парных взаимоотношениях мужей — жен, отцов — матерей, отцов — подростков и матерей — подростков) о том, что продолжающаяся в социологии семьи практика опросов только одного какого-то члена семьи совершенно необоснованна. Во-первых, нет данных, подтверждающих, что опросы женщин более надежны, чем опросы мужчин. Во-вторых, выявлено отсутствие совпадения в ответах индивидуально заполняемых анкет по большинству тем семейного функционирования. Таким образом, «результаты явно демонстрируют важность получения во время опроса данных ото всех членов семьи... что, в свою очередь, позволит сконструировать индексы супружеского и общесемейного взаимодействия»²¹². Некоторые аспекты измерения

супружеских взаимоотношений и межличностных отношений семьи в целом рассматриваются в заключительной главе книги.

5.5. Методы измерения репродуктивных установок и мотивов, потребности в детях, ценности семьи и детей

В социологии семьи и рождаемости при исследовании репродуктивного поведения личности и семьи создано множество технических приемов и средств, получена масса эмпирических данных по ряду показателей. Поэтому имеется возможность детально обсудить достоинства различных методик и индексов в контексте диспозиционного определения ситуаций. Причем отмечавшееся уже наличие ограниченного числа вариантов определения ситуаций (всего 7 рутинных и 7 проблемных) позволяет совершенно конкретно обсудить воздействие репродуктивных установок и мотивов, потребности в детях на итоговое число детей в семье. Ведущая роль потребности в детях как движущей силы репродуктивного поведения может быть раскрыта конкретно лишь на основе репродуктивного цикла, повторяемости его событий.

Повседневное репродуктивное поведение весьма рутинно, и проблемы возникают, лишь когда результаты поведения перестают соответствовать ожиданиям. Механизм определения ситуаций прост — применение или неприменение контрацепции (ПК и НПК) ведет к зачатию или его отсутствию (З и ОЗ — схема 5.4). На старте брака большинство пар не применяет контрацепцию в ожидании первенца, и поэтому проблемой становится длительное отсутствие зачатия (ОЗ) либо отсутствие рождения при возникновении зачатия (З). В этих случаях прибегают к лечебным средствам — тут явный диссонанс между репродуктивными ожиданиями и отсутствием беременности. Здесь очевидна неудовлетворенность потребности в ребенке, которая побуждает к лечению или к принятию бездетности, что, в свою очередь, при сильной установке на ребенка и на сохранение данного брака ведет к усыновлению (сохранение бездетного брака и развод — вот еще два возможных исхода поведения).

Сложнее понять инструментальное действие потребности в детях, когда при ее неудовлетворении результатом оказывается аборт (если потребность действительно имеется, то рано или поздно происходит рождение ребенка, и тогда говорят о преждевременной беременности или откладывании рождения на потом). Если потребность «слабая» (т.е. есть лишь у одного из супругов и не становится в ходе семейного цикла обоюдной), то практика ПК при возникновении З

Обозначения:

ПК, НПК – применение и неприменение контрацепции

З, ОЗ – зачатие и его отсутствие

Р, ОР – рождение и его отсутствие

ИА – искусственный аборт

РП, ПП – рутинное и проблемное поведение

? – проблемная ситуация

Схема 5.4. Типы проблемного и рутинного определения репродуктивных ситуаций по А.И. Антонову

и прерывании беременности рискует стать самоценной. Тогда продолжительное психологическое блокирование, например, потребности в двух детях вплоть до того возраста, когда обзаводиться вторым ребенком уже слишком поздно, означает процесс превращения неудовлетворенной потребности в собственную противоположность, т.е. в реализованную потребность, но только одним-единственным ребенком. Теория психолога А.Н. Леонтьева о сдвиге первоначального мотива на новую цель²¹³ в ее применении к репродуктивному поведению раскрывает механизм смещения мотивации на другой объект, на закрепление состояния отсутствия рождения (ОР), т.е. на отказ от рождения второго ребенка.

Исходный мотив постепенно (посредством «внутренних» символических интерпретаций, требующих специального «качественного» анализа) заменяется мотивом сохранения однодетного образа жизни, что, в свою очередь, сопровождается усилением ориентацией на применение средств предупреждения — прерывания беременности. На обиходном уровне этот отказ от прежней потребности активизирует массу ссылок на «объективные трудности» и

«помехи», поскольку в житейской психологии нет дифференциации между индивидуальной и общесемейной потребностью в детях. Зафиксированное во многих исследованиях различие между мнениями супругов о числе детей в семье²¹⁴ всегда дает возможность здравому смыслу отождествить с общесемейной установку одного из супругов, превышающую фактическое число детей.

Данное обстоятельство объясняет тенденцию респондентов завышать свои установки детности, когда по условиям опроса требуется назвать, «что мешает вам иметь детей больше». Житейское мышление всегда примеряет на себя, на свое индивидуальное разумение системный результат общесемейного поведения. Все обусловленное семейным МЫ редуцируется к логике индивидуального Я. При заострении внимания на противоречии между провозглашаемой потребностью в детях и фактической детностью активизируется желание перечислять помехи к реализации якобы имевшейся в семье потребности в детях (хотя обычно при открытых вопросах перечисляется все, что вообще мешает хорошо жить).

Недифференцированность здравого смысла хорошо обнаруживается в постоянно противоречащих друг другу пословицах, поговорках, присказках. «С глаз долой — из сердца вон» и «разлука любовь бережет» раскрывают суть здравомыслия, и тот ученый, кто берется судить о национальной психологии по присказкам, рискует выставить напоказ собственную односторонность. Изначальная твердая потребность всей семьи в однодетной модели встречается пока еще не столь часто, как сама массовая однодетность семьи, фактически давно ставшая модальной (но не модной, мода на однодетность будет означать конец нынешней моды на двухдетность, т.е. крах массовой потребности в двух детях). Житейская логика в эпоху малодетного образа жизни становится все более противоречивой. Одобрив добрачные связи с одновременным ПК, она при превращении этих отношений в брачные как бы не замечает произошедшей перемены: продления добрачной практики ПК в браке. В одних случаях неэффективность ПК может завершиться рождением ребенка, а в других — аборт, но заметнее всего недифференцированность обиходного мышления в ситуациях НПК — З — ИА, заканчивающихся прерыванием беременности.

Нерациональность или, как говорят математики, нетранзитивность человеческих предпочтений проявляется в нарушении логической последовательности действий. Поэтому НПК вовсе не означает стремления к З и Р, оно в реальности бывает также связано с превращением аборта в разновидность ПК. С другой стороны, применение контрацепции, практикуемое в браке и вне брака, теми, кто

удовлетворил потребность в детях и кто нет, также не означает однозначности решения — выбора только ИА при наступлении 3. Многие ученые не учитывают подобную разорванность обиходного сознания, и любое рождение, наступающее в ходе ПК, объявляют «нежеланным» (причем факт ПК перекрывает по своей значимости факт рождения — появление ребенка относят исключительно к «низкой культуре», некоммуникативности супругов, их неумению пользоваться ПК, а не к действию потребности в детях).

Поэтому моделирование процесса определения репродуктивных ситуаций как проблемных или рутинных помогает не только продемонстрировать преимущества диспозиционного подхода, но и раскрыть диалектику воздействия потребности в детях на конечные результаты поведения. Зная механизм поведенческого определения ситуаций, нельзя уже оценивать фактический результат поведения исходя из рационального приписывания любому ПК только ожидание неизбежного отказа от ребенка, а любому НПК — только ожидание неминуемого рождения.

Схема 5.4 описывает теоретически возможное число комбинаций безотносительно к уровню потребности в детях и уровню имеющейся детности. Этот механизм работает во всех моделях семьи по числу детей — при многодетности, среднететности и малодетности. Детальный анализ последней обнаруживает преобладание рутинных форм над проблемными. «Свобода выбора» любых альтернатив (если исключить незначительную долю бесплодных пар) практически сводится к одной-единственной проблемной ситуации ПК — 3 — ? : будет или нет второй ребенок при наличии одного ребенка и потребности семьи в двух детях. Сегодня эта проблема решается в пользу двоих детей лишь четвертой частью всех российских семей.

Нет никакого выбора в ситуациях с первым и третьим ребенком. Рождение первенца безальтернативно во всех слоях общества, поскольку от первенца никто добровольно не отказывается, а вероятность выбора третьего и последующих детей столь ничтожна, что делающие этот выбор люди сразу ставят себя в исключительное положение. В обоих случаях жесткое исполнение социальных норм — обязательно обзавестись первенцем и не стать репродуктивным изгоем, «плодящим нищету», — вызвано исключительно рутинным конформизмом. Незначительность доли семей, откладывающих на несколько лет появление первенца, лишь подтверждает правило (наличие пар, добровольно отказывающихся вообще от рождения, не подтверждается данными). Что касается рождения «нежеланных» третьих и более детей, то это абсурд теоретический и нонсенс фак-

тический. Рождение ребенка всегда желанно, коли оно произошло, ибо всегда есть возможность предупредить или прервать беременность.

В случае убийства новорожденного следует видеть аномалию, а отказ от новорожденного надо рассматривать не в контексте репродуктивного поведения, а в терминах того вида социального поведения, к которому относится этот отказ. Даже если мать изначально решила родить ребенка, чтобы потом его подбросить, продать и т.д., то социальная девиантность подобного желания не исключает наличия самого желания как такового. Упоминание о социальном смысле репродуктивных действий заставляет обратиться к проблеме исследования мотивов и установок детности, тех конструктов, что операционально фиксируют содержание потребности личности и семьи в детях.

Таким образом, переходя к изучению методов измерения элементов регуляционной структуры поведения, следует помнить, что собираемые с их помощью эмпирические данные обретают смысл и научное значение, лишь когда соотносятся между собой в пределах диспозиционной регуляции, работы механизма определения ситуаций репродуктивного цикла как рутинных или проблемных. При наличии такой системы отсчета многие дискуссионные вопросы о сущности тех или иных показателей легко проясняются, и прежде всего это относится к интерпретации системы показателей предпочитаемого числа детей.

Самыми распространенными среди этих показателей являются идеальное, желаемое и ожидаемое число детей. Истоки их происхождения уходят в тридцатые годы, а широкое распространение в сегодняшних исследованиях говорит о придаваемой им значимости. Вместе с тем истолкование сути и природы этих инструментов весьма многообразно, и связано оно не только с отличиями в формулировках вопросов. Если остановиться на самых популярных показателях идеального, ожидаемого и желаемого числа детей, то можно даже говорить об известной стандартизации их формулировок. Вопрос об идеальном числе, как правило, задается так: «Сколько детей лучше всего вообще иметь в семье?», об ожидаемом: «Сколько всего детей вы собираетесь иметь?»

Желаемому числу повезло меньше всего, и тут, как выяснилось, большое значение неожиданным образом придается различию глаголов — одни спрашивают, сколько вы желаете иметь детей или сколько иметь желательно, другие — сколько хотите иметь, причем иногда уточняется, что имеется в виду общее число детей. Все эти варианты сближают данную формулировку с ожидаемым всего чис-

лом детей, поскольку для многих респондентов слова «ожидаете», «планируете», «собираетесь» или «намереваетесь» часто звучат примерно так же, как и «хотите, желаете, предпочитаете, предполагаете и т.д.». Отсюда строить различие показателей на смысловых различиях глаголов очень опасно, ибо неизвестно, какой именно смысл будет вкладываться людьми в те слова, которые почему-то были избраны учеными. Неоднозначность этих глаголов всплывает наружу, когда надо провести межнациональное исследование, — в разных языках трудно бывает добиться идентичности перевода, хотя в каждом языке многие из названных слов зачастую оказываются синонимами. Исходя из этих соображений, некоторые группы ученых стали формулировать желаемое число как такое, которое «вам хотелось бы иметь при всех необходимых условиях».

Но тогда сразу же возникло две проблемы. Первая — желаемое число сблизилось с идеальным, и в некоторых исследованиях, как выяснилось, желаемое число перекрыло по величине идеальное, трактовавшееся как самое «максимальное». Вторая проблема была связана с путаницей — в ряде публикаций по итогам исследований показатель назывался желаемым числом, а формулировки не приводились, и оставалось неясным, включается в них или нет добавление о «необходимых условиях».

С момента первых в нашей стране опытов по измерению этих чисел (со второй половины 1960-х гг.²¹⁵) идеальное число трактовалось как отражение социальной нормы детности, желаемое число — как индикатор потребности в детях, а ожидаемое всего число детей и ожидаемое еще рождение в ближайшем будущем — как установочные ориентации, как репродуктивные установки, прогнозирующие тенденции рождаемости. В подобной интерпретации явно прослеживаются конвенциональные допущения. Идеальное число отождествляется с нормой «максимально возможного» числа детей, а не с нормой, определяющей фактическое поведение. Предполагается, что норма должна быть выше реального числа детей, так как жизненные трудности и помехи не позволяют людям полностью реализовать принимаемую ими «максимальную норму». Однако исследование Роджера Трента о взаимосвязи динамики идеального числа в США в 1950–70 гг. с частотой публикаций в «Нью-Йорк Таймс» за эти годы статей по вопросам рождаемости обнаружило прямую зависимость идеального числа детей от интенсивности общественных обсуждений данной темы²¹⁶.

По-видимому, идеальное число фиксирует степень информированности людей о значимости проблем рождаемости, поэтому у людей более осведомленных (с более высоким уровнем образования)

представление о том, сколько должно быть детей, оказывается в среднем выше, чем у людей с меньшим образованием (фактическое же число детей, наоборот, у более образованных ниже). Идеальное число есть показатель не идеала, не нормы в этом смысле, а лишь численно выраженное мнение; точно так же можно спросить, сколько «лучше всего» зарабатывать в месяц. Не случайно в первых опросах общественного мнения, осуществленных в 1936 г. Институтом Гэллапа в США, фигурировало и мнение о наилучшем числе детей. Идеальное число ни в коей мере не отражает социальной нормы, реально влияющей на поведение.

Желаемое число ориентировано на детность в семье респондента, но на детность «при всех необходимых» для этого условиях. Другими словами, это как бы потенциал детности семьи, определяемый самими респондентами, поскольку «все необходимые условия» в наличии отсутствуют, а есть лишь некоторые. Главная идея данного индекса в том, что при создании семье «всех необходимых условий» реальное число якобы может повыситься. С другой стороны, разность между желаемым и фактическим числом детей призвана продемонстрировать негативное влияние жизненных помех и трудностей на сокращение детности. Здесь очевидно лежащее в основе обиходное представление о «прямой» связи между условиями жизни и рождаемостью, противоречащее всем методологически и методически правильно осуществленным исследованиям, где зафиксирована обратная связь. Разумеется, индекс желаемого числа следует непременно использовать, но проблема лишь в том, как интерпретировать данные, и тут нельзя доверяться «истинам» здравого смысла, конвенционально проникающим в теории.

Ожидаемое число детей не содержит в формулировке явного утверждения об условиях жизни семьи, но предполагается, что имеются в виду конкретные условия жизни семьи в момент опроса. Поэтому уровень этого показателя всегда намного ниже остальных, и отсюда идет его использование как инструмента прогноза. Индекс ожидаемого числа трактуется как установка реального поведения, как реальная готовность осуществить намерение в привычных условиях (если, конечно, не произойдет нечто чрезвычайное). Результаты опросов показывают, что ожидаемое число на старте семьи в среднем реализуется с небольшим недобором к концу репродуктивного периода.

Рассмотрим теперь показатели предпочитаемого числа детей (схема 5.5) в контексте системы диспозиций ПОТРЕБНОСТЬ В ДЕТАХ — УСЛОВИЯ ЖИЗНИ (ситуации образа жизни). Различие формулировок, как выясняется, связано лишь с изменением ситуаций образа жизни семьи и не связано с какими-либо допущени-

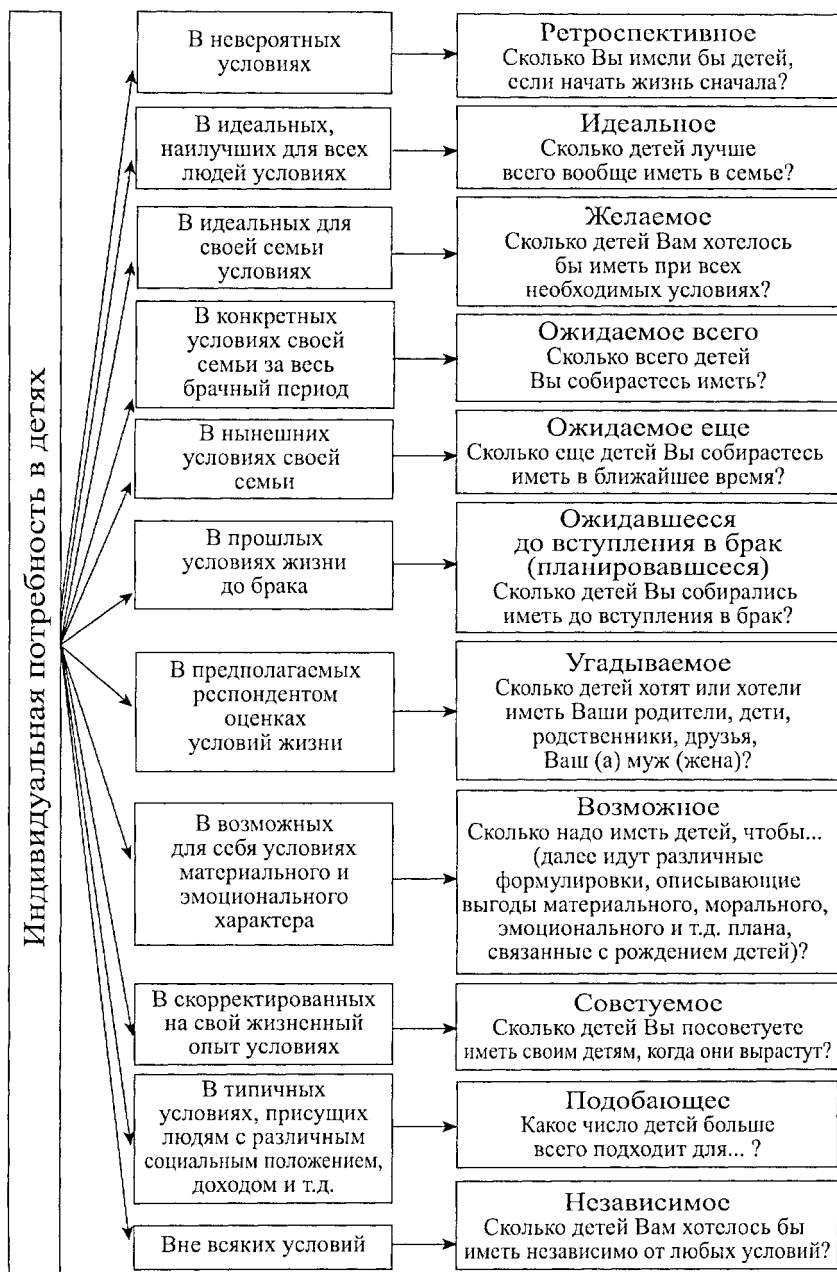

Схема 5.5. Типология предпочитаемых чисел детей по А.И. Антонову

ями относительно потребности в детях. Предполагается, что изменения в условиях жизни изменяют интенсивность потребности в детях: чем идеальнее условия, тем выше уровень потребности в детях.

Интересно, что сложившаяся практика применения показателей предпочитаемого числа детей не ставит потребность в детях в зависимость от остальных ситуаций образа жизни: от особенностей плодovitости супружеской пары, включая частоту коитус и эффективность применяемых средств контрацепции, наличие каких-либо заболеваний или даже случаев смерти детей и т.д. Методологически важно знать, с чем это связано, почему из всего многообразия ситуаций семейного образа жизни демографы и социологи семьи во всем мире разработали систему показателей предпочитаемого числа детей, в которой обыгрывается лишь различие материальных условий жизни, принимается во внимание только уровень жизни.

Столь большое значение, изначально придаваемое материальному благополучию, косвенно свидетельствует о перекосе системы жизненных ценностей самих ученых на потребительство. Если бы в иерархии благ жизни самыми престижными были ценности семьи и детей или иные внестатусные ориентации, тогда вопросы могли бы формулироваться иначе. Например, не сколько надо иметь детей, чтобы не пострадало материальное положение семьи, а наоборот, какие должны быть условия для нормального содержания и воспитания двоих, троих, четверых, пятерых и более детей в семье. Или от каких престижных благ пришлось отказаться (или стоит отказаться) во имя счастья иметь семью с двумя и более детьми. Отсутствие такого рода методик не случайно, оно обнаруживает ценностную атмосферу, в которой работают и проводят исследования ученые. Феноменологическая редукция и в этом случае раскрывает смещение научного интереса в сторону личного опыта малодетной жизни, т.е. под влиянием конвенций здравого смысла, некритически пропускаемых в теорию.

Показатели предпочитаемого числа детей одним числом выражают одновременно соединенность двух компонентов поведения — потребности в детях и условий жизни. Другими словами, эти показатели есть итог действия механизма определения размера потребности в детях с точки зрения тех или иных условий жизни. Если, например, среднее желаемое число 2,0, то эту величину нельзя трактовать как индекс потребности в детях «самой по себе» — эта цифра есть результат взаимодействия потребности в детях с условиями жизни, в которых по формулировке ей надлежит проявиться. Точно так же и ожидаемое число всегда скорректировано на реальные условия, как бы они ни понимались респондентами.

С помощью предпочитаемых чисел детей нельзя оценить уровень потребности в детях, так сказать, «в чистом виде», но можно построить индекс степени удовлетворения потребности в детях на основе комбинации из желаемого, ожидаемого и уже имеющегося числа детей (схема 5.6). В этом случае результат поведения сопоставляется по принципу взаимоконтроля с разными величинами потребности в детях, скорректированными на разные условия жизни. Репрезентативный опрос двухдетных замужних москвичек в возрасте до 35 лет в 1978 г. выявил 7,4% не удовлетворивших потребность имеющимся числом детей, хотя лишь 12% из них спустя 3,5 года обзавелись третьим ребенком²¹⁷. По данным исследования «Россия—2000» доля неудовлетворенных понизилась до 3,1%.

Степень удовлетворения ПВД	Показатели чисел детей				Хотите ли иметь больше?
	Фактическое (N)	Ожидаемое всего	Ожидаемое еще	Желаемое	
1. Неудовлетворенная	N	$>N$	>0	$>N$	Да
2. Удовлетворенная частично	N	N	0	$>N$	Нет
3. Удовлетворенная полностью	N	N	0	N	Нет
4. «Переудовлетворенная» для одного из родителей	N	$<N$	0	$<N$	Нет
5. Неопределенные или противоречивые ответы	Иные, чем указано выше, комбинации ответов				

Схема 5.6. Построение индекса степени удовлетворенности потребности в детях
(Антонов А.И. Социология рождаемости. С. 160)

Иной способ измерения потребности в детях обусловлен стремлением отделить ее как самостоятельный диспозиционный феномен от условий жизни. В основе лежит понимание потребности в детях как ценностно-мотивационного явления, имеющего количественную определенность в зависимости от «качества», от социального содержания побуждений к числу детей.

Данный подход противостоит утверждениям о принципиальной неизмеримости потребности в детях, об абстрактной ценности детей или ребенка вообще безотносительно к числу детей в семье. В отличие от большинства измерений в социологии, когда фиксации подлежат свойства и явления, не имеющие общепринятых числовых эталонов, численно-цифровая выраженность потребности в детях и репродуктивных установок облегчает квантификацию.

Появляется уникальная возможность выяснить различие отношений к последовательному ряду семей с 1, 2, 3, 4, 5 и более детьми. Проблема в том, чтобы найти техническое средство фиксации этих различий в отношении разных категорий семей, допустим к двухдетной модели семьи. Нужен не подсчет процентов высказавшихся за эту модель среди богатых и бедных, образованных и не очень, здоровых и больных и т.д. Необходимо нечто существенное и более тонкое в измерении возможных различий.

Техника «семантического дифференциала» (СД), созданная в 1952 г. американским психологом Чарльзом Осгудом «для дифференциации значения данного понятия от других понятий»²¹⁸, сразу же завоевала популярность у социологов и социальных психологов, у лингвистов и психотерапевтов, искусствоведов, журналистов и др. На основе техники СД, относящейся к разновидности проективных тестов и не требующей никакой адаптации и никакого перевода, разработаны сотни методик по выявлению установок в разных сферах жизнедеятельности. Несколько таких методик начиная с 1970 г. было предложено автором книги для измерения репродуктивных ценностей и установок, а также межличностных отношений супругов²¹⁹.

Чем привлекательна техника СД? Прежде всего своей способностью снять самоконтроль Я, нейтрализовать активизацию защитной мотивации личности, возникающую при любом опросе (и не только в советских условиях жизни). В связи с этим хочется привести устное мнение одного респондента — физика, доктора наук, участника исследования «Москва—78»: «Неужели социология тоже наука? Читаю эту анкету и удивляюсь — обычно, извините, у вас все ясно, что к чему, а тут впервые никак не могу понять, что хотят от меня социологи, и что они сами сделают с этим вот... как?... семантическим дифференциалом. Нет-нет, как заполнять этот дифференциал, понятно — угадать нельзя, зачем понадобилось это».

Проективная техника при всей своей простоте и ясности в отношении процедуры тестирования всегда создает у респондентов некоторую неопределенность по поводу намерений ученых. Когда предлагают оценить ряд слов (дом, собака, автобус) по шкалам, представляющим собой пары антонимов «старое — новое», «свое — чужое», «сырое — кипяченое», «чистое — грязное» и т.д., каждому ясно, что надо и как надо выразить личное отношение по предлагаемым правилам. Например, слово «дом» — это что-то старое или новое?

ДОМ: СТАРОЕ — — — 0 — — — НОВОЕ

Если кажется почему-то, что скорее старое, чем новое, то и ставь крестик или галочку слева от 0, но в какой из трех черточек, это зависит от интенсивности ощущения. Допустим, имеется слабое ощущение, что старое, тогда крестик ставится ближе всего к 0, ну а коли сильное ощущение, то дальше всего от 0. Обычно вместо черточек в бланках для заполнения стоят цифры, и 3 означает сильное ощущение, 2 — среднее и 1 — слабую интенсивность. Респонденту нужно зачеркнуть цифру, соответствующую его мнению.

ДОМ: СТАРОЕ 3 2 1 0 1 2 3 НОВОЕ

Кто-то зачеркнет 3, считая, что дом — что-то явно новое. Может быть, он только что построил дачу, или получил квартиру, или ничего не построил и не получил, но вот думает так — и все. Секрет популярности СД именно в этом безразличии к мотивам: каждый волен как угодно отвечать, принимая во внимание все, что заблагорассудится. К примеру, дом у кого-то ассоциируется с чем-то кипяченым, потому что в доме кипятят воду или потому, что дом уж больно роскошный, крутой. Неважно, какие соображения были в голове у респондента, гораздо интереснее, что он из 7 возможных градаций сам выбрал одну единственную.

Респондент выразил свое ощущение по континууму, состоящему из 7 потенциальных реакций, выбрал одно, смог отличить одно свое от всех прочих. Это первое, но не главное обстоятельство, объясняющее наименование СД как техники дифференциации ощущений. СД дифференцирует разницу в отношениях к одному и тому же объекту двоих людей, группы, целой категории. Например, слово «жизнь» могут оценивать больные и здоровые, городские и сельские жители, ученые и спортсмены и т.д. по той же шкале «старое—новое». При этом если окажется, что опрошенные горожане имеют больше сходства между собой в оценке «жизни» как чего-то «нового», а сельчане — как «старого», то по СД можно это выразить на континууме. Допустим, было протестировано 100 горожан и 100 сельчан,

соответственно средняя оценка составила 2,0 и 1,5, тогда дистанция между оценками будет равна 3,5.

Конечно, с одной шкалой никто не работает, обычно отбирается несколько шкал, т.е. дифференциация отношения к одному объекту со стороны разных людей и групп многократно контролируется. Итоговая величина Д поэтому оказывается более надежной, но важно подчеркнуть, что цель всей процедуры — зафиксировать лишь разность в реакциях без выяснения того, чем именно, какими соображениями и чувствами вызвано измеренное различие. Важно, что оно или есть, или его нет. В принципе не имеет значения, что такое жизнь, что значат антонимы старое-новое, сырое-кипяченое и т.д., ибо техника СД измеряет не абсолютный смысл оцениваемых объектов, а различия в отношении к ним. Искусство социолога как интерпретатора состоит в подборе таких слов, и таких шкал, и таких групп людей, что выявляемые различия позволяют судить о ценностных ориентациях и о социальных установках респондентов.

Для иллюстрации приведем некоторые итоги применения СД для оценки 10 живописных полотен по 20 шкалам слушателями (мужчинами) школы прикладного искусства (Германия, 1968)²²⁰. Оценивались три классические картины, три модернистские начала XX в. и четыре — представителей абстракционизма. Самые высокие оценки получила картина Огюста Ренуара «Читающая девушка» (оценка производилась по 7 градациям, самая высокая оценка — 1, самая низкая — 7, далее приводятся средние оценки по некоторым шкалам, начиная с наивысших по левой стороне шкалы):

(1,48) Кроткая	1 2 3 4 5 6 7	Буйная (2,23)
(1,59) Нежная	1 2 3 4 5 6 7	Грубая (2,59)
(1,59) Сердечная	1 2 3 4 5 6 7	Бесстрастная (3,29)
(1,67) Мечтательная	1 2 3 4 5 6 7	Трезвая (4,03)
(1,74) Теплая	1 2 3 4 5 6 7	Холодная (3,52) и т.д.

Однако средние оценки мало что говорят сами по себе, хотя в сравнении с картинами, получившими оценки, приближающиеся к 7, образуется дополнительная информация. Можно группировать картины по их подобию, можно сопоставлять их по контрасту. Однако самые интересные результаты были получены, когда респондентам дополнительно предъявлялись для оценки по тем же шкалам объекты «прекрасная картина» и «безобразная картина». Оказалось, что для первой характерен следующий набор шкал: привлекательная, сильная, сердечная, теплая, тонкая, расслабленная, ясная, упорядоченная, нежная, активная, мягкая, кроткая. Для безобразной картины — отталкивающая, грубая, беспорядочная, бесхитростная, пассивная, звучная, резкая, слабая, холодная, жесткая, бесстрастная, буйная, туманная, темная.

Но более важными оказались вычисления различий между каждой из 10 картин с эталонами прекрасного и безобразного. Обнаружилось, что картина Ренуара действительно самая прекрасная (наивысшая корреляция с эталоном +0,731), «Венера» Л. Кранаха Старшего на втором месте (+0,717) и «Женский портрет» Боттичелли на третьем (+0,376). Корреляции с эталоном безобразного этих картин составили соответственно (-0,765), (-0,845) и (-0,475). Поэтому иерархия самых значимых шкал, дискриминирующих картину Ренуара как прекрасную, оказалась иной, чем по среднеарифметическим баллам (в нее попали 3 из 5 вышеприведенных шкал): мечтательная, упорядоченная, светлая, сердечная и теплая (кроткая на 6-м месте и нежная на 8-м). Интересен вывод, сделанный автором данного исследования: «В любом случае получение эстетических оценок косвенными методами предпочтительнее, чем прямыми, ибо только так удастся исключить предубеждения и предвзятые суждения или, по крайней мере, хотя бы отодвинуть их на задний план»²²¹.

Идея В. Симмата о сопоставлении оцениваемых объектов с эталонами позитивного и негативного свойства представляется необычайно продуктивной. Такая процедура при обоснованном выборе эталонов принципиально меняет положение дел в социологии и социальной психологии по измерению ценностей, в том числе, разумеется, и в социологии семьи. Следует добавить, что техника СД позволяет сравнивать между собой не только слова, репрезентирующие различные свойства и феномены социального мира, но, как было показано, произведения искусства (включая музыкальные), любые овеществленные атрибуты культуры, любые документы и материалы.

Именно поэтому иногда метод СД относят к разновидности контент-анализа: можно взять любой документ, предъявить его (или видеоаудиокопию) для оценки и получить математически безупречное средство выражения различий в социальных установках. О широте приложения СД к разным сферам деятельности дает представление следующий пример. Один из слушателей спецкурса по семантическому дифференциалу ухитрился даже измерить различия в отношении производителей высшего ранга к десятку предприятий одной отрасли промышленности и получить результат о первой тройке лучших заводов, который был подтвержден впоследствии технологическими и финансовыми данными.

Как же реализуется потенциал СД в области изучения репродуктивных установок и ориентаций? Объекты для оценки здесь могут быть и качественными (семья, дети, брак), и количественными (один ребенок, двое детей, трое и более детей в семье). На одной и той же выборке респондентов можно получать величины Д между

0, 1 и 2 детьми, 3 и 4, 5 и более детьми в семье, оперируя данными в целом по совокупности или по отдельным категориям респондентов в зависимости от возраста, пола, образования, профессии и т.д. Но прежде чем перейти к методикам подобного рода, следует обсудить вопрос о выборе шкал.

Не всегда «пользователи техникой СД» работают лишь с антонимами. Бывает, что способ «парных сравнений» упрощается до сочинения шкал путем прибавления частицы «не» к одному из прилагательных, например интересное — неинтересное, опасное — безопасное и т.д. Но такой путь построения шкал если и очень легкий, то не самый верный. Антонимы — это не просто полярные по смыслу слова, они столетиями существуют в культуре, впитываются с материнским молоком и никогда не меняют своей социокультурной однозначности. Даже пациенты психиатрических клиник могут в своем большинстве сохранять общезначимость системы антонимов. Это как бы общий знаменатель культуры, твердая точка опоры, универсальная ось координат.

Как показал Чарльз Осгуд, несколько десятков или сот антонимов, имеющихся в каждом языке, в конечном счете сводятся к трем группам шкал, к трем факторам, условно обозначенным как «оценка» (хорошее — плохое и т.п.), «активность» (активное — пассивное и др.), «сила» (твердое — мягкое и т.д.). Многие критики СД считают, что измеряется всего-навсего один фактор оценки, так как все остальные факторы Ч. Осгуда (и еще ряд других факторов, открытых его последователями) редуцируются к «хорошему — плохому». Внутренняя система отсчета каждого человека, раскладывая все по полочкам, в конце концов занимается сортировкой по принципу, что хорошо для меня и что плохо. В свою очередь, само это «хорошее» описывается тремя терминальными, конечными измерениями: «добро — зло», «правда — ложь» и «красота — безобразие».

Хорошее потому и хорошо, что для меня, и значит, любимо, отсюда любовь — это эмоциональное проявление добра, правды и красоты. Техника СД оказалась сенсационно эффективной не потому, что в лоб, прямо, по психологической линейке стала определять, что такое хорошо и что такое плохо. СД измеряет различия в положительном или отрицательном оценивании чего-либо по множеству шкал, и тем лучше, чем меньше похожи антонимы на оценку, чем дальше пары прилагательных отстоят по форме от точки пересечения добра, правды и красоты. Если требуется определить отношение к конкретному человеку, ни в коем случае нельзя применять шкалы типа «умное — глупое, чистое — грязное» и т.п. Неминуемую по СД оценку надо хитро спрятать в шкалах типа «сырое — кипяче-

ное, гладкое — шершавое» и т.д. или «быстрое — медленное, далекое — близкое» и т.п. Если же оцениваются не люди, а какие-либо явления, качества, то выбор шкал должен осуществляться по критерию нейтральности, т.е. элиминирования, устранения прямых ассоциаций смысла этих явлений со шкалами. Нельзя «счастье» определять как «полное — пустое» и т.п., «секс» как «активное — пассивное» и т.п. — не следует активизировать бытовые стереотипы восприятия. Нельзя вместе с тем самые разные объекты прямолинейно сопоставлять по шкале «хорошее — плохое». В исследовании «Москва—78» специально была введена подобная процедура, когда разные числа детей в семье сопоставлялись с ценностями свободного времени, образования, работы и отдыха. Результат оказался плачевным на фоне измерения тех же объектов, но по шести нейтральным шкалам. Рассмотрим возможные способы оценивания объектов или формы предъявления их респондентам.

Первый способ как бы раскрывает карты исследователя — выделяется оцениваемое слово и под ним помещаются шкалы. Ниже приводится пример из сравнительного исследования, проведенного в 1990 г. в Москве и Миннеаполисе социологами Миннесотского университета и Института социологии (оценивались: семья, дети, брак, ссора, дружба, любовь, я, секс, стерильность, старость, родители; причем в этом опросе градации отношения не обозначались цифрами 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, или 3 2 1 0 1 2 3²²², а в бланке изображались черточками):

ЛЮБОВЬ

АКТИВНОЕ	_: : _: : _: : _: : _: : _: :	ПАССИВНОЕ
СЛАБОЕ	_: : _: : _: : _: : _: : _: :	СИЛЬНОЕ
ТЯЖЕЛОЕ	_: : _: : _: : _: : _: : _: :	ЛЕГКОЕ
ТЕПЛОЕ	_: : _: : _: : _: : _: : _: :	ХОЛОДНОЕ
МЕДЛЕННОЕ	_: : _: : _: : _: : _: : _: :	БЫСТРОЕ
ДАЛЕКОЕ	_: : _: : _: : _: : _: : _: :	БЛИЗКОЕ
ТВЕРДОЕ	_: : _: : _: : _: : _: : _: :	МЯГКОЕ
НЕЖНОЕ	_: : _: : _: : _: : _: : _: :	ГРУБОЕ
ПРОСТОЕ	_: : _: : _: : _: : _: : _: :	СЛОЖНОЕ
СВЕТЛОЕ	_: : _: : _: : _: : _: : _: :	ТЕМНОЕ
НОВОЕ	_: : _: : _: : _: : _: : _: :	СТАРОЕ
МУЖСКОЕ	_: : _: : _: : _: : _: : _: :	ЖЕНСКОЕ
СПОКОЙНОЕ	_: : _: : _: : _: : _: : _: :	ВОЗБУЖДЕННОЕ
ГЛАДКОЕ	_: : _: : _: : _: : _: : _: :	ШЕРШАВОЕ
СЫРОЕ	_: : _: : _: : _: : _: : _: :	ВАРЕНОЕ

Целесообразно дать английские эквиваленты этих 15 шкал: *active-passive, weak-strong, heavy-light, warm-cold, slow-fast, distant-close, hard-soft, tender-harsh, simple-complicated, light-dark, new-old, masculine-feminine, calm-excited, smooth-rough, raw-boiled*. Отмеченные галочками или крестиками реакции респондентов подсчитываются по всей совокупности опрошенных, и потом средние оценки по каждой шкале отмечаются, затем соединяются ломаной линией — в итоге получается ПРОФИЛЬ объекта. Техника СД позволяет на рисунке представить различие в отношении отдельного человека (или отдельных групп и категорий) к разным объектам оценки. Для этого предварительно все шкалы распределяются по трем факторам: О — оценки (теплое — холодное, светлое — темное, нежное — грубое, новое — старое, гладкое — шершавое); С — силы (сильное — слабое, твердое — мягкое, тяжелое — легкое); А — активности (активное — пассивное, медленное — быстрое, далекое — близкое, спокойное — возбужденное, сырое — вареное). Обычно рассчитываются средние значения по всем шкалам (лучше по трем, хуже — по двум и недопустимо — по одной шкале) отдельного фактора.

Эти средние величины в трехмерном «семантическом» пространстве будут тремя осями координат, и тогда каждый объект оценивания обретает свое место в этом пространстве. Пусть слово «семья» имеет среднюю оценку по фактору О = +2,5, по А = +2,0 и по С = +1,5, а «старость» соответственно О = -1,5, А = -2,5 и С = -3,0. Тогда их расположение в «семантическом» пространстве иллюстрирует схема 5.7.

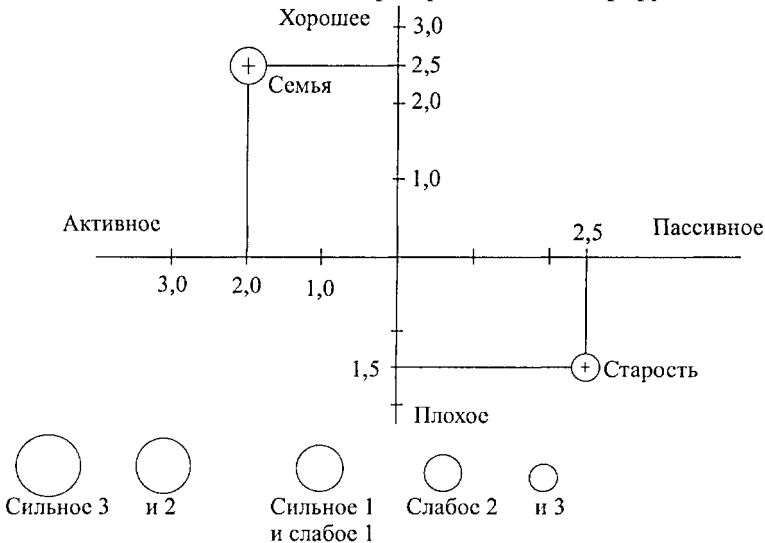

Схема 5.7. Изображение объектов в семантическом пространстве

Если объект получает низкую оценку, то изображается маленьким кружком, если высокую — большим. Таким образом, в данном пространстве все хорошее и активное концентрируется слева сверху, а все плохое и пассивное — справа внизу. Место объекта в семантическом пространстве возникает на пересечении средних значений, откладываемых по осям. Это соответствует профилю объектов по шкалам хорошее — плохое (оценка), активное — пассивное (активность), сильное — слабое (сила), причем в соответствии со значениями в данном примере объект «семья» тяготеет к левому (хорошему) полюсу, а объект «старость» — к правому (плохому) полюсу. Если каждый фактор О, А и С представлен двумя шкалами, тогда профиль объекта будет изображаться ломаной линией по шести шкалам, если три — то по девяти и т.д. Профиль объекта — это как бы линейное его изображение на шкалах, место объекта в семантическом пространстве — на схеме 5.8 показаны профили двух объектов по трем шкалам.

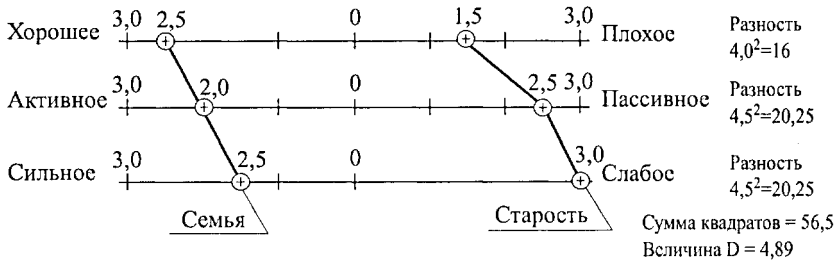

Схема 5.8. Профили объектов «семья» и «старость»

Расчет величины дифференциала D между «семьей» и «старостью» производится посредством определения разности по каждой шкале, возведения ее в квадрат, суммирования квадратов разностей и извлечения корня из суммы.

$$D_{x,y} = \sqrt{\sum d_{x,y}}$$

где D — генерализованная дистанция;

d — дистанция между x и y ;

x, y — объекты оценивания.

Как определить, является ли в нашем примере генерализованная, т.е. обобщенная по трем шкалам, величина D большой или ма-

ленькой, другими словами, значима ли разница $D = 4,89$ между старостью и семьей? Для этого узнаем максимальное различие между объектами: если по каждой из трех шкал эти слова получают полярные оценки $+3$ и -3 , тогда по каждой шкале разность будет 6, а сумма квадратов разностей составит $36 \times 3 = 108$. Извлечем корень и получим величину 10,4; значит, наша генерализованная дистанция наполовину меньше максимальной. С другой стороны, 0 характеризует полное сходство между объектами, и тогда близость к 0 и даже к 1 служила бы свидетельством сходства значений, придаваемых этим объектам.

Если шкал будет 6, тогда максимальное различие увеличится (6×36) = 216, и величина $D = 14,9$ (при минимальной разнице $D = 0$). Если шкал будет 9, 12 и более, соответственно увеличится диапазон измерения до D (0 — 18) и т.д. Увеличение числа шкал, числа измерений делает сопоставление между объектами более гибким и точным, но одновременно и более трудоемким. Конечно, производить оценку по трем шкалам (на каждый фактор по шкале) — это пойти на большое упрощение. Лучше всего, разумеется, работать по 9 шкалам. Однако в исследовании «Москва—78» пришлось из-за огромного объема анкеты выбрать вариант из 6 шкал. В этом выборочном опросе попеременно использовались два способа предъявления объектов для оценки — один, уже описанный выше, когда каждое слово-объект оценивается по всем используемым шкалам. И второй способ, когда несколько оцениваемых объектов предъявляются в опросном бланке вперемешку, причем во избежание монотонности заполнения бланка и для контроля внимательности респондента полюса шкал переворачивались. К примеру, сначала «твердое—мягкое», потом «мягкое—твердое». Для разнообразия следует добавлять вообще иные шкалы, а не только дискриминирующие разницу, и разумеется, надо добавлять для сбивки респондента с толку, для отвлечения его от изучаемой тематики объекты другого содержательного ряда. Подобное дополнение утяжеляет опросный бланк, увеличивает время на заполнение теста, делает анализ более трудоемким и дорогостоящим. Поэтому в пилотажных, пробных опросах всегда надо искать баланс между трудоемкостью и надежностью измерения.

Ниже приводится фрагмент анкеты из полевого исследования «Москва—78», в котором на выборке 1500 человек было доказано, что даже люди с незначительным уровнем образования способны работать с техникой СД не в лаборатории, а на дому при предварительном инструктировании.

А ТЕПЕРЬ МЫ ПРОСИМ ВАС ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В СПЕЦИАЛЬНОМ ИСПЫТАНИИ

Мы приглашаем Вас выразить свои ощущения и впечатления от некоторых слов и словосочетаний по ряду психологических шкал. Вначале, пожалуйста, ознакомьтесь с процедурой работы.

ВНИМАНИЕ !

Пусть требуется, например, выразить отношение к слову СЕМЬЯ по шкале ТЕПЛОЕ—ХОЛОДНОЕ. Если Вы чувствуете что СЕМЬЯ — это что-то ОЧЕНЬ ТЕПЛОЕ, тогда вы отмечаете это следующим образом:

семья — ТЕПЛОЕ [3] 2 1 0 1 2 3 ХОЛОДНОЕ

Когда же кажется, что ОЧЕНЬ ХОЛОДНОЕ, то кружком или квадратиком отмечается цифра 3 с противоположной стороны шкалы. Но допустим, что СЕМЬЯ ассоциируется с не очень холодным (теплым). Тогда отмечаете так:

семья — ХОЛОДНОЕ 3 [2] 1 0 1 2 3 ТЕПЛОЕ

Если вы считаете, что СЕМЬЯ — лишь отчасти теплое (или холодное), тогда надо делать так:

семья — ТЕПЛОЕ 3 2 [1] 0 1 2 3 ХОЛОДНОЕ

Теперь пусть кажется, что какое-то слово нельзя оценить по какой-нибудь шкале, т.е. оно нейтрально для Вас или данная шкала не подходит для оценки этого слова, тогда надо отметить 0:

здоровье — ГРОМКОЕ 3 2 1 [0] 1 2 3 ТИХОЕ

Пожалуйста, делайте свои отметки только в зависимости от того, что то или иное слово значит ДЛЯ ВАС ЛИЧНО! Прежде чем Вы приступите к оценке слов и словосочетаний, связанных с семьей и повседневной жизнью, мы хотели бы обратить Ваше внимание на следующее. Если Вы почувствуете, что вроде бы уже отмечали какое-либо слово по той же самой шкале, не старайтесь вспомнить, когда это было. ПОМНИТЕ, что у нас нет одинаковых случаев. НЕ ОСТАНАВЛИВАЙТЕСЬ и продолжайте работать дальше. СТАРАЙТЕСЬ для каждой новой строки ВНОВЬ НАЙТИ СВОЕ МНЕНИЕ, но при этом не задерживайтесь долго над чем-то одним, не размышляйте много — нам важно ВАШЕ САМОЕ ПЕРВОЕ впечатление, ВАШЕ НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ощущение.

1. Работа	легкое	3	2	1	0	1	2	3	тяжелое
2. Достаток	теплое	3	2	1	0	1	2	3	холодное
3. Двое детей в семье	светлое	3	2	1	0	1	2	3	темное
4. Отдых	медленное	3	2	1	0	1	2	3	быстрое

5. Один ребенок в семье	тяжелое	3	2	1	0	1	2	3	легкое
6. Я	активное	3	2	1	0	1	2	3	пассивное
7. Трое детей в семье	темное	3	2	1	0	1	2	3	светлое
8. Любовь	сильное	3	2	1	0	1	2	3	слабое
9. Достаток	чужое	3	2	1	0	1	2	3	свое
10. Учеба	веселое	3	2	1	0	1	2	3	грустное
11. Дети	пассивное	3	2	1	0	1	2	3	активное
12. Двое детей в семье	холодное	3	2	1	0	1	2	3	теплое
13. Я	медленное	3	2	1	0	1	2	3	быстрое

и т.д. — всего 100 тестовых испытаний.

Здесь использовалось 6 шкал: фактора оценки (светлое—темное, свое—чужое), фактора силы (тяжелое—легкое, теплое—холодное), активности (активное—пассивное, быстрое—медленное). Следует подчеркнуть, что фактор силы был представлен неудачно. Шкала тяжелое—легкое в семейной проблематике работала как сугубо оценочная шкала, во многих случаях также воспринималась шкала теплое—холодное. Поэтому в последующих исследованиях использовались шкалы твердое—мягкое и сильное—слабое.

При измерении репродуктивных ориентаций для сопоставления моделей семьи с разным числом детей использовался положительный эталон ДЕТИ, причем оценка этого объекта производилась в бланке по 6 шкалам. Эталон последовательно сопоставлялся с однодетной, двухдетной и трехдетной моделями семьи. Предполагалось, что чем больше будет сходства у той или иной детности с эталоном, тем ценностно значимее этот объект, тем сильнее установка на него и выше вероятность реализации этой модели семьи в будущем. Степень сходства определялась по близости величины D к 0. Вот какая картина получилась в исследовании 212 пар в Вильнюсе (1976), проведенном аспирантом А.И. Антонова:

	Дети — 2 детей	Дети — 3 детей	Дети — 1 ребенок	Дети — 4 детей	Дети — бездетная семья
МУЖЬЯ	1,31	2,95	3,81	4,65	8,16
ЖЕНЫ	1,63	3,27	4,58	5,54	8,95
СЕМЬЯ в целом	1,38	3,11	4,20	4,89	8,68

Как следует интерпретировать данные по этой методике? В литовском исследовании использовалось два эталона: негативный — бездетная семья и позитивный — дети. Оказалось, что идея сопоставления с эталоном эффективно работает и в сфере репродуктивных установок. В выборке после 12 лет брака преобладали двухдетные семьи (53,5%), однодетные — 38%, тогда как трехдетных

и более было примерно 5% и бездетных — 3%²²³. Доминирование социальной нормы малодетности налицо, что и подтверждается измерениями по СД. Установка на двухдетность, хотя и далека от 0 — от всеобщей и абстрактной любви к детям, тем не менее она оказалась интенсивнее всех остальных в качестве показателя готовности к удовлетворению потребности в двух детях.

Установка на двоих детей в семье сугубо инструментальна — свыше половины опрошенных добились ее реализации, к тому же и среди однодетных (это более трети всей выборки) бóльшая часть, по видимому, была ориентирована на двоих детей, поэтому установка на однодетность в 3 раза слабее. Отметим, что величина D между «дети» и числом детей интерпретируется как установка на то или иное число детей. В этом смысле можно говорить и об установке на бездетную семью, которая в данной выборке семей с детьми не могла не получить отрицательной оценки, т.е. максимального различия с позитивным эталоном «дети».

Приведенный пример показывает недостаточность оперирования величинами D в целом по выборке, тут выявляется самая позитивная и негативная установка, а также на репрезентативных выборках можно показать, во сколько раз значимее, ценнее для данной совокупности та или иная ориентация в сравнении с другими. Так, ценность двухдетности в два с лишним раза сильнее, чем трехдетности, тогда как однодетность и четырехдетность равнегативны, хотя и не столь разрушительны, как бездетность.

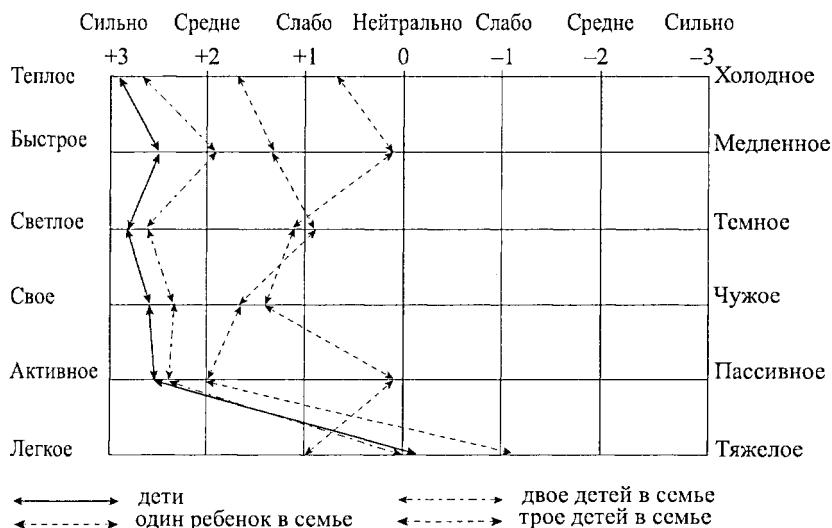
Но все эти сопоставления ОТНОСИТЕЛЬНЫ, поскольку сама выборка неоднородна. В нашем примере перевес семей с двумя и более детьми над однодетными сказывается на повышении различия между «дети — 1 ребенок». С другой стороны, однодетные влияют на снижение значимости двух и более детей. Истинную цену моделей детности можно узнать, лишь вычисляя величины D по типам фактической детности. При этом могут обнаружиться какие-либо тенденции, ведь выявилась же склонность мужей оценивать более позитивно все без исключения уровни детности (в том числе и бездетность), чем жены.

Рассмотрим в связи с этим табл. 5.1. Прежде всего очевидна ненадежность малых выборок в сравнении с большими (см. данные по двухдетным женщинам в выборке из 60 человек и из 1319 человек на схеме 5.9 — установки на двоих детей и на троих детей в семье резко отличаются). Во-вторых, ведущий характер ценности двоих детей обнаруживается по значимости ее для двухдетных (почти в 5 раз ценнее, чем трое детей в семье), и по перевесу над значимостью однодетности для однодетных и трехдетности для трехдетных.

Таблица 5.1

**Дифференциация ценности детей или установок на число детей
в семье среди замужних женщин (по данным исследований
«Москва–76», «Москва–78» и «Россия–2000») ²²⁴**

Категории респондентов	Сопоставление эталона «дети» с 0, 1, 2, 3, 4 детьми в семье				
	2	1	3	4	0
Бездетные (21 чел.)	1,51	3,51	5,50	7,61	10,16
Однодетные (116 чел.)	1,85	3,34	7,20	9,33	11,74
Двухдетные (60 чел.)	1,52	5,45	7,81	9,25	11,99
Двухдетные (1319 чел.)	0,64	4,48	2,89	—	—
Трехдетные (60 чел.)	2,20	6,61	3,95	7,24	12,70
Трехдетные (31 чел.)	1,02	5,39	1,52	—	—
Женщины с детьми (925)	5,78	4,27	5,03	—	8,53

Примечание. Цифры (0, 1, 2, 3) на этом графике и других выражают интенсивность данного качества: +3 и -3 — сильная интенсивность, +2 и -2 — средняя, +1 и -1 — слабая, 0 — данное качество не имеет отношения к оцениваемому объекту.

Схема 5.9. Профили установок детности среди 1319 двухдетных москвичек в исследовании «Москва–78»

С однодетными все проще — часть из них испытывает действительно потребность во втором (а часть — чисто символически, в качестве своеобразной дани «моде»), и потому ценность двухдетности выше, чем однодетности. С трехдетными все сложнее и интереснее, если предположить, что полученный результат на малых выборках 60 и 31 человек повторится и на больших выборках. Если эти измерения по СД установки инструментальны, тогда почему имеющееся число детей противоречит им? Здесь требуется обращение к когнитивным теориям. По теории когнитивного диссонанса любой результат вызывает диссонанс после принятия решения — начинают активизироваться преимущества отвергнутых альтернатив и занижается ценность реализованного решения²²⁵.

В условиях массовых социальных норм однодетности и двухдетности семьи с тремя детьми оказываются социальным меньшинством и испытывают на себе негативные воздействия со стороны малодетной микросреды. Это усиливает диссонанс, и стремление избавиться от него ведет к усилению привлекательности отвергнутой модели двухдетной семьи. Обиходная интерпретация данной ситуации, постоянно проникающая в «научные объяснения» под влиянием идеологии «планирования семьи», такова: дескать, трехдетные «хотели» лишь двоих детей, они «переудовлетворили» свою потребность, у них родился ребенок «нежеланный», так как супруги «не смогли» предупредить «нежелательную» беременность без «должной культуры контрацепции».

Следует отметить, что, наряду с оценкой значимости чисел детей по эталону, вычисление величин D между самими этими числами детей (желательно на однородных выборках), также обладает интересными возможностями анализа. В табл. 5.2 приведены оценки по позитивному и негативному эталонам, и определены различия каждого из четырех чисел детей в семье (1, 2, 3, 4) со всеми остальными. Прежде всего бросается в глаза дифференциация значений по отношению к сравниваемым числам. Что она означает? Очень многое. Во-первых, этот факт говорит о том, что в психологическом пространстве однодетных женщин-москвичек эти модели детности имеют разный вес. Полученные данные раскрывают эмпирическую необоснованность мнений о том, что будто бы вероятность выбора любого числа детей одинакова. На самом деле о равновероятности репродуктивных решений не может быть и речи, каждое число детей в семье обладает определенной модальностью. Разумеется, среди двухдетных, трехдетных и т.д. дифференциация отношения к этим моделям детности будет выглядеть несколько иначе, но, по сути, останется детерминируемой существующими нормами малодетности.

Таблица 5.2

Дифференциация установок детности среди 116 однодетных женщин
(по данным исследования «Москва-76»)²²⁶

Число детей	Дети	0 детей	4 детей	3 детей	2 детей	1 ребенок
Дети	+	11,74	9,33	7,20	1,85	3,34
0 детей	11,74	+	5,31	7,04	10,47	10,46
4 детей	9,33	5,31	+	4,15	7,96	8,81
3 детей	7,20	7,04	4,15	+	5,83	6,71
2 детей	1,85	10,47	7,96	5,83	+	2,34
1 ребенок	3,34	10,46	8,81	6,71	2,34	+

Вторая особенность этого метода расчета величин D связана с возможностью эмпирически измерить границы между бездетностью, малодетностью (1–2 детей), среднететностью (3–4) и многодетностью (5 и более). Наибольшая разница для однодетных обнаруживается (см. в таблице выделенные цифры) между однодетностью и бездетностью — 10,46, наименьшая — между одним и двумя детьми внутри нормы малодетности (2,34). «Внешнее» различие между малодетностью и среднететностью намного больше, чем «внутренние» различия между одним и двумя, тремя и четырьмя, — соответственно 5,83 против 2,34 и 4,15.

Возникает вопрос: а какой может быть эта «внешняя» граница у двухдетных? Будет ли она меньше или больше чем 5,83? Оказалось, что в их восприятии порог между верхним пределом малодетности и нижним рубежом среднететности еще ощутимее — 7,20. Также оказалось больше различие между одним и двумя детьми — 4,37, поскольку модель однодетной семьи — это как бы уже пройденный этап жизни. Однако дифференциал между тремя и четырьмя детьми несколько меньше (3,73), чем 4,15, поскольку двухдетные женщины чуть благоприятнее относятся в целом к среднететности, чем к малодетности. Следует отметить еще один важный результат — эмпирически зафиксирована значительная разница между трехдетной моделью семьи и однодетной, которая составила у однодетных 6,71, т.е. даже больше, чем граница между малодетностью и среднететностью. Данный факт говорит о неправомочности включения семьи с тремя детьми в состав малодетности (как это делают некоторые демографы).

Метод вычисления различий между социальными типами детности необходимо применить в выборочных исследованиях мно-

годетных регионов. Это позволит очертить зоны психологического восприятия чисел детей в семье, существующие в другой, более фамилистической культуре. В целом расширение объема эмпирической информации о дифференциации отношений к детности создает более полную картину существующих репродуктивных ориентаций. В эпоху перехода всего мира к малодетности, а в рамках малодетности — перехода к однопородности и добровольной бездетности описанный способ определения различий в установках на ноль, одного и двоих детей в семье может стать чрезвычайно необходимым для изучения того, как в разных социальных группах и стратах сглаживается дифференциация между тремя оставшимися моделями детности.

Социологический практикум. 1. Выпишите из словаря антонимов русского языка примерно 30 пар прилагательных и постарайтесь подобрать их эквиваленты в другой языковой культуре. Попытайтесь найти объяснения выявленным различиям. Распределите все 30 шкал по трем факторам СД (все антонимы, не укладывающиеся в систему факторов О, С и А, выделите в отдельную группу.) 2. Тема курсовой работы — «Опыт применения техники СД к изучению семейных установок». Проведите мини-исследование дифференциации установок детности среди нескольких супружеских пар и среди одиночек, так чтобы число мужчин и женщин в браке и вне брака было равным (постарайтесь сблизить их характеристики по возрасту, образованию, профессиональным ориентациям). Используйте следующие объекты: ноль, один, двое и трое детей в семье, дети, Я, МЫ, семья, (в супружеских парах добавьте слова «мой муж—моя жена»). Отберите по 3 шкалы на каждый фактор из выписанных Вами 30 антонимов (или из 15 шкал, приведенных выше). Составьте вопросник, используя один из двух способов предъявления объектов респондентам. При тестировании надо добиться одновременного заполнения бланков супругами. Запишите все замечания, высказанные респондентами. Анализ данных: а) определить различия в отношении к нулю, одному, двоим и троем детям среди одиночек и семейных, среди мужчин и женщин (сравнить с мужьями—женами), в целом по выборке; б) определить по выделенным в пункте а) социальным категориям дифференциацию между эталоном «дети» и числами детей, то же самое сделать с эталоном «ноль детей в семье»; в) рассчитать величины D между Я—МЫ, Я—семья, МЫ—семья, сравнить данные по супругам и одиночкам; г) оценить различия между Я и числами детей, также поступить с МЫ, семья; сравнить величины D между («дети» и числами детей) и («семья»—числа детей). Может ли «семья» быть позитивным эталоном, так же как «дети»? д) произвести оценку статистической значимости выявлен-

ных Вами различий; е) написать текст работы по плану: цель и задачи исследования, методика и описание выборки, особенности сбора данных, программа обработки информации, анализ данных по целям.

Методы изучения репродуктивных мотивов. Проблема измерения мотивации — одна из сложнейших в социологии и психологии. В связи с активизацией защитных мотивов Я при опросах, интервью и тестировании лучше прибегать к косвенным методам или к проективным методикам. В социологии семьи к этому добавляется задача выявления собственно мотивов рождения детей, а не «причин» того, «что мешает» этому. Из опыта социологических исследований в других отраслях социологии известно, что продуктивнее (для прогнозирования будущих результатов поведения и для изучения технологии действий) выяснять мотивы поведения у тех, кто реализовал свои решения, а не у тех, кто собирается это сделать. Другими словами, точнее измеряется мотивация среди купивших автомашину, коттедж, компьютер и т.д., а не среди тех, кто только собирается это сделать. Исходя из этой стратегии следует стремиться к измерению мотивов рождения уже рожденных детей, а не мотивов предполагаемого рождения среди тех, кто не имеет детей. Подобная стратегия сразу же нацеливает на выяснение репродуктивных мотивов среди людей с разным числом детей.

Точнее измерять мотивы второго ребенка среди тех, кто уже имеет двоих детей, а не среди однодетных супругов, собирающихся обзавестись вторым. Сразу же надо оговориться, что никакое совершенствование самых-самых надежных методов не даст достоверного результата без учета бытующих в подлежащем исследованию населении норм детности. В регионах норм малодетности лишается смысла (как пришлось убедиться на практике) измерение мотивов рождения первенца, а также трех и более детей — от первенцев никто добровольно не отказывается, а третьих-четвертых никто не хочет. Бездетные и «многодетные» (а многодетными начинают считаться уже семьи с тремя и даже двумя детьми) как нарушители норм, неконформисты подвергаются санкциям разного рода, поскольку «белые вороны» слишком уж выделяются, бросаются в глаза.

В регионах многодетности противоположная картина — там семьи с тремя детьми — уже вызов обществу, репродуктивное диссидентство. Зона рутинного поведения простирается до четвертых-пятых рождений, выбор начинается в пределах многодетности (5–10 детей), и лишь отсюда исследование различий в мотивации приобретает смысл. Именно поэтому первые исследования мотивов рождаемости открываются составлением перечней и каталогов мотивов высокой и

низкой рождаемости. Обобщение этих перечней привело к выделению различных групп мотивов, к пониманию разницы мотивов в рождении детей вообще и мотивов рождения дополнительного к уже имеющимся детям ребенка, к различению интенсивности (силы) мотивации и сути, смысла мотивов на разных стадиях семейного цикла жизни. Важным шагом явилось подразделение американским социологом Джудит Блейк всех репродуктивных мотивов на экономические и внеэкономические²²⁷. В исследованиях междисциплинарного коллектива социологов, демографов, психологов и экономистов, проведенных в 1970-е и 1980-е гг., мотивы рождения были разбиты на три группы: на экономические, социальные и психологические (все мотивы суть психологические побудители к активности, но выделение собственно психологических мотивов вызвано стремлением отличить внутренние импульсы от внешних стимулов).

Репродуктивные мотивы представляют собой психические состояния личности, побуждающие к достижению разного рода личных целей через рождение определенного числа детей. Мотив рождения характеризует смысл появления ребенка любой очередности, когда дети оказываются объектом или средством для достижения этих целей. Последнее обстоятельство вызывает критику со стороны тех ученых, кто исходит из «самоценности детей» и вообще человека, т.е. относит детей к терминальным, конечным ценностям человеческого бытия, более не сводимым ни к каким иным. Подобный подход абсолютно не технологичен и лишает права на существование инструментальный подход, описывающий не абсолютную сущность, трансцендентную субстанцию, а именно процесс развертывания и осуществления любого социального действия. Поэтому упрек в «манипулировании людьми», в редуцировании человека до инструментального средства можно предъявить любой социологической попытке структурировать само социальное действие, систему диспозиционной регуляции поведения. Практически такие требования в случае их реализации ведут к полному отказу от выяснения того, как и каким образом строится и возникает всякий итог активности.

Среди репродуктивных мотивов выделяется три типа. Экономическими мотивами именуется те из них, которые побуждают к рождению детей благодаря достижению каких-то экономических целей, связанных с улучшением жилья, ростом уровня жизни, с помощью детей в домашнем и подсобном хозяйстве, с гарантией обеспечения родителей в старости и т.п. Если никаких выгод родителям от рождения детей нет (а так сегодня в большинстве случаев и происходит), то следует констатировать отсутствие именно экономических

мотивов рождения, но не отсутствие влияния экономических условий жизни на число рождений в семье. Уменьшение значимости экономических мотивов (при надлежащем их измерении) свидетельствует о диалектически сложном воздействии экономических обстоятельств жизнедеятельности на репродуктивное поведение семьи.

Суть экономических мотивов ясна и проста, но при проведении исследований проблема их измерения чрезвычайно затруднена. В малодетных регионах практически нет никаких экономических выгод от рождения детей любой очередности, отсюда респонденты не знают, что сказать в ответ на открытый вопрос о мотивах, а социологи не знают, как, с помощью каких именно реально значимых для респондентов индикаторов, можно представить варианты ответа на закрытый вопрос. Отсюда социологи иногда просят без какой-либо расшифровки просто отметить «экономическую полезность» детей, если таковая имеется.

Таблица 5.3

**Экономические мотивы рождения детей
по опросу 424 мужей и жен**

(по одновременному опросу 424 мужей и жен «Вильнюс—76», %) ²²⁸

Индикатор мотива и его значимость	Совершенно верно и верно	Трудно сказать	Совершенно неверно и неверно	Итого
Рождение детей:				
1. Укрепляет благосостояние	61	23	14	100
2. Служит подспорьем в домашнем хозяйстве	52	27	19	100
3. Позволяет улучшить жилищные условия	44	29	24	100
4. Способствует получению разного рода льгот	27	33	36	100
5. Гарантирует благополучную старость	27	55	16	100
6. Приносит материальную поддержку родственникам	12	22	64	100

В данном исследовании предъявлялось всего 25 индикаторов мотивации; экономические мотивы фактической детности заняли последнее место по значимости в качестве побуждающих к рожде-

нию — 18,6% (социальные мотивы — 31,7%, психологические мотивы — 41,3%). Обобщенные показатели по каждому типу мотивации и отдельно по каждому индикатору могут сопоставляться с разными социальными параметрами. В табл. 5.4 приводятся группировки по уровню образования (что позволяет проследить слабую тенденцию уменьшения значимости экономических мотивов среди людей с более высоким образованием, причем в 3 из 6 индикаторов обратная связь налицо), а также по числу детей для выяснения специфики мотивации в зависимости от очередности рождения.

Таблица 5.4

Экономические мотивы, уровень образования и число детей в семье
(по данным исследования «Вильнюс-76»)²²⁹

Номер индикатора по табл. 5.3	Уровень образования			Число детей в семье		
	Ниже среднего	Среднее	Выше среднего	1	2	3
1	32,2	27,3	24,4	22,4	29,9	44,3
2	62,7	62,3	62,2	56,9	64,4	86,1
3	45,1	47,7	40,1	37,0	50,4	38,8
4	49,2	55,9	46,8	54,1	52,0	50,0
5	32,8	27,8	22,0	25,7	28,6	27,7
6	18,4	11,6	7,8	13,1	11,6	5,5

Социальные мотивы рождения побуждают к рождению определенного числа детей благодаря наличию норм детности, они являются индивидуальной реакцией на бытующие нормы и с трудом поддаются осмыслению. Стремление индивида «быть таким, как все», «жить, как все люди живут», т.е. стремление как-то продемонстрировать свое признание общепринятых норм и правил жизни, оказывается отличительной чертой всякого (и традиционного, и современного) репродуктивного поведения. Наличие определенных социальных (или моральных) стимулов к рождению детей, каких-либо льгот или преимуществ социально-психологического свойства, например повышение авторитета и престижа родителей на производстве, в быту и т.д., означает функционирование социальных мотивов. Отсутствие таких мотивов свидетельствует об отсутствии социальных и моральных выгод рождения детей и предполагает существование «невыгод» подобного рода. Например, в зоне норм малодетности родители с тремя и более детьми могут подвергаться негативным санкциям (недоумение окружающих, насмешки, осуждение, нападки и издевательства).

Таблица 5.5

Социальные мотивы
(по данным опроса «Вильнюс—76»)²³⁰

Индикатор мотива	Верно	Трудно сказать	Неверно
РОЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ:			
Обеспечивает продолжение рода	91	7	1.2
Является моральным долгом человека	85	10	3
Позволяет жить по-семейному	65	22	11
Укрепляет веру, что дети добьются того, что не удалось мне	63	32	4
Повышает авторитет и уважение у окружающих в быту и на работе	62	27	11
Помогает иногда избежать некоторых жизненных неприятностей	61	27	9
Отвечает ожиданиям родителей и родственников	58	28	12
Заставляет укреплять свое положение на работе	58	21	20
Позволяет достичь успеха в жизни	28	45	25

Главная трудность при измерении социальных мотивов такая же, как и в случае с экономическими мотивами, разработка самих индикаторов, отражающих или охватывающих все возможные реально аспекты социальных стимулов, практически весьма зауженных в связи с ослаблением внешних импульсов при переходе от социальных норм многодетности к нормам малодетности. Из потенциального континуума индикаторов надо отобрать (с помощью пилотажных опросов на малых выборках) наиболее значимые для респондентов варианты. Очень трудно «схватить» через индикаторы конформистскую реакцию респондентов на действие общепринятых норм детности, когда заранее социолог разрабатывает континуум возможных ответов на закрытый вопрос. Поэтому иногда применяется другой способ измерения репродуктивных мотивов — задача выявления мотивов как бы переадресуется самим опрашиваемым, которым предлагается ответить (придумать ответы) на открытый вопрос. Так поступили, например, социологи Института социальных исследований Мичиганского университета в 1975 г. при проведении общенационального опроса 1569 замужних женщин до 40 лет и 456 мужей. Открытый вопрос был сформулирован без подсказок следующим образом: «Хотелось бы спросить Вас о преимуществах и недостатках

обзаведения детьми. Прежде всего что Вы могли бы сказать о преимуществах наличия детей в сравнении с отсутствием в семье детей вообще?»

Как видно из формулировки, выясняется мнение респондентов о мотивах рождения вообще, без уточнения их числа и очередности и без фиксации внимания на какой-либо стадии семейного цикла. По замыслу исследователей такая обобщенная постановка вопроса должна была активизировать ответы о мотивах рождения фактически имеющихся детей (в начале 1960-х гг. в США среднее ожидаемое число вступающих в брак было примерно 2,5 и реализовывалось близко к этой величине, но конечно же на меньшем уровне). Итоги опроса позволили сгруппировать все ответы по 9 типам мотивов детности, из которых 5 были отнесены к социальным, 3 — к психологическим и 1 — к экономическому типу.

Практикум. В соответствии с вышеприведенными дефинициями типов репродуктивной мотивации и примерами из практики исследований читателям предлагается самим определить, какие именно индикаторы соответствуют трем типам мотивации, т.е. надо самостоятельно найти индикаторы психологических мотивов, пока еще не обсуждавшихся. После группировки индикаторов выявилось подавляющее преимущество, как говорят спортивные комментаторы, психологических мотивов над остальными: среди жен, имеющих детей, психологические мотивы отметили 53,8%, социальные — 8,3% и экономические — 6,0% (табл. 5.6, где итоговая сумма по столбцу больше 100% из-за того, что респондентами называлось несколько индикаторов сразу).²³¹

Таблица 5.6

**Мотивы рождения по данным опроса мужей и жен
(США, 1975, %)**

Индикаторы мотивов	Имеющие детей		Бездетные	
	жены (1259)	мужья (356)	жены (310)	мужья (100)
1	2	3	4	5
1. Дети укрепляют семейные узы	66,2	60,4	63,9	52,0
2. Дети как источник радости, новизны, забавы	60,1	55,3	40,6	34,0
3. Мотив продления себя в детях, смысла жизни	35,3	32,6	32,9	31,0

Окончание табл. 5.6

1	2	3	4	5
4. Родительство укрепляет статус взрослого человека, повышает чувство ответственности	22,0	19,4	14,2	9,0
5. Вырастая, дети могут достичь большего в жизни, чем родители	11,0	9,6	13,2	20,0
6. Дети как моральный и религиозный долг	6,9	6,7	6,5	2,0
7. Экономическая полезность	6,0	9,0	8,1	10,0
8. Мотивы власти и влияния	2,2	2,2	2,6	2,0
9. Дети повышают престиж	0,1	0,3	0	0

Психологические мотивы, являющиеся ведущими в малодетных регионах, представляют сугубо личную заинтересованность в рождении детей. Они отражают создаваемую на наших глазах новую символику рождения одного-двух детей, характеризуют активное принятие норм малодетности и активизацию смыслообразующей деятельности по расширению репертуара мотивационных стереотипов и объяснительных шаблонов. Среди психологических мотивов различают три вида. Первый вид — дары детей родителям, все то, что удовлетворяет потребности родителей в любви и уважении к себе, в смысле жизни, в стремлении продолжить в детях какие-либо собственные качества. Дети эмоционально обогащают, благодаря им родители открывают порой прежде неизвестные для себя стороны жизни. Второй вид — дары родителей детям, связанные с проявлением заботы, опеки, любви, творческой потребности самому направлять становление нового человека. Именно в этом случае употребляют злосчастные выражения «инстинкт материнства» или «инстинкт родительства». Третий вид объединяет все остальное многообразие индивидуального отношения к деторождению — здесь и желание не остаться в одиночестве под старость, иметь ребенка определенного пола, желание женщины укрепить свое здоровье, желание укрепить брак и т.д.

На примере психологических мотивов рассмотрим еще один способ выявления мотивации. Он предложен психологом В. Бойко²³² по аналогии с тестом незавершенных высказываний, когда респонденту предлагается закончить хитро начатые исследователем суждения, чтобы поймать испытуемого «на крючок». Это разновидность проективных тестов, когда в ситуации достаточно неопределенной

респондент домысливает ее, раскрывая невольно как бы «свою душу». К примеру, надо закончить суждения: «Каждый раз, когда я вижу своего начальника, мне хочется...» или «Когда я вспоминаю своего отца, то мне становится...». Кстати говоря, в классическом варианте этого теста несколько тем непосредственно относится к семейным коллизиям.

Метод незавершенных высказываний состоит в том, что каждый индикатор мотива любого типа обязательно сочетается с определением числа детей, требуемого для реализации данного мотива. Вопрос формулируется при этом различным образом. Например: «Как Вы считаете, сколько детей в семье надо иметь, чтобы: а) ощутить смысл жизни — 0, 1, 2, 3, 4, 5 и более, число детей не имеет значения; б) проявить свою любовь — 0, 1, 2 и т.д.» Или иначе: «Почувствовать всю полноту уважения к себе в старости со стороны других людей можно, имея в семье 0, 1, 2, 3, 4, 5 и более детей, число детей не имеет значения». Вот как распределились ответы по одному индикатору психологических мотивов в трех исследованиях (%):

Категория опрошенных	Число	Одиночество не грозит в старости тем, у кого детей:					
		1	2	3 и более	0	трудно сказать	не имеет значения
Трехдетные	60	5	10	32	0	5	48
Мужья и жены	424	1	5	38	9	21	26
Ленинград-73	3224	4	40	28	—	10	

При выяснении репродуктивной мотивации методом незавершенных высказываний создается возможность определить «силу» того или иного индикатора по среднему числу детей, к которому он побуждает. В исследовании «Москва-78» применялась процедура определения потенциальной силы каждого из трех типов мотивации. Были рассчитаны величины среднего числа, к которому побуждает каждый из 25 применявшихся в опросе индикаторов, затем подсчитывались средние по трем типам мотивации, причем ответы считавших, что «число детей не имеет значения», исключались из расчета. В итоге обнаружился наибольший потенциал детности у экономических мотивов, они в принципе способны поднять число детей в семье до 1,75 (при варьировании от 1,15 до 2,78) за счет улучшения условий реализации имеющегося в выборочной совокупно-

сти уровня потребности в детях. Следует обратить особое внимание: потенциал экономических побуждений к рождению не повышает саму потребность в детях, а повышает степень ее реализации за счет улучшения ситуаций ее удовлетворения.

Сила социального типа мотивации оказалась слабее — эти мотивы побуждают в среднем к рождению 1,47 ребенка (в диапазоне от 0,79 до 2,05). Психологические мотивы еще слабее — 1,43 ребенка при незначительном размахе колебаний от 1,26 до 1,64. Таким образом, по силе побуждений к установкам детности наблюдается обратная картина в сопоставлении со структурой фактических мотивов рождения первых, вторых и третьих детей в семье. Прежде чем обратиться к рассмотрению методов измерения этих мотивов, приведем несколько примеров относительной силы отдельных индикаторов репродуктивной мотивации. Так, в исследовании «Москва–78» опрос 1343 двухдетных москвичек показал наименьший потенциал (1,15–1,17 ребенка) у следующих индикаторов экономического типа: «укрепление материального положения, поддержка в старости, передача наследства», наибольший потенциал (2,26–2,78) у индикаторов «улучшение жилищных условий, пользование льготами и общественными фондами потребления».

Среди индикаторов психологических мотивов самый мощный «продолжить себя в детях» дает не более 1,64 ребенка, а самый слабый, связанный с повышением самоуважения, гарантирует лишь 1,26 ребенка. Как интерпретировать эти эмпирические данные? Психологические мотивы, увы, не обещают (как бы их ассортимент ни расширяли и ни углубляли) даже двоих детей — для проявления своей любви к детям и «педагогического творчества» достаточно полтора детей. Нынешнее выдвижение психологического типа мотивов на первый план, таким образом, не случайно: в условиях массовой малодетности дальнейшее усиление психологических мотивов и ослабление экономических и социальных предвещает увеличение доли однодетности и в будущем — добровольной бездетности.

Теперь следует рассмотреть процедуру выявления значимости каждого из трех типов мотивации. Выше по результатам исследования в США была показана структура мотивов, где психологический тип многократно превышает значимость двух других типов. Точно такой же результат получился в исследованиях «Москва–76» и «Вильнюс–76», когда предлагалось из трех индикаторов, репрезентирующих три типа мотивации, выбрать только один. Вот что выбиралось чаще всего при ответе на вопрос о мотивах рождения детей вообще:

	1-детные	2-детные	3-детные	Супруги
РОЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ ПОЗВОЛЯЕТ:				
1) глубже понять смысл жизни (психологический мотив)	63%	62%	67%	60%
2) продолжить род (социальный мотив)	31	36	29	32
3) а) упрочить благосостояние (экономический мотив)	6	2	4	—
б) достичь экономического успеха в жизни (экономический мотив)	—	—	—	6
Нет ответа	—	—	—	2
Всего опрошено, человек	117	61	61	412

Такой способ выбора одного индикатора из трех можно применять и по выявлению мотивов рождения, но не вообще, а по очередности появления детей в семье. Сложнее всего при этом разработать индикаторы по мотивации первенца — по теории первый ребенок есть дань нормам малодетности, следствие вступления в брак. Поэтому индикаторы социального типа мотивации неизбежно окажутся значимее всех остальных. Отсюда следует отобрать (если верна теория) для альтернативного выбора самые «сильные» индикаторы экономических и психологических мотивов и самый «слабый» индикатор социальной мотивации. В исследовании «Москва-78» удалось осуществить это требование, и вот каков результат по опросу двухдетных женщин:

Рождение первого ребенка в семье (выберите только одно высказывание из трех!):

1) *позволяет ускорить получение отдельной квартиры (получено 10% выборов);*

2) *позволяет женщине занять в глазах окружающих новое для себя и особое положение матери (46%);*

3) *полезно для здоровья и благоприятного развития женщины (43%).*

Этот метод использовался и по мотивации второго ребенка, здесь в соответствии с теорией следовало ожидать ведущую роль психологических мотивов, поэтому подбирались самые сильные индикаторы экономических и социальных мотивов и ослабленный референт психологического мотива.

Рождение второго ребенка в семье:

1) *позволяет улучшить жилищные условия (19%);*

2) *обеспечивает связь поколений и продолжение рода (28,5%);*

3) *эмоционально обогащает жизнь (52,5%).*

Преобладание психологических мотивов над остальными можно также зафиксировать, когда ставится задача измерения тех мо-

тивов, которые действительно побуждали респондентов к рождению уже имеющихся у них детей разной очередности. Разработка индикаторов мотивов появления в семье первого, второго, третьего и т.д. ребенка ведется с учетом представительства в анкете всех трех типов мотивации, лучше по три индикатора на каждый тип. Перечислим индикаторы рождения первенца из исследования «Москва—78»: «Рождение первого ребенка: помогало улучшить жилищные условия, отвечало ожиданиям родственников, определялось желанием родить ребенка, как только возникнет первая беременность, позволяло занять совершенно новое для себя положение матери, основывалось на обычном убеждении, что надо иметь ребенка, если вышла замуж, продиктовано желанием не остаться бездетной, требовалось для благополучного разрешения сложившихся обстоятельств, определялось верой в полезность родов для женского организма, основывалось на стремлении укрепить семью». Каждый индикатор оценивался по пятибалльной системе: 5 — да; 4 — скорее да, чем нет; 3 — трудно сказать; 2 — скорее нет, чем да; 1 — нет.

Полученные данные по 1343 двухдетным москвичкам выявили преобладание социальных мотивов: в тройке самых значимых мотивов два социальных индикатора — «занять новое для себя положение матери» (60% — да и 18,3% — нет), «надо иметь ребенка, если вышла замуж» (51,2% — да, 37,4% — нет). Психологический индикатор «стремление укрепить семью» получил 52,7% «да» и 36,5% «нет». Измерение мотивов рождения второго ребенка потребовало расширения числа индикаторов: «С чем именно было связано в Вашей семье появление второго ребенка? — с желанием иметь ребенка другого пола (74% — да и 19% — нет); желание иметь больше чем одного ребенка рекомендовано врачами для укрепления здоровья; стремление не остаться бездетной в случае возможного несчастья с первым ребенком (30% — да); с желанием имеющегося ребенка иметь сестру (брата) — (57,4% — да, 36,2% — нет); хотелось малыша (76,4% — да, 13,4% — нет); позволяло укрепить семью (39% — да); для разрешения жизненных затруднений; желание улучшить жилищные условия (34%); отвечало ожиданиям родственников (16%); надежда на повышение уважения со стороны окружающих».

Для сравнения приведем также индикаторы мотивов рождения третьего ребенка (напомним, что в советский период жилье предоставлялось по числу членов семьи и что имелись льготы для «многодетных», т.е. индикаторы экономических мотивов было разрабатывать легче, чем в предшествующих случаях. С другой стороны, труднее обстояло дело с индикаторами социальных мотивов, поскольку в крупных городах наличие трех детей уже считается многодетностью и осуждается большинством населения.

Тем не менее вот перечень этих индикаторов: «Если как следует все взвесить, то, видимо, рождение третьего ребенка в семье: расширяет круг интересов семьи; повышает моральный авторитет родителей и семьи в обществе; быстрее всего улучшает жилищные условия (53% — да, 26% — нет); позволяет лучше и правильнее воспитывать детей; расширяет возможности в использовании общественных фондов; создает льготы для матери, родителей и семьи в быту и на производстве; *возвращает вновь к заботам о малыше* (94,6% — да и 2,2% — нет); стремление просто иметь больше детей, связано со стечением обстоятельств, с желанием детей иметь маленького брата или сестру, определяется тем, что в семье есть только два мальчика или две девочки (64,5% — да и 23% — нет)». Здесь вновь психологические мотивы преобладают над остальными, хотя «квартирный вопрос» также внес свою лепту.

Следует отметить, что есть еще один способ измерения мотивов уже имеющихся в семье детей. Можно задать вопрос о мотивах рождения последнего ребенка с достаточно большим перечнем индикаторов, охватывающих конкретные виды мотивов рождения детей разной очередности. И тогда однодетные отметят те индикаторы, которые связаны были с рождением первенца, двухдетные — второго ребенка и т.д.

Среди методов исследования репродуктивных установок и мотивов можно выделить измерение установок и мотивов рождения детей определенного пола, сыновей и дочерей. Это направление исследований не связано с разработкой каких-либо особых средств измерения, находится где-то на периферии интересов социологов. Уменьшение потребности в детях сопровождалось ослаблением желания иметь сыновей, и сегодня этот феномен в странах с низкой рождаемостью в связи с массовой однодетностью семьи потерял былое значение. В рамках инструментального подхода исследование установок на пол ребенка (в том числе и при усыновлении (удочерении) — еще один феномен, мало изучаемый ныне и все по тем же, пожалуй, причинам) в дальнейшем не имеет никаких теоретических перспектив.

Вместе с тем с точки зрения феноменологической эта тема столь же актуальна и важна, как и все прочие направления исследований семейного поведения. Следует помнить, что вообще репродуктивные установки и ориентации, помимо своего инструментально-технологического значения в рамках системы социально-диспозиционного действия, характеризуются также социально-символической функцией. Само наличие тех или иных установок и эксплицируемых вслух мотивов обладает ценностью. Публичная демонстрация ус-

тановок и убеждений, отвечающих принятым в обществе (в общности, этносе, группе, среди значимых других) нормам также приветствуется, как и подобающие результаты проявляемого в нем поведения.

Кстати говоря, где-то здесь истоки двойного стандарта — убеждения, декларируемые на собрании, могут не совпадать с «личными» взглядами. Все это почти не исследовано в области репродуктивного поведения, поэтому вполне может быть, что выявляемые при инструментальном подходе ценности поведения — всего лишь средства для респондентов доказать свою сопричастность «прогрессивному человечеству», лишь символы принадлежности к «культурным, сознательным, рационально мыслящим» личностям. Поведение, ориентированное на подобную солидарность, столь же экзистенциально, что и само инструментальное поведение. Поэтому анализ социального символизма репродуктивных действий в конечном счете оказывается также инструментальным по экзистенциальному критерию, т.е. по определению того, что способствует, а что нет самосохранению и выживанию отдельных индивидов, семей, групп, общностей и общества в целом. Качественные методы анализа должны применяться прежде всего к подобным феноменам.

Здесь социологам семьи не помешала бы учеба у этнографов или антропологов, которые издавна при расшифровке символики пережитков реликтовых форм поведения, «туземного бытия», прибегают к сюрреалистическим с точки зрения инструментального подхода приемам. А как понять иначе значение «атальчества», «двойничества, близнечества и андрогинизма», наконец, значение мужского и женского и т.д.? Разумеется, во всем этом опять же не обойтись без теории, и психоанализ тут — ярчайший пример метода «качественного» анализа символики бессознательного с помощью вскрытия «черного ящика» пережитков прошлого в психике современного человека. Положение осложняется тем, что в сегодняшней семейной жизнедеятельности роль разного рода табу и тотемических регуляторов выполняют ускользающие от социологических измерений социокультурные нормы. В отечественной литературе есть прекрасный пример применения подобных качественных методов к анализу форм семейного поведения на материале поведенческих паттернов прошлого — это замечательная книга под редакцией А.К. Байбурина и И.С. Кона «Этнические стереотипы мужского и женского поведения», выпущенная в Санкт-Петербурге в 1991 г., к которой я с удовольствием отсылаю читателя в надежде, что радость ее открытия компенсирует длинноты данного повествования.

Путеводная нить при анализе сегодняшней символики репродуктивного, социализационного и брачного поведения — умение

находить магнит той интеграции, к которой тяготеют члены семей. Фиксируемая иногда в сегодняшних исследованиях разорванность и противоречивость индивидуального поведения есть следствие не различаемой учеными символической сопричастности их респондентов с невидимыми силами новой нормативности (табуированности). Мощь этих современных «демонов» человеческого поведения такова, что желание хотя бы даже символически подчеркнуть свою принадлежность к системам общепринятого, оказывается зачастую важнее явной экзистенциальной несостоятельности многих действий.

Социология семьи по определению не может не стремиться при использовании «качественных методов» исследования символики, практикуемой членами семьи, к определению того, в какой мере сама семья выступает в качестве референтной системы отсчета для ее членов. Наличие или отсутствие подобного фамилизма и есть тот свет маяка, который позволяет в массе обиходных интерпретаций своего семейного жития-бытия находить все то, что коррелирует либо с семейным МЫ, или же с отдельным Я, ищущим другие помимо семьи опоры социальной сопричастности с миром. К примеру, анализ семейного языка и поиск в нем сугубо семейных словечек и клише, понятных только избранным (членам семьи) есть способ «одомашнить» общекультурные стереотипы речи и речевого поведения. Существование такого жаргона говорит не о низкой языковой культуре, а есть составная часть семейного единения. Симметричность, бинарность поведенческих ритуалов и мифологических ситуаций, отмечаемая этнографами, не может не присутствовать и в современных стереотипах малолетнего образа жизни. Обнаружить и понять смысл привычных манипуляций — задача социолога, но такого, который стремится сам сегодня (а не оставляет на завтра и послезавтра будущим этнографам) расшифровать тайнопись творимой на наших глазах мифологии современной семейности. Огромным подспорьем в этом анализе обиходного символизма семьи с его «естественной» социокультурной оппозицией *свое—чужое*²³³ будет вновь применение техники семантического дифференциала. Проблема в том, чтобы на основе СД сконструировать методику, позволяющую осуществлять контент-анализ «символических текстов» поведения семьи.

5.6. Исследование социализационного (родительского) поведения

Социализационное поведение представляет собой систему действий и отношений по содержанию и воспитанию детей, по формированию социально компетентной личности. В социологии семьи

акцент делается на исследовании фактически используемых родителями приемов заботы о детях, организации их учебного и свободного времени, участия в домашней работе и семейных делах. Не из учебников по педагогике, а из конкретных действий родителей по выполнению социальных ролей отца и матери социологом извлекаются «педагогические системы» семьи. Каким должно быть «правильное» или «эффективное» воспитание — это не предмет социологического интереса, хотя цели и задачи, которые ставят перед собой семейные воспитатели, являются составной частью системы диспозиций, блока определения ситуаций.

Общая задача социализации в семье заключается в приобщении ребенка к нормам и ценностям социальных общностей и групп, в формировании социально зрелой личности (с учетом того, что в разных социальных группах социальная зрелость, или компетентность, интерпретируется различным образом, вплоть до форм криминального поведения). Бригитта и Питер Бергер называют семью местом, где ребенок пребывает в ожидании, дожидается своего часа соприкосновения с макромиром, в котором ему предстоит проложить свой путь. Реальное воспитание ребенка в семье начинается сразу, хотя не всегда имеется определенность относительно того, что надо воспитывать, и тем более — как именно.

Важно, какова атмосфера семьи, как интерпретируется родителями роль семьи — трактуют ли ее как убежище от внешнего мира или как трамплин к будущему завоеванию его. Отсюда идут и стратегии обращения с детьми: строгая дисциплина вплоть до суровых наказаний, акцент на поддержании чистоты и телесного здоровья, или же родители берут на себя функцию советчиков и наставников, избегая ситуаций, в которых требуется проявить авторитет и власть, где родители скорее товарищи и друзья, чем властители. При этом имеет значение, каковы традиции семьи; считается, что родители копируют образцы общения с детьми своих собственных родителей. Семейная социализация выделяет линии подобной семейной преемственности, но в более широком плане трансляции семейных ценностей и стереотипов поведения. Вместе с тем под семейной социализацией понимается подготовка к выполнению в будущем семейных ролей мужа и жены, матери и отца. В феминистической социологии большое внимание уделяется семейной социализации с точки зрения «принуждения» детей (якобы андрогинным по своей «природе») к гендерным ролям мальчиков и девочек.

Разумеется, все родители хотят, чтобы их дети были здоровыми и счастливыми и выросли хорошими людьми. Дифференциация семей по социально-экономическому положению и по наличию се-

мейной памяти, семейных традиций ведет к дифференциации результатов социализационного поведения. Степень выраженности намерений родителей по передаче детям семейного дела и собственности, по наследованию детьми их профессии — еще один аспект интереса социологии к семейной социализации. При этом надо учитывать конкретные обстоятельства времени и места, исторические изменения семьи. Рост разводов, например, отчасти связан с повторными браками, с возникновением весьма своеобразного положения, когда кровные отцы становятся приемными по отношению к детям новой жены и «приходящими» по воскресеньям отцами по отношению к собственным детям, оставшимся с первой женой.

Возникает странная ситуация «современного аталычества», когда отцы передают своих детей на воспитание чужим дядям, а сами начинают воспитывать чужих детей. Подобное разделение родителей и детей является самым конфликтным видом семейных разлук и не может не исследоваться в рамках социализационного поведения, для которого колоссальное значение имеет непосредственность и частота психофизиологических и социально-психологических контактов родителей и детей.

Следует четко различать социологический и социально-психологический подходы к изучению социализационного поведения. Социолога волнуют процессы социализации и взаимодействия родителей и детей в связи с институциональными изменениями семьи и динамики семейных состояний в ходе жизненного цикла. Как семьи стремятся сохранить или повысить свой социальный статус, специфику семейного стиля жизни, как осуществляется социальная мобильность семейных поколений в контексте изменения соотношений между социокультурными семейными ролями и проявлением всего этого своеобразия в межличностных и внутрисемейных взаимоотношениях — вот угол зрения социолога.

И конечно же данная проблематика лучше всего проясняется в рамках системного исследования, реализуемого в русле сочетания инструментального исследования диспозиций социализации с феноменологическим осмыслением отношений родители—дети. Соответственно этому строятся стратегии социологического исследования, подбираются методы исследования — количественные и качественные. При инструментальной методологии в центре внимания оказывается процесс достижения того или иного результата родительского поведения, складывающийся из потребности вырастить детей людьми в конкретных условиях семейной жизни, но под решающим влиянием механизма определения социализационных ситуаций, под влиянием иерархии ценностей семьи, диктующей выбор путей и средств социализации детей.

В какой мере родители и семейные наставники ориентированы и на какие именно результаты социализационного поведения, что считать таковыми — подготовку здоровых и социально зрелых личностей, гарантов родительской старости или же умение добиться перевеса семейных влияний на ребенка над внесемейными влияниями остальных проводников социализации, — это вопросы, ждущие ответа. В области исследований социализации множество познавательных средств, относящихся к потребности в воспитании и к конечным итогам воспитания, к остальным элементам диспозиционной системы, но мало попыток обобщить это в единой системе взаимодействия диспозиций. Однако самым сложным является измерение иерархии жизненных ценностей и места в ней ценности семьи и детей. Исследование ценностей обзаведения детьми связано с предположением, что высокая ценность их сопровождается сильной любовью к ним, которая есть главный механизм воспитания, так как считается, что у любящих родителей (при прочих равных условиях) вырастают счастливые и хорошие дети.

Классическим является определение ценности, предложенное К. Клакхоном: «Ценность — это явное или неявное представление о желательном, характерное для индивида или группы, которое влияет на выбор возможных вариантов, средств и типов действия»²³⁴. Одной из первых методик изучения ценностей явилась методика, предложенная американскими социальными психологами Г. Олпортом, П. Верноном и Г. Линдзеем на основе теории ценностей Э. Шпрангера, представителя немецкой школы «понимающей социологии». Шпрангер выделил шесть основополагающих типов ценностей: теоретическую ориентацию (поиск истины), экономическую (утилитарный интерес к людям и миру), эстетическую (восприятие жизни через красоту, симметрию, форму), социальную (как бы отречение от себя во имя любви к людям, поиск своего Я в другом), политическую (господство над другими людьми, которые всегда объект манипулирования), религиозную (надежда на спасение, единение с высшими ценностями).

В реальности эти идеальные типы не представлены в чистом виде, между ними устанавливается определенная иерархия. Мужчины предпочитают теоретические, экономические и политические ценности, женщины — эстетические, социальные и религиозные. Шкала ценностей, разработанная Олпортом и Верноном, измеряет относительный вес каждой из ценностей с помощью 30 суждений и вопросов, имеющих два варианта ответа (а и б), оцениваемых 3 баллами со следующими возможными комбинациями: а = 3, б = 0; а = 2, б = 1; а = 1, б = 2; а = 0, б = 3. Вот пример одного такого

вопроса из адаптированного варианта: «Чему бы Вы предпочли уделить больше внимания при воспитании своего ребенка: а) духовному развитию; б) физическому развитию и спорту?» Вторая часть теста состоит из 10 вопросов с четырьмя вариантами ответов, которые оцениваются 10 баллами (респондент волен определить, каким именно вариантам дать соответственно 4, 3, 2 и 1 балл).

Вот пример суждения подобного типа: «Если Вы вступаете в брак, то предпочтете жену, которая: а) вызывая всеобщее восхищение, поможет повысить Ваш социальный престиж; б) обладает артистическим даром; в) окажется религиозной в своем отношении к жизни; г) которой по душе вести домашнее хозяйство». Подсчет баллов позволяет в итоге определить значимость для индивида (группы) каждого из 6 типов ценностей.

Измерение ориентаций родителей и детей по этой шкале показывает степень влияния родительских ценностей на становление системы жизненных ориентаций детей. Одновременно направленность ценностей родителей помогает понять характер воспитательных воздействий и целей, которые могут ставить перед собой родители относительно воспитания детей. Данная методика позволяет осуществлять различные сопоставления. К примеру, в курсовой работе студентки кафедры социологии семьи Е.А. Богачихиной на основе исследования старшеклассников двух московских школ: одной — общего типа и другой — с религиозной ориентацией — удалось сравнить ценностные ориентации школьниц из однодетной и многодетной семьи.

Оказалось, что при попарном суммировании баллов по двум ориентациям сразу ценности экономические плюс политические сильно различаются у школьниц из многодетной и однодетной семьи, разность 11 баллов у подростков из школы общего типа (88 и 77 баллов) и разность 17 баллов у подростков из школы с религиозной ориентацией (85 и 68 баллов). Не было различия в религиозной школе по теоретической и эстетической ориентации (соответственно 77 и 76 баллов) и в общей школе — по религиозно-социальной ориентации (85 и 84 балла). Установлено различие в теоретико-эстетической ценности (88 и 103 балла) подростков из общей школы и по религиозно-социальной ценности (94 и 107 баллов) — из религиозной школы. Таким образом, подростки под влиянием профиля школы различаются по своим теоретико-эстетическим и религиозно-социальным ценностям, тогда как под влиянием семейного образа жизни изменяются экономические и политические ориентации — они значимее среди подростков из многодетных семей.

Наиболее известным измерением ценностных ориентаций является методика, разработанная американским социальным психо-

логом Милтоном Рокичем. Оригинальным является заполнение теста: респонденту предъявляется бланк, на двух страницах которого наклеены в алфавитном порядке ярлыки с наименованием вида ценности. Эти ярлыки следовало переклеить по значимости для респондента с 1-го до 18-го места сначала на одной странице с 18 терминальными ценностями — целями жизни, потом на другой странице с инструментальными ценностями — средствами достижения этих целей. Процедура давала возможность передумать и переклеить ту или иную ценность на соответствующее ей место без зачеркивания бланка. Данная методика привлекла внимание отечественных социологов и была использована в одном из ленинградских исследований.

В исследовании «Москва–78» для анализа ценности семьи и детей была применена модифицированная шкала Ликерта, содержащая 12 высказываний, одна половина из которых выражает позитивное, а другая — негативное отношение к детям. Предлагалось оценить степень согласия с каждым из суждений по 5-балльной системе от «совершенно правильно» до «совершенно неправильно». По итогам опроса производилось суммирование по всем 12 высказываниям, причем итоговая оценка 60 соответствует самому положительному, а 12 — самому отрицательному отношению к детям в семье. Было образовано 4 группы по росту ценности детей: до 36 баллов (7,35 опрошенных), 36–41 (38,8%), 42–47 (40,2%), и свыше 48 баллов (12,3%), причем менее 1,4% не дали ответа. Эти четыре типа по ценности детей потом позволили сделать ряд интересных группировок.

Вот как распределились ответы двухдетных москвичек (приведены лишь объединенные проценты по ответам «правильно»: всегда интересно наблюдать за детьми (97,5%); приятно опекать малыша и заботиться о нем (96,3%); уход за малышом требует слишком больших усилий (75,6%); когда возникают неприятности, дети подают надежду (63,4%); дети часто не отвечают теплом и благодарностью на заботу родителей (30,7%); супруги, имеющие детей, упускают возможности для других радостей (36,5%); среди детей всегда чувствуешь себя свободнее, лучше (76,2%); наибольшее удовлетворение современной женщине приносит работа (26,4%); часто бывает трудно сдерживаться в обращении с детьми (64,2%); играя с детьми, всегда узнаешь что-то новое (88,8%); дети всегда отнимают какую-то важную часть жизни (39,4%); рождение и воспитание детей — самое главное в жизни женщины (83,3%)²³⁵.

Индекс ценности детей при сопоставлении с показателями предпочтительного числа детей обнаруживает прямую связь с желанием иметь троих и более детей и обратную с желанием иметь ноль, одно-

го и двоих детей. Поскольку детьми обзаводятся не ради процесса деторождения, то данные корреляции имеют прямое отношение к воспитанию детей. Различие в потребности в детях — это одновременно различие в целях и средствах воспитания детей. Чем выше установки детности (и чем меньше установки на интервалы между рожденьями детей), тем лучше, по мнению респонденток, уход за детьми, крепче их здоровье, тем успешнее воспитание детей, причем чем выше индекс ценности детей, тем больше доля позитивных ответов. Чем выше индекс ценности детей, тем в два с лишним раза чаще отмечается, что рождение двоих детей эмоционально обогащает жизнь (75 и 35% соответственно), тем в три раза реже отмечается социальный мотив (15 и 45%) и в 2 раза реже — экономический индикатор мотивации (9 и 19%). Интересно, что резкое по своей формулировке суждение «чем меньше детей в семье, тем в конечном счете счастливее семейная жизнь» в семь с лишним раз чаще отмечено среди имеющих низкий индекс ценности детей (28 и 3,7%)²³⁶.

Эти примеры понадобились, чтобы показать полезность введения индекса ценности детей как одного из важнейших индикаторов характера социализационного поведения родителей. Различия в ценности детей при одной и той же потребности семьи в детях и при одинаковых примерно условиях жизни ведут к различиям результатов воспитания. При высокой ценности детей проявляется в полной мере любовь к детям и все связанные с этим приятные способы поведения и воспитания детей. Об этом свидетельствует также табл. 5.7 влияние родителей на развитие ребенка.

Таблица 5.7

Типология родительских позиций
(по О. Коннеру)²³⁷

Тип позиции	Словесные выражения	Способ поведения	Влияние на развитие ребенка
1	2	3	4
Приятие и любовь	Ребенок — центр моих интересов	Нежность, занятия с ребенком	Чувство безопасности, нормальное развитие
Явное отвержение	Ненавижу этого ребенка, не буду о нем тревожиться	Невнимательность, жестокость, избегание контактов	Агрессивность, эмоциональная недоразвитость
Излишняя требовательность	Не хочу ребенка такого, какой есть	Отсутствие похвал, придирчивость, критика	Неуверенность в себе, фрустрация

Окончание табл. 5.7

1	2	3	4
Чрезмерная опека	Все сделаю для ребенка, посвящу ему себя	Чрезмерные поправки или ограничения свободы	Инфантилизм, особенно в социальных отношениях, неспособность к самостоятельности

По мнению многих ученых, в социологических теориях воспитания и социализации решающая роль отводится социальной среде, ролевым взаимодействиям и формированию Я. Используя дискурс диспозиционной регуляции, можно видеть многоуровневую детерминацию поведения и центральную роль механизма определения ситуаций. Социальные факторы действуют на каждый элемент поведения только сквозь призму диспозиционного взаимодействия элементов. Социальные нормы интернализуются, усваиваются и служат основой индивидуальной системы потребностей, которая характеризует лишь один аспект ценностных ориентаций, связанный с лаговым, остаточным влиянием прошлых условий жизни, консервированных в сохраняющихся нормах. Текущие условия жизни образуют общий фон функционирования семьи, причем семейные ситуации не есть точные копии внешних условий, они одновременно и следствие результатов семейного поведения, активности самой семьи. Барьерами или стимулами к реализации потребностей они становятся не сами по себе, а благодаря критериям оценки ситуаций — ценностным ориентациям, обусловленным ценностями среды и ценностью собственного Я. В общей системе диспозиций и в блоке определения ситуаций главная роль принадлежит Я, если рассматривается поведение индивида, и МЫ, если речь идет о семье.

Само по себе изучение Я и МЫ относительно и обретает смысл, когда измеряются различия между людьми и семьями, когда о Я и МЫ начинают судить по взаимодействию потребностей и результатов поведения, а не как о неких трансцендентных сущностях. Во всяком случае, в социологии семьи признается важность измерений Я и МЫ, особенно в связи с формированием Я-концепции индивидуальной уникальности и Мы-концепции семейной идентичности. Однако методология подобных исследований целиком психологическая и далека от социологического проникновения в процесс диспозиционного определения ситуаций.

С другой стороны, отстраняется от этого и психологическая теория решений²³⁸, пытающаяся «очеловечить» экономическую тео-

рию рационального выбора с помощью вроде бы поведенческой терминологии «уровня притязаний», « субъективной полезности и вероятности», «теории удовлетворенности», «теории реактивного сопротивления личности» (кстати говоря, описывающей ограничение свободы выбора под давлением разных обстоятельств, в том числе сюда попадает и давление, оказываемое родителями на выбор детьми института или профессии, которое порождает обратное уменьшение ценности рекомендуемой альтернативы) и т.д. Вместе с тем ЛПР (лицо, принимающее решение) и человек, обладающий уникальным Я со всей системой ценностных ориентаций, установок и мотивов, — это вовсе не одно и то же, а, как говорят, «две большие разницы». Методы исследования принятия решений посредством измерения «субъективной ценности» или «полезности», а также математические описания самого разворачивания, хода «процесса оценки», хотя и могут послужить основой для моделирования процесса определения ситуаций, но пока еще неприменимы в социологических исследованиях на больших выборках.

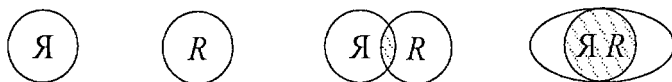
Поэтому приходится ограничить проблему измерения методами исследования Я-концепции, поскольку степень включенности в Я тех или иных семейных ролей будет служить основой для дальнейшего изучения пропорций семейных и внесемейных ориентаций в системной направленности личности. Рассмотрим схему Р. Бернса, которая отражает структуру Я-концепции и служит упорядочению терминологии, встречающейся в психологической литературе по Я-концепции²³⁹.

Как отмечает Р. Бернс, «подавляющее большинство методик измерения Я-концепции основаны на самоотчетах. Это в основном тщательно продуманные опросники, весьма удобные при групповом тестировании. Комбс и его коллеги считают, что такого рода методики, претендующие на измерение Я-концепции, на самом деле измеряют самоотчеты, а это не одно и то же... Они придерживаются следующей точки зрения: как следует из всех определений, Я-концепция — это все, что индивид считает самим собой или своим, все что он думает о себе, все свойственные ему способы самовосприятия. С другой стороны, самоотчет — это самописание, даваемое в ситуации коммуникации, т.е. для другого. Это высказывание о себе. Нет сомнения, что Я-концепция влияет на эти высказывания. Однако между ними не может быть полного тождества. Самоотчет является собой пример интроспекции и как таковой не может считаться объективным показателем не только с позиций современной феноменологической психологии, но даже и с позиций более ранних, традиционных направлений психологической мысли»²⁴⁰.

Существует множество тестов и методик измерения Я-концепции, ими пестрят психологические издания. Измерение Я с помощью СД снимает многие недостатки использования самоотчета, но при тщательном отборе нейтральных шкал и при сопоставлении с другими объектами. Конечно, наиболее интересно характеризуется Я при сличении с другими людьми, в дифференциации с ними — об этом специально пойдет речь в следующей главе. Однако с точки зрения исследования механизма определения ситуаций и ценностных ориентаций как критериев этого определения чрезвычайно продуктивно ввести в эту цепочку измерение Я, но не самого по себе, а в сравнении с индикаторами ценностей. При этом чем большее число объектов сопоставляется с Я, тем шире и глубже оно раскрывается. Но не ради этого привлекается СД — эта тончайшая техника позволяет многократно продифференцировать Я с релевантными, уместными по отношению к целям социологического исследования ценностями.

В теории ролей есть термин Я-включение, или включенность в Я той или иной роли. Термин появился в 1947 г., сразу после Второй мировой войны, когда тысячи и тысячи людей рисковали жизнью и погибали во имя ценностей, ставших неотъемлемой частью Я. Покушение на такие ценности, отмечает В.Б. Ольшанский, человек воспринимает как покушение на его личность, ибо самосохранение есть стремление сохранить свое Я, а вовсе не тело. Убежденный человек скорее пожертвует жизнью, чем убеждениями.²⁴¹

Соотношение Я и роли

На схеме, предложенной В.Б. Ольшанским, изображен континуум соотношения Я и роли, слева полюс полной «несстыковки», а справа — почти абсолютное слияние то ли роли с Я, то ли Я с ролью. В промежутке располагаются все остальные случаи, чаще всего встречающиеся в повседневности, — и вхождение в роль, и дистанцированность от нее. По глубине включения различают «случайное» (нердивый ученик), «ритуальное» (дежурная улыбка официантки), «одухотворенное» (актер, вошедший в роль), «гипнотическое» (художник под гипнозом идентифицируется с Репиным и пишет картину по-репински), «истерическое» (изматывающая душу и тело одержимость ролью), «экстатическое» (когда «вселяется дух» и ходят по углям, жуют стекло и т.п.), и «сверхъестественное» отождествление Я и роли.²⁴²

Большое значение идентификации Я с ролями нашло отражение в формуле ролевого поведения В.Б. Ольшанского:

$$RBt = \& (Rt, Яt);$$

$$Яt = f\{Rt-1, Яt-1\},$$

где RB — ролевое поведение; R — роль как значение, в котором зафиксированы ожидания участников совместного действия; Я-концепция, значение самого себя; t — момент времени; $f, \&$ — обозначения функциональной зависимости²⁴³.

По распространенному тесту на самооценку Я (когда предлагается бланк с 20 пустыми линейками и надо 20 раз вписать ответ на вопрос КТО Я? — не какой, а именно кто) в одном из исследований более 2000 молодых людей по самым значимым трем самооценкам среди «убежденных холостяков» на первые места вышли гендерные характеристики «Я — представитель своего пола», «Я — представитель сильного пола», «Я — представитель своей нации». Среди «семейников» значимыми оказались «Я — мать», «Я — женщина», «Я — отец». Сопоставление групп холостяков и семьянинов по индикаторам семейных и внесемейных ориентаций подтвердило обоснованность различия этих двух категорий (табл. 5.8). Более того, В.Б. Ольшанский сделал вывод, «что ориентация на семейную жизнь является существенным Я-аттitudом социально желательной Я-концепции и, следовательно, не может оставаться в стороне от воспитательного процесса»²⁴⁴.

Таблица 5.8

Отношение к семейной жизни

Критерий различия	Убежденный семьянин	Убежденный холостяк	Кoeffициент контингентности
1	2	3	4
Преданность семье	87,4%	41,2%	0,46
Невозможно жить без семьи	77,6	42,8	0,32
План: не меньше двух детей	88,8	67,7	0,31
Чувство собственного достоинства определяется наличием крепкой семьи	91,5	62,8	0,29
Домашняя обстановка доставляет радость	61,3	34,5	0,24
Мнение родителей и родственников не важно	4,6	19,7	0,24

Окончание табл. 5.8

1	2	3	4
Общение с природой доставляет радость	58,1	39,7	0,21
Посещение баров и ресторанов	7,0	19,9	0,20
<i>Опрошено</i>	1567	272	–

Источник: Ольшанский В.Б. Практическая психология для учителей. М., 1994. С. 168.

Таким образом, построенные по самооценкам Я категории респондентов дают значимые различия при сопоставлении с высказываниями, дискриминирующими ориентации на тот или иной образ жизни.

Экспериментально-диагностическая процедура В.В. Столина и М. Кальвиньо по шкалированию на 30 шкалах ключевого понятия Я с семантически противоположными полюсами предложениями-констатациями показала, что словарное значение Я содержательно близко к личностным определениям или смыслам, приписываемым себе респондентами. «При этом, как видно из приведенного и типичного примера (табл. 5.9), эти определения не подразумеваются словарным значением слова (ср.: Я достигну многого. Я горда. Я нужна близким и друзьям и т.д. — все это не подразумевается значением Я)²⁴⁵. Другими словами, отдельно взятое Я или абстрактно оцениваемое слово «Я» может выражать личностный смысл, тяготеющий к позитивному полюсу оценки.

Таблица 5.9

Близость полюсов ключевому понятию «Я»

Полюс	Ключевое понятие	Коэффициент Спирмена	Уровень значимости
Я независима	Я	0,34	Не значимо
Я достигну многого	Я	0,46	1
Я достойна уважения	Я	0,22	Не значимо
Я уверена в себе	Я	0,52	1
Я вызываю симпатию	Я	0,76	0,1
Я нужна близким и друзьям	Я	0,42	5
Я горда	Я	0,50	1

Результаты, полученные на выборке семейно-неблагополучных испытуемых, показывают (табл. 5.10), что при тяготении Я к позитивному полюсу оценки Я не может служить эталоном положительной оценки²⁴⁶. Фактически оценка Я индивидом всегда конфликтна, но при перевесе личностных смыслов, тяготеющих к позитивности, доминирует положительная самооценка, при перевесе негативных смыслов — отрицательная. Но эту самооценку следует понимать как кризис самоопределения, а не как приговор самому себе. Конфликтный смысл оценки Я означает либо двойное отрицание обоих полюсов (негативного и позитивного), либо борьбу альтернатив самоосмысления, незаконченность выбора между двумя полюсами оценки Я.

Таблица 5.10

Психосемантика смыслов Я
(по В.В. Столину)

Я...	Позитивный смысл	Негативный смысл	Конфликтный смысл
независимый	0,61 0,52	0,45	
достигну многого	0,46 0,58 0,59		
достоин уважения	0,49	-0,45 -0,46	0,36
уверен в себе	0,52 0,48	-0,56 -0,55	0,47
вызываю симпатию	0,76 0,44	-0,42 -0,42	0,40
нужен близким и друзьям	0,42 0,55 0,37	-0,45	0,47
горд	0,50 0,53	-0,65 0,45	0,47
завишу от многих		0,74	0,44
вряд ли чего достигну		0,68 0,62	0,70
не очень уважаемый	-0,53	0,57	0,36
неуверен	-0,43	0,69 0,40	0,50
несимпатичен	-0,57	0,67	0,61
одинок, никому не нужен	-0,49	0,74 0,41	0,56
часто унижаюсь	-0,46 -0,41	0,36 0,42	0,55
несчастлив		0,38	
переменчив			0,47

Во всяком случае, понятие Я, которое может использоваться в сопоставлении с другими объектами для характеристики механизма определения ситуаций, при общей тенденции к положительной оценке сопровождается также и негативными аспектами самооценки. Поэтому значения Я по СД будут варьировать на континууме измерения в соответствии с вариациями Я среди респондентов. Другими словами, введение Я для сопоставления с ценностями и любыми объектами вообще преследует иную цель, чем введение объектов — эталонов положительного или отрицательного значения. При исследовании индивидуального механизма определения ситуаций процедура включения в Я или ролей, или же индикаторов жизненных ценностей необходима для введения в исследование индивидуального своеобразия, индивидуальной идиосинкразии. Тогда уникальность определения ситуаций разными индивидами найдет выражение в вариативности Я. Давая разным респондентам для оценки одни и те же вербальные объекты, можно получить разные величины СД благодаря различиям Я этих респондентов. Следовательно, процедура расчета значений D между Я и объектами оценки адекватна целям улавливания специфики диспозиционного определения ситуаций, что и требовалось доказать.

Теперь проиллюстрируем данными исследований, что дает процедура сопоставления с Я при сравнении ценности «рождение и воспитание детей» с другими жизненными ценностями, измеренными по СД. Из выборки 100 московских семей с двумя детьми были взяты для экспериментального тестирования 49 семей, проживающих в одном доме. По итогам тестирования были выделены две группы семей: сплоченные (18) и конфликтные (17), которым, в свою очередь, предъявлялись для оценки 6 жизненных ценностей. После заполнения бланков мужьями и женами рассчитывались величины D между Я респондента и каждой из 6 ценностей. Затем каждое включение ценности в Я (Я-включение) одного супруга сопоставлялось с аналогичным — другого. Например, ориентация «Я-достаток» жены сопоставлялась с самооценкой «Я-достаток» мужа, и так по всем 6 ценностям. Величина D , близкая к 0, при этом говорит о близости оценок супругов.

В табл. 5.11 видна разница величин D в сплоченных парах (0,09—0,33) и в конфликтных (0,28—0,50), а также разница структур ценностных ориентаций супругов. Рождение и воспитание детей в сплоченных семьях оказалось ведущей ценностью и по сходству ориентаций мужа и жены в пять раз более сильной, чем в конфликтных семьях, где эта ориентация лишь на четвертом месте.

Таблица 5.11

Различие ценностей в сплоченных и конфликтных семьях
(по данным исследования «Москва–78»)

Сплоченные семьи		Конфликтные семьи	
1. Рождение и воспитание детей	0,09	1. Свободное время	0,28
2. Достаток	0,15	2. Достаток	0,36
3. Образование	0,20	3. Образование	0,40
4. Свободное время	0,29	4. Рождение и воспитание детей	0,44
5. Отдых	0,31	5. Работа	0,46
6. Работа	0,33	6. Отдых	0,50

При установлении ориентации родителей на воспитание детей возможно дальнейшее изучение содержательных характеристик социализационного поведения. Во многих социологических исследованиях наблюдаются отдельные измерения элементов диспозиционной системы, но нет фокусирования всей стратегии исследования (а значит, методик и техник измерения) на соотношении между потребностями, целями и результатами воспитания. Предполагается, что анализ воспитательных шаблонов поведения в семьях, удовлетворенных ходом реализации целей социализации и не удовлетворенных результатами своего родительского поведения, мог бы дать интересную информацию.

Какие из элементов диспозиций поведения изучаются больше всего? В блоке изучения потребностей чаще встречаются попытки оценить поведенческие модели «хорошего отца (матери)» с точки зрения самих родителей (крайне мало исследований — с точки зрения детей и подростков). Также мало исследований модели «хорошего сына (дочери)», причем в основном исследования касаются репродуктивной стадии семейного цикла, а не завершающих стадий, когда можно было бы определить удовлетворенность родителей итогами своей социализационной деятельности. Блок результатов воспитания, так же как и блок ситуаций социализации, в большей мере представлен исследованиями девиантного, неблагополучного и даже криминального поведения, чем нормы. Различие исследований социализации как раз проводится именно по различиям семейных ситуаций в этом отношении, поэтому разброс научных интересов здесь широк. Однако изучение линий воспитательного поведения по стадиям се-

мейного цикла под воздействием того или иного определения ситуаций, соответствия итогов социализации поставленным целям фактически не проводится. Какова роль непосредственных контактов родителей и детей при этом, каково значение разлук и вообще депривации родителей и детей, насколько сильно воздействие на эти процессы внесемейных ориентаций и внесемейного поведения родителей — все это еще долго предстоит выяснять. В этом смысле впереди непочатый край работы. Завершая раздел методологии и методов изучения социализации, хотелось бы привлечь внимание к необходимости тщательной подготовки инструментария в исследовании наиболее интимных моментов родительского поведения. Нижеследующий пример касается сложности разработки методик по выявлению отношения окружающих к приемным родителям, оказавшимся в маргинальной ситуации, в положении социального меньшинства и потому сталкивающимся постоянно с обиходными предубеждениями и стереотипами.

Когда американские социологи Кирк и Фейт проводили исследование отношения к семьям с приемными детьми, они первоначально вопрос о возможных недоброжелательных замечаниях со стороны окружающих поставили в прямой форме. На него утвердительно ответила только шестая часть опрошенных и это заставило социологов переформулировать вопрос, специально сконструировать целый ряд конкретных ситуаций общения, в которых могут оказаться приемные родители и дети. Вот первоначальная формулировка: «Делал ли кто-нибудь когда-либо недружелюбные замечания или неприятные и причиняющие беспокойство ребенку поступки именно потому, что они знали, что ребенок приемный?» После пилотажного опроса, обнаружившего неэффективность подобной формулировки, была создана другая процедура, имитирующая возможные ситуации. «Здесь приведен список конкретных ситуаций, в которых могут оказаться приемные родители и дети. Для каждого высказывания отметьте, пожалуйста, в соответствующем столбце, случилось ли Вам встречаться с чем-либо подобным, и если да, то насколько часто (один раз, редко, часто):

1. Приятель замечает: «Не правда ли, замечательно, что Вы взяли этого ребенка?»
2. Кто-то из гостей, женщин, говорит: «Как Вам повезло, что Вы не прошли, как я, через все трудности беременности и родов».
3. Друг спрашивает: «Скажи, ты знаешь что-нибудь о прошлом этого ребенка?»
4. Доброжелатель говорит: «Это же милый ребенок, а кроме того, никогда не узнать, каким бы получился Ваш собственный».
5. Вашего ребенка спрашивает его друг по игре: «Ну а кто твои настоящие родители?»
6. Вас представляют

кому-либо на вечере, и хозяйка говорит: «Они не эгоистичны, у них приемный ребенок». 7. Друг говорит: «Этот ребенок выглядит так, как будто он Ваш собственный». 8. Кто-то говорит о Вашем приемном ребенке: «Ему повезло, что Вы ему попали в родители». 9. Сосед замечает: «Как хорошо Вы заботитесь о Вашем ребенке, как настоящая мать». 10. Вы случайно услышали, как кто-то сказал: «Не прекрасно ли, что он такой хороший отец ребенку, который не его собственный?» 11. Гость восклицает: «Это ведь особый дар — любить чужого ребенка, как своего собственного». 12. Мать приятеля Вашего ребенка: «Трудно представить себе, как управиться с моим Джонни, когда он разбалует. Я часто удивляюсь, как Вы справляетесь со своим приемным».

Задание. Составьте перечень ситуаций по аналогии с вышеприведенными в отношении окружающих к «повторной семье», где оба супруга оказались разведенными и у каждого есть ребенок от первого брака, но в семье помимо «совместного» ребенка еще только сын жены. Предварительно проведите пилотажное интервью в нескольких повторных семьях указанного типа и постарайтесь выяснить часто встречающиеся негативные ситуации. Проведите в учебных целях опрос среди холостых и семейных с разным числом детей на основе техники СД. Возьмите в качестве объектов оценки все то, что конкурирует с воспитанием детей, и сравните с ценностью воспитания.

Попробуйте ввести эталонные объекты «хороший ребенок» и «плохой ребенок», а также «отец» и «мать», сопоставьте эти и какие-либо еще объекты с Я. По итогам напишите курсовую работу.

5.7. Методы изучения самосохранительного поведения, ценностных ориентаций, установок к здоровью и продолжительности жизни

Социологическое исследование самосохранительного поведения (системы действий и отношений, направленных на сохранение здоровья в течение полного жизненного цикла, на продление срока жизни в пределах этого цикла) началось в 1980-е гг. в рамках демографии на экономическом факультете МГУ — Московского государственного университета имени Ломоносова. Поскольку автор был инициатором этой работы, то изначально в основу изучения поведения, опосредующего жизнь и смерть, здоровье и продолжительность жизни, была положена концепция диспозиционной регуляции социального поведения. В общих чертах казалось ясным, что конечные результаты, связанные с сохранением здоровья и жизни членов семьи, обусловлены (разумеется, при прочих равных усло-

виях) состоянием семейных отношений и спецификой определения ситуаций образа жизни. Но оставалось совершенно неизвестным, как подступиться к изучению элементов диспозиционной системы.

Медицинские и демографические сведения о структуре заболеваний, ведущих к смерти, о выходе на первый план сердечно-сосудистых и онкологических «причин» смерти (а также несчастных случаев на транспорте, производстве и т.д.) свидетельствовали о росте эндогенных воздействий на смертность, т.е. не связанных с внешними факторами — эпидемиями, стихийными бедствиями и войнами. Все это говорило о влиянии внутренних факторов, социального поведения на состояние здоровья, на тот или иной риск заболеваний, особенно сердечно-сосудистых. Однако врачи, концентрируя внимание на профилактике здоровья, на программах оздоровления населения и пропаганде здорового образа жизни, недооценивали направленность самосохранительного поведения индивидов на сохранение «вредных привычек».

Казалось, что алкоголизм, курение (да и социальная патология разного рода) есть продукт бескультурия и невежества. Предположить, что эти негативные формы поведения могли иметь для их носителей особую ценность, было непросто — над всеми довлел стереотип «инстинкта самосохранения». С другой стороны, как бы социологической, работал другой стереотип сверхценности жизни и здоровья. Факты самоубийства в силу явной девиантности относились к проявлениям психической неадекватности, а случаи самопожертвования в связи с их чрезвычайной редкостью возводились в ранг исключительности, геройства.

Поэтому отдельные опросы мнений, обнаружившие, что не все хотят жить до 100 лет, хотя и показались парадоксальными, но не пробудили интереса к поведению. Обыденная интерпретация старости как дряхлости «проливала свет» на данные этих редких опросов. Тем не менее постепенно развитие социальной терапии алкоголизма и социальной работы с больными и умирающими людьми вело к фиксации отдельных аспектов поведения. Особенно важна была в этом отношении работа с потенциальными самоубийцами. Первые измерения установок на срок жизни возникают в рамках танатологии — науки о смерти и умирании, но основным импульсом к этим исследованиям было сокращение смертности и рост средней продолжительности предстоящей жизни.

Стремление изучить желания людей, связанные со здоровьем и сроком жизни, считалось доступным и диктовалось верой в то, что реализация этих желаний дает итоговые результаты здоровья и сроки жизни. Однако трудность измерения результатов поведения, особенно индивидуальной продолжительности жизни, не привлекала вни-

мания. Но с точки зрения диспозиций, если измеряешь установки — сопоставляй с результатами поведения, которые доступны лишь статистическому наблюдению на уровне всего населения или регионов. Те или иные стратегии самосохранительного поведения проявляют себя не сразу, а в течение длительного времени, т.е. последствия поведения отдалены во времени от «причин», и поэтому не связываются обыденным сознанием в единую цепочку детерминации.

На схеме 5.10 показана отмеченная выше особенность — продолжительность жизни и смертность измеримы в рамках демографической структуры, тогда как индивидуальная вероятность заболеть и умереть определяется спецификой линий ССП. Непосредственное сопоставление мотивации и этой вероятности в контексте поведения личности представляет собой сложную для измерения проблему.

Необходимо отметить еще одно обстоятельство — на схеме изображено поведение индивида вообще, поведение любого члена семьи. Это и поведение родителей в отношении собственного здоровья, это и поведение детей по поводу собственного самосохранения. Поведение родителей, направленное на сохранение здоровья и жизни их детей, а также соответствующее поведение детей по отношению к родителям, так же как и поведение медицинского персонала в отношении пациентов, и т.д. — не входят, по определению, в САМОсохранительное поведение. Забота родителей о детях и взрослых детей о родителях — это отдельный вид социального поведения, который может включаться в состав семейного поведения, причем забота родителей прямо относится к родительскому поведению, тогда как забота о своих родителях — разновидность родственного поведения.

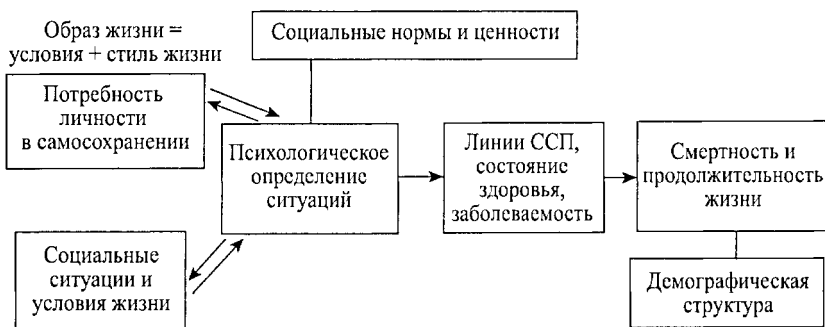

Схема 5.10. Структура самосохранительного поведения личности

Перспектива исследования потребности в самосохранении, установок и мотивов была столь заманчивой, что не сопровождалась стремлением к одновременному изучению риска заболеть или умереть. В значительной степени этот разрыв в фиксации мотивационных элементов поведения и его результатов на уровне членов семьи не преодолен до сих пор. Поэтому в данном разделе речь идет в основном о методах исследования потребности в самосохранении самого себя и об операционализации этой потребности с помощью эмпирических референтов или индикаторов установок и мотивов самосохранения.

Потребность в индивидуальном самосохранении является частью общей иерархии потребностей. В терминах динамической концепции потребностей А. Маслоу она не относится к уровню физиологических потребностей, куда, как отмечалось в гл. 5, входят потребность в сне, пище, воде, сексе и поддержке температурного баланса. На втором уровне потребностей в безопасности можно разместить потребность в ССП, но если интерпретировать ее как разновидность «узла» потребностей в здоровье, сохранении целостности тела и самой жизни.

Однако можно постулировать многослойный характер потребности в ССП, и тогда придется признать, что вся система потребностей сводится к потребности в ССП. В самом деле, высший уровень иерархии потребностей — социальный — можно рассматривать как потребность личности в социальном самосохранении, в сохранении социального статуса и лица (сюда относятся также потребности в самоактуализации по Маслоу). Резкое изменение социального положения, интерпретируемое как понижение, падение, крах (в связи с сильной включенностью в Я доселе привычных социальных ролей), может вести, как известно, к отказу от телесного существования. Потребность личности в психологическом самосохранении, в сохранении определенности Я при контактах с другими людьми — это потребности в уважении Я, в общении и принадлежности к себе подобным. Наконец, третий уровень самосохранения Я как телесного существа описывается потребностью в сохранении жизни, целостности организма, потребностью в здоровье на всех стадиях жизненного цикла и потребностью в связи с этим в длительном сроке жизни, позволяющем пройти все этапы жизненного цикла личности.

Вот этот уровень и образует движущую силу самосохранительного поведения личности, причем квинтэссенцией комплекса всех потребностей, относящихся к данному уровню, безусловно, является потребность в определенных сроках жизни. Если люди стре-

мятся достичь завершающих стадий жизненного цикла, то, конечно, на каком-то приемлемом уровне здоровья. Поэтому потребность в ССП, допускающая стремление к длительному существованию, в установках на сроки жизни находит свое наиболее полное операциональное выражение. По аналогии с выявлением индикаторов предпочитаемого числа детей (в связи с воздействием социологической демографии) первоначальные измерения установок на сроки жизни у нас в стране, оказались связанными с выявлением идеального, желаемого и ожидаемого числа лет своей жизни, продолжительности жизни.

За рубежом, в США, под влиянием танатологии (науки о смерти) и геронтологии (науки о старости) измерение установок на индивидуальные сроки жизни стало осуществляться с конца 1960-х гг. и производилось с помощью прямого вопроса: «Я ожидаю (собираюсь) дожить до __ лет»²⁴⁷. Этот индикатор получил название «субъективной продолжительности жизни», что соответствовало «ожидаемому числу лет жизни» в отечественных исследованиях. Большое значение придается в американских исследованиях влиянию семьи на установки к срокам жизни. Об этом можно судить по приводимой ниже концептуальной схеме 5.11 американских психологов Линн Д. Нельсон и Джулии А. Хоннольд, где наряду с детерминантами пола, возраста, национальности и социально-экономического статуса вводится в качестве промежуточной переменной опыт «смертельной социализации» в семье и также новый индикатор «желаемой продолжительности жизни» (Я хочу дожить до __ лет)²⁴⁸.

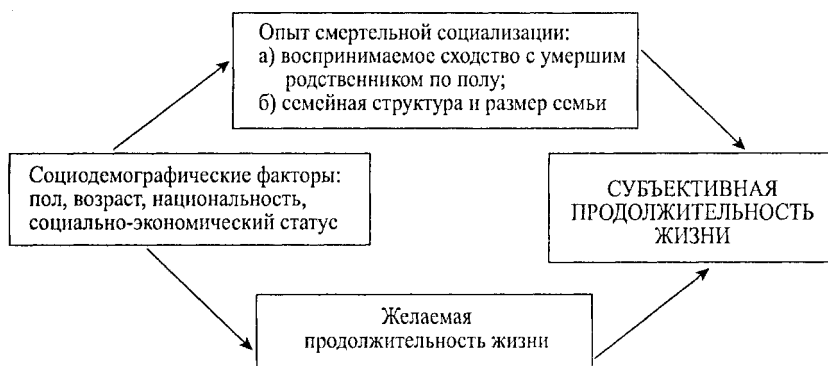

Схема 5.11. Гипотетические детерминанты экспектаций смерти

Опрос, проведенный учеными Университета штата Вирджиния среди 513 респондентов от 18 до 29 лет (175 мужчин и 338 женщин), показал, что опыт соприкосновения со смертью родственника сходного с респондентом пола влияет на снижение показателя субъективной продолжительности жизни (СПЖ) только у женщин (почти на 23 года!). Эта тенденция среди мужчин почти не наблюдается (в 8 раз слабее выражена — ниже лишь на 3 года). Никакой связи нет с социальными факторами, и обратная связь имеется с размером семьи. Желаемая продолжительность жизни не обнаружила корреляций с опытом соприкосновения со смертью в детстве. В исследовании около 200 сотрудников и студентов МГУ сопоставлялись респонденты, у которых оба родителя живы, с теми, у кого умер один из них. Оказалось, что опыт смертельной социализации понижает субъективную СПЖ на 5 лет в сравнении с не имеющими такового опыта, у которых к тому же на 3 года выше идеальное и желаемое число лет жизни.

Формулировки вопросов о предполагаемых сроках жизни были следующие. Идеальная продолжительность жизни выяснялась по вопросу: «Какова, по Вашему мнению, наилучшая продолжительность жизни?» (Отвергнутые по итогам пилотажных исследований варианты: «Сколько лет лучше всего прожить?» и «Какая продолжительность жизни казалась Вам наилучшей в 13–17 лет?»)

Желаемая продолжительность жизни устанавливалась по ответам на вопрос: «Если бы у Вас была возможность выбора, то какое число лет жизни Вы предпочли бы для себя при самых благоприятных условиях?» (Отвергнутые варианты: «Как много лет Вы хотели бы прожить?», «Сколько лет по крайней мере Вы хотели бы прожить?») Для ожидаемой продолжительности жизни была отобрана формулировка: «Как Вы думаете, до какого примерно возраста Вам удастся дожить?» (Отвергнутые варианты: «Сколько лет Вы надеетесь прожить?» и «Сколько еще лет Вы собираетесь прожить?»)

В пилотажных исследованиях применялись вопросы еще одного типа, связанные с выяснением мнения респондентов о том сроке жизни, который характерен для представителей разных профессий, уроженцев разных мест и т.д. К примеру, спрашивалось, какая в среднем продолжительность жизни шахтеров, летчиков и т.д., горожан и сельчан, грузчиков и шахматистов и т.д. Здесь вопрос провоцировал на стереотипные ответы, и результат не замедлил сказаться: при общей неосведомленности населения относительно тенденций смертности в стране (начало 1980-х гг.) представления о социальной дифференциации средней продолжительности жизни выглядели прямо-таки фантастически.

Таким образом, все формулировки вопросов о предполагаемых сроках жизни ориентированы на какие-то явно не выражаемые вслух, но конкретные ситуации жизненного цикла. Вариативность ответов свидетельствовала о том, что в пределах видовой (или потенциальной) длительности жизни человека (примерно 98 лет) возможно разнообразие интенсивности воли к жизни. Вместе с тем, по зарубежным и отечественным данным, обнаружилось существенное различие в установках мужчин и женщин. Особенно заметна эта тенденция по желаемому сроку жизни (95,8 года у мужчин и 86,3 года у женщин) при незначительной разнице по ожидаемому сроку (67,5 и 66,5 соответственно). Обращает на себя внимание по всем показателям превышение предполагаемых сроков у мужчин над предпочтениями женщин, находящееся в явном противоречии с тогдашними (да и нынешними) статистическими измерениями средней предстоящей продолжительности жизни (вот уже свыше трех десятилетий у наших женщин жизнь в среднем на 10 лет больше, чем у мужчин). И здесь дело не только в общепсихологической склонности мужчин переоценивать свои личные достижения, а женщин — недооценивать²⁴⁹. Имеет значение также фактор семейного состояния, каким-то образом связанный с результатами самосохранительного поведения, как известно, неблагоприятными у мужчин и более благополучными — у женщин.

По желаемой продолжительности жизни различие с учетом семейного состояния между женатыми мужчинами и замужними женщинами увеличивается почти в 2 раза (99,3 и 81,9), а между холостыми и одиночными — резко уменьшается (90,9 и 87,3). По ожидаемому сроку жизни происходит увеличение разрыва и у семейных (74,0 и 69,9) и у одиноких (60,7 и 63,7) респондентов. Признак семейного состояния, таким образом, сильнее всего сказывается по субъективной продолжительности жизни (в среднем 71,8 у семейных и 62,7 — у холостых) и меньше по желаемой (соответственно 90,2 и 88,3). Полученные результаты значимы статистически и содержательно, поскольку по выборке в целом действует другая тенденция — с увеличением возраста желаемое и ожидаемое число лет уменьшаются: соответственно 95,2 и 79,3; 66,1 и 62,1. Следовательно, различия по семейному состоянию возникли вопреки влиянию фактора возраста и оказались столь сильными, что преодолели это влияние.

Описанные выше различия по семейному состоянию, полу и возрасту обнаружены и в других отечественных исследованиях. Подобная картина проявилась в исследованиях (где впервые стали измеряться побуждения к тому, чтобы жить — или нет — как можно дольше), проведенных под руководством А.И. Антонова в 1985–1987 гг.

в Вильнюсе и Шяуляе, Львово и Черновцах, и в исследованиях 1985–1993 гг., осуществленных на Урале А.И. Кузьминым. В уральских исследованиях анализ влияния фактора семьи на самосохранительные установки получил новое измерение — желаемое и ожидаемое число лет жизни сопоставлялись со стажем брака, числом детей в семье, мотивами их рождения, с идеальным, желаемым и ожидаемым числом детей в семье.

В этих опросах применялись иные по сравнению с указанными формулировки вопросов: об ожидаемой продолжительности жизни («До скольких лет Вы могли бы дожить, если бы условия жизни не изменились?») и о «нормативной» продолжительности жизни («Прожить долго — значит прожить сколько лет?»). Сравнение уральских данных с другими говорит о близости формулировки о годах дожития к ожидаемому сроку жизни и о том, что вопрос о «нормативной» продолжительности близок по смыслу к желаемому сроку жизни.

В табл. 5.12 увеличение стажа брака и упрочение семейного состояния ведут к росту ожидаемых сроков жизни и тем самым перекрывают действие фактора возраста в противоположном направлении, в сторону уменьшения ориентаций на срок жизни. Подобное влияние семьи заставляет непосредственно рассмотреть вклад детей в эту тенденцию, изучить воздействие имеющегося уже числа детей в семье на ожидаемые родителями сроки своей жизни. У бездетных средняя ожидаемая продолжительность жизни — 69,1 года, у однодетных — 68,7, среди двухдетных — 72,0 и трехдетных — 75,4 года. Эти цифры, если взять лишь детей в возрасте 3–5 лет, составят среди однодетных — 68,7, а среди семей с двумя детьми — 78,9 года. «По-видимому, дети, — отмечает А.И. Кузьмин, — это мощный стимул жизни, и тем более намерений прожить долгую жизнь. Этот вывод находит подтверждение и в группе семей со старшими детьми: средняя продолжительность жизненного пути в однодетных семьях с ребенком более 16 лет составила 71,9 года, в двухдетных — 75,7 года»²⁵⁰.

Таблица 5.12

Изменение показателей самосохранительного и репродуктивного поведения в зависимости от стажа брачной жизни

Число лет в браке, лет	Ожидаемое число детей на 100 семей	Ожидаемый срок жизни, лет	Доля низкой самооценки здоровья, %
1	2	3	4
До 5	189	66,7	47,6
5–14	175	69,0	41,7

Окончание табл. 5.12

1	2	3	4
15–24	164	68,7	30,4
25–29	148	76,9	19,2

Источник: Кузьмин А.И. Семья на Урале (демографические аспекты выбора жизненного пути). Екатеринбург. 1993. С. 213.

Таким образом, уменьшение числа детей в семье прямо влияет на сокращение ожидаемых сроков своей жизни, и поэтому следует думать, что точно так же действует уменьшение установок на число детей. Но данные табл. 5.12 как бы противоречат этому суждению. Рассмотрим некоторые результаты уральских исследований применительно к респондентам 30–39 лет, относящимся к когорте, практически завершившей репродуктивное формирование семьи, но имеющей наибольшую вероятность рождения детей в сравнении со всеми когортами старше 30 лет. Оказалось, что среди них собирающиеся (и нет) иметь еще ребенка ожидают прожить соответственно 66,1 (66,3) года, тогда как ожидающие рождения второго и третьего ребенка в семье соответственно ожидают прожить 70,8 (71,4 — лишь женщины) и 69,6 года.²⁵¹ «Рассмотрение линий самосохранительного поведения, — приходит к заключительному выводу А.И. Кузьмин, — наталкивает на мысль о том, что часть из них совпадает с линиями репродуктивного поведения личности, представленными, например, в книге А.И. Антонова и В.М. Медкова «Второй ребенок». Авторы используют деление по степени проявления потребности в детях, а это значит — по аналогии, по степени проявления потребности в самосохранении»²⁵². Однако в этой взаимосвязи двух типов семейного поведения ведущим по своему влиянию является репродуктивное поведение, обуславливающее в конечном счете самосохранительное поведение.

Дальнейшее ослабление потребности семьи в детях и уменьшение установок детности могут способствовать ослаблению воли к жизни и ориентаций на предполагаемые сроки жизни и сокращению средней продолжительности жизни мужчин и женщин, определяемой по таблицам смертности (причем безотносительно к возможному улучшению состояния здоровья населения в связи с более эффективной организацией здравоохранения и с ростом благосостояния).

При исследовании ориентаций на сроки жизни, как уже отмечалось, трудно оценить их действенность, так как в принципе нельзя до смерти индивида определить степень реализации этих ориента-

ций по главному результату самосохранительного поведения — продолжительности жизни. Конечно, по числу уже прожитых лет можно судить об этом, так сказать, ретроспективно, но для этого в выборке следует представить все необходимые для анализа возрастные группы (что увеличивает объем выборки и трудоемкость исследования). Но есть другой путь — косвенно, по поведенческим параметрам, приблизительно установить риск смерти. Применение диспозиционного подхода тем самым сужается, однако расширение круга изучаемых переменных позволяет при последовательном опросе всех возрастных групп, а также при изучении различных категорий людей — по профессиям, по типам заболеваний и несчастных случаев, по суицидальным попыткам и т.д. произвести достаточно обоснованные измерения взаимосвязи индикаторов воли к жизни и результатов действия этой воли.

В ряде исследований Института социологии были предприняты попытки измерения мотивов длительности жизни, самооценок здоровья (и роли личной заботы о здоровье в продлении сроков жизни), а также изучения страха смерти (тревожности), интроверсии, невротизма и других характеристик. Для изучения мотивации задавался вопрос: «Хотели бы Вы прожить как можно дольше?» Для ответивших ДА и НЕТ предлагались разные наборы «причин».

«Если ДА, то какие из перечисленных причин побуждают Вас жить как можно дольше? (Сначала внимательно прочтите весь список причин, а затем выберите для себя не более трех):

- 1) хочу испытать и увидеть в жизни как можно больше;
- 2) хочется оттянуть момент смерти;
- 3) боюсь неизвестности после смерти;
- 4) не хочется расставаться со своими родными и близкими;
- 5) лучше жить боля, чем не жить вовсе;
- 6) надеюсь дожить до времени, когда медицина найдет средства от всех моих болезней».

«Если же Вы не хотите прожить как можно дольше, то какие причины заставляют Вас не стремиться к этому? (Также выберите не более трех причин):

- 1) не хочу в старости быть обузой своим родным и близким;
- 2) боюсь остаться одиноким;
- 3) не хочу быть беспомощным;
- 4) не хочу пережить своих родных и близких;
- 5) ради продления жизни не хочу себя ни в чем ограничить;
- 6) лучше умереть, чем мучиться от болезней».

Для контроля ответов на эти закрытые вопросы обычно предлагают написать подробнее, с чем еще может быть связано ваше жела-

ние. Следует подчеркнуть, что проведение исследований на рабочих местах в рабочее время (а так именно и было в исследованиях сектора социологии здоровья Института социологии) не способствует стремлению респондентов к рассказу о своих проблемах, тем более если анкета написана на не родном языке. В качестве дополнительного контроля можно задать следующий вопрос: «Если Вам хотелось бы жить как можно дольше, то для того, чтобы (отметьте не более трех утверждений): 1) достичь высокого материального благополучия»; 2) как можно дольше пользоваться достигнутым в жизни; 3) лучше обеспечить своих близких; 4) полностью воспользоваться всеми положенными с возрастом правами и льготами; 5) занять почетное положение долгожителя; 6) завершить дело всей моей жизни; 7) увидеть, какое положение в обществе займут мои дети.²⁵³

Практикум. Мотивы самосохранительного поведения, как и всякого социального поведения, в том числе семейного, подразделяются на три вида. Предлагается определить, какие из приведенных выше индикаторов относятся к экономическим, социальным и психологическим. Для курсовой работы на тему «Семья и мотивы самосохранительного поведения» следует прочитать три классические литературные работы и выписать оттуда разновидности мотивации, произведя типологизацию внутри каждого из трех видов мотивов. Вот эти литературные произведения: Л. Толстой «Смерть Ивана Ильича», А. Солженицын «Раковый корпус», М. Зощенко «Повесть о разуме». Дополнительно следует использовать книги: И. Мечников «Этюды оптимизма» и Ю.Л. Бессмертный «Жизнь и смерть в средние века».

Обычно в анкетах задается целый комплекс вопросов о состоянии здоровья, и в целях взаимного контроля эти вопросы объединяются в различные группы, образующие систему индексов, характеризующих те или иные аспекты здоровья или отсутствия его. В целом подобная система самооценок достаточно надежно фиксирует особенности здоровья респондентов, позволяя подразделить их на две полярные группы — считающих, что здоровье и продолжительность жизни зависят от усилий самого человека или же от внешних обстоятельств. Вот формулировка основного вопроса: «Как Вы считаете, что в наибольшей степени влияет на здоровье и продолжительность жизни человека? (Нужно выбрать только один ответ): 1) условия жизни; 2) усилия самого человека; 3) наследственность; 4) трудно сказать». Первые социологические исследования, проведенные в этом направлении, обнаружили необычайно высокий процент людей, которые вообще не считают нужным заботиться о своем здоровье (30%), причем ожидаемые сроки жизни у них в среднем мно-

го ниже заботящихся о здоровье — 71 против 79 лет! Любопытно, что и возраст наступления старости они занижают до 67 лет, тогда как предпринимающие усилия по сохранению здоровья относят его к 76 годам.

Анализ самооценок обнаружил, что среди заботящихся о здоровье в два с лишним раза больше женщин, считающих, что сроки жизни зависят от самого человека. Они предпринимают больше усилий по сохранению своего здоровья (имеют меньше вредных привычек, меньше заболеваний и патологии разного рода), т.е. для них характерно более осторожное самосохранительное поведение. Это подтверждается также итогами тестирования по шкале тревожности, связанной со смертью. Чем выше индекс тревожности, тем больше усилий по самосохранению, тем чувствительнее человек к сигналам опасности и угроз разного рода.

В танатологии к настоящему времени накоплен целый арсенал подобных шкал, из которых наиболее распространенными оказались шкала страха смерти Сэрнофа и Корвина (1959), Бойара (1964), Лестера (1966 и 1969), шкала тревожности смерти Хэндала, Толэра и Резникова (1967 и 1969), Темплера (1969), шкала Нельсонов (1975) и серия шкал Хопера и Спилка — 1970 (5 шкал: отсутствия страха смерти, чувствительности к смерти, страха самого процесса умирания, осознания смысла смерти, невозможности контроля смерти и отсутствия опыта смерти, а также 8 шкал, построенных по принципу незавершенных высказываний и выясняющих отношение к смерти как к боли, переживаемой в одиночку, как к вознаграждению после жизни, как к чему-то неизвестному или безразличному, отношение к смерти как возможности показать свое мужество, как к прощанию с зависимостью и греховностью, как к полному краху, как к естественному концу жизни)²⁵⁴.

В первых исследованиях, проведенных у нас в стране, применялся адаптированный в пилотажных экспериментах вариант шкалы смертельной тревожности американского психолога Дональда Темплера²⁵⁵. Шкала состоит из 15 утверждений, шесть из которых фальшивые (№ 3, 6, 8, 10, 13, 15):

1. Я гоню мысли о возможности подвергнуться хирургической операции.

2. Я боюсь мучительной смерти.

3. Я безболезненно реагирую на перспективу заболеть раком.

4. Я часто думаю о том, как скоротечна жизнь.

5. Мне становится страшно, когда я слышу разговоры о третьей мировой войне.

6. Я чувствую, что будущее мне ничем не угрожает.

7. Я очень боюсь смерти.
8. Мысли о смерти редко посещают меня.
9. Меня пугает возможность внезапных сердечных приступов.
10. У меня отсутствуют мысли о смерти.
11. Меня ужасает вид мертвеца.
12. Я часто страдаю от того, что время летит слишком быстро.
13. Я не боюсь умереть.
14. Мысль о бессмертии волнует меня.
15. Я спокойно воспринимаю разговоры о смерти.

При заполнении бланка испытуемый должен дать ответ ДА или НЕТ, причем каждый утвердительный ответ на истинное утверждение и каждый отрицательный ответ на фальшивое суждение оценивается 1 баллом (остальные ответы — 0). Диапазон возможных ответов — от 0 до 15 баллов. Диагностированные клиницистами больные при проверке на валидность в среднем дали 11,62 балла, а в контрольной группе тревожность составила 6,77. В исследованиях Темплера было найдено, что тревожность смерти (ТС) не зависит от возраста и этнической принадлежности и связана с полом и религиозностью.

Тестирование среди 197 сотрудников и студентов МГУ в возрасте от 15 до 82 лет (121 женщин и 76 мужчин) дало среднюю по выборке ТС 7,30. При этом наименьшее значение ТС получено среди холостяков-мужчин — 5,06, а наибольшее среди тех, кто имел в прошлом тяжелое заболевание и в момент опроса нетяжело болен, — 9,31 (у тяжело болевших в прошлом и болеющих в момент опроса — 8,44). Как и ожидалось, ТС женщин было намного больше, чем у мужчин, — соответственно 8,01 и 6,08. Различие между холостыми мужчинами и женщинами намного больше, чем между семейными мужчинами и женщинами, соответственно ТС 5,06 и 7,84; 7,15 и 8,23. Интересно, что рост разницы между несемейными происходит за счет резкого падения ТС холостяков (и на это не влияет возраст, поскольку все различия по возрастным группам не выходят за пределы средней ТС по выборке в целом). С другой стороны, ТС семейных мужчин также резко повышается, и таким образом влияние семейного фактора оказывается вновь столь мощным, что перекрывает гендерное влияние.

Измерения общей тревожности и степени интроверсии по адаптированному тесту Айзенка (79 женщин и 54 мужчин) также дало интересные результаты: оказалось, что значительное повышение ТС в сравнении со средней по выборке величиной характерно для холериков (8,70) и меланхоликов (8,50). Существенное снижение от средней ТС присуще сангвиникам (6,06) и флегматикам (6,38),

у которых по определению низкая общая тревожность. С другой стороны, высокая общая тревожность холериков и меланхоликов привела к росту ТС. Таким образом, сильная прямая связь между общей и смертельной тревожностью говорит о ведущей роли их в усилении «осторожного» самосохранительного поведения, свойственного женщинам, и прежде всего замужним и имеющим детей.

Эта особенность проявляется и при изучении мотивации — желание жить дольше, связанное со стремлением «увидеть, какое положение займут в обществе мои дети», сильнее было у женщин (49%), чем у мужчин (33%). К этому примыкает и «желание лучше обеспечить своих детей», отмеченное 33% женщин и 22% мужчин (по данным исследований во Львове и Черновцах). Когда смыслом жизни становится нечто такое, что оказывается в пределах личных возможностей и вместе с тем растянутым почти на всю жизнь (а таково воспитание детей в семье), тогда от степени близости к этому центру могут формироваться те или иные линии самосохранительного поведения. Наследие культуры прошлых эпох до сих пор проявляется в том, что женщина-мать умеет распределять свои жизненные силы на всем протяжении жизненного цикла семьи, соизмеряя свое дыхание и ритм сердца с пульсом своих детей. Более заметная (пока еще) у мужчин внесемейная направленность ведет к тому, будто программу жизни составляет один человек, а расплачивается за нее после 50 лет — как бы другой.

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕРМИНЫ

Семейное поведение — система действий и отношений по осуществлению супружества—родительства—родства; общий термин для брачного, бракоразводного, репродуктивного, социализационного (родительского) и самосохранительного видов социального поведения. Диспозиционная регуляция семейного поведения, система диспозиций (потребности, ситуации образа жизни семьи, диспозиция МЫ—блок определения ситуаций, средств реализации потребностей), результаты поведения. Механизм принятия семейных решений — рациональный аспект определения

ситуаций. Пирамида потребностей А. Маслоу. Уровни системы потребностей (биологические, безопасности, принадлежности, уважения, самоактуализации, самотрансценденции). Виды потребностей по отдельным уровням. Теории и типы совместимости потребностей супругов. Три составные части брачного поведения: *добрачное* или *предбрачное*, *супружеское* и *бракоразводное* (предразводное и после-разводное). Удовлетворенность браком, стабильность брака, успешное супружество. Факторный и диспозиционный подходы к изучению стабильности брака. Систе-

матизация факторов удовлетворенности браком. Модель промежуточных переменных. Уровни ситуаций брачного поведения. Брачный рынок, потенциал брачности. Правило гомогамии. Коэффициенты ассоциации. Мотивы вступления в брак. Шкалы любви и симпатии. Система диспозиций репродуктивного поведения.

Репродуктивное поведение — система действий и отношений опосредующих рождение определенного числа детей в семье (и вне брака).

Плодовитость брака — биологическая способность пары (мужа и жены) к зачатию и живорождению. Бесплодие — неспособность к зачатию, вынашиванию и рождению живого ребенка. Стерильность как вид бесплодия. Блок диспозиционного определения 14 репродуктивных ситуаций, *проблемные и рутинные ситуации* их разновидности.

Репродуктивный цикл — повторяющаяся последовательность трех репродуктивных событий (коитус, зачатие, роды).

Репродуктивный процесс — последовательность репродуктивных событий на протяжении жизненного цикла семьи (личности) как результат совместного влияния социокультурных норм и биологических факторов плодовитости. Полнота репродуктивного цикла.

Потребность в детях — социально-психологическое свойство социализированного индивида, проявляющееся в том, что без наличия детей и подобающего их числа индивид испытывает затруднения как личность. Потребность в детях как итог интернализации, усвоения репродуктивных норм.

Репродуктивные нормы — детерминированные социумом принципы и образцы подобающего поведения относительно рождения числа и пола детей, интервалов между рождениями и т.п., принятые в тех социальных группах, к которым принадлежит или хотел бы принадлежать индивид. Социальные нормы малодетности, среднедетности, многодетности. Репродуктивные установки и мотивы — эмпирические индикаторы или референты потребности в детях.

Репродуктивные установки — психические состояния (готовности) личности, обуславливающие взаимную согласованность разного рода действий, характеризующихся положительным или отрицательным отношением к рождению определенного числа детей.

Установки детности — установки на число рождений, на интервалы между рождениями, на пол ребенка, на усыновление (удочерение). Установки на предупреждение и прерывание беременности, на отказ от контрацепции и применение ее (контрацептивные установки), на искусственное прерывание беременности или отказ от него. Методы измерения репродуктивных установок. Показатели предпочитаемого числа детей. Идеальное, желаемое и ожидаемое число детей. Индекс степени удовлетворения потребности в детях.

Техника семантического дифференциала СД. Формула дистанции. Профили установок и таблицы величин дифференциации. Шкалы антонимов. Факторы шкал — оценка, сила, активность. Объекты оценивания. Метод дифференциации по эталонам. СД как вид

контент-анализа. Методика измерения репродуктивных норм, установок детности и потребности в детях с помощью СД.

Репродуктивные мотивы — психические состояния, побуждающие к достижению разного рода личных целей через рождение определенного числа детей. Мотивы многодетности и малодетности. Экономические, социальные и психологические мотивы рождения детей. Методики измерения репродуктивной мотивации. Методы шкалограммного анализа мотивов. Шаблоны и линии репродуктивного поведения.

Социализационное, или родительское, поведение — система действий и отношений, определяющая в процес-

се содержания и воспитания детей степень их социальной компетентности. Проводники социализации. Типы депривации. Индексы фамилизма и социализации. Измерение интеракций родители — дети.

Самосохранительное (экзистенциальное) поведение — система действий и отношений, обуславливающая состояние здоровья и срок жизни индивида. Иерархия потребностей: потребности в социальном, психологическом и физиологическом сохранении ЭГО. Измерение самосохранительных установок и мотивов. Индексы отношений к срокам жизни. Показатели экзистенциальной мотивации. Шкала Темплера. Семейная танатология. Дискурсы жизни и смерти.

Контрольные вопросы

1. Какие искажения информации привносят в изучение семьи методы наблюдения за поведением индивидов — членов семьи? Почему так редки одновременные опросы супругов, родителей и детей? В чем состоит принципиальное отличие схемы регуляции семейного поведения от схем индивидуального и диадного поведения? Семейное МЫ — это вполне измеримый термин для обозначения семейного единства и семейной целостности или это всего лишь метафора?
2. Почему изучение удовлетворенности браком лишь отчасти является социологическим измерением семейной стабильности? Совместимость супругов — как она может измеряться, действительно ли совпадение пирамид потребностей супругов способно отражать теорию взаимной дополнительности Р. Уинча?
3. Зачем нужно различать проблемное и рутинное определение социальных ситуаций в области репродуктивного поведения семьи?
4. Способны ли измерить в чистом виде потребность семьи в детях наборы так называемых предпочитаемых чисел детей? Каковы возможности в связи с этим индекса степени удовлетворения

- потребности в детях? Как реализуется на основе сопоставления с эталонным объектом «дети» в связи с этим потенциал техники «семантического дифференциала»? В чем заключается основная трудность при измерении социальных мотивов рождения детей? Как используется метод незавершенных высказываний при измерении репродуктивной мотивации?
5. Назовите плюсы и минусы социологического измерения методом «семантического дифференциала»? В каких случаях измерение отношений к числу детей в семье по методу «семантического дифференциала» можно считать измерением установок и в каких — измерением ценностей и социальных норм?
 6. При измерении каких феноменов обнаруживается взаимосвязь двух видов поведения — самосохранительного и репродуктивного?
 7. Как выявляются различия линий самосохранительного поведения мужчин и женщин?
 8. Как построен индекс тревожности Темплера?
 9. В какой мере можно считать привычки курить и пить спиртное выражением самосохранительного поведения личности?
 10. С помощью каких показателей измеряется субъективная продолжительность жизни?

Литература

1. *Акофф Р., Эмери Ф.* О целеустремленных системах. М., 1974.
2. *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти. М., 1992.
3. *Белова В.А.* Число детей в семье. М., 1975.
4. *Бернс Р.* Развитие Я-концепции и воспитание. М., 1986.
5. *Бессмертный Ю.Л.* Жизнь и смерть в средние века. М., 1991.
6. *Борисов В.А.* Желаемое число детей в российских семьях по данным микропереписи населения России 1994 года (итоги расчета по всем регионам России среднего желаемого и ожидаемого числа детей в семье // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. 1997. № 2 (этот номер тематический, так же как и следующий № 3, посвящен проблематике изменений современной семьи и основан на результатах исследований студентов, аспирантов и сотрудников кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова).
7. *Гурко Т.А.* Родительство: социологические аспекты. М., 2003.
8. *Зощенко М.* Повесть о разуме. М., 1976.
9. *Козелецкий Ю.* Психологическая теория решений. М., 1974.

10. *Кроник А., Кроник Е.* В главных ролях Вы, Мы, Он, Ты, Я. Психология значимых отношений. М., 1989.
11. *Кузьмин А.И.* Семья на Урале (демографические аспекты выбора жизненного пути). 1993.
12. Методические программы и методики исследований брака и семьи // Отв. ред. М.С. Мацковский. М.: ИСИ АН СССР, 1986.
13. *Мечников И.* Этюды оптимизма. М., 1964.
14. *Ольшанский В.Б.* Практическая психология для учителей. М., 1994.
15. *Поршнев Б.Ф.* Контрсуггестия и история // История и психология. М., 1971.
16. *Рапопорт С.* О системе норм семейного поведения // Молодая семья. М., 1977.
17. Семья на пороге третьего тысячелетия / Ред. А.И. Антонов, М.С. Мацковский, Дж. Мэддок, М. Хоган. М., 1995.
18. *Солженицын А.* Раковый корпус. М., 1990.
19. *Столин В.В.* Самосознание личности. М.: МГУ, 1983.
20. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. СПб., 1997. С. 488.
21. *Чуйко Л.В.* Браки и разводы. М., 1975.
22. *Ядов В.А.* Социологическое исследование. М. 1995.
23. *Fisher W.* The Soviet Marriage Market. N.Y. 1980.
24. *Osgood Ch., Suci G., Tannenbaum P.* The Measurement of Meaning. 1957 (См. также перевод одной из глав этой книги в: Семиотика и искусствоведение. М., 1972).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹⁸⁶ *Marjorie L. De Vault.* Talking back to sociology: Distinctive Contributions of Feminist Methodology. Annual Reviews Sociology. 1996. 22: P. 32–33.

¹⁸⁷ *Op. cit.* P. 37.

¹⁸⁸ Понятия Мы и Они как исходные формы межличностного общения, формы отличения и уподобления (Мы — полюс слияния, доверия, близости, Они — полюс отчуждения, отдаления) интенсивно разрабатывались Б.Ф. Поршневым (см. Контрсуггестия и история // История и психология. М., 1971). Прекрасный пример применения оппозиции Мы—Они при исследовании психологической близости в семье см.: *Кроник А., Кроник Е.* В главных ролях: Вы, Мы, Он, Ты, Я. Психология значимых отношений. М., 1989.

¹⁸⁹ *Антонов А.И.* Теоретические и методологические проблемы социологического исследования рождаемости. М., 1983.

¹⁹⁰ *Марковская И.Г.* Место семьи в системе ценностных ориентаций личности. Автореф. канд. дисс. МГУ. 1990. С. 21.

¹⁹¹ *Акофф Р., Эмери Ф.* О целеустремленных системах. М., 1974.; *Козелецкий Ю.* Психологическая теория решений. М. 1974.

¹⁹² *Whitfield R.* Learning to love: educational action for secure family relationships. London. 1990. P. 22–24; *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности (гл. 10). СПб., 1997. С. 488.

¹⁹³ *Winch R.F.* Need Complementarity Reassessed // *Sociology of Family*. Ed. M. Anderson. 1971.

¹⁹⁴ *Davis K., Blake J.* Social Structure and Fertility. Economic Development and Culture Change. 1956. Vol. 4. См. также: *Антонов А.И.* Социология рождаемости. М., 1980. С. 196.

¹⁹⁵ См. подробнее об этом: *Мацковский М.С.* Социология семьи. С. 76, 79, 80.

¹⁹⁶ *Lewis R. & Spanier G.* The rising about the quality and stability of marriage // *Contemporary theories about the family*. Vol. 2. Eds. W. Burr a.o. N.Y. 1979.

¹⁹⁷ Семья на пороге третьего тысячелетия / Под ред.: А.И. Антонова, М.С. Мацковского, Дж. Мэддока, Мэри Хоган. М., 1995. С. 64.

¹⁹⁸ *Гурко Т.А.* Становление молодой семьи в крупном городе: условия и факторы стабильности. Дисс. ... канд. филос. наук. 1983.

¹⁹⁹ *Шавлов А.В.* Факторы удовлетворенности браком в семье кадрового военного России. Дисс. ... канд. социол. наук. 1996. С. 60–61.

²⁰⁰ *Солодников В.В.* Социологический анализ предразводной ситуации в молодых семьях. Автореф. канд. дисс. М., 1986; *Седельников С.С.* Социальные последствия разводов. Автореф. канд. дисс. М., 1990. С. 16.

²⁰¹ *Синельников А.Б.* Методические проблемы изучения брачности в СССР. Автореф. канд. дисс. М., 1981. С. 8.

²⁰² Семья: краткий демографический словарь / Авт.-сост. А.Б. Синельников. М., 1996. С. 30.

²⁰³ Семья на пороге третьего тысячелетия. С. 13–14.

²⁰⁴ *Антонов А.И., Медков В.М.* Социология семьи. С. 155–157.

²⁰⁵ *Чуйко Л.В.* Браки и разводы. М., 1975. С. 71–75.

²⁰⁶ *Fisher, W.* The Soviet marriage market. N.Y. 1980.

²⁰⁷ *Голод С.И.* Стабильность семьи. Л., 1984. С. 26–30.

²⁰⁸ Там же. С. 31.

²⁰⁹ *Гозман Л.Я., Алешина Ю.Е.* Шкалы любви и симпатии // Методические программы и методики исследований брака и семьи / Отв. ред. М.С. Мацковский. М., 1986. С. 25.

²¹⁰ *Мацковский М.С., Гурко Т.А.* Успешность функционирования молодой семьи в крупном городе // Программа социологических исследований молодой семьи (программы и методики исследований брака и семьи) / Отв. ред. М.С. Мацковский. М., 1986. С. 16–21. Помимо уже названных брошюр следует также указать еще несколько из данной серии: *Фундаментальные программы исследований брака, Методические аспекты стандартизации эмпирических индикаторов исследований брака и семьи, Теоретическое обоснование системы переменных социологических исследований брака и семьи, Методические программы и методики исследований брака и семьи, Прикладные программы исследований брака и семьи, Исследования семьи и практика консультационной работы.*

²¹¹ См. например: *Столин В.В. и др.* Опросник удовлетворенности браком // Вестник МГУ. Серия XIV. Психология. 1984. № 2.

²¹² *Family Inventories (used in a national survey of families across the family life cycle)*. Ed. D.Olson. University of Minnesota. 1985.

- ²¹³ Леонтьев А.И. Проблемы развития психики. М., 1972. С. 302–304.
- ²¹⁴ Антонов А.И. Социология рождаемости. С. 176.
- ²¹⁵ См.: Белова В.А. Число детей в семье. М., 1975.
- ²¹⁶ Trent R. Evidence Bearing on the Construct Validity of «Ideal Family Size»// Population and Environment. 1980, p. 319.
- ²¹⁷ Антонов А.И. Социология рождаемости. С. 161 // Семья и дети. С. 54, 61.
- ²¹⁸ Osgood Ch., Suci G., Tannenbaum P. The Measurement of Meaning. 1957, см. также перевод одной из глав в: Семиотика и искусствоведение. М., 1972.
- ²¹⁹ Антонов А.И. Репродуктивные установки и их изучение // Демографическая ситуация в СССР. М. 1976. См. его же: Рабочая книга социолога. 1-е изд. М., 1976. С. 228–231 // 2-й международный коллоквиум по социальной психологии. Тбилиси, 1970; Социология рождаемости. М., 1980; Измерение сходимости представлений супругов о внутрисемейных ролях друг друга // Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга. Краснодар, 1975. С. 108–110.
- ²²⁰ Симмат В. Семантический дифференциал как инструмент искусствоведческого анализа // Семиотика и искусствоведение. М., 1972. С. 298–325.
- ²²¹ Там же. С. 322.
- ²²² Считается, что человек может различить не более 11 оттенков отношения, практика показывает, что лучше всего работать с 7 градациями (3 — слишком маленький континуум, 5 — напоминает школьную систему оценок, а 9 — это уже излишество при работе с достаточно большими выборками респондентов). Кстати говоря, нечетная система чаще всего используется социологами и психологами, поскольку позволяет выделить центр с равным числом градаций слева и справа от него.
- ²²³ Баршис В.И. Репродуктивные установки и мотивы вильнюсской семьи. По итогам исследований «Вильнюс–76» и «Литва–75» // Семья и дети / Отв. ред. А.И. Антонов. М., 1982. С. 27.
- ²²⁴ Антонов А.И. Социология рождаемости. С. 166. В последней строке табл. 5.1 используются данные «Россия–2000», рассчитанные асп. А. Узик.
- ²²⁵ Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Современная социальная психология на Западе. МГУ, 1978. С. 115.
- ²²⁶ Антонов А.И. Социология рождаемости. С. 166.
- ²²⁷ Blake J. Family Structure in Jamaica. 1961. P. 188–191.
- ²²⁸ Баршис В.И. Репродуктивные установки и мотивы супругов и психологический климат семьи // Семья и дети / Под ред. А.И. Антонова. МГУ, 1982. С. 30.
- ²²⁹ Там же. С. 31
- ²³⁰ Там же. С. 29.
- ²³¹ Антонов А.И. Социология рождаемости. С. 169–170.
- ²³² Бойко В. Ценность детей в жизни семьи и личности // Семья сегодня. М., 1979. С. 30.
- ²³³ Рапопорт С. О системе норм семейного поведения // Молодая семья / Ред.-сост. А.И. Антонов. М., 1977.
- ²³⁴ Цит. по: Ольшанский В.В. Практическая психология для учителей. М., 1994. С. 102.
- ²³⁵ Семья и дети. С. 43.
- ²³⁶ Там же. С. 176, 179, 180, 185.

- ²³⁷ Цит. по: *Столин В.В.* Самосознание личности. МГУ, 1983. С. 31.
- ²³⁸ См. например: *Козелецкий Ю.* Психологическая теория решений. М., 1979.
- ²³⁹ *Бернс Р.* Развитие Я-концепции и воспитание. М., 1986. С. 62.
- ²⁴⁰ Там же. С. 65.
- ²⁴¹ *Ольшанский В.Б.* Практическая психология для учителей. М., 1994. С. 181.
- ²⁴² Там же. С. 60.
- ²⁴³ Там же. С. 164.
- ²⁴⁴ Там же. С. 168–169.
- ²⁴⁵ *Столин В.В.* Самосознание личности. М., 1983. С. 156, 155.
- ²⁴⁶ Там же. С. 162.
- ²⁴⁷ *Handal P.J.* The relationship between subjective life expectancy, death anxiety and general anxiety // *Journal of Clinical Psychology*, 1969, 25, 39–42; *Teahan, J., & Kastenbaum, R.* Subjective life expectancy and future time perspective as predictors of job success in the «hard-core unemployed». *Omega*, 1970, 1, 189–200; *Tolor, A. & Murphy, V.M.* Some psychological correlates of subjective life expectancy. *Journal of Clinical Psychology*, 1967, 23, 21–24.
- ²⁴⁸ *Lynn D. Nelson & Julie A/ Honnold/* Socialisation and Demographic Determinants of Mortality Expectations// *Population and Environment. Behavioral and social issues.* Vol. 3, No. 1.1980. P. 11.
- ²⁴⁹ *Feather N.T. & Simon J.G.* Fear of Success and Causal Attribution for Outcome / *Journal of Personality* / 1973/ P. 525–542.
- ²⁵⁰ *Кузьмин А.И.* Семья на Урале. Екатеринбург, 1993. С. 214–215.
- ²⁵¹ Там же. С. 216.
- ²⁵² Там же. С. 218.

Глава 6

СОЦИОМЕТРИЯ СУПРУЖЕСКОЙ СОВМЕСТИМОСТИ И СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Несовместимость, если речь идет о супружеских парах, означает общность вкусов, особенно вкуса к главенству.

Амброз Бирс

Не в совокупности ищи единства, но более — в единообразии разделения. Ибо если они не сходятся в теории вероятности, то сходятся в неопрятности.

Козьма Прутков

Краткое содержание главы

Название данной главы начинается со слова «социометрия», которое означает социологическое измерение семейных взаимоотношений вообще. Оно не используется здесь в смысле социометрии эмоциональных выборов, симпатий и антипатий. Существует много подходов и методик исследования межличностных отношений в семье, большинство из них по сути своей — психологические методики. Однако возможно в рамках микросоциологии семьи су-

губо социологическое выявление и фиксирование сетей внутрисемейного общения. Предложенный А.И.Антоновым в 1970 г. метод изучения взаимных представлений супругов о семейных ролях на основе техники семантического дифференциала СД ориентирован на действительно социологическое исследование супружеской совместимости или сплоченности. Межличностные, эмоционально окрашенные отношения супругов выясняются не путем введения в семейную психодинамику какой-либо метафорической системы координат (типа трансактной символики родитель—взрослый—ребенок либо интерпретации супружеского общения в терминах межличностных интеракций типа няня-ребенок, начальник-подчиненный и т.д.), а посредством измерения различий в восприятии мужем и женой одних и тех же социокультурных ролей отец—мать, муж—жена, мужчина—женщина. Индивидуальное своеобразие Я каждого из супругов при включении в это Я общезначимых в данной культуре семейных ролей проявляется в вариации величин дифференциала D , характеризующих степень идентификации супругами этих ролей. Тест измерения ролевой совместимости супругов ТИРС построен на сопоставлении ролевых самооценок каждого из супругов (например, Я-отец и Я-мать) с оценками этой включенности другим супругом (ОН-отец, ОНА-мать). Значимые различия между самооценкой и оценкой включенности в роль другим супругом (Я-отец, ОН-отец), интерпретируются как показатель фактического исполнения данной роли. Самооценка идентификации с той или иной семейной ролью одним из супругов считается подтвержденной, если величина D другого супруга равна или ниже D первого. Если она выше самооценки, то считается неподтвержденной. Когда большинство ролевых самооценок каждого из супругов подтверждены оценками другого, такая пара считается совместимой по сходству представлений о ролях и ролевых обязанностях и по фактическому исполнению ролей. В главе обсуждаются различные конфигурации подтверждений и неподтверждений на основе опыта тестирования более 1000 супружеских пар, а также содержатся принципы разработки компьютерных вариантов ТИРС.

6.1. Социологический подход к изучению взаимоотношений в семье

В микросоциологии семьи задача изучения семейных взаимоотношений решается с помощью социально-психологических методов, но не сводится к сугубо психологическому анализу семьи как разновидности малой группы. Становление и разрушение семейно-

го единства, общности, сплоченности на всех стадиях семейного цикла жизни, функционирование чувства семейного МЫ как центра семейного образа жизни, анализ специфики взаимоотношений родителей и детей, братьев и сестер, мужей и жен, членов семьи с микросредой родства — вот основные направления микросоциологического исследования.

В основе социологического подхода к семейным отношениям находится интерес к конфигурациям ролевых взаимодействий. Социальная структура в процессе модернизации изменяет социальные роли и взаимосвязи между ними, и все это не может не затрагивать семейные роли. Микросоциология семьи фиксирует динамику межличностных отношений в семье, обусловленную трансформацией семейных ролей. В отличие от психологии, сосредоточенной в основном на структуре эмоциональных связей и на видоизменениях семейной структуры в связи с их воздействиями на формирование личности ребенка и на целостность семьи, социология семьи сфокусирована на ролевой структуре и на ее взаимодействии с межличностной структурой.

Психолога интересуют прежде всего межличностные роли, процессы межличностного восприятия и аттракции членов семьи, тогда как социолог относится к межличностным взаимоотношениям как фону, раскрывающему через специфику семейного лада и семейного конфликта особенности интеграции родительства—супружества—родства. Степень согласованности семейных ролей (родительских—супружеских—родственных) и степень их нормативной дистанцированности от внесемейных ролей — вот фокус социологического интереса также в плане методологии и методики исследования. Как измерять авторитет родителей и социализированность детей в отношениях родители — дети; как исследовать доминирование в диадных отношениях супругов и в семейном общении, в паттернах межпоколенных интеракций; каковы социометрические приемы получения данных о межличностной конфликтности супружеских отношений в связи с гендерной противоречивостью семейных и профессиональных ролей мужей и жен — эти вопросы наиболее актуальны сегодня.

Огромное количество методик и процедур, разработанных в социологии и психологии, посвящено тем или иным аспектам социологического измерения семьи, однако систематизация этой обширной исследовательской техники в пределах социологического подхода не завершена. Обычно взаимоотношения родства исследуются с помощью инструментария, ориентированного на фиксацию структуры родственного общения (вовлеченность в родственные интеракции, частота контактов, индексы родственной взаимосвязанности

и расширенного фамилизма), родственной солидарности (индексы ориентированности на родство и расширенную семью, шкалы фамилизма, взаимопомощи и поддержки, предпочитаемой территориальной локализации родства), родственных норм и качества взаимоотношений (значение прародительства, индекс конфликтности, значимость расширенной семьи как референтной группы)²⁵⁶.

Приведем пример шкалы фамилизма:

1. Как Вы думаете, следует ли платить детям моложе 16 лет за их работу в семье? 2. Как Вы считаете, должны ли работающие дети моложе 21 года и живущие в семье отдавать всю зарплату родителям? 3. Кому следует ухаживать за престарелыми родителями — правительству или их детям? 4. Если Ваши родители не советуют жениться на девушке, которую Вы выбрали, женитесь ли Вы на ней? 5. Следует ли детям, создавшим собственную семью, жить вместе с их родителями? 6. Как Вы думаете, можно ли вступать в брак с человеком другой религиозной веры? 7. Можно ли заключать брак с человеком другой национальности? 8. Могли бы Вы сделать своего сына партнером Вашей фирмы? 9. Понравится ли Вам намерение Вашего сына пойти по Вашим профессиональным стопам? 10. Следует ли советоваться по важным семейным вопросам с близкими родственниками (дядей, тетей, двоюродным братом или сестрой)?²⁵⁷

Методики исследования взаимоотношений родителей и детей также необычайно многообразны и построены в основном на прямых вопросах и их комбинациях либо на суждениях проективного или прямого характера. Вот некоторые направления измерений: нормативная и функциональная солидарность и интеграция, сходство и различие ценностей, межличностное восприятие потенциальной поддержки со стороны членов семьи, воспринимаемое качество взаимодействий: чувств тесноты, близости, понимания, коммуникации, доверия и уважения к себе от других и к другим в семье, частота общения (ролевого и гендерного) между членами семьи. Вот одна из шкал по интеракциям родителей и детей (по каждому из пунктов следует отметить частоту взаимодействия — почти никогда, один раз в год, несколько раз в году, каждый месяц, неделю):

1. Отдых и рекреация вне дома (кино, пикники, путешествия, плавание, охота и т.д.).
2. Короткие визиты.
3. Семейные торжества и праздничные обеды, где вся семья собирается вместе.
4. Небольшие семейные праздники в связи с днями рождения и годовщинами.
5. Совместные обсуждения важных проблем.

6. Религиозная активность любого типа.
7. Сочинение писем.
8. Совместные обеды.
9. Общение по телефону.
10. Обмен подарками.
11. Помощь разного рода родителей детям.
12. Помощь детей родителям.

Источник: Parent-Child Relations. Chapter 4 in: Clinical and Social Psychology. Minneapolis. 1982. P. 155.

6.2. Исследование супружеской совместимости на основе межличностного восприятия семейных ролей

Чрезвычайно большое количество шкал, тестов и методик создано для фиксации состояния взаимоотношений в супружеской диаде. Помимо массы индексов супружеского счастья и удовлетворенности браком имеются вопросники по выявлению степени супружеской адаптации и взаимного приспособления²⁵⁸. Одной из первых методик брачной совместимости является предложенная Эрнстом Берджессом и его ассистентами анкета, состоящая из 36 прямых вопросов и «паспортички». По итогам заполнения подсчитывался балл приспособленности, и затем диада попадала в одну из 9 групп²⁵⁹. За неимением места эту анкету нельзя привести в учебном пособии, но подобного типа вопросников сейчас много и у нас. Для всех этих опросов характерно комбинирование нескольких вопросов на одну тему и вычисление средних значений разного рода индексов супружеской удовлетворенности или адаптированности.

В зависимости от моды на те или иные теории в каждую исследовательскую эпоху меняются критерии брачной приспособленности, и соответственно изменяется содержание задаваемых вопросов. Если же используются тесты, то смена теорий сказывается на интерпретации данных. Однако нельзя не признать, что до сих пор нет в техническом отношении столь же простой и эффективной процедуры по измерению супружеских взаимоотношений, как, например, социометрическая процедура. Ее неприменимость к семье обусловлена тем, что супруги уже выбрали друг друга, а дети лишены этой свободы выбора фактом своего рождения. Конечно, можно видоизменить форму социометрического выбора в целях измерения внутрисемейных связей, придумать какие-то новые критерии выбора или какие-то гипотетические ситуации, в которых выбор членами семьи друг друга окажется достаточно разумным и реалистическим;

тем не менее ортодоксальная социометрия выбора людей в группе по степени симпатии—антипатии²⁶⁰, эмоциональных предпочтений в семье неосуществима.

Поэтому в психологии много интересных попыток создания принципиально новых подходов к измерению семейных и супружеских взаимоотношений, которые со временем смогут быть использованы в социологии семьи. Но эти новые тесты не решают задач, стоящих перед социологическим измерением степени совпадения ролевых и межличностных структур семейного общения. В качестве методик такого рода в 1970 г. А. И. Антоновым был предложен способ изучения совместимости супругов по сходству их взаимных представлений о выполнении каждым своих социокультурных семейных ролей²⁶¹. Эта методика прошла хорошую проверку в ряде пилотажных исследований нескольких сотен пар, полученные с ее помощью результаты коррелируют с данными некоторых сходных процедур. Различные аспекты методики разработаны с помощью студентов психологического, социологического и философского факультетов МГУ (с 1972 по 1993 г. было защищено по этой теме несколько десятков дипломных работ).

Для измерения супружеских отношений методом опроса в связи с неизбежностью неконтролируемых взаимодействий в системе СН—УН—ОН лучше отказаться от прямых вопросов. Как уже отмечалось, техника СД наилучшим образом отвечает требованиям проективных процедур. Анализ включенности в Я различных социальных феноменов, играющий огромную роль в микросоциологии семьи и в социальной психологии, находит в технике СД прекрасную возможность измерить степень идентификации Я с теми или иными символами социального мира. Отмеченная в гл. 5 вариативность величин *D* между Я и идентифицируемыми с ним объектами отражает специфику индивидуального восприятия, идиосинкразию личности. Отсюда как бы само собой напрашивается применение метода включения в Я на основе СД к области взаимоотношений супругов. С другой стороны, специфика целей социологии семьи по изучению межличностной динамики заключается в особом внимании к социокультурным ролям родительства—супружества—родства.

Таким образом, идея измерения степени включенности в Я семейных ролей при своем возникновении сталкивается лишь с техническими проблемами, поскольку отдельные блоки этой измерительной процедуры активно эксплуатируются и имеют признанную в социальной психологии содержательную интерпретацию. Сопоставление с Я релевантных (уместных) семейному образу жизни объектов говорит о значении, придаваемом личностью данному ас-

пекту семейного бытия. При работе с СД выясняется, что для обнаружения личностных смыслов вовсе не обязательно знать, что именно представляет собой Я и сопоставляемый с ним объект. Техника СД безразлична к абсолютному, трансцендентному смыслу оцениваемых объектов — важно различие в оценках. Умелое оперирование этими различиями может говорить больше о личности и семье, чем попытки непосредственного проникновения в глубинную суть той же личности.

Сопоставляя с Я семейные роли отца, жены, сестры, внука и т.д., можно получить самооценку собственного исполнительского мастерства в той или иной роли. Давая для оценки одни и те же объекты-роли всем членам семьи, можно получить характеристики межличностного восприятия этих ролей. При определенных условиях (о которых пойдет речь ниже) взаимные индикаторы межличностных восприятий оказываются показателями фактического исполнения тех или иных ролей членами семьи. Привлечение диспозиционного дискурса позволяет понять, что чем больше включена в Я какая-либо семейная роль, тем сильнее идентификация Я с этой ролью. Это значит, что человек, решая задачу выбора действий, говорит себе: «Я это сделаю потому, что как отец я не могу не сделать этого, иначе нельзя уважать себя, иначе я стану кем-то другим, не самим собой, т.е. Я буду уже не Я». Сцепленность с Я роли отца делает уже невозможным для отдельного индивида представить свое Я вне этой роли. Отсюда все определения самых различных семейных ситуаций производятся не с позиции какого-либо абстрактного Я или красавца-холостяка, а с точки зрения отца. Описанный сейчас социально-психологический механизм раскрывает суть определения ситуаций, резко отличающуюся от рационального выбора лучшей из альтернатив, с тем уточнением, что Я идентифицирует себя с несколькими ролями и принимаемая стратегия поведения диктуется интегральным Я, каким-то образом соединяющим, согласующим все свои наиболее значимые роли (семейные и внесемейные). При преобладании персонифицированных ролей семейного толка следует ожидать от Я просемейных решений и определений, при перевесе ролей противоположного толка многие семейные ситуации будут оцениваться совсем другим Я, отстраненным от ролей, характерных для семьянина.

Какие семейные роли следует отбирать для межличностного восприятия их супругами? Прежде всего родительские «отец—мать» и супружеские «муж—жена». Роли родства при измерении супружеских взаимоотношений неуместны, тогда как в исследовании семейных отношений в целом они обязательны. Поскольку по степени

идентификации ролей с Я имеется возможность оценить фактическое играние семейных ролей супругами, требуется дополнить отобранные четыре роли другими. В языке и речевом обиходе утвердилась и существует прочно социальная роль «семьянина», не имеющего эквивалента женского рода. Это обязано, по-видимому, более тесной сопричастности семейных ролей функции женщины в культуре. В нынешние времена женщина уже не так жестко соединена с миром семьи, тем не менее это обстоятельство еще не нашло своего лингвистического воплощения. Поэтому пришлось к социокультурной роли «семьянина» придумать женский синоним: методом проб и ошибок была отобрана, и не очень удачно, роль «хозяйки», имеющая несколько иной смысл, чем слово «семьянин». Словосочетание «домашняя хозяйка» отвергнуто, так как слишком близко к негативно оцениваемому в общественном мнении домашнему труду, к слову «домработница», — хозяйка в этом смысле более широкое понятие, удаленное от нежелательной негативной оценки.

Еще одна роль «главы семьи» была данью времени — активно обсуждавшейся в печати, в быту проблемой лидерства в семье женщины и неопределенностью этой роли для мужчины, особенно в городских условиях. Кстати говоря, эта роль включалась во все переписи населения (кроме последней), и потому население имело опыт интерпретации главенства в семье в контексте инструкций статистического ведомства. К тому же роль «главы семьи» была удобна также тем, что прекрасно подходила с гендерной точки зрения.

Поскольку для супружеских взаимоотношений важен аспект, относящийся к сексуальному поведению, в методику были включены роли мужчины—женщины. Они позволяли определить, в какой мере муж и жена идентифицируют себя и своего супруга с этой половой ролью, в какой мере сохраняют привлекательность друг для друга, что важно знать для супругов со стажем. С другой стороны, перевес значимости этих гендерных ролей над родительскими (или наоборот) мог служить интересной характеристикой брачного альянса.

Таким образом, во избежание увеличения объема бланка испытания и для сокращения времени на его заполнение были отобраны роли мужа—жены, матери—отца, главы семьи, семьянина—хозяйки, мужчины—женщины. Дополнительно в целях осуществления их оценки по степени идентификации вводились слова «Я» и словосочетания «мой муж» для жен и «моя жена» для мужей. В экспериментальных опросах использовались также слова «он—она», как бы заменяющие вышеназванные словосочетания. Однако была обнаружена их негодность в качестве заменителей — нацеленность описываемой здесь методики на измерение совместимости супругов требовала конкрет-

ной оценки и себя, и своей половины (а объекты «он—она» этой цели не удовлетворяли).

С другой стороны, объекты «мой (я) муж (жена)» были наиболее уязвимыми в том отношении, что требовали конкретной оценки по шкалам СД своего брачно-семейного партнера. Отсюда сразу же повышались требования к отбору шкал — они должны были быть совершенно нейтральными, должны были снять всякий намек на прямую оценку личности. Данная задача, строго говоря, принципиально неразрешима, так как техника СД основана на оценке и вне оценивания лишается смысла. Но это техника многократного оценивания, и не «лобового», а завуалированного некоторой неопределенностью антонимов. Поэтому возможен подбор нейтральных шкал для оценки личности (кстати говоря, процедура определения отношения респондента к самому себе и к окружающим людям по шкалам СД близка по сути своей мореновской социометрии).

Следует подчеркнуть, что, оценивая себя или своего супруга, допустим, по шкале «быстрое—медленное», респондент может буквально понять эту процедуру и соразмерять все с быстротой реакции, или с походкой, либо с быстротой восхождения по социальной лестнице — не имеет значения, какой конкретно смысл вкладывается человеком, когда он оценивает себя как нечто скорее быстрое, чем медленное. Что бы ни понималось под этим, оно вне пределов исследования. Важно другое — различие в оценках по этой шкале между сопоставляемыми объектами. Именно поиск подобных различий и составляет суть метода включения в Я (самого респондента и в Я-образ его супруга) тех или иных семейных ролей.

Во избежание отказа от исследования тех респондентов, которые в силу активности их защитных мотивов во всем видят угрозу своему Я, Ч. Осгуд и его коллеги применяли завуалированную систему градаций шкалы — не 3-2-1-0-1-2-3, а 1-2-3-4-5-6-7, где четко не обозначен 0, рубеж перехода от «быстрого» к «медленному». Тем не менее и при этой системе неизбежны случаи «глухой защиты», т.е. не прямого отказа от участия в тестировании, а ухода «закомплексованных» респондентов в ноли (когда по всем шкалам и по всем объектам оценки ставятся 0 или 4).

Какие же отобрать шкалы для измерения степени идентификации личности с нашим набором семейных ролей? Прежде всего надо представить все три осгудовских фактора оценки силы и активности. Каждый из факторов должен быть представлен несколькими шкалами — для взаимного контроля и получения более надежных данных. Средние величины *D* любого объекта по трем факторам дают три координаты этого объекта в осгудовской геометрии простран-

ства. Опыт исследований показал, что лучше всего представлять каждый фактор двумя шкалами, т.к. оценка по 9 шкалам (без учета отвлекающих внимание) и по 10 объектам увеличивает время на заполнение теста и трудоемкость.

По фактору активности в большинстве наших исследований использовалась уже упомянутая шкала «быстрое—медленное», а также «активное—пассивное» (такие шкалы, как «громкое—тихое», «острое—тупое», «трудолюбивое—ленивое», «возбужденное—спокойное» и др., могли вызвать прямые ассоциации с психологическими особенностями респондентов и были потому забракованы). Фактор оценки был представлен не обычно применяемыми шкалами «доброе—злое», «полезное—вредное», «дорогое—дешевое», «чистое—грязное», «умное—глупое» «правдивое—лживое» и т.п. (явно оценочными по отношению к конкретным людям), а теми, что разными авторами относятся к каждому из трех факторов, так как явно как бы не подходят к любому из них. Это шкалы «светлое—темное» и «теплое—холодное», коррелирующие с «хорошим» и «плохим» и являющиеся более нейтральными по отношению к оцениваемым семейным ролям. К фактору «силы» были отнесены «сильное—слабое» и «твердое—мягкое» (были отвергнуты по итогам экспериментальных испытаний «тяжелое—легкое», «толстое—тонкое», «полное—пустое», «большое—маленькое», «мужское—женское» и другие шкалы, вызывающие нежелательные ассоциации с семейными ролями).

При отработке методики в пилотажных замерах учитывался еще один фактор «привычности», открытый Дж. Ньюелли и представляемый шкалами «простое—сложное», «новое—старое», «ясное—запутанное» и т.д.²⁶² Большинство из них не имеет характера антонимов ни в английском языке, ни в русском (обычное—необычное, знакомое—незнакомое и др.). Эти шкалы не проявили себя в лучшую сторону по сравнению с отобранными 6 шкалами и были исключены из методики.

6.3. Измерение сходства и различия ролевых представлений супругов посредством техники «семантического дифференциала»

В культуре семейные роли укоренились весьма глубоко, и поэтому каждое вступление в брак заставляет участников вновь образованного союза примеривать на себя роли мужа—жены, вступать вольно или невольно в ролевое общение. В зависимости от индивидуальных особенностей каждого исполнение семейных ролей может существенно отличаться от подобающего образца. Однако сце-

нарий ролевой игры супругов на первой и последующих стадиях семейного цикла как бы predetermined режиссером — культурой, жизнью. Стиль исполнения ролей по форме и по содержанию может видоизменяться актерами супружеской драмы, но не бесконечно, а в пределах пьесы, давно написанной предшествующими семейными поколениями. Интернализация собственных ролей и ролей супруга, степень идентификации каждого из супругов с этими ролями является важной характеристикой ролевого поведения личности и супружеской пары в целом.

Степень принятия своих семейных ролей — индикатор не только эффективности усвоения их, но и показатель успеха в ролевой игре, ролевого поведения индивида. Сумеешь справиться со своей ролью — значит, найдешь общий язык с другим, также успешно интернализирующим свои роли. Первое условие осуществления ролевых игр в семье — четко усвоить свою роль. Но это условие непременно включает в себя и учет реакции других людей на собственное ролевое поведение. А это, в свою очередь, активизирует механизм ролевого общения и взаимодействия по тем правилам, которые описываются в теории ролей. Игание ролей предполагает принятие ролей другого, т.е. у каждого участника есть образ другого, представление о его ролях. При непосредственном общении включается механизм межличностного восприятия, индивидуального определения семейных ситуаций взаимодействия, и тут важно совпадение представлений супругов о выполняемых ими ролях. Чем больше зона совпадения, чем больше «поле» согласованного в этом смысле взаимодействия, тем больше взаимопонимания и совместимости.

На этой основе (принятой во многих социально-психологических концепциях) и строится методика супружеской совместимости. Каждый супруг должен оценить свои роли по степени включения их в Я и должен оценить роли своего сотоварища по браку. (Здесь излагается суть теста; вопрос о том, как создается первичный бланк теста, пока остается в стороне, но в общих чертах можно сказать, что по отобранным выше 10 объектам оценивания с помощью упомянутых 6 шкал производится одновременная процедура заполнения бланков мужа и жены. Какие затем осуществляются по СД сопоставления — этому, собственно, и посвящено последующее изложение.)

Самооценки мужей и жен о собственном исполнении ролей определяются по сопоставлению Я с каждой из ролей в отдельности. Например, Я-муж, Я-отец, Я-семьянин и т.д. Точно так же следует поступить с самооценками жен. Таким образом, формируется два набора самооценок — 5 мужа и 5 жены. Для психологического ана-

лиза ограничиваются рассмотрением величин D по отдельной супружеской паре. При социологическом исследовании интерес сосредоточен на данных по группе опрошенных пар в целом. Так, в нашем пилотажном исследовании 40 молодых семей студентов и аспирантов МГУ со стажем брака 1,5 года и при среднем возрасте мужей 26,9 и жен 23,6 года, самооценки ролевого поведения в семье распределились так:

САМООЦЕНКИ МУЖЕЙ		САМООЦЕНКИ ЖЕН	
1. Я — глава семьи	1,77	11. Я — женщина	2,07
2. Я — мужчина	1,78	12. Я — жена	2,14
3. Я — семьянин	1,81	13. Я — хозяйка	2,21
4. Я — муж	1,94	14. Я — глава семьи	2,28
5. Я — отец	2,20	15. Я — мать	2,36

Для социолога важно отметить, что родительские роли оказались в иерархии семейных ролей на последнем месте и у жен, и у мужей. Идентификация с ролями отца и матери в только что созданных семьях, как видно, еще низка и связана с отсутствием детей в большинстве опрошенных семей. Только в 20 из них имеется ребенок, и только в половине семей он живет вместе со своими родителями. Судя по величинам D , все самооценки и мужей и жен не являются завышенными, они достаточно реалистичны, т.е. далеки от 0 — границы полной включенности в Я семейных ролей и чрезвычайно далеки от 14,0 — границы полной отстраненности от них. Далее работа с самооценками позволяет не только их проранжировать, но и увидеть, например, большую в сравнении с мужьями самокритичность жен, так как у них величины D колеблются от 2,07 до 2,36, а у мужей только одна самооценка отца выше 2,0, остальные 1,77–1,94. Бросается в глаза особая значимость для мужей роли главы семьи и безразличие к этому у женщин.

Однако методика супружеской совместимости для полноты картины не может ограничиться самооценками исполнения ролей (кстати говоря, слово «самооценка» здесь употребляется не для характеристики Я, а для самооценки себя в какой-то семейной роли). Необходимо знать, как оценивается каждым из супругов брачный партнер.

ОЦЕНКИ МУЖЬЯМИ ЖЕН		ОЦЕНКИ ЖЕНАМИ МУЖЕЙ	
6. Моя жена — жена	1,41	16. Мой муж — муж	1,25
7. Моя жена — женщина	1,80	17. Мой муж — мужчина	1,82
8. Моя жена — хозяйка	1,94	18. Мой муж — отец	1,82
9. Моя жена — мать	1,99	19. Мой муж — семьянин	1,92
10. Моя жена — глава семьи	2,32	20. Мой муж — глава семьи	2,13

Оценки другого супруга также интересны для анализа сами по себе: во-первых, сразу видно по величинам D , что жены менее критично относятся к мужьям, чем к себе, — у них 4 оценки ниже 2,0. Во-вторых, при сравнении с оценками жен со стороны мужей оценки мужей опять же выглядят чуточку менее критично. Оценки жен мужьями в сравнении с их самооценками почти такие же по трем ролям, по роли жены они менее суровы, чем их самооценки роли мужа, и по роли главы мужа чрезвычайно придирчивы к своим женам. Другими словами, мужья не считают жену главой и видят в этой роли только себя, хотя жена им очень нравится как жена — даже больше, чем женщина. Жены также не видят в мужьях главы семьи, но еще больше — себя, они вовсе не притязают на лидерство.

Введем еще один элемент в анализ 20 оценок — степень подтверждения самооценки какой-либо роли со стороны другого супруга. Совершенно конвенционально примем следующее положение как аксиому: при сопоставлении самооценки одного супруга с оценкой его в этой роли другим супругом будем считать оценку другого единственным и непреложным критерием фактического исполнения роли. В данной методике нет ничего «объективного» — она вся построена на «субъективных» оценках, поэтому единственная возможность как-то определить, насколько прав человек в самооценке самого себя, заключается в оценке, даваемой другим супругом, пусть даже неверной и неправильной. В этой книге уже многократно отмечалось, что социологическое измерение зиждется на выявлении различий. Для социолога бог — это различие, обнаруженное, измеренное по всем правилам профессии. Поэтому и при анализе взаимных представлений супругов следует сосредоточиться опять же на поиске различий в их восприятии друг друга. И если оно, это искомое различие, фиксируется, то неважно, кто из супругов заблуждается, а кто нет, — может быть, они заблуждаются вместе, пусть, ведь значение имеет лишь факт самого различия или его отсутствия.

Если различие налицо и оно существенно, тогда можно констатировать неподтверждение самооценки одного другим. И наоборот, если нет никакого различия, самооценка подтверждается полностью, — значит, есть сходство представлений, восприятий, есть одинаковое определение семейных ситуаций. Какая разница при этом что взаимопонимание базируется на иллюзиях, — важно, что оно существует и реально влияет на благополучный «климат» супружеского союза. Устранить эти иллюзии часто означает убить брак, хотя искусство психотерапевта в том и состоит, чтобы приблизить сконструированную супругами реальность семьи к адаптивному взаимодействию с окружающей средой.

6.4. Тест ролевой совместимости супругов

Рассмотрим, как в нашем примере обстоит дело с подтверждением самооценок (для упрощения изложения будут употребляться номера самооценок и оценок другого). Итак, три первые самооценки мужей (№ 1, 2, 3) меньше по величине D оценок жен 1,77; 1,78 и 1,81 так как оценки этих ролей женами (№ 20, 17, 19) больше — соответственно 2,13; 1,82; 1,92. Однако неподтвержденными оказываются лишь самооценки № 1 и 3, тогда как самооценка № 2, хотя и меньше на 0,04, но это значение статистически не значимо (значимость определяется по отношению к среднему значению разности величин D , рассчитываемых отдельно по подтвержденным и неподтвержденным самооценкам в соответствии с процедурой установления доверительных границ значений D). Самооценки Я — муж 1,94 и Я — отец 2,20 подтверждены, так как оценки, данные женой, Мой муж — муж 1,25 и Мой муж — отец 1,82 намного ниже по величине.

Все самооценки жены оказались подтвержденными, даже роль главы семьи из-за незначимости различия 0,04. В целом по выборке молодых семей только 2 из 10 самооценок супругов неподтверждены, и можно думать, что процесс адаптации к семейным ролям происходит достаточно успешно, хотя опасность таится в притязаниях мужей на роль главы семьи и в их неготовности к роли семьянина.

Вот данные по одной из семей (первая цифра — самооценка, вторая — оценка супругом, знак + означает подтверждение самооценки):

1. Я — женщина	6,8	6,0	+	Я — мужчина	3,6	5,5	—
2. Я — жена	3,6	6,0	—	Я — муж	3,5	5,1	—
3. Я — мать	3,2	4,2	—	Я — отец	3,9	5,9	—
4. Я — хозяйка	3,2	3,3	+	Я — семьянин	2,5	5,4	—
5. Я — глава семьи	3,5	4,4	—	Я — глава семьи	3,8	5,7	—

Все самооценки мужа не подтверждены, и больше половины самооценок жены также завышены, на стадии формирования семьи после рождения первенца это часто встречается. Повторные замеры через 3 и 5 месяцев обнаружили подтверждение трех самооценок жены, в том числе по роли матери, и четырех самооценок мужа. Следует заметить, что по величине D , далеко отстоящей от 0 и даже 1,0 — границ полной идентификации с ролями и прекрасного исполнения семейных ролей, данная семья далека от идеала. Но в ней привлекает самокритичность и, как говорится, здоровый критицизм в отношении супруга — семья в стадии становления, еще не все идет

гладко, и низкие оценки исполнения ролей (но высокие величины D) реалистичны. Последующие исследования продемонстрировали повышение оценок приспособленности супругов к семейным ролям (диапазон оценок женой мужа варьирует уже от 2,5 до 5,0 и оценок мужем жены от 1,7 до 4,8).

Проведенные затем такого же рода испытания, но в широких выборочных исследованиях показали преобладание подтверждения самооценок лишь одного из супругов, взаимное подтверждение всех самооценок практически не встречается, очень редко девяти и восьми, чаще всего пяти и шести. В соответствии с принятой традицией такой алгоритм отношений можно именовать формулой взаимной и односторонней любви, особенно если подтверждаются роли мужчины—женщины и мужа—жены. Интересно, что в выпущенной в 1987 г. книге, где большое место отведено анализу любовной лирики с помощью техники СД и уравнений математической логики, обнаружены сходные алгоритмы: односторонней или безответной любви («он любит ее, а она его нет — истории этой уж тысячу лет, она его любит, а он ее нет, и длится все это тысячу лет») и взаимной любви (счастлив тот, кто любит и любим), а также переходные конструкции, уравнения гармонии и неравноценности²⁶³.

Таким образом, формула взаимной любви по одной или по нескольким ролям выражается тенденцией занижать собственные самооценки и завышать оценки своего партнера по супружеству. Формула односторонней любви (когда Адам любит Еву больше, чем она его — и наоборот) описывает ситуацию большинства семей, когда занижение самооценок и завышение другого свойственно лишь кому-то одному из супружеской пары, и в принципе этого оказывается достаточно для устойчивости семейного корабля. Вышеописанная методика в связи с этим может именоваться тестом измерения ролевой совместимости супругов ТИРС. Она позволяет по числу подтвержденных самооценок из 10 выделить несколько групп семей по степени сплоченности—конфликтности взаимоотношений.

1. Сверхсплоченные = 10 подтвержденных		и 0 — неподтвержденных
		самооценок
2. Сплоченные	9–8 _:_	1–2 _:_
3. Устойчивые	7–6 _:_	3–4 _:_
4. Конфликтные	5–3 _:_	5–7 _:_
5. Сверхконфликтные	2–0 _:_	8–10 _:_

Обычно все сплоченные семьи объединяются в одну группу, ибо ясно, что сверхсплоченных бывает всегда маловато. Соответственно поступают и с конфликтными парами, тогда вся выборка разби-

ваются на три группы. Контроль методики ТИРС по другим вопросам о состоянии взаимоотношений или же по степени угадывания установок друг друга показывает валидность методики.

В уже упоминавшемся исследовании «Вильнюс-76» оказалось по методике ТИРС сплоченных семей — 47 и конфликтных — 53 (из общего числа 191 — табл. 6.1).

Таблица 6.1

Тип сплоченности семьи, любовь и дети (%)

Тип сплоченности	Фактическое число детей				«Мы любим друг друга»
	0	1	2	3	
1. Сверхконфликтные	—	60,0	40,0	—	40,0
2. Конфликтные	—	58,2	41,9	—	54,9
3. Удовлетворительные	1,7	35,7	59,3	3,3	53,9
4. Сплоченные	2,5	25,3	61,1	11,1	66,7
5. Сверхсплоченные	—	42,9	57,1	—	85,7

Источник: Семья и дети/Под ред. А.И. Антонова. М., 1982. С. 32.

Среди трехдетных семей вообще не оказалось конфликтных. В сплоченных семьях в 2 раза реже отмечается суждение «мы недовольны друг другом, но стремимся помогать другому» и в 1,5–2 раза ответ «мы часто недовольны друг другом и не помогаем друг другу». Утверждение «нас связывает только привычка» не отмечено в сверхсплоченных семьях, а в сверхконфликтных встречается в 3 с лишним раза чаще, чем в остальных.

В связи с тем что притязания на главенство в семье играют разрушительную роль, было решено мужские и женские самооценки этой роли, а также оценки другого супруга в этой роли сопоставить с группами по сплоченности (табл. 6.2).

Таблица 6.2

**Тип лидерства в семьях с разной сплоченностью — «Вильнюс-76»
(чем ниже величина D, тем значимее тип лидерства)**

Тип лидерства	Степень сплоченности				
	1	2	3	4	5
Жена:					
Я — глава семьи	3,87	5,11	4,99	4,77	6,03
Моя жена — глава семьи	5,66	4,85	4,10	3,42	3,26
Муж:					
Я — глава семьи	4,02	4,12	3,95	4,34	5,06
Мой муж — глава семьи	7,60	5,80	4,02	3,15	3,16

Источник: Семья и дети. С. 32.

В сплоченных семьях не только жены, но и мужья не признают за собой лидерства и отводят эту роль другому. Противоположное положение наблюдается в конфликтных семьях, где мужья и жены не признают лидерства за другим. В исследовании «Москва—78» были одновременно протестированы 83 супружеских пары, из них 50 сплоченных, 18 конфликтных и 15 удовлетворительных (табл. 6.3).

Таблица 6.3

Тип лидерства и сплоченность семьи («Москва—78»)

Тип сплоченности	Тип лидерства (ГС — глава семьи)			
	Муж — ГС	Не Я — ГС	Жена — ГС	Я — ГС
Сплоченные семьи (50 семей)	16	23	9	2
Удовлетворительные семьи (15)	7	4	1	3
Конфликтные семьи (18)	8	0	5	5

Из табл. 6.3²⁶⁴ видно, что тенденция считать не себя, а другого лидером семьи (Не Я — глава семьи) присуща сплоченным семьям и совершенно отсутствует в конфликтных семьях. Для сплоченных семей характерна также доминирующая роль мужа в семье. В наименьшей степени способствует сплочению семьи лидерство типа «жена — глава семьи», и наиболее разрушительным для семьи является является «Я — глава семьи», когда каждый из супругов притязает на единоличное лидерство. Для контроля данных о влиянии типа лидерства на степень сплоченности семьи опрашивались 22 разводящиеся пары. Оказалось, что «Я — глава» отмечается у 45% разводящихся и у 13% неразводящихся (из 78 пар), тогда как «Не Я — глава» — у 9% разводящихся против 37% неразводящихся. Лидером семьи считается жена среди 31% разводящихся и 18% неразводящихся, тогда как лидерство мужа отмечают 13% разводящихся и 32% неразводящихся. Подобное выявление Я-ориентации и не Я-ориентации производилось и по остальным четырем ролям — в целом по ним Я-ориентация характерна для 53% пар разводящихся и не Я — среди 5% пар. Эти показатели в стабильных семьях составили 13 и 38%. Главенство мужа в различных сферах отмечалось среди 32% стабильных пар и 13% разводящихся (при равенстве ориентаций на лидерство жены). Таким образом, для достижения сплоченности семьи ценнее просемейные ориентации мужа на внутрисемейные виды деятельности и ориентации на лидерство мужа.

Интересно, что сравнение фактических установок на желаемое и ожидаемое число детей одного из супругов и догадок об этом другого обнаружило примерно одинаковое число угадываний и у мужей, и у жен. Однако оно было наиболее высоким по ожидаемому всего числу детей (64%) и низким по желаемому (29% у жен и 38% у мужей), причем среди точно угаданных установок в 2 раза больше супругов из сплоченных семей, чем из конфликтных.

6.5. Принципы разработки компьютерных вариантов ТИРС

Опыт, накопленный при исследованиях методом ТИРС, убедил не только в возможности его использования в полевых опросах разного рода, но и в понятности техники СД для самых разных людей из разных слоев общества и имеющих даже не очень высокий уровень образования. В связи с этим, а также по причине распространения социальной работы с семьями и широкой распространенности психотерапии возникла идея разработки компьютерного варианта теста ТИРС для применения в практике работы семейных и брачных консультаций, в бюро знакомств и т.п.

Предполагалось, что на этапе первичной диагностики супружеских взаимоотношений данные методики ТИРС позволят наметить конкретные пути дальнейшей работы с супругами, а также помогут в процессе терапии фиксировать в индексах СД ход психотерапевтического воздействия, изображать графически с помощью профилей сходство-различие супружеских восприятий семейных ролей и других объектов, характеризующих качество взаимоотношений.

К тому же техника СД дает возможность изобразить геометрически, в трехмерном семантико-символическом пространстве взаимосвязь личностных смыслов и интерпретаций семейных ситуаций. Классическим примером такой геометрии является изображение Ч. Осгудом и его коллегами одного случая заболевания, когда изменение состояния больной четко фиксировалось индексами *D* и рисунками, по которым видно, как у «Евы Черной» (стадия болезни, поступления в клинику) девиантная идентификация с различными объектами жизненной ситуации в ходе лечения постепенно заменяется на социально приемлемое включение в Я «Евы Белой» (стадия выздоровления) тех же объектов, символизирующих нормативное исполнение семейных и внесемейных ролей.

Идея компьютерного варианта ТИРС предполагает такое считывание заполненных бланков мужа и жены, когда по каждой семейной роли учитывается дифференциация ответов супругов и ког-

да компьютер дает характеристику зафиксированного алгоритма взаимодействия. Сопоставляя ответы мужа и жены по каждой шкале, компьютер рассчитывает интегральную самооценку каждого из супругов и оценку исполнения роли другим супругом. Зафиксированное подтверждение или неподтверждение исполнения ролей выдергивает из потенциального набора характеристик для каждой ситуации соответствующий текст. Набор текстов по шести ролям (добавлены роли «жених-невеста» для тех, кто не состоит в браке, хотя для супругов это оказалось дополнительным контролем на совместимость представлений), выполняемым мужем и женой, содержит диагноз состояния супружеских взаимоотношений на момент замера, заполнения теста.

В Приложении № 6.1 приведен образец распечатки, выдаваемой компьютером каждой супружеской паре (или паре, выступающей в роли жениха и невесты). Вначале приводятся 24 индекса, разбитых на 4 группы по 6 индексов. В первой группе индексов в первом столбце слева даны самооценки мужа (сверху вниз — жених, мужчина, глава семьи). Во втором столбце даны оценки исполнения этих ролей с точки зрения жены. Третий и четвертый столбцы — это аналогичные самооценки жены и оценки ее, данные мужем (вторая группа индексов). В пятом столбце идут сверху вниз индексы самооценок ролей мужа, отца и семьянина, соответственно в шестом столбце оценки этих ролей женой, и в седьмом и восьмом столбцах — самооценки жены, матери и хозяйки и оценки этих ролей мужем. Далее в распечатке дается текст по сферам ролевого внутрисемейного общения (кроме ролей жениха-невесты, поскольку в приложении описан случай супружеской пары). В заключение приводится интегральная характеристика-диагноз состояния супружеских отношений по всем сферам ролевого взаимодействия (следует отметить, что текст привязан к особенностям конкурса, проведенного газетой «Семья» на «лучшую семью года» — см. № 49, 7–13 декабря 1992 г.).

Каким образом разрабатывались тексты по оценке исполнения семейных ролей? Например, как осуществлялась эта процедура при характеристике алгоритма «Я — отец, Мой муж — отец; Я — мать, Моя жена — мать»? Во-первых, по результатам пилотажных исследований частоты абсолютных значений дифференциалов были выделены 3 группы наиболее распространенных значений: А (от 0 до 1,40), Б (от 1,41 до 2,38) и В (от 2,39 и выше).

При этом чисто конвенционально было принято, что все самооценки и соответствующие им оценки супругом, попадающие в одну и ту же группу — А, Б или В, считаются ПОДТВЕРЖДЕННЫМИ. Если же самооценка находится в группе А, а оценка другим супру-

гом находится в группе Б или В, то эта ситуация означает НЕПОДТВЕРЖДЕНИЕ. Следует различать разновидности неподтверждения — неподтверждение типа А-Б именуется диссонансом представлений, а неподтверждение типа А-В (как более сильное) называется конфликтом представлений. Данная классификация неподтверждений скрывает еще одну разновидность, которая по итогам пилотажных исследований была зафиксирована, но из-за малой частоты распространения оказалась исключенной из рассмотрения.

Возьмем группу А — в ее пределах возможны различные ситуации неподтверждения. Если отбросить значения D ниже 0,6 как редко встречающиеся, то самооценки в диапазоне, допустим, 0,60–1,20 могут не подтверждаться оценками 0,75–1,40, но будут считаться по нашему условию подтвержденными. На самом деле опыт работы с сотнями семей показал, что ситуации резкого несходства представлений в пределах внутригруппового диапазона крайне редки и ими можно пренебречь. При анализе данных семей, участвовавших в газетном конкурсе, применялась процедура просмотра социологом компьютерной распечатки каждой семьи — перед отправкой адресату. Случаев подобного неподтверждения было крайне мало, чуть больше было ситуаций иного плана, связанных с фактическим подтверждением самооценки на границе перехода от А к Б (значения 1,30–1,40 могут подтверждаться оценками 1,41–1,61) и от Б к В (значения 2,20–2,38 могут подтверждаться оценками 2,39–2,58). Во всех вышеуказанных случаях компьютер выдавал неадекватные тексты, которые заменялись результатами эксклюзивного анализа, т.е. все заранее обусловленные несуразности находились под контролем.

На следующем этапе разработки компьютерного варианта ТИРС по каждой самооценке ролей мужа и жены выделялось 9 комбинаций совпадений-расхождений взаимных представлений супругов. В группе А возможны следующие комбинации: А-А + подтверждение, А-Б — неподтверждение, диссонанс представлений, А-В — неподтверждение, конфликт представлений. И так по всем группам: 1 — А-А; 2 — А-Б; 3 — А-В; 4 — Б-А; 5 — Б-Б; 6 — Б-В; 7 — В-А; 8 — В-Б; 9 — В-В. Ситуация № 9 самая сложная, здесь подтверждением считается различие 0,30 и ниже для величин $D = 2,39 - 3,39$ (если различие выше 0,3, тогда это уже неподтверждение), различие 0,40 и ниже — для величин 3,40–5,00, различие 0,50 и ниже — для $D = 5,01$ и выше. Затем для подтверждений одного уровня — А = А, Б = Б, В = В (до уровня $D = 3,40$, более высокие значения D говорят не только о скромности самооценок и требовательности другого супруга, но и о сходстве взглядов по поводу неудовлетворительного

выполнения ролей) делаются психологические заготовки, констатирующие: а) совпадение представлений, сходство восприятий, ролевое взаимопонимание и б) согласованное ролевое взаимодействие, успешное играние (принятие и выполнение) ролей.

Для подтверждений второго уровня Б-А, В-Б и В-А составляются тексты, подчеркивающие наибольшую глубину взаимопонимания и наивысшую эффективность ролевых интеракций (разумеется, с учетом специфики отдельных семейных ролей). Точно так же разрабатываются тексты по неподтвержденным самооценкам. Неподтверждение А-Б и Б-В характеризует диссонанс взаимных представлений, тогда как А-В означает конфликт восприятий (сюда же относятся различия Б-В выше значения $D = 0,4$ и значения выше $D = 1,5$ в случае $B = B$).

В основу разработки текстов относительно нюансов супружеского взаимодействия были положены общепсихологические концепции межличностного общения. Большое значение имели конкретные характеристики множества ситуаций общения, приведенные в книге А. и Е. Кроник (гл. 5 и 6).

Результаты исследования около 1000 супружеских пар свидетельствуют об успехе методики ТИРС в определении наиболее сплоченных и счастливых супружеств и семей (а это более трудная задача, чем выявление конфликтных и распадающихся семей и супружеских пар).

Принципиальное отличие компьютерного теста ТИРС от всех остальных тестов на супружескую совместимость состоит в том, что супружеские пары не подгоняются под заранее составленные классификации семей (включающие, как правило, 10, 20 или 30 типов семей в зависимости от числа баллов полученных при ответе на вопросы теста). Методика ТИРС построена на считывании разности, дифференциации ответов мужа и жены по каждой шкале СД и на психологической интерпретации интегральных оценок семейных ролей по всем применявшимся шкалам. Полученные интегральные оценки тех или иных ролей «вытягивают» из банка текстовых ярлыков, хранящихся в памяти компьютера, те описания, которые соответствуют полученным значениям дифференциалов.

В связи с ограниченным объемом данного издания на этих страницах нет возможности подробно изложить всю технологию разработки теста ТИРС в компьютерном варианте. Тем не менее краткое описание этой методики показывает, что она способна зафиксировать стабильные и предразводные семейные состояния, позволяя в выборочных исследованиях типологизировать семьи по степени сплоченности-конфликтности и тем самым определить влияние психологического климата на те или иные результаты семейного поведения.

Образец распечатки текста компьютером КИСА

(компьютерные индексы семейной атмосферы)
на основе методики ТИРС по данным одной из пар,
участвовавших в конкурсе на лучшую семью года

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Вы правильно заполнили бланки теста. Ваши данные обработаны и «температура» ваших взаимоотношений зашифрована в ниже-следующих индексах, комбинация которых уникальна и абсолютно не похожа на то, что встречается в тысячах других семей.

2,54	0,70 +	4,12	1,73 +	2,12	2,17 +	3,20	1,22 +
3,77	1,65 +	3,35	1,58 +	1,00	2,87 —	3,57	4,03 +
2,29	0,70 +	3,24	4,55 —	1,65	1,50 +	3,60	1,58 +

Познакомьтесь с результатами компьютерного анализа ваших фактических взаимоотношений в настоящее время, с определением стиля вашего семейного общения в важнейших сферах семейной жизни. Надеемся, что вы сможете учесть отмеченные негативные тенденции и приложите обоюдные усилия для сохранения многого из того, что сейчас вас объединяет.

СФЕРА СУПРУЖЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

Вы — удачная пара с высокими показателями психологического взаимодействия. Замечательно, что жена восхищается открытостью и коммуникабельностью мужа, который, чувствуя это, иногда отрывается от реальности, играя скорее роль жениха, нежели мужа.

СФЕРА ВЗАИМНОЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО НАЧАЛ

Вы привлекательны друг для друга, у вас прекрасная склонность придавать наибольшее значение не своим вкусам, а в первую очередь достоинствам своей половины. Помните, все, что у вас есть, — итог взаимных приспособлений, собственной самокритичности и умения ощущать ценность близкого человека, поэтому не полагайтесь на инерцию.

СФЕРА ЛИДЕРСТВА И ДОМИНИРОВАНИЯ

Согласие по мужскому лидерству у вас высокое, вы обладаете сдержанностью и реалистическим подходом к семейным ситуациям. Жене удастся стратегия «не Я, а он глава семьи» — крайне важная для устойчивости брака и семьи. Но где-то она иногда переиг-

рывает, и ей надо чаще брать на себя инициативу, особенно в тех ситуациях, где муж поступает противоречиво или неопределенно, — тогда и он оценит это.

СФЕРА РОДИТЕЛЬСКИХ ФУНКЦИЙ

Здесь у вас сложное положение, можно сказать, что пока у вас плохо и с отцовством, и с материнством. Но это и объединяет вас, кстати. Что особенно интересно — если жена остро чувствует это и как бы смирилась с этим, то муж не приемлет этой правды из-за преувеличения значимости родительства в своей жизни, из-за желания быть идеальным отцом. Не советуем ему стремиться всегда и во всем быть отцом — ведь на родительский авторитет работают и такие ситуации, когда лучше быть в роли сверстника детей или даже виновника, «козла отпущения». Важно четко разграничить сферы влияния в семье отца и матери, сохраняя за их пределами многообразие форм общения и поведения. Для матери нежелательна длительная недооценка и занижение своего родительского авторитета, так как это развивает тактику ухода от родительских проблем вообще, хотя и облегчает жизнь.

СФЕРА ПОСВЯЩЕНИЯ СЕБЯ СЕМЬЕ И ДОМУ

Вы добились в этой сфере многого, высоко оценивая вклад друг друга. Вы умеете совместно, к обоюдному удовольствию решать домашние дела, считая, что другому они удаются лучше. Симпатию вызывает скромность домашней хозяйки и безусловные качества семьянина.

КОМПЬЮТЕРНЫЙ АНАЛИТИК желает вам умело распорядиться полученной информацией и считает, что ваша семья обладает секретом успеха в разрешении стрессовых ситуаций, в достижении устойчивости брака.

Приложение 6.2

При разработке компьютерного варианта теста по измерению ролевой совместимости супругов учитывалось огромное количество комбинаций, характеризующих различные аспекты взаимоотношений супругов. Прежде всего по числу подтвержденных самооценок выделялось 5 типов пар по степени совместимости супружеских представлений; далее по абсолютной величине дифференциала выделялось 4 группы по качеству исполнения семейных ролей; затем совмещение этих двух групп оценок давало 20 типов супружеских взаимоотношений, каждый из которых характеризовался по степени адекватности самооценок и оценок другого (в зависимости от недооценки или переоценки либо адекватности оценок). Получен-

ные 180 оценок обозначались соответствующими «ярлыками»-описаниями или характеристиками конкретных особенностей взаимоотношений на доступном для понимания респондентов языке.

По каждой сфере ролевых взаимодействий выделялись *А*-мужские самооценки себя в отдельной ролевой сфере, *Д*-мужские оценки жены, *С*-женские самооценки и *В*-женские оценки мужа. По интеракциям *А-В* и *С-Д* определялась степень (не)подтверждения самооценок, в сочетании с 5 типами абсолютных значений дифференциалов выявлялось 9 типов взаимных ролевых представлений супругов или 9 типов фактического исполнения данной роли. Например, по сфере родительских ролей отец-мать уровень самооценок и оценок другого (при максимальном значении 15,0) был следующим:

- 1) 0–0,59 — очень высокая самооценка или оценка другого;
- 2) 0,60–0,99 — высокая самооценка или оценка другого;
- 3) 1,0–1,69 — удовлетворительная самооценка или оценка другого;
- 4) 1,70–2,89 — низкая самооценка или оценка другого;
- 5) 2,90–4,99 и выше — очень низкая самооценка или оценка другого.

При сопоставлении по вышевыделенным 5 группам самооценок мужа и жены с оценками их в родительской роли женой и мужем возможны нижеследующие 9 типов фактического выполнения родительской роли:

Самооценки *А* и оценки *В*, также самооценки *С*
и оценки *Д* при сочетаниях

1, 2 больше или равно	1, 2 дают ++ ролевой консенсус, адекватность самооценки и ее подтверждение;
1, 2 меньше	3 дают +у ролевой диссонанс, завышение Я;
1, 2 меньше	4, 5 дают += конфликт переоценки Я и недооценки супруга;
3 больше	1, 2 дают у+ диссонанс занижения Я;
3 равно	3 дают уу адекватную самооценку на уровне «золотой середины»;
3 меньше	4, 5 дают у= диссонанс завышения Я;
4, 5 больше	1, 2 дают =+ занижение Я и завышение супруга;
4, 5 больше	3 дают =у отрицание компл экса неполноценности, диссонанс занижения Я;
4, 5 равно	4, 5 дают == ролевой конфликт, адекватность самооценок

Следует отметить, что подтверждение «хороших» самооценок говорит о высоком качестве взаимоотношений по данной роли, о совместимости. С другой стороны, взаимное совпадение оценок и самооценок на «плохом» уровне свидетельствует о конфликтном

исполнении роли. Неподтверждение «хороших» самооценок — это конфликтность, тогда как неподтверждение плохого есть диссонанс представлений. В одном из компьютерных вариантов теста *A-B*, *C-D* по родительским ролям к 1-й группе были отнесены абсолютные значения 0–1,25, ко 2-й группе 1,26–2,51, к 3-й группе — 2,52 и выше. Вот какие ярлыки приписывались нижеследующим комбинациям значений:

Текст 1 (если в *A-B* любое сочетание из 1-1, 2-2, 2-1, 3-2 и то же самое в *C-D*). «В вашей семье нет никаких проблем с родительскими ролями матери и отца, каждый из вас предъявляет высокие требования к себе и к другому по выполнению родительских обязанностей. Хорошо, что у вас нет желания подчеркивать, что «я, мол, лучше как отец, чем ты как мать», и наоборот, скорее вы оба склонны считать, что это другому удастся лучше». Если же появляется сочетание 1-2 в *A-B* или в *C-D* то в тексте 1 взамен фразы «Хорошо, что...» добавляется следующее: **Текст 1-2**. «Однако у мужа (если в *A-B*) наблюдается склонность завышать свой родительский авторитет, и если не контролировать себя в этом отношении, может усилиться желание подчеркивать свои лучшие способности к родительству». **Текст 1-3**. Если появляется сочетание 3-1 в *A-B* или *C-D*, то взамен фразы «хорошо что» идет «Причем у мужа (если *A-B*) отмечается укрепляющее семью стремление брать на себя вину за общие просчеты, стремление уступать жене родительскую инициативу и не оспаривать ее материнские заслуги».

Текст 2. Если появляется сочетание 1-2 и в *A-B*, и в *C-D*, тогда «Каждый из вас предъявляет высокие требования к себе и к другому по выполнению родительских обязанностей. Отраднo, что ваши родительские качества близки к уровню ваших требований, но все же придется вас огорчить — и у мужа, и у жены взаимная и не очень сильная, но все же склонность подчеркивать свою особую значимость, тенденция все родительские успехи приписывать себе, а не другому, желание настаивать на своем, не уступая в чем-то своей половине. Попробуйте внимательно взглянуть на себя как бы со стороны, постарайтесь не пускать на самотек дестабилизирующие тенденции, контролируйте себя чаще в этом отношении, иначе потенциальный источник разногласий резко повысит температуру семейных взаимоотношений». И далее по родительству таким образом формируется 19 текстов с 3–5 вариациями.

Точно так же проводится работа по остальным 5 ролевым сферам. Затем даются итоговые оценки по всем 6 сферам ролей — создается еще два десятка текстов — от уникального сочетания ++ или == по всем сферам, потом последовательно по пяти сочетаниям

++ или = =, по четырем, трем, двум и одному в сочетании с остальными комбинациями. К примеру, если по трем ролевым сферам гендерных, добрачных и брачных ролей идут любые сочетания + = или = +, а по трем фамилистическим сферам ++, тогда текст может выглядеть следующим образом. **Текст 129.** «Можно поздравить вас — вы типичная стабильная супружеская пара, достигшая взаимопонимания по ключевым аспектам жизни. Есть уверенность, что ваша гармония отношений распространится и на те стороны семейного общения, где пока еще наблюдается разноречие. Тем не менее даже чрезвычайные ситуации не в состоянии разрушить ваше единство в сопереживании другому и в умении прощать друг друга. Вы на верном пути к длительной устойчивости и совместимости в супружеских и лидерских отношениях».

Контрольные вопросы

1. В чем состоит основное отличие социологического подхода к изучению и измерению межличностных отношений в семье от социально-психологического?
2. На какие три части можно подразделить все методы измерения семейных взаимоотношений?
3. В какой мере исследования межличностного восприятия семейных ролей мужем и женой могут представлять ту или иную степень супружеской совместимости?
4. Как осуществляется измерение сходства и различия ролевых представлений супругов?
5. В чем заключаются принципы разработки тестов по измерению ролевой совместимости супругов?

Литература

- Аванесов В.С.* Тесты в социологическом исследовании. М., 1982.
Андреева Т.В. Семейная психология. СПб., 2004.
Альманах психологических тестов. Рисуночные тесты. М., 1997.
Варга А.Я., Дробкина Т.С. Системная семейная психотерапия. СПб., 2001.
Вассерман Л.И., Горькавая И.А., Ромицына Е.Е. Тест: подростки о родителях. М., 1995.
Добрович А., Ясицкая О. Милые бранятся... М., 1988.
Дружинин В. Психология семьи. М., 2000.
Журавлев А. Диалог с компьютером. М., 1987.

- Кроник А. и Кроник Е. В главных ролях: ВЫ, МЫ, ОН, ТЫ, Я. Психология значимых отношений. М., 1989.
- Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1997.
- Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973.
- Обозов Н.Н. Межличностные отношения. Л., 1979.
- Паниотто В.И. Структура межличностных отношений. Киев, 1975.
- Пезешкиан Н. Позитивная психотерапия: семья как психотерапевт. М., 1993.
- Семиотика и искусствометрия / Ред. Ю.М. Лотман, В.М. Петров. М., 1972.
- Шерман Р., Фредман Н. Структурированные техники семейной и супружеской терапии. Руководство. М., 1997.
- Эйдемиллер Э.Г. Методы семейной диагностики и психотерапии. М.; СПб., 1996.
- Берн Э. Трансактный анализ в группе. М., 1994.

ПРИМЕЧАНИЯ

²⁵³ Все приведенные на этих страницах методики взяты из анкеты «Здоровье населения», разработанной под руководством А.И. Антонова в 1985 г. в Институте социологических исследований АН СССР для проведения опросов в России и в католических регионах Западной Украины и в Литве (было опрошено свыше 1000 чел.).

²⁵⁴ Clinical and Social Psychology. Vol. 1. Eds. D. Mangan & W. Peterson. University of Minnesota Press/1982. Ch. 7. P. 365–380.

²⁵⁵ Death Anxiety/A Volume in MSS Series on Attitudes Toward Death/N.Y. 1973. P. 101–132.

²⁵⁶ Mindel С.И. Kinship Relations. – /Clinical and Social Psychology/, p. 187–229.

²⁵⁷ Journal of Marriage and the Family. 1979, 32, p. 143–150.

²⁵⁸ Mangan D. Dyadic Relations. – Clinical and Social Psychology, p. 89–114.

²⁵⁹ Handbook of Research Design and Social Measurement. Ed. D. Miller. Sage Publications. 1983/ p. 490–498.

²⁶⁰ Moreno J. Who Shall Survive? N.Y. 1934; J. Moreno et al., The Sociometry Reader. Free Press. 1959.

²⁶¹ Антонов А.И. Измерение сходства представлений супругов о внутрисемейных ролях друг друга // Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга. Краснодар, 1975.

²⁶² Nunnally J. Introduction to Psychological Measurement. N.Y.-London. 1970. P. 440.

²⁶³ Журавлев А. Диалог с компьютером. М., 1987. (Глава «Синтаксис любви»).

²⁶⁴ Антонов А.И. Взаимоотношения супругов и репродуктивное поведение семьи // Семья и дети. С. 71.

Заключение

В настоящее время социология и демография семьи изучаются на факультетах социальных наук и являются неотъемлемым атрибутом подготовки социологов, психологов, экономистов и социальных работников, т.е. широкого круга специалистов, связанных с исследованием и разрешением сложных и острых проблем социальной сферы. Значение этих дисциплин будет возрастать по мере поворота общественного мнения к последствиям современной демографической ситуации и кризиса института семьи, к необходимости активной семейной и демографической политики.

Настоятельной окажется потребность в научной экспертизе решений, принимаемых на всех уровнях социального управления — федеральном, региональном и локально-территориальном. Важность для общества адаптации к условиям убыли населения (депопуляция в России началась в 1992 г.) и институционального упадка семьи заставит обратиться к информации об изменении пропорций брачно-семейной и демографической структур. Сбор, обработка и интерпретация подобной информации будут обязательными для эффективной деятельности государственных, коммерческих, общественных и других организаций.

Привычными станут словосочетания «демографический и семейный менеджмент», «демографический консалтинг», «фамилистическая экспертиза» и т. д. Среди популярных окажутся такие дисциплины, как, например, прикладная фамилистика, социально-демографическое прогнозирование, социология нового семейного жилища, демографикс, микроэкономика семьи и домохозяйства и особенно микросоциология семьи. Данная книга — всего лишь введение в будущую дисциплину, которая органично соединит инструментальный подход с феноменологическим, социологическое объяснение с пониманием, методологию исследования с теорией изучаемых микрообъектов.